

КАЗАХСТАН В САКСКУЮ ЭПОХУ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х.МАРГУЛАНА
КОМИТЕТА НАУКИ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

КАЗАХСТАН В САКСКУЮ ЭПОХУ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

**Алматы
2017**

УДК 902/904 (574)

ББК 63.4 (5каз)

К 14

Ответственный редактор: А. З. Бейсенов

Рецензенты:

В. В. Евдокимов, д. и. н., профессор

К. С. Алдажуманов, к. и. н., профессор

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии имени А. Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

К 14 **Казахстан в сакскую эпоху.** Коллективная монография. Алматы: Институт археологии им. А.Х.Маргулана, 2017. 228 с, 16с. илл.

ISBN 978-601-7312-75-6

В коллективной монографии даны материалы и обобщения по исследованию памятников сакского времени Казахстана. В восьми главах книги собраны данные по сакской эпохе, которые знакомят читателя с историей открытий и изучения памятников в разных регионах, показывают особенности исследования социальной структуры и общественных отношений у древних племен, характеризуют археологические культуры Сарыарки, Казахского Алтая, Жетысу, Приаралья, демонстрируют сегодняшние требования и некоторые достижения в области сохранения и реставрации археологических артефактов.

Книга будет интересна историкам, археологам, кругу специалистов смежных дисциплин, студентам вузов и всем тем, кому дорого историко-культурное наследие нашей Родины.

Издание осуществлено в рамках Гранта Комитета науки Министерства науки и образования по теме «Сарыарка в системе культур раннего железного века степной Евразии»

УДК 902/904 (574)

ББК 63.4 (5каз)

ISBN 978-601-7312-75-6

© Бейсенов А.З., Бедельбаева М.В., Хабдулина М.К.,
Самашев З., Ермолаева А.С., Джумабекова Г.С.,
Базарбаева Г.А., Лукпанова Я.А., Курманкулов Ж.,
Утубаев Ж.Р., Алтынбекова Э.К., 2017

© Институт археологии им. А.Х.Маргулана, 2017

© Научно-исследовательский центр истории
и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сакская эпоха на территории Казахстана представлена яркими культурными сообществами, многочисленные и разнотипные памятники которых найдены и исследованы повсеместно в таких регионах, как обширная холмисто-увалистая, низкогорная Сарыарка, растянувшаяся от северной границы страны до серединной Бетпақдалы и Чу, горно-долинные Казахский Алтай и Жетысу, маловодные степи и пустыни Приаралья. На этих землях с удивительной природой и неповторимой красотой, начиная с раннесакской эпохи развивались археологические культуры.

Известны многочисленные погребальные памятники этих культур, в том числе яркие, давшие важные, порою уникальные, материалы комплексы, такие, как Бесшатыр, Чиликты, Берел, Жалаулы, Уйгарак, Талды-2 и др. Богатейшая научная информация из этих памятников давно стала достоянием мировой науки. Известны петроглифы сакского времени, начинает разрабатываться интересная, и надо особо отметить, многообещающая тема поселений сакского времени. Стали известны каменные изваяния сакского времени.

В книге показаны новейшие данные в Центральном Казахстане, представлены некоторые итоги работ по Северному Казахстану, публикуются материалы могильников Маймер и Тарасу в Восточном Казахстане. Обзор исследований по Жетысу показывает необходимость усиления внимания на ряд нерешенных задач и аспектов. Некоторые результаты новых исследований на Чирик-рабате, в том числе открытие обжигательных горнов местных гончаров, начало работ на жилищных комплексах, на основании конкретного круга материалов уже ставят важные и актуальные задачи на ближайшие перспективы. Отмечается этногенетическая связь памятников раннесарматского («савроматского») времени западного Казахстана с культурой приаральских саков, что явно актуализируется в наши дни, причем на новейших материалах. Культуру «ранних сармат» Западного края (раннесарматская археологическая культура, которую, возможно, следовало бы назвать елекской, по месту раскопок М.К.Кадырбаева и Ж.Курманкулова), видимо, нельзя отделять от «сакского массива» остальной части Казахстана, ставя некое «этническое» разграничение.

Благодаря усилиям широко известного как в нашей стране, так и за ее пределами специалиста К.Алтынбекова, много лет работавшего по замечательным материалам могильника Берел, получило развитие такое направление, как реставрация археологических артефактов.

Одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед специалистами по раннему железному веку Казахстана, является создание в ближайшее время новой хронологической шкалы этой эпохи, выполненной с широким применением методов естественнонаучных дисциплин, в том числе данных радиоуглеродного анализа, денрохронологии. Для этого необходимо объединение усилий многих специалистов, работающих в разных регионах. Экспедиция на курганы Берел, по части как организации, так и полученных результатов, продемонстрировала возможности и преимущества «ставки» на мультидисциплинарный подход. Вместе с тем, это - требования сегодняшней науки. Работы, проделанные и продолжающиеся в Казахском Алтае, для учреждений и специалистов, изучающих сакскую эпоху, в любом случае остаются как образец современных археологических исследований. Дело не в наличии или отсутствии «мерзлоты» в других регионах.

Таким образом, в предлагаемой монографии, подготовленной коллективом специалистов-археологов, приведены материалы и исследования, сделаны обобщения. Свою главную цель авторы видели в некоторой систематизации накопленных данных, поэтому книга, которую держит в руках читатель, представляет довольно скромные результаты начатой авторами разработки по этой теме.

Книга написана следующими авторами: Предисловие – А.З.Бейсенов, Глава I – А.З.Бейсенов, М.В.Бедельбаева; Глава II – М.К.Хабдулина; Глава III – А.З.Бейсенов; Глава IV – З.Самашев, А.С.Ермолаева, Г.С.Джумабекова; Глава V – Г.А.Базарбаева; Глава VI – Я.А.Лукпанова; Глава VII – Ж.Курманкулов, Ж.Р.Утубаев; Глава VIII – Э.К.Алтынбекова.

Иллюстрации к Главе III подготовлены Д.С.Джанабаевым, И.К.Ахияровым, Д.Б.Дуйсенбаем, Н.Джуманазаровым; к Главе IV – А.Иманбековой, Е.В.Дубягиной. Авторы выражают признательность всем коллегам за оказанные помощь и содействия в издании этой книги.

А.З.Бейсенов

ГЛАВА I

САКСКАЯ ЭПОХА КАЗАХСТАНА. ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА

Исследование памятников сакского времени

Изучение памятников раннего железного века являются одним из важнейших направлений археологической науки Казахстана. Становление и развитие археологии в Казахстане связано с организацией и открытием Академии Наук в 1946 г. Не только в открытии Академии Наук, но и в деле организации первых ее научных учреждений, комплектовании кадров, становлении всей науки в республике огромна заслуга выдающего ученого, геолога, академика Каныша Имантаевича Сатпаева. Он был человеком, увлеченным древними памятниками, археологией. С его именем связана организация первой академической археологической экспедиции в стране – Центрально-Казахстанской (ЦКАЭ), руководителем которой был Аликей Хаканович Маргулан [Бейсенов, 2015а]. Один из крупнейших исследователей памятников Казахстана, археолог Сергей Сергеевич Черников так оценил отношение К.И.Сатпаева к археологической науке Казахстана: «Первым археологом-казахом по праву должен считаться К. И. Сатпаев, собравший ценные сведения по древним выработкам Джезказгана и составивший сводку археологических памятников этого района» [цит. по: Черников, 1950, с. 64].

Буквально недавно обнаружен интересный документ, проливающий свет на дату создания, по-видимому, самой первой в Казахстане археологической группы. Как явствует документ, это случилось гораздо раньше появления Академии, и здесь всплывает имя ученого, историка, видного общественного деятеля, профессора Санжара Жафаровича (Сейтжапаровича) Асфендиярова.

С.Ж.Асфендияров, заместитель председателя Президиума Казахского филиала АН СССР, руководитель Казахского научно-исследовательского института национальной культуры, в 1936 г. назначается заведующим сектором истории Казахского филиала. Это происходит в процессе слияния указанного института с Казахским филиалом. В 1936 г.

в секторе истории после перевода С.Ж.Асфендиярова в качестве его заведующего, появляется новая единица под названием – «Группа археологов». Руководителем группы назначается Борис Николаевич Дублицкий [Научный Архив «Гылым ордасы», ф. 1, оп. 1, д. 345, л. 2; 17], известный к тому времени ученый зоо-географ, бывший хранитель Жетысусского губернского музея, преподаватель естествознания в школе. Б.Н.Дублицкий, единственный сотрудник в Группе археологов, выезжал на исследования в окрестности Алматы, в ряд других мест, с некоторыми другими сотрудниками этого же сектора истории. Вскоре как С.Ж.Асфендияров, так и Б.Н.Дублицкий были арестованы, первый - в 1938 г., расстрелян, второй – в 1940 г., осужден на 8 лет.

1946 год – знаменателен для археологов не только открытием Академии и ЦКАЭ. Благодаря связям А.Х.Маргулана, хорошо знавшего многих ученых в Москве и Ленинграде, возвратившимся из ИИИМК всего лишь в 1938 г. благодаря ходатайству Казахского филиала, начиная с 1946 идет комплектация его сектора научными кадрами. Уже в 1946 г., летом, прибывает выпускница МГУ Анна Георгиевна Максимова, будущий крупный специалист по эпохе бронзы и раннему железному веку Казахстана. Еще одна выпускница МГУ этого же года Таисия Николаевна Сенигова, также много сделавшая в археологии Казахстана, прибывает к концу этого же года. В секторе уже работала Е. Ю. Спасская, в начале 1947 г. начала свою работу Евгения Ивановна Агеева. Все четверо появились в секторе археологии благодаря А.Х.Маргулану.

ЦКАЭ летом 1946 г., проводит первые исследования в Центральном Казахстане. Начальник экспедиции – А.Х.Маргулан, его заместитель – Г.И.Пацевич. В эти годы в Центральном Казахстане изучаются первые памятники раннего железного века, проводятся обширнейшие разведки, фиксируются первые группы курганов с «усами». Участвуют в составе экспедиции Кималь Акишевич Акишев, Абдулманап Медеуович Оразбаев. К середине 1950-х гг. в составе ЦКАЭ начинает свои первые исследования молодой, начинающий ученый Мир Касымович Кадырбаев, который в 1957 г. возглавляет Отряд по изучению раннего железного века, - в составе ЦКАЭ. Уже к концу 1950-х гг. накоплен первый круг источников по раннему железному веку Центрального Казахстана. В июне 1959 г. М.К.Кадырбаев выезжает через Караганду в район побережий реки Шидерты, где намечено строительство большого и важного народнохозяйственного объекта – канала Иртыш-Караганда. В июле 1959 г. М.К.Кадырбаев вскрывает первый курган на могильнике Тасмола-1. В декабре этого же года он защищает кандидатскую диссертацию. Далее – продолжается работа на Шидерты. В 1966 г. он обосновывает новую культуру сакского времени – тасмолинскую. Тасмола – первая археологическая культура раннего железного века, исследованная и открытая силами казахстанских ученых. Вторая после маймерской, выделенной в качестве этапа М.П.Грязновым, а в качестве самостоятельной культуры - С.В.Киселевым, в 1947 г. [Киселев, 1947].

В сентябре 1947 г. организовывается вторая экспедиция в системе Академии – Южно-Казахстанская. Начальник экспедиции – А.Н.Бернштам, его заместитель – Е.И.Агеева. Впоследствии видный специалист по раннему железному веку Г.А.Кушаев работает в Институте истории, археологии и этнографии уже в 1946 г., в 1947 г. он уже выезжает на полевые исследования в составе ЮКАЭ. Третья экспедиция, Восточно-Казахстанская, под руководством С.С.Черникова в 1947 г. проводит археологические

разведки и раскопки памятников разных эпох [Омаров, 2014, с. с. 21-22], в следующем, 1948 г., изучает памятники в районе сел Кулажорга и Баты [Там же, с. 22]. В 1949 г. С.С.Черников в ходе работ этой экспедиции фиксирует 113 могильников, основная масса которых относится к эпохе раннего железа, в том числе, открывает знаменитый могильник Чиликты. В этом же году, ходе раскопок на этом могильнике, в кургане №7, содержащем ограбленную дромосную могилу, находят золотые украшения в виде оленя, орла [Черников, 1951]. Исследования С.С.Черникова памятников раннего железного века и в дальнейшем были плодотворно продолжены, в 1960 г. исследуется курган №5, давший уникальные находки раннесакской культуры.

К.А.Акишев, защитивший в 1953 г. в Ленинграде кандидатскую диссертацию, в 1954 г. организовывает Илийскую экспедицию, которая начинает работать в зоне затопления Капчагайской ГЭС. Результатом работ Илийской экспедиции, ставшей затем Семиреченской, является открытие и исследование знаменитых курганов Бесшатыр. В 1969-1970 гг. осуществляется открытие памятника всемирного значения – кургана Иссык, давшего «Золотого человека». Важное значение имело издание в 1960 г. Археологической карты Казахстана, подытожившей результаты первых 15 лет. В Карте были обозначены многочисленные пункты концентрации памятников раннего железного века.

К концу «прорывных» 70-х гг., на территории Казахстана в целом хорошо обозначились ареалы археологических культур, показанных в разделе раннего железного века I тома «Истории КазССР» (1977 г.) такими широко известными специалистами, как К.А.Акишев (Семиречье и Южный Казахстан), М.К.Кадырбаев (Центральный Казахстан; Западный и Северный Казахстан; Восточный Казахстан) и М.А.Итина (Восточное Приаралье). К этому времени основные материалы региональных культурных образований Казахстана были опубликованы, обоснованы хронологическо-периодизационные схемы. Введение их в научный оборот уже обеспечило обсуждение их в научных кругах. Это был результат, и неплохой. Если учесть малочисленность основных кадров в республике, относительно малые сроки, - 30 лет с начала организации археологической службы. Конечно, эта работа была выполнена с участием многих специалистов из других республик, в особенности, из РСФСР. Помимо академических ученых Казахстана, в осуществлении этого прорыва сыграли свою роль и ВУЗовские археологи, а также и сотрудники областных организаций, музеев.

Безусловно, в становлении и развитии археологии раннего железного века Казахстана сыграли выдающуюся роль открытие ярких памятников, таких как, Бесшатыр и Иссык в Жетысу, Тасмола в Центральном Казахстане, Чиликты в Восточном Казахстане, Бесоба и Сынтас на р. Елек в Актюбинской области, Уйгарак и Тагискен (Тугискен) в Восточном Приаралье. Одних раскопок, как известно, мало. Яркие и вдумчивые публикации К.А.Акишева, С.С.Черникова, М.К.Кадырбаева, А.М.Оразбаева, О.В.Вишневской и многих других профессиональных археологов, обеспечившие успешное введение в научный оборот новых материалов раннего железного века, обогатили археологическую науку Казахстана, составив ее «золотой фонд». Благодаря замечательным и своевременным публикациям материалов состоялось научное обсуждение новых данных, принятие результатов казахских исследователей в номенклатуру союзной археологии. Это очень

важно. Негативные тенденции, а затем и кризисные явления в археологии (как и в другой науке) всегда связаны с отсутствием широкого научного обсуждения, свободного поля общения, не превращенного в сухую и бесполезную формальность.

В суверенном Казахстане археологическая наука получила свое дальнейшее развитие. В этом плане, стоит особо отметить роль Государственной Программы «Культурное наследие», инициированной президентом страны. Благодаря этой Программе археологическая наука в Казахстане в последние 15 лет приобрела, можно сказать, новые ритмы. К настоящему времени в Казахстане получен значительный объем новых археологических источников, в том числе и по раннему железному веку.

Новые материалы из таких ярких памятников, как Берел, Чиликты, Жалаулы, Талды-2, Таксай и многих других поставили сложную задачу нового осмысления многих аспектов по сакской тематике. Открываются новые типы памятников, например, поставлен на повестку дня вопрос о поселениях, открытых повсеместно на территории Казахстана. Вместе с тем, новые ритмы науки в современных условиях вскрывают и некоторые слабые стороны. Отсутствие достаточного числа отечественных лабораторий, сложность работы с зарубежными центрами в настоящее время явно задерживают процесс обработки археологических материалов методами естественных наук, столь нужных в современных условиях развития археологии. Междисциплинарные исследования в археологии Казахстана, в том числе и в сакской археологии, в такой обстановке не могут проводиться достаточно успешно. Как следствием этого, является, в частности, замедленность темпов создания новой хронологической колонки по раннему железному веку Казахстана.

З.Самашевым в 1997 г. была начата организация новых исследований памятников сакского времени на Казахском Алтае. Следует особо отметить, что помимо хорошей организации и значительного объема полученных результатов, экспедиция на могильнике Берел знаменита организацией мультидисциплинарных исследований. З.Самашеву, начальнику экспедиции, за короткий срок удалось объединить усилия представителей многих научных отраслей. Это были специалисты по археозоологии, антропологии, 14С анализам, дендрохронологии, почвоведению, по изучению сейсмологии и мерзлоты, архитектуре, этнографии и т.д. Вопросами сохранения и реставрации излеченных из могил останков людей и животных, а также многочисленных предметов занимался видный специалист-реставратор Крым Алтынбеков. Экспедиция работала непрерывно, за эти годы в ней, как в полевых исследованиях, так и в лабораторных изысканиях, участвовало большое количество известных специалистов из научных учреждений Казахстана, Российской Федерации, Франции, Бельгии, Италии и др. стран. Алтайская экспедиция работает и поныне, ее можно считать образцом, примером для организации археологических исследований в условиях современных требований науки.

Обсуждение дискуссионных вопросов скифо-сакских обществ

Интерес мировой научной мысли к номадизму не ослабевает в течение многих десятилетий, о чем свидетельствуют непрекращающиеся дискуссии целого ряда специалистов, которые под разными углами зрения в зависимости от решаемых проблем рас-

сма­три­ва­ют во­про­сы со­ци­аль­но-по­ли­ти­че­ской ис­то­рии об­ществ ски­фо-сак­ско­го ми­ра. С 1957 г. под эги­дой Ю­НЕ­С­КО про­во­ди­лось мно­го­сто­рон­нее изу­че­ние ари­дной зо­ны, на­уч­ные ре­зуль­та­ты ко­то­ро­го бы­ли опуб­ли­ко­ва­ны в из­да­нии «Се­рия ис­сле­до­ва­ний ари­дной зо­ны». Ва­ж­ны­ми ве­ха­ми в раз­ви­тии ко­чев­ни­ко­ве­де­ния ста­ли ме­ж­ду­на­род­ные ар­хе­о­ло­гические и эт­но­гра­фические фо­ру­мы уч­е­ных, где про­ис­хо­дил об­мен м­не­ния­ми по раз­лич­ным про­бле­мам те­о­рии и ис­то­рии но­ма­диз­ма. В пе­ри­од 60-70-х гг. XX в. они со­сто­я­лись в раз­ных стра­нах и го­ро­дах: Мос­ква (VII, 1964 г.), То­ки­о (VIII, 1968 г.), Чи­ка­го (IX, 1973 г.). В 1973 г. в г. У­лан-Ба­тор (Мо­н­го­лия) про­шел ор­га­ни­зо­ван­ный Ю­НЕ­С­КО сим­по­зи­ум «Ро­ль ко­че­вых на­родов в ци­ви­ли­за­ции Цен­тральной А­зии».

На Все­со­юз­ном со­ве­ща­нии «Ран­ние ко­чев­ни­ки Сред­ней А­зии и Ка­зах­ста­на», про­ве­ден­ном в 1975 г. в Ле­нин­град­ском от­де­ле­нии ИА АН СССР, бы­ло от­ме­че­но, что в ка­зах­стан­ской ар­хе­о­ло­гии на­правле­ние, изу­ча­ю­щее ран­не­ко­чев­ни­че­ские ком­плек­сы, с­фор­ми­ро­ва­лось в спе­ци­а­ли­зи­ро­ван­ную от­расль ис­то­ри­че­ских зна­ний [Ран­ние ко­чев­ни­ки..., 1978].

Ва­ж­ное зна­че­ние име­ло в раз­ви­тии Ев­разий­ской ски­фо­ло­гии про­ве­де­ние в 1979 г. в г. Ке­ме­ро­во, на ба­зе Ке­ме­ро­вско­го Го­су­дар­ствен­но­го Уни­вер­си­те­та, Все­со­юз­ной ар­хе­о­ло­гической кон­фе­рен­ции «Ски­фо-си­бир­ское ис­то­ри­ко-куль­тур­ное еди­нство» [Про­бле­мы ски­фо-си­бир­ско­го..., 1979; Ски­фо-си­бир­ское..., 1980].

В 1987 г. в г. Ал­ма-А­те со­сто­я­лась Ме­ж­ду­на­род­ная кон­фе­рен­ция «Вза­имое­дей­ствие ко­че­вых куль­тур и древ­них ци­ви­ли­за­ций». В са­мом на­зва­нии, на наш взгляд, мож­но ус­мо­треть опре­де­лен­ное ука­за­ние, сви­де­тель­ст­вую­щее о про­ти­во­пос­та­вле­нии бо­лее низ­ко­го уров­ня раз­ви­тия куль­тур но­ма­дов бо­лее вы­со­кой ци­ви­ли­за­ци­он­ной зна­чи­мо­сти древ­них зем­ле­дель­че­ских об­ществ. Ос­нов­ной тезис, от­ра­жа­ю­щий ме­то­до­ло­гическую по­зи­цию бо­ль­шин­ства вы­сту­па­ю­щих, вы­гля­дел так: вза­имое­дей­ствие ко­че­вых куль­тур с древ­ними ци­ви­ли­за­ци­ями «... пред­став­ле­но куль­тур­но-тех­ни­че­скими за­им­ст­во­ва­ния­ми, име­ю­щими пре­иму­щес­твенно од­но­сто­рон­нюю на­прав­лен­ность... с юга на се­вер» [Вза­имое­дей­ствие..., 1987, с. 4]. В э­том кон­тек­сте в со­вет­ской нау­ке и про­ис­хо­ди­ло изу­че­ние но­ма­диз­ма как хо­зяй­ствен­но-куль­тур­но­го ти­па ко­че­во­го ското­вод­ства и об­ра­за жи­зни на­родов об­ши­ро­го поя­са ев­разий­ских сте­пей в I тыс. до н.э.

Уг­луб­лен­ный ана­лиз ар­хе­о­ло­гических дан­ных спо­соб­ст­во­вал по­став­ке но­вых про­бле­м по опре­де­ле­нию уров­ня ста­ди­аль­ной сло­ж­но­сти древ­них об­ществ ко­чев­ни­ков, что бы­ло об­суж­де­но на Все­со­юз­ной кон­фе­рен­ции по во­про­сам со­ци­аль­ных от­но­ше­ний у ран­них ко­чев­ни­ков, ко­торая со­сто­я­лась в 1989 го­ду в Ке­ме­ро­вско­му го­су­дар­ствен­но­му уни­вер­си­те­те [Про­бле­мы ар­хе­о­ло­гии..., 1989]. В на­уч­ных ста­тьях, опуб­ли­ко­ван­ных в ма­те­ри­а­лах кон­фе­рен­ции, рас­сма­три­ва­лись со­ци­аль­ная струк­ту­ра и об­щес­твен­ные от­но­ше­ния ски­фо-си­бир­ско­го ми­ра.

В де­ка­бре 1994 г. в г. Санкт-Пе­тер­бург со­сто­я­лся «Кру­глый стол», ини­ци­и­ро­ван­ный в рам­ках про­ек­та «Ски­фо-Си­би­рика» и по­свя­щен­ный э­лит­ным па­мят­ни­кам ски­фо-си­бир­ско­го ми­ра. Он бы­л ор­га­ни­зо­ван с це­лью об­суж­де­ния про­бле­м, свя­зан­ных с изу­че­нием по­гре­баль­ных ком­плек­сов ко­чев­ни­че­ской знати и опре­де­ле­ния их ме­ста в ис­то­ри­ко-куль­тур­ном кон­тек­сте ски­фо-сар­мат­ской эпо­хи сте­пей Ев­разии. В на­уч­ном со­ве­ща­нии при­ня­ли уча­стие и ка­зах­стан­ские ар­хе­о­ло­ги (К.А. Аки­шев, В.А. Гро­шев, З.Са­ма­шев, Р. Ис­ма­гил, А.З. Бей­се­нов, Ж. Же­ти­ба­ев,), пред­ставив ана­лиз ма­те­ри­а­лов из па­мят­ни­ков

Северного Тянь-Шаня, Центрального Казахстана, Арало-Каспийских степей и Семиречья. Рассматриваемая проблема выделения элитных объектов среди курганных могильников позволила сфокусировать внимание на широком спектре вопросов: место возведения памятника и его планиграфия, особенности природного и культурного ландшафта, конструктивные особенности наземного и внутримогильного сооружений, количественные и качественные характеристики предметного комплекса, сложность прослеживаемых обрядовых действий, объем трудовых затрат на возведение погребального сооружения [Элитные курганы..., 1994].

Международная научно-практическая конференция «Жречество и шаманизм в скифскую эпоху», проведенная в г. Санкт-Петербург, показала, что заявленная тематика является предметом достаточно интенсивных дискуссий [Жречество и шаманизм..., 1996]. Проблема выделения страты служителей культа в скифо-сакском социуме стала объектом внимания для целого ряда исследователей и имеет очевидный прогресс, получив положительную динамику благодаря этой конференции [Дашковский, 2002; 2003; 2009 и др.].

В условиях преодоления формационного монизма, смены политических и идеологических приоритетов кочевничество стало рассматриваться с точки зрения цивилизационного подхода и евразийской парадигмы. Теоретические проблемы и новые методологические подходы к социальной интерпретации археологических источников составили круг рассмотренных вопросов на Всероссийских конференциях «Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация» (г. Кемерово) и «Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири» (г. Барнаул).

Социальная интерпретация археологических источников раннего железного века продолжает интересовать специалистов, дискуссионной площадкой для которых стали сибирские конференции первого десятилетия XXI в. [см. подробнее: Тишкин, Серегин, 2015, с. 29-30]. На основе конкретизации отдельных проблем и привлечения материалов различных источников концепции политогенеза древних и средневековых кочевников обобщены и нашли отражение в солидных коллективных монографиях российских коллег [Социальная структура..., 2005; Элита в истории..., 2015]. В этой связи, нельзя не отметить заметную научную и издательскую активность по рассматриваемой тематике ряда российских научных центров, в том числе, барнаульской археологической школы.

В г. Махачкале в 2013 г. был проведен семинар на тему «Раннегосударственные образования и «княжеские» культуры на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья». Тематика симпозиума напрямую на касалась вопросов скифо-сакских образований. Тем не менее, на семинаре прозвучал ряд актуальных вопросов, например, обсуждалась тема применения материалов поселений для фиксации социальной стратификации обществ [Мастыкова, 2014].

В 2014 г. в Институте археологии РАН (Г. Москва) состоялась конференция «На пороге цивилизации и государственности (по археологическим и иным источникам)». Вопросы «вождества», «раннего государства» и многие другие аспекты содержательного теоретического обзора «Основные закономерности происхождения государства» Н.Н.Крадина [2015] закономерно актуальны для археологов, занимающихся изучени-

ем обществ сакской эпохи. А.А. Тишкин. (Алтайский Государственный Университет, Барнаул) выступил с темой «О становлении государственности у кочевников Алтая скифо- сакского времени» [Тишкин, 2014].

В Казахстане в составе Института археологии им. А.Х. Маргулана активно работали отдел первобытной археологии (руководители К.А.Акишев, З.Самашев, Ж.Курманкулов), затем отдел по изучению памятников раннего железного века и древнего искусства (рук. З.Самашев) и группа по изучению истории ранних кочевников (рук. А.З. Бейсенов). Их деятельность позволила не только расширить источниковую базу сакской археологии, когда в результате раскопок были получены сенсационные материалы из курганов Казахского Алтая, Семиречья, Северного, Центрального и Западного Казахстана, но и систематизировала комплекс исследовательских подходов, расширив исторический, предметный и пространственно-географический диапазон изучения общества ранних кочевников.

Многоплановые дискуссии по ключевым научным проблемам, к которым относятся социо- и политогенез ранних кочевников, находят отражение в проведении научных конференций международного и республиканского уровней. Проблемы социально-политической организации сакского общества обсуждаются археологами на ежегодно проводимых конференциях «Маргулановские чтения», «Кадырбаевские чтения», «Оразбаевские чтения», демонстрируя тенденции дальнейшей интеграции научного познания и возрастания роли междисциплинарных исследований. В г. Астана на международной конференции «Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи» [Номады..., 2008] и на «Круглом столе» с международным участием «Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии», состоявшемся в г. Караганда в ноябре 2011 г., в ряде докладов (З. Самашев, А. Бейсенов, А. Толеубаев, А. Онгар, А. Наглер, Ю. Болтрик, Н. Боковенко и др.), рассматривая источниковый материал археологии в качестве основной платформы исторических реконструкций раннего железного века Казахстана, были озвучены вопросы моделирования социальной структуры сакского общества, отраженного в погребальной обрядности [Сакская культура..., 2011].

Теоретико-методологические подходы к изучению власти и ее символов у номадов рассматривались на международной конференции, проведенной в Институте истории и этнологии им. Ч. Валиханова (2 июня 2016 года, г. Алматы) [Эволюция института..., 2016], демонстрируя стремление ученых к достижению общего понимания в вопросах эволюции института власти и его особенностей в истории Казахстана и сопредельных государств.

Исходя из анализа тематики и материалов таких конференций, можно сделать вывод, что со второй половины XX века в исторических исследованиях о кочевниках начинают активно разрабатываться узловые вопросы о социальной стратификации, формационной принадлежности кочевого общества. В трудах археологов, предметом исследования которых стало скифско-сакское общество, вопросы общественного строя номадов стали рассматриваться несколько позже, что было связано с трудностями методики социологических реконструкций на базе археологических данных.

Вопросы изучения социальной стратификации сакского общества

При анализе социально-политического устройства и реконструкции социальной структуры общества саков использование археологического материала продолжает оставаться первостепенным. Однако, сущность воссозданных моделей становится понятной лишь при условии тесного контакта с этнографией, изучающей функционирующие общества первобытной формации. В целях реконструкции социально-политической структуры сакского общества необходимо использовать материалы, относящиеся к народам, расположенным на более близком уровне общественного и культурного развития. Согласно данным этнографии, важное значение для археологических социологических построений имеют следующие тезисы:

1. Общественное положение человека фиксируется в поведении членов общины при погребальной церемонии и проявляется в овеществленных результатах, отражая количество и состав лиц, признающих свою связь с умершим;

2. Затраты труда на обеспечение жизнедеятельности (величина и сложность жилища, его защищенность, уровень питания и благоустройство быта) обнаруживают статус членов общины. Следовательно, положение индивидуума может быть определено оценкой его доступа к пище, богатству, комфорту, престижным занятиям и другим факторам общественной жизни.

Началом качественных изменений в области палеосоциологических реконструкций общества древних кочевников является середина 70-х гг. XX в. Они связаны с восприятием отечественной археологией и советской исторической наукой идеей структурализма. Провозглашение В.М. Массоном возможности широких реконструкций социальных структур по данным погребальных памятников само по себе стимулировало интерес специалистов к изучению проблем социальной стратификации древних обществ [Массон, 1976].

Памятники сакской культуры являются, с одной стороны, весьма перспективными для социальных реконструкций древних обществ кочевников в силу больших масштабов курганного строительства, «пышности» обрядов захоронения и многообразия их вариаций. С другой стороны, возникают большие трудности в интерпретации этих материалов по трем главным направлениям:

1. Определению общей стадии социального развития;
2. Степени соответствия материальных затрат общества на погребения и сакральную деятельность его реальному благосостоянию;
3. Хронологической адекватности отражения в археологических памятниках социальной жизни.

Источниковый материал, полученный в ходе исследований сакских памятников Казахстана в 50-х гг. XX в. – начале XXI в. (М.П. Грязнов, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, С.С. Черников, А.Т. Толеубаев, З.С. Самашев, М.К. Хабдулина, А.К. Акишев, А.З. Бейсенов, Ж.Е. Смаилов, М.Н. Сдыков, А.А. Бисембаев, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева, Г.К. Омаров, Я.А. Лукпанова, А. Онгар, М. Сейткалиев и др.), позволил ученым выйти на уровень реконструкции общественных отношений. Учитывая дискуссионность основных проблем социогенеза, чрезвычайно важно использовать весь комплекс

археологических материалов, учитывая природно-экологические условия, систему хозяйства, роль освоения металла, развитие обмена и торговли, демографический и политический факторы.

Сложность в использовании археологических материалов для социологических реконструкций заключается во фрагментарности этого источника как явления, а также в неполноте исследования памятников, на что в научной литературе неоднократно обращалось внимание.

Сложнейшая теоретическая проблема – социально-политическая организация ранних кочевников и ее конкретные формы – могут быть изучены только с учетом использования письменных источников. Однако, отсутствие достаточно полных письменных свидетельств приводит к сложности идентификации структур власти, форм господства и ведущих социальных групп.

В силу вышеперечисленного вполне понятна сдержанность ученых относительно социально-исторических толкований археологических памятников сакской эпохи Казахстана.

В русле марксистской идеологии разработка методики палеосоциологических реконструкций скифо-сакских социумов происходила довольно сложно и привела к тенденции принижения уровня их социально-экономического и политического развития, что прослеживается в работах исследователей середины XX в. Тем не менее, комплексный подход в области социальных реконструкций обществ ранних кочевников Евразии на основе археологических, этнографических, антропологических данных и письменных источников получил развитие в работах крупнейших исследователей XX в. Б.Н. Гракова, М.П. Грязнова, С.В. Киселева, С.И. Руденко, К.Ф. Смирнова, К.А. Акишева, а также многочисленных специалистов из поколения их учеников.

Следует отметить, что ряд задач и аспектов, касающихся обществ древних и поздних кочевников были озвучены в свое время историками, этнографами, археологами в рамках скифской тематики. Горно-алтайские открытия дали мощную основу для разработки вопросов относительно обществ «азиатских скифов». Не менее значимые открытия казахстанских ученых, таким образом, имели своих предшественников, методические подходы исследователей применялись и демонстрировались с учетом первоначальной, формирующейся, методико-методологической базы. Вместе с тем, в настоящее время нельзя сказать, что за прошедшее время все трудности преодолены и на многие сложнейшие вопросы теоретического плана есть ответы. Как было указано выше, нельзя забывать о свойствах самого археологического материала, происходящего, в данном случае, из памятников степных кочевых народов.

Акцент на изучение именно скифского общества объяснялся наличием источниковедческого базиса – античного письменного и археологического. Геродот говорит о наличии у скифов «βασιλεια» («царей»). Данный титул он распространяет на правителей и других народов – невров, тавров, будинов и др., при этом выделяя существовавшую сословно-кастовую группу – Παράλαται (паралатов), так называемый «царский род», чье название соответствует авестийскому – *parađāta* [Раевский, 2006, с. 178-195]. В связи с этим в научной литературе наиболее богатые погребения в самых больших курганах, датируемых I тыс. до н.э. называют «царскими». Царские могилы скифов находились

по Геродоту в местности Геррос [Геродот, 1972, Кн. IV, с. 71], через которую протекал Борисфен (Днепр) и, действительно, множество скифских больших курганов известно в регионе нижнего Днепра. В XIX в. И.Е. Забелин был одним из первых русских историков, кто поверил сообщению Геродота о «царских гробницах в Геррах» и открыл курганы Чертомлык, Томаковскую могилу. Капитальным трудом «Древности Геродотовой Скифии» он подвел итог всему, что было собрано любителями археологии, включив материалы собственных открытий. Уже в те годы исследователи делали попытки идентифицировать могилы Герросса с определенными захоронениями исторически известных скифских царей, хотя для этого имеется очень мало оснований.

Единственное письменное свидетельство о погребальном обряде азиатских скифов – саков – имеется у античного автора V в. до н.э. Ктесия, сообщающего о сооружении над прахом царицы Зарины грандиозной трехгранной пирамиды, что интерпретировано как традиция увековечения памяти верховных правителей [Пьянков, 1975].

«Социальная целостность» погребального обряда в той или иной степени отражена и в археологических источниках. Даже с учетом их фрагментарности в археологизированном погребальном обряде содержится несколько информационных блоков с различной социальной и культурной информацией. Это, например, такие сведения, как:

- представления носителей культуры о загробном мире и путях в загробный мир;
- культурогенез;
- половозрастная стратификация;
- формы семейно-брачных отношений;
- социальная стратификация;
- палеодемографические показатели.

Переходным от теоретического уровня разработки конкретной концепции к анализу археологического материала является опредмечивание жизнедеятельности. Если подходить к археологическим источникам как к тексту, то в них можно обнаружить модель рядового погребения и отклонение от нее, что позволяет выделить носителей разных ролей. Опора на археологические источники имеет следующие основания: общественное положение человека при жизни находит проявление в поведении членов общества при проведении погребальной церемонии, в ее овеществленных результатах отражаются количество и состав лиц, признающих свою связь с умершим [Генинг, 1989].

Вопрос о социальной организации азиатских скифов стал особо актуальным после открытий археологов на Алтае. Раскопки пазырыкских курганов позволяют говорить о значительной концентрации личной собственности (в первую очередь на скот) в руках племенной аристократии, что подтверждалось погребениями с большим количеством конских захоронений. Высокопродуктивное кочевое хозяйство дало толчок к усложнению социальной структуры. Это выразилось в формировании раннегосударственных образований и дифференциации общественных функций между различными социальными группами.

О появлении социальной дифференциации в обществе алтайских племен писал М.П. Грязнов. Выделяя на археологическом материале три группы курганов, соответствующие статусу погребенных (это положение в дальнейшем было успешно развито его

учеником К.А.Акишевым на материалах памятников саков Казахстана), исследователь высказывает наблюдения о сложной политической структуре общества и гипотезу господства кочевников над оседлыми скотоводческо-земледельческими группами населения [Грязнов, 1939, с. 399-411].

Интересен, но не бесспорен вывод М.П. Грязнова о практике подношения даров вождю со стороны родоначальников: изучив численность сопроводительных захоронений коней в курганах пазырыкской культуры, он выдвинул предположение о подчинении вождю племени, погребенному в Большом Берельском кургане, 16 родов; в Пазырыкских и Шибинском курганах, раскопанных к тому времени в Горном Алтае, эта цифра колебалась от 7 до 14 [Грязнов, 1950, с. 69-71]. Эта гипотеза была поддержана С.А. Токаревым [Токарев, 1958, с. 70-71], но раскритикована С.И. Руденко, который считал, что захороненные верховые кони принадлежали исключительно умершему, о чем свидетельствует однотипность конского снаряжения и факты его неоднократной починки [Руденко, 1960, с. 239].

С.И. Руденко [Руденко, 1953, с. 253; Руденко, 1960, с. 237] полагал, что признаки разложения патриархального рода обнаруживаются на скифском Алтае в сфере имущественных отношений. Он склонен говорить о скифской государственности без сколько-нибудь заметного распространения рабства. Используя аналогии из истории причерноморских скифов, С.И. Руденко представил картину социально-политического устройства скифского мира. Скифские государственные образования, оформившиеся в виде племенных союзов, были еще примитивны и недолговечны, основаны на подчинении пастушеских и земледельческих племен могущественным в военном отношении «царским» племенам, вожди которых считали себя царями всех племен, входивших в общескифские союзы. Социальная дифференциация ограничивалась тремя основными группами, соответствующими определенному социальному статусу погребенных, что фиксировалось в монументальности курганных сооружений, составе инвентаря и объеме трудозатрат. С.И. Руденко расширил восприятие социальной структуры пазырыкцев, указывая на существование «категории зажиточных семей» в составе трех традиционных слоев. Он подчеркивал, что уровень имущественной дифференциации скифов Причерноморья или саков был несколько выше, чем у «горно-алтайцев» [Руденко, 1952, с. 56].

Планиграфический анализ могильников, осуществленный С.И. Руденко, дал возможность сформулировать особенности общественной организации номадов Алтая. По его мнению, каждая курганная группа – это кладбище одного рода (позднее он переформулировал этот вывод в пользу семьи) [Руденко, 1953, с. 259]. Так, в структуре древнего социума он выделяет роды и племена, во главе которых стояли старейшины, выбираемые народным собранием. Во время военных действий главенствующие функции переходили к вождям и военачальникам. Ученый считал, что развитие общества номадов Алтая было сходно с уровнем развития ухуаньцев, известных по китайским источникам [там же, с. 14-15]. Взгляды и мнения этих ученых, также и других исследователей тех лет о культуре, социальной структуре алтайских племен скифской эпохи, предлагавшиеся ими культурно-хронологические схемы рассмотрены в современных исследованиях российских археологов [Тишкин, Дашковский, 2003].

В 60 – 70-е гг. XX в. в связи с раскопками Бесшатырского могильника, курганов Шиликты и Иссык в Казахстане, Аржан в Туве значительно активизировались исследования по палеосоциологическим реконструкциям. Фактический материал, накопленный за эти годы, позволил исследователям поставить решение вопросов социальной организации кочевников на новый уровень, руководствуясь не только общесоциологическими закономерностями, а основываясь на интерпретации информативных археологических источников.

Важную роль в развитии представлений о социальной организации ранних кочевников Казахстана сыграли работы К.А. Акишева, С.С. Черникова, А.К. Акишева, А.Д. Грача, А.И. Мартынова и др. исследователей.

Кималь Акишевич Акишев и его исследования

Совершенно новую главу в изучении общества саков Жетысу начал К.А. Акишев раскопками в долине р. Или, сразу оценив научное значение некрополя Бесшатыр, как важного по своим научно-информативным возможностям памятника. В течение нескольких лет (1957, 1959 – 1962 гг.) велись раскопки сакских погребений Бесшатырского могильника, расположенного на правом берегу р. Или. Несмотря на ограбленность практически всех погребений, материалы некрополя легли в основу реконструкции стратификации сакского общества, разработанную К.А. Акишевым.

Ученый предположил, что выделенные им по размерам и конструкциям три группы курганов принадлежали нескольким социальным группам населения:

- вождям племен;
- воинам, прославившимся в походах;
- племенной знати;
- рядовым кочевникам, «совершившим подвиг и удостоенным в честь этого лежать рядом с «царями» и знатью» [Акишев, Кушаев, 1963].

Отдельно К.А. Акишев рассмотрел могильные памятники рядового населения. В то время он располагал материалами только 35 раскопанных курганов VII – IV вв. до н.э. из шести могильников. Согласно представлениям археолога, данные могильники являлись «родовыми кладбищами», на площади которых размещались погребения больших патриархальных семей [там же, с. 32-36].

По существу, К.А. Акишев одним из первых на основе археологических источников продемонстрировал социальную стратификацию кочевнических погребений. Главным в его исследовании являлась попытка выделить отдельные слои в составе привилегированного населения, элиты, что не делалось в то время даже на материалах наиболее изученной причерноморской Скифии.

Подтверждением существования в социумах раннесакских кочевников Центральной Азии владык, наделенных высоким сакральным статусом, а в культуре соответствующего им концепта сакральной власти выступают археологические находки так называемых «золотых» людей/правителей/воинов [Литвинский, 1982, с. 34-43; Чугунов, 2014, с. 714-725]. К настоящему времени в Казахстане и сопредельных территориях выявлена целая группа таких погребений.

К.А.Акишев открыл для мировой науки Иссыкского «Золотого человека». Речь не о раскопках, в которых участвовали и другие археологи. К.А.Акишеву великолепно удалось осмыслить и рассказать миру ученых о своей находке, несущей в себе много неизвестного. Открытие первого «Золотого воина», комплексный характер находок в кургане Иссык предоставили исключительные по важности сведения об уровне социального неравенства саков Жетысу. Погребальный обряд возвеличивал личность умершего царя с целью обосновать незыблемость династии сакских царей. Религиозно-идеологическому воздействию на массы была подчинена и символика – золотое облачение; предметы, связанные с военной деятельностью; зооморфные украшения, воплощающие черты религиозного мировоззрения саков и могущество существующей власти [Акишев, 1978; Акишев, 1986].

Совокупность погребального инвентаря, уникальность его форм и богатство отделки костюма свидетельствует о высоком социальном ранге погребенного.

К.А. Акишев отметил, что золотая одежда погребенного была предназначена не только для внешнего эффекта, но служила политико-пропагандистским и религиозным целям, а «главное назначение одежды было в возвеличивании личности царя, возведении его в ранг «солнцеподобного» бога», олицетворяя земного и небесного владыку, светского царя и верховного жреца [Акишев, 2013]. Глубокая семантическая связь золота и верховной власти была обусловлена представлениями о божественной харизме, нисходящей на «солнечного» правителя – фарне, посредством которого правитель обретает легитимацию и распространяет благополучие во всем социуме [Литвинский, 1982, с. 34-43].

Важнейшим показателем социального статуса кочевника выступали характеристики костюмного комплекса, особенно пояс и головной убор.

По материалам Иссыкского кургана, в русле концепции К.А.Акишева, А.К. Акишев выделил основные признаки костюма, которые позволяют определить его как символ социального положения и социальной роли владельца. По его мнению, иссыкский костюм в различных контекстах ассоциировался с катафрактной одеждой солнечного бога-воина, предназначенной для полета между мирами, символизируя контаминацию военной и жреческой функций в лице сакского вождя. Он олицетворял солярного бога (вероятно, Митру), «воинственного и могучего, праведного и правящего, посредника между небом и землей, сражающегося со злом» [Акишев А.К., 1981, с. 54-64; Акишев А.К., 1984].

Как недавно отметил видный исследователь культуры скифо-сакской эпохи К.В. Чугунов, «несомненно, без блестящего анализа, выполненного К.А. Акишевым и А.К. Акишевым для находок, сделанных в кургане Иссык, понимание новых материалов из могильника Бугры (позднесакский период, Алтай, - А.Б., М.Б.) было бы невозможно» [Чугунов, 2014, с. 719]. К.В.Чугунов совместно с германскими коллегами открыл для мировой науки Аржан-2 и в течение многих лет ведет скрупулезное исследование материалов этого богатейшего комплекса. Безусловно, это признание сделано специалистом, не только хорошо ознакомленным с уникальными материалами рассматриваемой эпохи, не только участвовавшим в раскопках тех или иных комплексов, но лично столкнувшимся с необходимостью практического анализа и осмысления семантики золотых одеяний скифо-сакской правящей элиты. Стоит отметить в этом плане тот факт, что повышенный интерес к материалам казахстанских памятников со стороны многих исследователей

Саяно-Алтая, помимо указанного ученого, объясняется значительной близостью широкого круга аспектов, выдвигаемых и разрабатываемых в отношении культуры и общества древних народов, населявших восточные регионы степной Евразии.

Многие положения К.А.Акишева, в том числе аспекты, развитые в дальнейшем и озвученные А.К.Акишевым, составили содержательную компонентную среду для целостного, концептуального видения (и осмысления) феномена сакского парадного костюма, игравшего столь важную роль для степного социума, и, шире, – всего искусства степняков. Казахские исследователи в дальнейшем и на новых материалах применяли и, уже в силу этого, обогащали эти положения, - впрочем, всё это касается не только специалистов Казахстана.

«Золотое» одеяние, обильно украшенное декором и предметами, выполненными в зверином стиле, воплощало сложные семантические образы, связанные с концептами фарна правителя, правителя хищника, медиатора между людьми и богами. Правитель в культуре ранних кочевников представлялся земным воплощением верховного солярного божества. Возможно, костюм соединял в себе символы, связанные со жреческими функциями» [Самашев, Толеубаев, Джумабекова, 2004; Толеубаев, 2011а, с. 4-29].

Разработанные на казахстанских материалах, с использованием некоторых данных и из других регионов, положения вскоре приобрели многофункциональный характер, как того позволяли (и требовали) и возможности самих источников. Костюм древних правителей, отдельные компоненты его свидетельствуют о широких культурных связях в сакском мире, лучше сказать, в сакских мирах, находящихся на огромной территории степей и гор Евразии.

В декоре украшений костюма правящей элиты в Центральной Азии использовались образы тигра/льва/кошачьего хищника (Аржан-2, Талды-2, Кичигино-2, Карашоки, Акбеит и др.), символизирующие непосредственную семантическую связь этого образа с силой, агрессией, что атрибутировало сакральную власть правителя и верховенство вождя [Толеубаев, 2006, р. 51-55; Бейсенов, 2011, с. 14-20; Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2011, т. II, с. 263-271; Бейсенов, Базарбаева, 2013, с. 12-17 и др.]. Если учесть, что в раннесакское время распространение изображений тигра, повторяющих иконографические особенности татуировки мумии из Пазырыка-5, довольно широко распространено (например, олений камень близ поселка Аржан в Туве [Марсадолов, 2014, с. 457, рис.1], колода из Башадара на Алатае, находка из кургана Карашоки в Центральном Казахстане), можно предположить сложную картину взаимодействия элит на территории Центральной Азии [Yarygin, Sarsambekova, 2015, р. 765-772].

Функциональное назначение такого важного элемента костюма как пояс, состоит в необходимости затягивать верхнюю одежду, перекрывая доступ холоду и злым силам, а также креплению к нему предметов и оружия, к которым необходим оперативный доступ (кинжал, нож, оселок, чекан, колчан и др.). Но помимо утилитарного, ряд исследователей отмечают важность его символического предназначения – «опоясывание» сакрального пространства, подчеркивающее цикличность процессов мироздания. «С начала I тыс. до н.э. пояс развивается как постоянный утилитарный и символичный комплекс изделий, который впоследствии становится чем-то вроде культурного кода» [Бусова, 2017, с. 164].

Многочисленные этнографические примеры свидетельствуют о значимости мужского пояса как показателя социального ранга. Золотой пояс иссыкского вождя являлся ярким символом знатности и выражением военно-жреческой функции погребенного, а золотые бляхи пояса с фигурой оленя отражали тотемические представления саков [Акишев А.К., 1981, с. 58; Черников, 1965]. Материальные свидетельства ранних кочевников, наполненные специальными знаками и символами, в том числе и предметы, выполненные в зверином стиле, демонстрируют культурный код саков и являются ключевой основой для понимания историко-культурного континуума [Ярыгин, 2016, с. 28-33].

Единичные и в силу этого весьма ценные экземпляры головных уборов с нашитыми аппликациями из золотой фольги и оригинальным декором встречены только в элитных захоронениях скифо-сакского социума [Акишев А.К., 1984; Полосьмак 2001; Дашковский, Усова, 2010, с. 304-306; Алтынбеков, 2013; Степанова, 2017, с. 986-987 и др.]. Отражая представления о модели мироздания, наполненные религиозно-ритуальным содержанием, головные уборы представляют важнейший социальный маркер [Акишев, 1996; Акишев А.К., 1984; Жумабекова, Базарбаева, Онгар, 2011].

В погребальной практике, как и в обыденной жизни, использовались различные символы власти. Недавние находки в курганах Берел, Байгетобе, Талды-2, Таксай 1 (Казахстан) и Аржан-2, Ханкаринский дол, Бугры, Локоть-4 (Россия) золотых элементов одежды, украшений, оружия только подчеркивают широкое распространение этой традиции. Такие комплексы наглядно демонстрируют отраженное в погребении стремление к демонстрации власти. Объекты из драгоценного металла имеют не только материальную ценность, но играют при этом особую символическую роль, как знаки господства и ранга одновременно.

При социологических реконструкциях необходимо учитывать количество значимых и престижных предметов в захоронении, выявлять редкие и (или) получаемые издалека предметы, поскольку контроль над внешним обменом являлся важным источником для усиления власти. Ряд исследователей предлагает использовать показатель имущественного богатства в перерасчете на реальную для периода совершения погребения стоимость драгоценных металлов.

При этом, следует отметить, что часто в центре внимания находятся богатство, материальная ценность и затраты труда, хотя не только они могут быть применимым критерием для определения иерархии могил.

Важен контекстуальный анализ царских могил [Онгар, 2008, с. 221-224]. При этом вполне могло оказаться, что определенные объекты, имеющие функцию религиозно-ритуальных жертвенных предметов, имеют более высокий статус, чем золотые украшения, в то время как рассмотрение, основанное на чисто материальной ценности, привело бы к совершенно противоположному выводу. Нельзя а priori исходить из того, что социальные различия должны постоянно отражаться в погребальном обряде и в инвентаре. Степень социальной развитости скифо-сакского общества не определяется лишь по величине могил или по количеству золотых предметов. Простому населению, к которому относились также и воины, приписываются небольшие по размеру курганы с меньшими погребальными камерами и простым инвентарем, в которых, тем не менее, встречаются также захоронения коней и отдельные золотые предметы.

К.А. Акишев первым в археологии Казахстана продемонстрировал перспективность изучения планиграфии могильников с последующим выходом на палеосоциальные реконструкции, расширив классификацию погребальных памятников с учетом материалов нескольких могильников – Бешшатыр, Иссык, Кызылауыз, Уйгарак [Акишев, 1986]. Все курганы были разделены им на земляные и каменные по материалу; большие, средние и малые по объему насыпей; а также по особенностям размеров внутримогильных сооружений. Планиграфически курганы этих разновидностей сгруппированы в определенные структуры – цепочки или группы цепочек. Изучение курганной планиграфии в настоящее время в трудах специалистов получает новое развитие.

Исследователи связывают расположение курганов на могильном поле и их внутреннее устройство с имитацией реально существовавших жилищ и планировкой поселений. Считается, что расположение курганов группами или микроцепочками на территории даже крупных могильников отражает фактическое разделение родственных и сезонных производственных групп – айлов [Масанов, 1986, с. 20-26] на стабильные микрогруппы, наиболее реальными из которых могли быть парные и патриархальные семьи.

Курганная насыпь, ее параметры и свойства, а также особенности заключенной в ней могилы (могил) остаются важным показателем при социологических реконструкциях. Монументальность и сложность надмогильных и внутримогильных конструкций является категорией, маркирующей высшую страту в социальной структуре древнего кочевого общества [Шульга, 1989, ч. 2, с. 40-43].

Насыпи всех «царских» и средних курганов Жетысу по изначальному архитектурному замыслу возводились с плоской вершиной и с прямоугольными боковыми скатами, имея форму усеченного конуса.

К.А. Акишев, вычисляя объем насыпи Большого Бешшатырского кургана, оперирует показателем в 67,5 тыс. м³ [Акишев, 1996, с. 8-12]. Учитывая приблизительный характер вычисления, можно предполагать, что на строительство только насыпи этого кургана было затрачено свыше 20 тысяч человеко\дней. Вокруг насыпи расположены каменный вал и 94 кольцевых ограды, при сооружении которых использовано свыше 650 многотонных каменных менгиров и валунов. Под каждой насыпью царских курганов могильника Бешшатыр находились большие погребальные камеры из трехметровых бревен тьянь-шаньской ели: на возведение камеры в Третьем Бешшатырском кургане было использовано свыше 300 подобных бревен. Заготовка, транспортировка такого количества леса, камня, щебня, каменных плит и валунов требовала гигантских затрат человеческой энергии. Если учесть этот труд, затраченный на возведении самой бревенчатой усыпальницы, ритуальных каменных сооружений вокруг насыпи, тогда количество человеко\дней возрастет до 40-45 тысяч. Экспериментальный подсчет человеческого труда, использованного при возведении больших, средних и малых курганов в этих могильниках показывает, что на строительство самого большого «царского» кургана было затрачено более чем в десять тысяч раз большее количество дней, чем на возведение самого большого рядового кургана [Акишев, 2011, с. 47-48]. Эти поражающие воображение объемы трудовых вложений свидетельствуют о мобилизационных возможностях сакских правителей, показывая высокий уровень власти. Несомненно, что резкая градация параметров насыпей и количества труда, затраченного, на их сооружение отражает реальную картину социальной иерархии в данном обществе [Акишев, 2013].

Ряд интересных данных получен в результате раскопок Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 70-80-ых гг. XX века крупных курганных насыпей Кара-Оба, Кенес и Обалы в Северном Казахстане [Зданович, Иванов, Хабдулина, 1984, с. 35 - 48].

Исследование земляных курганов с применением техники, но со значительным объемом ручного труда при зачистке профилей и ряда планов на различных высотных отметках позволили выявить существенные конструктивные детали для надежной реконструкции надмогильного сооружения, что ранее казалось возможным только при изучении курганов с каменными насыпями. Сложносоставная структура насыпи – ступенчатый усеченный конус с плоской вершиной, в основе которого лежит «шатровое» сооружение, – воссозданная посредством использования методики палеопочвенных анализов, свидетельствовала об определенной смысловой нагрузке каждой детали (ров с костями животных; круг из желтой материковой глины, опоясывающий курган; черная площадка из дерна на высоте более 3 м над окружающей степью; уступ-галерея и др.), в которой воплотились религиозно-мифологические представления древнего общества.

Были подсчитаны затраты человеческого труда для подготовки и транспортировки грунта: при сооружении большого кургана к работе необходимо было привлечь от 200 до 420 человек на 10 суток, от 70 до 140 человек выполнили бы эту работу за 1 месяц. Таким образом, установлено, что ландшафт, окружающий некрополь, напрямую влиял на использование строительного материала и конструктивные детали сакских курганов. Строительство сооружения непременно требовало гигантских усилий многочисленно человеческого коллектива, направленного на увековечивание памяти захороненного верховного правителя.

Аналогичны подсчеты были проведены российскими учеными. Большие курганы ранга «царских» характеризуются громадным объемом строительных работ (для сооружения насыпей требовалось от 3187 до 3408 м³ камня, а в земляных – до 51656 м³ грунта), причем Исыкский курган является из них наибольшим. По трудовым затратам он превышает Пазырыкские в 5-6 раз, Тувинский курган Аржан – вдвое и более, чем в 10 тыс. раз превышает рядовые объемы строительства (от 65 тыс. до 3 тыс. чел./ дней) [Васютин, Мокрынин, 1989, ч. 1, с. 61-63].

Украинский скифолог Ю.В. Болтрик предложил систематизировать показатели объёма строительного материала для курганов скифской аристократии следующим образом: курганы верховных царей – 117-82 тыс. м³; курганы членов царской семьи – 40-36 тыс. м³; родственники царя – 13-11 тыс. м³; «колпаконосцев» (так ученый называет представителей аристократии, носившей остроконечные головные уборы с богатым декором, например, погребенный из кургана Исык и др., - А.Б., М.Б.) первого уровня – 7,7-6,6 тыс. м³; «колпаконосцев» второго уровня – 4,2-2,4 тыс. м³ [Болтрик, 2004, с. 88]. Другой украинский исследователь, В.Ю.Мурзин, подверг критике эти положения автора (см.: [Мурзин, 2015, с. 64-65]).

Универсальным показателем социальной неординарности погребенного индивида Ю.В.Болтрик считает не только значительные трудовые затраты на совершение погребения, но и наличие «инсигний» власти, к которым относятся вещи из драгоценных металлов, вещи импортного происхождения, символические предметы и др. Ю.В. Болтрик полагает, что, учитывая значительную ограбленность скифских погребений, количество серийных престижных артефактов, видимо, было намного большим. Среди них осо-

бое значение имела украшенная золотыми пластинками одежда: чем выше был социальный статус человека, тем шире становился набор сюжетов на золотых аппликациях. Исследователь выделяет несколько типов золотых пластинок (в основном, с антропоморфными сюжетами), обозначающими определенные социальные ступени кочевников. В серии скифских памятников количество реплик определенных сюжетов колеблется до 5-8. Но распространены они преимущественно в курганах Нижнеднепровского ядра и Боспора [Болтрик, 2015, с. 82].

По материалам картографирования сакских могильников в регионе от Алакуля до Таласа К.А. Акишев продолжил социальные реконструкции. Он пишет о локальных вариантах культур саков в южном Приаралье и Центральном Казахстане, считая, что в регионах, где единичные царские курганы не раскапывались, необходимы поиски иных критериев оценки уровня общественной развитости для социологических реконструкций [Акишев, 1993, с. 45-58]. Таким образом, большие курганы исследователь интерпретирует как могилы сакских царей – верховных военачальников, средние – как могилы аристократии и знати, мелкие – как могилы дружинников и рядовых общинников.

Применяя методы сравнительного сопоставления и интерпретации археологических и этнографических данных, приводя сведения из китайских источников, К.А. Акишев описывает сложно структурированное общество усуней с несколькими рангами только среди аристократии – командующие конницей, писцы, делопроизводители двора, наместники внешних земель, предводители, князья, министры и помощники и др. [Акишев, 1998а, с. 65-71]. Поэтому следует предполагать более сложное членение археологического материала сакской культуры и возможности его детальной интерпретации.

Попытку реконструкции социальной структуры древних кочевников азиатских степей на основе археологических материалов с использованием теоретических разработок других ученых, в том числе К.А.Акишева, сделал А.Д. Грач. Исследователь выделил 3 группы погребений – «царские»; «родовой» и «дружинной» аристократии; рядовых кочевников [Грач, 1975, с. 161-166; Грач, 1980, с. 46-48].

Нужно отметить, что его высказывание о существовании нескольких групп в составе скифо-сакской аристократии имело важное методологическое значение в отходе от упрощенных представлений о социальной структуре кочевников. В качестве подтверждения своей концепции он использовал материалы из курганов Казахстана: больших сакских насыпей в долинах Бешатыр и Шиликты, кургана Иссык, сырцовых «царских» мавзолеев Тагискена, погребений саков Жетысу и курганов «дружинной» аристократии тасмолинской культуры.

К.А. Акишев формулирует показатели для определения социальной стратификации сакского общества следующим образом:

1. Богатство\бедность погребального инвентаря;
2. Параметры технической усложненности надмогильного и могильного сооружения;
3. Количество человеческого труда, затраченного на их возведение;
4. Масштабы тризны и жертвоприношения;
5. Существование письменности и идеологии [Акишев, 2011, с. 46].

Согласно А.А. Тишкину, следует добавить к перечисленному особенную сложность и продолжительность погребального ритуала [Тишкин, 2005, с.50].

Степная цивилизация

Вопросы общественных отношений и складывания государственности рассматривались в большей степени по отношению к скифам в работах А.С. Лаппо-Данилевского, М.И. Ростовцева, Б.Н. Гракова, М.И. Артамонова, А.И. Тереножкина, А.П. Смирнова и др. Так, М.И. Ростовцев трактовал скифское общество как военно-феодалное государство. Б.Н. Граков, М.И. Артамонов, А.И. Тереножкин и А.П. Смирнов полагали, что общественный строй скифов был рабовладельческим.

Массовый археологический материал, полученный в ходе исследований сакских памятников степной Евразии, в той или иной степени сопоставляемый с этнографическими данными и письменными источниками, стал источниковой базой в разработке теоретических моделей кочевых обществ, в изучении проблем взаимодействия кочевого и осёдлого компонентов населения Евразии, возникновении института государства в условиях кочевой среды.

Размышления по поводу исполняемых царями функций – военных, управленческих, жреческих, производственных (или их комбинации) – приводят К.А. Акишева к выводам о путях политогенеза в обществе ранних кочевников [Акишев, 1973, с. 43-58]. Это позволило исследователю выйти на уровень реконструкции общественных отношений древних обществ. При этом чрезвычайно важно то, что он использовал весь комплекс археологических материалов, учитывая природно-экологические условия, систему хозяйства, роль освоения металла, развитие обмена и торговли, демографический и политический факторы [Акишев, 1999, с. 50-59].

К.А. Акишев считал, что древними кочевниками было создано сложное и ранжированное общество с несколькими сословиями и разноэтничными субкультурами. Саки Жетысу, по его мнению, по уровню социальной структуры находились на стадии сложения раннеклассового общества, производственные отношения в котором регламентировались и регулировались органом типа государственного образования [Акишев, 1996, с. 230].

Следует подчеркнуть, что посредством трудов К.А. Акишева оформилось в Казахстане представление о существовании значительных сакских племенных объединений с развитыми центрами (Жетысу, Алтай, Сарыарка, Приаралье), племенной верхушкой и достаточно высоким уровнем общественного развития.

Тезис о существовании раннего государства у кочевников развивали и другие исследователи. М.К. Хабдулина полагает, что политогенез ранних кочевников останавливается на уровне вождества [Хабдулина, 1997, с. 8]. Кросс-культурное исследование моделей раннего государства, проведенное российскими учеными Д.М. Бондаренко и А.В. Коротаевым, привело к характеристике общества скифов как промежуточного между вождествами и ранними государствами [Bondarenko, Korotayev, 2003, с. 112].

Уровень социальной дифференциации и его археологически фиксируемое отражение в монументальных погребальных сооружениях и богатом инвентаре, соответствует дальнейшим изменениям в социально-экономической и культурной системе I тыс. до н.э.: становлению новых форм жизни и хозяйства (подвижные скотоводы), развитию нового

вида военной техники (конные лучники), а также возникновению особых, закрепленных в духовно-религиозных представлениях о мире, формах выражения в искусстве (скифо-сибирский звериный стиль).

Этногенетические связи культур евразийских степей I тыс. до н.э. привели исследователей к концепции скифо-сибирского культурно-исторического единства, а позднее – к идее о «степной цивилизации», которая была принята многими учеными.

Впервые относительно феномена скифо-сакского мира этот термин был применен видным ученым и заслуженным педагогом-наставником, археологом, профессором Кемеровского Государственного Университета А.И. Мартыновым [Мартынов, 1988, с. 154-156; 1989, с. 284-292].

Социум древних кочевников Казахстана, как и племена Тувы, Горного Алтая и ряда других регионов степного пояса Евразии ученый характеризовал как сложное социальное общество, включающее «основную производительную массу – общинников, господствующую часть общества, воинов и ремесленников». Верховная власть была сосредоточена у царя – правителя государства, который, как считал ученый, учитывая материал из кургана Иссык, осуществлял и религиозные функции.

По мнению исследователя, рассматривающего интегрированное общество древних кочевников, его археологическим свидетельством являются погребения кочевой элиты, требующие существенных затрат на их постройку и демонстрирующие значительную социальную стратификацию в обществе, концентрацию единоличной власти и, в целом, высокую культуру [Мартынов, 2003, с. 13-14].

В методологическом аспекте А.И. Мартынов считает правомерным выделение двух параллельных цивилизаций: оседло-земледельческой и степной скотоводческой, как двух основных линий адаптации человека и природной среды, как двух направлений развития производящей экономики. По его мнению, степная скотоводческая цивилизация появляется в I тыс. до н.э. и проходит несколько эволюционных этапов:

1. Этап локальных цивилизаций (раннесакское время);
2. Этап региональной цивилизации (VI-III вв. до н.э.);
3. Собственно «кочевническая цивилизация» (с сер. I тыс. н.э.).

В работах А.И. Мартынова, последовательно отстаивающего концептуальную трактовку понятия «степная цивилизация», выделяются специфичные и многофункциональные формы экономики и культуры кочевых сообществ с рядом присущих признаков: наличие государственности, регулярные торговые, культурные и политические связи в степной и горной зоне, культурно-мировоззренческая общность населения [Мартынов, 2008, с. 10-19].

К настоящему времени А.И. Мартынов опубликовал статью, в которой представлены законы исторического развития общества, оказывающие влияние на хозяйственную деятельность, материальную и духовную культуру. Например, закон рационального использования природной среды, цивилизационного развития, формирования раннегосударственных структур, закон этнического лидерства и др. По его мнению, ранние государства возникают как «естественная потребность в управлении обществом, общественным продуктом и общественными работами, что связано с образованием этнического и территориального единства и представлениями о материальных и духовных цен-

ностях, «своей и чужой» территории, единства языка, хозяйственной основы, бытовой культуры и мировоззрения» [Мартынов, 2017, с. 667]. Таким «протогосударственным образованием» или ранним государством, образовавшимся в VI-V вв. до н.э., он считал и общество саков.

С критикой методики исторической интерпретации А.И. Мартынова выступил В.Ю. Зуев, считая, что к настоящему времени не удалось выявить всеобъемлющие объективные критерии и специфические признаки, по которым можно выделить степную кочевую цивилизацию [Зуев, 1991, с. 58-63].

В 1993 г. были опубликованы материалы дискуссии среди ученых-археологов по этому вопросу, демонстрирующие обострение научных споров. В.А. Башилов полагает, что если понимать цивилизацию как высокий уровень культурного развития, то под такое определение можно подвести и верхнепалеолитические общества, оставившие образцы высокохудожественного изобразительного искусства. Вывод В.А. Башилова состоит в том, что к цивилизации нельзя отнести общества ранних кочевников, где существование государства считается недоказанным [Башилов, 1993, с. 36-37].

По мнению Н.Н. Крадина евразийские кочевники I тыс. до н.э. объективно не могут рассматриваться как стадия цивилизации, поскольку не соответствуют необходимым критериям вследствие отсутствия городов, как места перераспределения прибавочного продукта, и письменности [Крадин, 2007, с. 87-89].

Тем не менее, крупнейший исследователь сакских памятников К.А. Акишев смысл феномена степной цивилизации кочевников определил в специфичных формах культурных типов, присущих высокому уровню развития общества, его культуры, искусства, интеллектуального богатства. Главной закономерностью развития этого сбалансированного организма он считал евразийское историко-культурное единство (его взгляды на распространение и развитие культур скифо-сакской эпохи во многом были близки к идеям его учителя М.П.Грязнова, хотя это особо не декларировалось им ни устно, ни на бумаге, - А.Б.) которое, несмотря на самодостаточность кочевничества, предполагало взаимодействие с земледельческо-урбанистическими цивилизациями. Это выразилось в сложении системы обмена и торговли, интеграции исторических аспектов этногенеза, многообразия культур [Акишев, 1998б, с. 54-59].

К.А. Акишев полагал, что скотоводческие общества самодостаточны в создании высокоорганизованных военно-политических социумов, имеют самобытную и своеобразную материальную и духовную культуру, прикладное и изобразительное искусство, нашедшее непосредственное отражение в археологическом материале раннего железного века Казахстана. Ученый считал, что «уровень развития этих социумов может называться «степной цивилизацией» [Акишев К.А., Акишев А.К., Хабдулина, 2003, с. 3-7].

Аналогичная точка зрения выражена в статье М.К. Хабдулиной [1997, с. 3-9]. Кочевую цивилизацию она определяет как «особую социокультурную систему, имеющую историческую целостность, протяженность во времени, возникновение и функционирование которой связано с определенной экологической средой» [Хабдулина, 1997, с. 5]. В качестве важного фактора, обосновывающего применение термина «степная цивилизация» к истории степного региона, исследователь называет открытие и комплексное исследование «Страны городов» в Южном Зауралье и в сопредельных районах

Казахстана. Это условное название территории, в пределах которой располагалась компактная группа укрепленных поселений, функционировавших на рубеже III-II тыс. до н.э. Монументальная архитектура и четкая планиграфия укрепленных центров позволяют назвать их городами [Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995, с. 48-62]. Цивилизационный ресурс, накопленный в эпоху бронзы, проявляется в I тыс. до н.э. в процессе становления и развития кочевого скотоводства. Анализируя данные об открытии значительно комплекса поселений сако-усуньского времени на юге Казахстана и в Кыргызстане, оседлых памятников раннего железного века в степной зоне Центрального Казахстана, М.К. Хабдулина считает степень экономической самостоятельности кочевников более высокой, чем это было принято ранее в науке, и предлагает внести коррективы в завышенную оценку зависимости номадов от окружающего земледельческого мира. При высокой моноспециализации экономика степных номадов располагала внутренним многоукладным потенциалом, достаточным для самообеспечения. Если оценивать исторический опыт функционирования кочевого социума, как особый самостоятельный путь жизнеобеспечения, есть все основания считать номадизм особой цивилизацией. Далее М.К. Хабдулина останавливается на основаниях, позволяющих считать более оправданным «в качестве рабочей гипотезы» использование понятия «кочевая цивилизация», а не степная или скотоводческая. Степь как пространство жизни и особый тип биоценоза является огромным природным массивом, не однородным по своим ведущим характеристикам и, соответственно, разнообразным в историко-культурном измерении. Поэтому понятие «степная цивилизация» звучит слишком широко с конкретно-исторической точки зрения [Хабдулина, 1997, с. 3-9].

Попытка рассмотреть кочевничество с точки зрения сравнительной методологии цивилизационных исследований изложена Н.И. Крадиным. Он предлагает рассматривать степной мир как «квазицивилизацию» – «некий концептуальный конструкт, созданный в мыслях исследователя» в силу внешней схожести с другими цивилизациями, но не обладающий ни одним специфичным признаком помимо «культового отношения к скоту как главному источнику существования номадов» [Крадин, 2007, с. 92]. Используя разные парадигмы (мир-системный подход, история повседневности, концепция вождества и государства), ученый предпринимает комплексный подход к проблемам кочевничества в Евразии с позиций истории, культурной антропологии и археологии для характеристики номадизма как историко-культурного явления. Н.Н. Крадин полагает, что «о номадизме необходимо говорить как о специфической форме экономической деятельности, характерной для засушливых зон» [там же, с. 23] и считает, что универсальные особенности эволюции кочевых обществ независимы от ареалов их обитания и степени культурной сложности [2007, с. 80-81].

Поддерживая в целом концепцию «степной цивилизации», А.Т. Толеубаев считает, что материалы Шиликтинских царских курганов указывают на сложение в их среде полноценного классового общества и государственного аппарата управления. Таким раннегосударственным образованием он называет и общества «тагарцев», «пазырыкцев», савроматов [Толеубаев, 2011, с. 65-66].

В середине XX в. археология, с присущим ей повышенным вниманием к систематизации материала и постановкой источниковедческих задач, не решала вопросов па-

леосоциологических реконструкций, поскольку социография доисторических обществ имела свои методические границы. В результате применения структурного подхода к решению проблем социальной дифференциации сформировались представления о сакских племенах как о стратифицированном обществе. Таким образом, усилиями нескольких поколений ученых Казахстана, также как и России, Украины и других стран, в настоящее время сформированы гипотезы развития общественного строя саков/скифов, а накопление обширной источниковой базы служит хорошим заделом для углубления социальных реконструкций. Продолжается процесс формирования методики и методологии социальных реконструкций, исследовательская практика обогащается новыми приемами и методами выявления и интерпретации социально диагностирующих признаков.

Установлено наличие сложной общественной организации сакских племен Казахстана, однако сущность и генезис многих ее элементов не получили окончательного объяснения. Многие аспекты реконструкции до сих пор остаются на уровне рабочих гипотез. Другое важное обстоятельство – фрагментарность самих исследований, ведущихся, как правило, в рамках изучения отдельных региональных и культурных типов, а иногда и единичных археологических комплексов. Огромную работу по обобщению и осмыслению сделанных на сегодняшний день открытий с позиций социальной диагностики еще предстоит провести. От решения этой задачи зависит дальнейшее развитие целого вектора отечественной археологической науки.

Как показывает сделанный обзор, изучение социальной структуры, общественных отношений у древних народов скифо-сакского круга остается одной из важнейших проблем археологии раннего железного века степной Евразии.

В настоящее время уровень накопления фактического материала таково, что данная тематика включает в себя очень широкий спектр различных аспектов. Всё больше фиксируются многие новые показатели принадлежности умерших к той или иной прослойке общества, например, оленные камни, стелы, изваяния. Выдвигаются новые подходы и методики, увеличивается объем данных о воинском сословии, жречестве.

Анализ краниологических материалов из тасмолинских погребений выявил черепа с трепанациями, расположенными на затылочной части. Как полагают специалисты, подобные трепанации также маркируют высокий социальный статус погребенного, поскольку необходимость выполнения небольших отверстий в затылочной области черепа, вероятно, связана либо с введением консервирующего состава в полость черепной коробки для бальзамирования тела, либо с очищением скелета от мягких тканей в процессе хранения тела до времени погребения [Бейсенов, 2014, с. 87-90; Бейсенов, Китов, 2014, с. 31-41]. В одном кургане могильника Каспан-6 в Жетысу, где захоронены социально значимые лица, о чем свидетельствуют размер надмогильных сооружений и погребальных камер, наличие дромоса, глиняных валов и заливка могил, каменные стелы, также найден фрагментированный череп со следами трепанации [Бейсенов, Джумабекова и др., 2015, с. 59-70].

В настоящее время происходит осмысление источниковой базы, сформировавшейся в результате открытия в 90-х гг. XX – начале XXI вв. ярких курганных памятников в Жетысу, Восточном и Западном Казахстане (З.Самашев, А.Т. Толеубаев, А.А. Бисембаев, Ж.Е. Смаилов, М.Н. Сдыков, Я.А. Лукпанова и др.), впервые исследованных в Центральном

Казахстане больших курганных насыпей тасмолинской культуры [Бейсенов, 2010, с. 77-79; Wejsenov, 2013, s. 595-608; Бейсенов, 2015, с. 11-38 и др.].

В настоящее время повсеместно речь идет не просто о численном увеличении данных, а о важных историко-культурных выводах относительно изучения процессов социальной дифференциации сакского общества. Появление курганных конструкций особого типа маркировало высокий статус погребенных. Были сделаны важные выводы о планиграфических особенностях могильных насыпей элитных курганов сакской знати как архитектурных сооружений, функционирующих не одновременно, а определенный, довольно длительный, хронологический период и, вероятно, использовавшихся в ходе проведения каких-либо культово-обрядовых действий как храмовые комплексы. Исследования, проведенные в последние десятилетия совместно с немецкими археологами, были направлены на детальное изучение конструктивных особенностей кочевнических элитных могил скифо-сакского времени. Это курган Аржан-2 в Туве, Байкара в Северном Казахстане, курганы в Жетысу, Барсучий Лог в Минусинской котловине. Полученные результаты привели к более глубокому пониманию этого феномена в восточных регионах евразийских степей.

Грандиозные погребальные сооружения связывают сам процесс погребения с его последующим влиянием. Постройка монументальной могилы может являться одновременно фактом благодарности, почитания и предупреждения и выражать неограниченное господство властелина. Они могут особым образом сохранять воспоминание об умершем и, если они к тому же являются основанием для легитимации последующего поколения властителей, то начало образования династии уже достигнуто. К сожалению, доказать это на археологическом материале практически невозможно, хотя периодически исследователи считают веским аргументом постоянство места захоронения, что также может быть указанием образования династии.

Гораздо меньше внимания уделяется вопросам интерпретации основного массива ординарных захоронений сакской культуры. Их деление на группы возможно лишь при применении критерия трудовых затрат, тогда как анализ сопровождающего инвентаря имеет уточняющий характер. Существует необходимость комплексной реконструкции половозрастной, функциональной, потестарной и этносоциальной структуры общества древних кочевников по данным погребального обряда и инвентаря, предпринятой с привлечением всего комплекса источников. Социоинформативные маркеры для памятников различных регионов, а с ними и предлагаемые реконструкции, обнаруживают зависимость от территориального фактора. Основу источниковой базы палеосоциологического исследования зачастую составляют погребения определенного локального варианта, которые выделялись по степени изученности территории и имеют мало общего с локализацией конкретного общества древности.

Таким образом, фиксируя определенные достижения в области исследования социальной структуры саков Казахстана, следует отметить, что необходимость дальнейшей детализации исследований связана с соотношением выделенных групп погребений с конкретными слоями общества. Это достигается при решении других значимых проблем – изучения гендерного состояния, археологии детства и специфики обрядов перехода, проблемы возрастных рангов в контексте индоарийской и евразийской моделей структу-

ры общества древних номадов, планиграфического анализа могильников. В целом, необходимо осознавать, что социальная сегментация скифо-сакского социума, в основе восприятия которой подчас лежит не исчерпывающий анализ сохранившихся материальных свидетельств, а смена наших представлений о них, несмотря на продолжительное изучение, пока недостаточно аргументирована и находится на стадии научной разработки. В археологии Казахстана положительную роль сыграли бы меры, направленные на сосредоточие усилия группы специалистов, структурирование самой сферы задач, и конечно же, полную систематизацию материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские (Общее и особенное в культуре) //В сб.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 43-58.
- Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 131с.
- Акишев К.А. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н.э.): автореф. ... докт. ист. наук. М., 1986. 45 с.
- Акишев К.А. Социальная структура сакского общества в VI-IV вв. до н.э. //В кн.: Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы, 1993. С. 45-58.
- Акишев К.А. Феномен элитарных курганов Северного Тянь-Шаня // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседаний круглого стола 22-24 декабря 1994 г.) СПб: Археологические изыскания, 1994. С. 8-12.
- Акишев К.А. Казахстан в сако-сарматскую эпоху. Эпоха раннего железа //История Казахстана: в 4 т. – Алматы: Атамұра, 1996. Т. 1. С. 158-180; 216-244.
- Акишев К.А. Социально-экономические отношения у древних усуней (уйсуней) в I-V вв. н.э. // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Москва – Алматы, 1998а. С. 65-71.
- Акишев К.А. Степная цивилизация номадов (смысл феномена) //Археологическое наследие Урало-Казахстанских степей: матер. междунаrodn. научн. семинара. Лисаковск, 1998б. С. 54-59.
- Акишев К.А. Археологические ориентиры прогнозирования структуры древних обществ степной Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тыс. до н.э. Матер.междунаrodn. конф. Челябинск – Аркаим, 1999. С. 55-59.
- Акишев К. А. Курган Иссык: ритуал, искусство, социум // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. ТД Круглого стола, посвященного 20-летию Независимости РК. Караганды, 2011. С. 40-49.
- Акишев К.А. Древние и средневековые государства на территории Казахстана (Этюды исследования). Алматы, 2013. 192 с.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1963. 321 с.
- Акишев К.А., Акишев А.К., Хабдулина М.К. Предисловие. //В кн.: Степная цивилизация Восточной Евразии. Древние эпохи. Астана, 2003. Т. 1. С. 3-7.
- Акишев А.К. Костюм «золотого человека» и проблема катафрактария //Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 54-64.

- Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.
- Алтынбеков К. Возрождённая из пепла. Реконструкция жрицы по материалам погребения в могильнике Таксай I. Алматы: Остров Крым, 2013. 64 с., илл.
- Башилов В.А. Можно ли считать скифо-сибирский мир «цивилизацией кочевников»? //КСИА. М.: Наука, 1993. Вып. 207. С. 36-37.
- Бейсенов А.З. К изучению особенностей крупных курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Кадырбаевские чтения – 2010: матер. II междунар. научн. конф. Актобе, 2010. С. 77-79.
- Бейсенов А.З. Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. ТД Круглого стола, посвященного 20-летию Независимости РК. Караганды, 2011. С. 14-20.
- Бейсенов А.З. Об использовании данных казахской этнографии в археологических исследованиях // Мат-лы междунар. науч-практ. конф. «II Аргынбаевские чтения». Алматы, 2014. С. 87-90.
- Бейсенов А.З. Организация и ранний этап исследований Центрально-Казахстанской археологической экспедиции //История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Монголия, Казахстан, Китай). Материалы международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск, 2015а. С. 40-47.
- Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана// Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы, 2015б. С. 11-38.
- Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А. Искусство древних кочевников Центрального Казахстана: образы, сюжеты, композиции//Вестник ЮУрГУ. 2013. Т. 13, № 2. С. 12-17.
- Бейсенов А.З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г.А. Искусство саков Сарыарки. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. 186 с.
- Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А. Мир образов в искусстве населения Сарыарки // Материалы международной научной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». Т. II. Алматы, 2011. С. 263-271.
- Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А., Баринова Е., Крешиоли Л. Археологические исследования могильника раннего железного века Каспан-6 в Жетысу // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы, 2015. С. 59-70.
- Бейсенов А.З., Китов Е.П. Посмертная трепанация черепов в элитных захоронениях сакской эпохи Центрального Казахстана//Известия Алтайского государственного университета. 2014. №4-2(84). С.31-41.
- Болтрик Ю.В. Социальная структура Скифии IV в. до Р.Х., отраженная в погребальных памятниках // *Kimmerowi, Scytowie, Sarmaci. Ksiega poswiecona Tadeusza Sulimirskiego.* Krakov, 2004. S. 85-91.
- Болтрик Ю.В. Элитные курганы как маркеры территориальной структуры Скифии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы, 2015. С. 77-83.
- Бусова В.С. Конструкция кожаного пояса кочевого населения Тувы в I тыс. до н.э. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов. Барнаул, 2017. С. 164-165.
- Васютин С. А., Мокрынин С.В. Сакские курганы царского типа Прииссыккуля //Скифо-сибирский мир: тезисы всесоюзн. археологич. конф. Кемерово, 1989. Ч. 1. С. 61-63.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. М.: Наука, 1973. 159 с. Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: мат-лы. междунар. конф. Алма-Ата, 1987. 464 с.

- Генинг В.Ф. Структура археологического познания. Проблемы социально-исторического исследования. Киев, 1989. 296 с.
- Геродот. История: в 9 кн. /перевод и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. Кн. IV. 600 с.
- Грач А.Д. Принципы и методика историко-социологической реконструкции форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири, Центральной Азии) //В кн.: Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 158-182.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана //История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 2. С. 399-411.
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос.Эрмитажа, 1950. 92 с.
- Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. Уральск: Полиграфсерфис, 2004. 136 с.
- Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрения населения Горного Алтая скифского времени: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002.
- Дашковский П.К. Синкретизм религиозно-мифологической системы и служители культа у кочевников Горного Алтая скифской эпохи //Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. № 11. С. 59-72.
- Дашковский П.К. Начальный этап формирования религиозной элиты у кочевников Центрально Азии // Социогенез в Северной Азии: мат-лы 3-й Всерос. конф. Иркутск, 2009. С. 119-125.
- Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Некоторые тенденции изучения элиты древних и средневековых кочевников Центральной Азии в современной российской номиналогии // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сб. науч. ст., посв. 90-летию со дня рожд. К.А. Акишева. Астана, 2014. С. 293-306.
- Дашковский П.К., Усова И.А. Семантика головного убора «пазырыкцев» Алтая (по материалам могильника Ханкаринский дол) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб-к. научн. тр. Казань, 2010. С. 304-306.
- Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: мат-лы междунар. научно-практич. конф. СПб., 1996. 202 с.
- Жумабекова Г.С., Базарбаева Г. А., Онгар А. Есік. Иссык. Esik. Алма-Ата, 2011. 200 с.
- Зуев В.Ю. К вопросу о «скифской цивилизации» //Древние культуры и археологические изыскания: мат-лы к пленуму ИИМК 26-28 ноября 1991 г. СПб., 1991. С. 58-63.
- Зданович Г.Б., Иванов И.В., Хабдулина М.К. Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования (курганы Кара-Оба и Обалы в Северном Казахстане) // СА. 1984, № 4. С. 35-48.
- Зданович Г.Б., Зданович Д.Г. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) //Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала: мат-лы третьей междунаrodn. научн. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Челябинск, 1995. Ч. V, кн.1. С. 48-62.
- История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Алма-Ата: Наука, 1977. Т. 1. 478 с.
- Киселев С.В. Алтай в скифское время (майэмирская культура)//Вестник древней истории. 1947, №2. С. 157-172.
- Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.
- Крадин Н.Н. Основные закономерности происхождения государства //КСИА. 2015. Вып. 239. С. 7-27.
- Литвинский Б.А. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии: (Опыт истолкования в свете истории религии)//СЭ. 1982. № 4. С. 34-43.
- Мартынов А.И. Проблема степной скотоводческой цивилизации (становление и развитие) //Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: тез. докл. Барнаул, 1988. С. 154-156.

- Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. //Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: мат-лы междунар. конф. Алма-Ата, 1989. С. 284-292.
- Мартынов А.И. Модель цивилизационного развития в степной Евразии //Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье): мат-лы Всерос. научн. конф. Кемерово, 2003 С. 7-15.
- Мартынов А.И. Проблемы изучения евразийской степной цивилизации //В сб.: Номады казахских степей: этнокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана, 2008. С. 10-19.
- Мартынов А.И. Археология и законы исторического развития // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов. Барнаул, 2017. С. 667-668.
- Марсадолов Л.С. «Модель мира» и основы сакрально-научных знаний древних кочевников Центральной Азии // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. Астана, 2014. С. 441-459.
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976. 191 с.
- Массон В.М. Развитие элитарных структур как прогрессивный феномен скифской эпохи // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседаний круглого стола 22-24 декабря 1994 г.) СПб, 1994. С. 1-8.
- Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. Самара: Изд-во ТОР СамГПУ, 1996. 102 с.
- Мастыкова А.В. «Вождеская» культура Северного Кавказа эпохи великого переселения народов и обще-европейский контекст //КСИА. 2014. Вып. 224. С. 3- 7.
- Масанов Н.Э. Элементы структуры социальной организации кочевников Евразии //В сб.: Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 20-26.
- Мурзин В.Ю. Погребения скифских номархов // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2015. С. 61-71.
- Научный Архив «Гылым ордасы», ф. 1, оп. 1, д. 345, л. 2; 17
- Омаров Ғ. Шығыс Қазақстанның ерте темір дәуірі. Алматы: Қазақ Университеті, 2014. 256 б.
- Онгар А. Элитарные курганы ранних кочевников Восточного Казахстана и Семиречья: конструктивные особенности // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана, 2008. С. 221-224.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): Сб-к мат-лов конф. В 2-х ч. Кемерово, 1989.
- Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Тезисы докладов всесоюзной археологической конференции. 14-17 ноября 1979 г., г. Кемерово. Кемерово, 1979. 170 с.
- Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975. 67 с.
- Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 600 с.
- Ранние кочевники //КСИА. М., 1978. Вып. 154. 112 с.
- Руденко С.И. Горно-алтайские находки и скифы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 268 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Изд.А Н СССР, 1953.402 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.:Изд-во АН СССР, 1960. 359 с.
- Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы, 2011. 218 с.
- Самашев З. Берел. Алматы: Таймас, 2011.236 с.
- Самашев З., Толеубаев А., Джумабекова Г. Сокровища степных вождей. Алматы: ОФ «Берел», 2004. 176 с.
- Скифо-сибирское историко-культурное единство. Материалы Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980. 367 с.

- Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: ИртГТУ, 2005. 312 с
- Степанова Е.В. Реконструкция головного убора вождя из 2-го Пазырыкского кургана // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов. Барнаул, 2017. С. 986-987.
- Токарев С.А. Исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во МГУ, 1958. 615 с.
- Толеубаев А.Т. Из опыта научной реконструкции костюма «золотого человека» из Шиликты // Казахстанская археология и этнология: современные достижения и инновационные технологии: мат-лы конф. III Оразбаевские чтения. Алматы, 2011а. С. 4-29.
- Толеубаев А.Т. Некоторые проблемы социально-экономического и культурного развития азиатских саков// Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. ТД Круглого стола, посвященного 20-летию Независимости РК. Караганды, 2011б. С. 65-68.
- Тишкин А.А. Элита в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе археологических материалов // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ, 2005.С. 43-56.
- Тишкин А.А. О становлении государственности у кочевников Алтая скифо- сакского времени//Тезисы докладов Всероссийской научной конференции «На пороге цивилизации и государственности». Москва, 2014. С. 67-70.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 430 с.
- Тишкин А.А., Серегин Н.А. Основные результаты изучения социальных систем у кочевых народов Алтая поздней древности и раннего средневековья по археологическим материалам // КСИА, № 239. Москва, 2015. С. 28-42
- Хабдулина М.К. Кочевая цивилизация: критерии и понятия //Известия МН-АН РК. Серия обществ. наук. Алматы: Гылым. 1997. № 1. С. 3-9.
- Хабдулина М.К. Тасмолинская археологическая культура: современное состояние // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. №2. С.181-194.
- Черников С.С. Основные проблемы археологического изучения Казахстана // Изв. АН КазССР. Сер. ист. 1950. Вып. 5 (№ 77). С. 63–70.
- Черников С.С. Восточноказахстанская экспедиция // КСИИМК. Вып. XXXVII. 1951. С. 144-150.
- Черников С.С. Загадка Золотого кургана: Где и когда зародилось скифское искусство? М.: Наука, 1965. 188 с.
- Чугунов К.В. Захоронения «золотых» людей в традиции номадов Евразии (новые материалы и некоторые аспекты исследований) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сб. науч. ст., посв. 90-летию со дня рожд. К.А. Акишева. Астана, 2014. С. 714-725.
- Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Изучение материалов кургана Аржан-2: междисциплинарные исследования, реставрация и реконструкция //Режим доступа: http://arzhan2.nw.ru/index_ru.htm.
- Шульга П.И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): Сб-к мат-лов конф. Ч. 2. Кемерово, 1989. С. 40-43.
- Эволюция института власти в древней, средневековой и новой истории Казахстана и сопредельных государств // Мат-лы междунар. науч.-теорет. конф. Алматы, 2016. 272 с.
- Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: коллективная монография. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2015. 330 с.
- Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседаний «Круглого стола» 22-24 декабря 1994 г.). СПб,1994. 182 с.

- Ярыгин С.А. Культурный код ранних и средневековых кочевников Евразии // Symbolic and archetypic in culture and social relations: materials of the V international scientific conference. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2016. S.28-33.
- Bejsenov A. Die Nekropole Taldy 2 inbeziehung zu den Kulturen der fruhsakshen Zeit Osteurasins Unbekanntes Kasachstan // Archäologie im herzen Asiens. Band II. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2013. S. 595-608
- Bondarenko D.M., Korotayev A.V. «Earli State» in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Re-Analysis of Henri J.M. Claessen,s Databas. Cross-Cultural Research //The Journal of Comparativ Social Science. 2003. Vol. 37 (1). P. 105-132.
- Toleubaev A. Snow leopards, eagle-felines and golden deer treasures from the «Hill of horse races» //Of gold and grass: nomads of Kazakhstan. Washington, 2006. P. 51-55.
- Cugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Furstenkurgan Arzan 2 in Tuva. Berlin - Mainz, 2010. 424 taf.
- Yarygin S.A., Sarsambekova A. The Indo-Aryan Image of «Rāja-Sārdūla» among Saryarka Nomads // The Anthropologist. 2015. Vol. 20, №3. P. 765-772.

ГЛАВА II

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ УЛУБАЙ-ТАСМОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОЙ САРЫАРКИ

История изучения памятников

Северный Казахстан историко-географических позиций находится на стыке двух природно-географических провинций: юга Западно-Сибирской равнины и северных степных просторов Казахского мелкосопочника. Меридианально эта территория протянулась на 700 км вдоль верхнего и среднего Ишима. По широте пределы её ограничиваются между-речьем Тобола-Иртыша (700 км).

Своеобразие Северного Казахстана заключается в его географическом положении на месте стыка двух природных зон – лесостепи и степи – и вытекающего из этого соседства различных хозяйственно-культурных типов древности. Лесостепь – это саргатская этнокультурная общность (V в. до н.э. – V в. н.э.). Степная полоса – тасмолинская историко-этнографическая общность (VIII – IV вв. до н.э.). Она занимала обширное пространство степной и полупустынных зон Северного, Северо-Западного, Северо-Восточного, Центрального и западной окраины Восточного Казахстана (Сарыарка).

Тасмолинская общность имела устойчивое ядро в пределах территории Казахского мелкосопочника, где открыта М.К.Кадырбаевым тасмолинская археологическая культура.

Окраины тасмолинской общности, находящиеся на стыке ландшафтных зон были более открыты для инноваций и влияний. И здесь складываются свои особенности развития историко-культурных процессов. Такой контактной зоной являлась североказахстанская степная полоса от широты г. Петропавловска на севере до широтного отрезка реки Ишим на юге. Культурное своеобразие памятников этой территории определило выделение здесь улубай-тасмолинского (улыбай-тасмолинского) локального варианта тасмолинской историко-этнографической общности. В раннесакское время в степях Южного Зауралья существовала бобровско-тасмолинская (бобров-тасмолинская) культура, входящая в эту же общность [Хабдулина, 1994; Таиров, 2007] (рис.1).

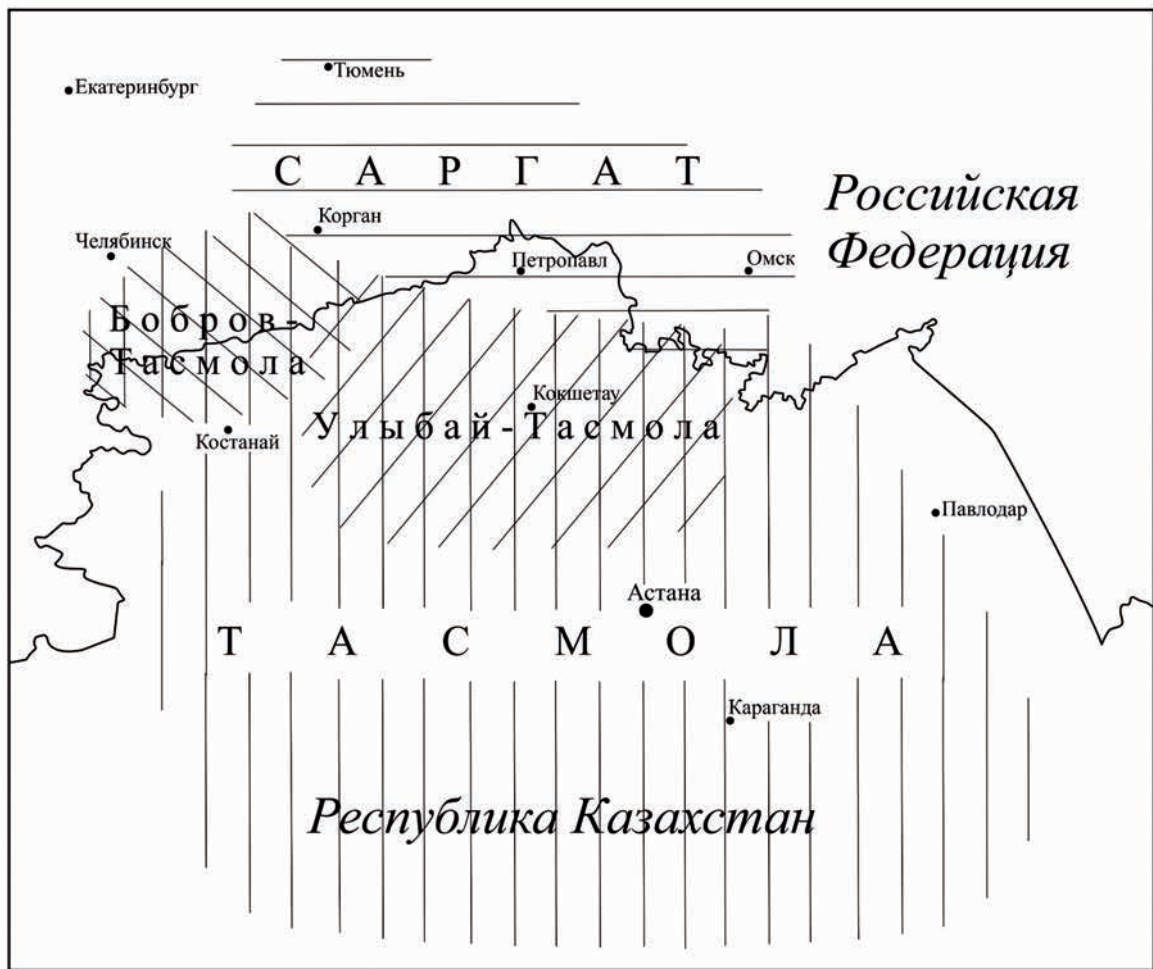

Рис.1. Карта археологических культур

В истории изучения раннего железного века Северного Казахстана можно выделить три периода, связанные с накоплением археологического материала и его исторической интерпретации: 1) 20 – 50-е годы XX века. Это период накопления материала и первых историко-культурных обобщений; 2) 60-90-е годы XX в. – период целенаправленного изучения памятников раннего железного века, выделение улыбай-тасмолинской археологической культуры как локального варианта тасмолинской историко-этнографической общности; 3) современный, охватывает последние два десятилетия, характеризуется углубленным изучением актуальных проблем культурогенеза и исторических судеб племен раннего железного века Северного Казахстана.

1) До середины 50-х годов XX века территория Северного Казахстана оставалась «белым пятном» на археологической карте края и в представлении исследователей сопредельных областей считалась необитаемым пространством или просто местом стыка скифской и минусинской культур [Граков, 1930, с.13]. В эти годы проведены случайные раскопки отдельных курганов, фиксация разрозненных сведений приведена в небольшом реестре 1929 года [Лентовский, 1929].

В 1928-1930 гг. геологами были открыты погребения в курганах «с усами» на берегу озера Большое Чебачье и хуннское погребение на берегу озера Бурабай. Находки были отправлены в ГосЭрмитаж. Публикация материалов была осуществлена спустя десятилетия [Бернштам, 1949, с. 216-229; Грязнов, 1956, с. 8-16]. Первые масштабные разведочные работы были проведены целинными экспедициями 1954-1956 гг. В результате на археологическую карту Казахстана были нанесены сотни курганов раннего железного века. В северных областях республики были произведены раскопки 46 курганов [Акишев, 1959, с.4].

В 1956 г. у оз. Айдабол (Зерендинский район Акмолинской области) раскопаны три кургана с каменной насыпью. Погребальный инвентарь (акинак с рожковидным навершием, бронзовые втульчатые и черешковые наконечники стрел, золотые височные кольца, бронзовое зеркало) позволил датировать могильник V-IV вв. до н. э. Аналогии вещам были найдены в раннесарматской («савроматской») культуре, племена которых, по мнению К.А. Акишева, проникали в районы Северного и Центрального Казахстана с территории Нижнего Поволжья и Западного Казахстана [Акишев, Агеева, 1958, с. 84-89].

Первый период завершается статьей М.П. Грязнова, в которой были опубликованы материалы курганов «с усами» на озере Большое Чебачье, раскопанных геологом Б.Н. Ждановым еще в 1930 г. [Грязнов, 1956, с. 8-16]. Кроме описания курганов в статье дана характеристика случайных находок, происходящих с северных регионов Казахстана. Курганы «с усами» были отнесены М.П. Грязновым к раннему железному веку. Таким образом, была определена культурно-хронологическая позиция курганов «с усами» и высказано мнение о своеобразии культуры ранних кочевников Северного и Центрального Казахстана. Автором были сделаны интересные уточнения, не потерявшие своей актуальности и сегодня. Территория Северного Казахстана, по мнению М.П. Грязнова, была заселена племенами с культурой скифского типа, причем племена эти по культуре гораздо ближе к алтайско-енисейским, чем скифским. Высказано мнение о неоднородности в этническом и политическом отношении кочевников Северного Казахстана, и наличии здесь в раннем железном веке нескольких археологических культур [Грязнов, 1956, с. 10-15].

2) Второй период связан с деятельностью Северо-Казахстанской археологической экспедицией, созданной в 1967 г. под руководством Г.Б. Здановича. В 1974 г. в составе экспедиции был организован отдельный отряд под руководством М.К. Хабдулиной для изучения памятников раннего железного века. К этому времени на территории Северного Казахстана было зафиксировано более 300 могильников с общим количеством насыпей раннего железного века – 1300 единиц. Обнаружено пять поселений. Четыре из них расположены в лесостепной полосе на реке Ишим и одно поселение – в степной зоне на реке Чаглинка. По керамике поселения лесостепного Приишимья отнесены к культурам раннего железного века Западной Сибири: байтовской и саргатской [Хабдулина, 1994, с. 29-31, 69-70].

Значительным вкладом в археологию раннего железного века Казахстана стало открытие и исследование саргатского городища Актау V-III вв. до н.э. и начало раскопок крупных курганов с применением комплексных междисциплинарных методов. В археологии Казахстана это было впервые [Хабдулина, 1993, с. 112-143; Зданович и др., 1984, с. 35-48].

В 1979-1980 гг. в Петропавловском Приишимье были раскопаны два крупных кургана Кара-Оба и Обалыс привлечением палеопочвоведов и использованием математических методов анализа и моделирования [Зданович и др., 1984, с. 35-48]. Курганы оказались двух-

слойнными и законсервировали под насыпями почвы конца II тыс. до н.э. и второй половины I тыс. до н.э. По палеопочвенным анализам была реконструирована динамика изменения природных условий от конца II тыс. до н.э. до конца I тыс. до н.э. В результате изучения и тщательной фиксации стратиграфии насыпей были сделаны математические расчеты объема трудозатрат на возведение крупных курганов. Получены сведения по архитектуре элитных курганов, сделана реконструкция надмогильного сооружения (рис. 2). Впервые было обращено внимание исследователей на способ строительства грунтовых насыпей из глиняных «вальков-кирпичей». В настоящее время установлено, что это распространенный прием строительства крупных курганов сакского времени [Бейсенов, 2010, с. 78].

К концу 80-х годов XX в. на территории Северного Казахстана было раскопано 250 курганов, 5 поселений. В целом на поселениях вскрыто более 3 тысяч кв. метров культурного слоя. Общий фонд коллекций составил 14 тысяч единиц хранения. Статистической обработке подвергнуто более 400 сосудов. Результаты исследования памятников раннего железного века Северного Казахстана были обобщены в диссертации и монографии М.К. Хабдулиной [Хабдулина, 1992; 1994].

Впервые сделан анализ погребального обряда, прослежена единая линия развития от VIII до II вв. до н.э. Проведены классификация и систематизация предметов материальной культуры, выделены культурно-хронологические этапы в развитии североказахстанских племен, определены культурная принадлежность и хронология памятников раннего железного века Северного Казахстана.

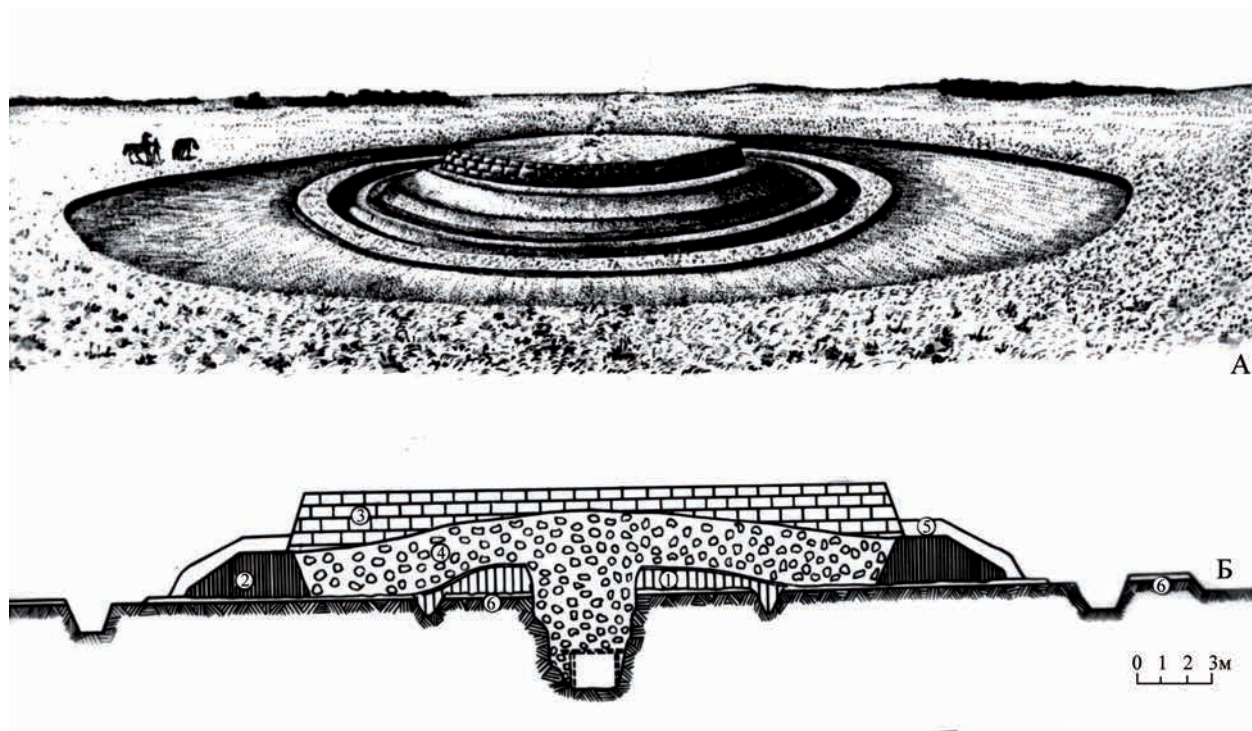

Рис. 2. Курганы Кара-Оба и Обалы. Реконструкция внешнего вида и разреза надмогильного сооружения:
 1-насыпь раннего кургана; 2- кольцевой ров; 3 – сооружение из дерновых пластов;
 4- насыпной грунт; 5- глиняная крепида; 6- материк

Сравнительным анализом были выделены характерные черты памятников Северного Казахстана, которые позволили объединить их в рамках локального варианта тасмолинской культуры и по наиболее яркому могильнику предложить название улубай-тасмолинской археологической культуры [Хабдулина, 1994, с. 79].

3) В современный третий период, охватывающий последние два десятилетия, продолжается накопление археологических источников. Основное внимание уделяется изучению теоретических проблем культуригенеза и исторических судеб племен раннего железного века Северного Казахстана. Разрабатываются три направления: поселенческая археология, архитектура и конструкция элитных курганов с выходом на реконструкцию мировоззренческих представлений и определения функционального назначения крупных курганов. Открываются новые грани культовой практики, которые свидетельствуют, что курганы возводились не только как погребальные сооружения, но и выполняли функции храмов-святилищ [Хабдулина, 2016, с.137-148]. Третье направление современных исследований направлено на поиски и раскопки памятников гунно-сарматского времени, с целью изучения содержания перехода от раннего железа к средним векам. В настоящее время раскопано более 50-ти курганов гунно-сарматского времени, проведена картография, выделены основные зоны их концентрации.

Историю племен раннего железного века Северного Казахстана можно разделить на два крупных периода: сакский (VIII-III вв. до н.э.) и гунно-сарматский (IIв. до н.э. – IVвв. н.э.). Рубеж историко-культурных изменений приходится на III-II вв. до н.э. С этого времени на всей территории Северного Казахстана начинается процесс «сарматизации», стираются культурные различия, распространяются одинаковые стандарты.

Памятники улубай-тасмолинской культуры

Сакская эпоха представлена погребальными, культовыми памятниками, поселениями и памятниками статуарного искусства. Основным источником являются курганы.

Некрополи улубай-тасмолинских племен состоят из 5-7 курганов, вытянутых цепочкой вдоль русла рек. Средние размеры курганов 6-12 м в диаметре, высота 0,5- 1,0 м. Насыпи сложены из камня. Курганные группы одновременны по составу. Они могут содержать курганы от раннесакского до развитого средневековья. Помимо рядовых курганов имеются и крупные курганы, принадлежавшие знати. Эти насыпи расположены одиночно или сгруппированы по 3-5 насыпей на одном могильном поле. «Царские» курганы Северного Казахстана имеют диаметры 30-60 м, высоту 2- 6 м. В настоящее время на территории Северного Казахстана раскопано 10 крупных курганов. По архитектуре насыпи и конструкции могильных ям они были датированы в рамках периода от VI-V вв. до н.э. до II в. н.э. Следует учесть, что в современных условиях такая дата сильно грабленых и не давших ярких вещевых находок крупных курганов может быть уточнена. В том числе и в сторону удревнения.

Каменные конструкции, лежащие в основании малых курганов, сложенных из земли и камня, по целому ряду признаков переключаются с деревянными надмогильными сооружениями, вскрытыми под земляными курганами. О первоначальном внешнем виде каменных насыпей позволяют судить фрагменты сохранившейся кладки, форма, размеры

оснований, а также объем камней, рухнувших в погребальную камеру. Анализ фактологических материалов свидетельствует о существовании в древности наземных каменных построек прямоугольных, круглых и многоугольных в плане. Размеры этих построек соответствуют деревянным сооружениям земляных курганов и колеблются в пределах 4х5 – 7х7 м (рис. 3).

Наиболее полное представление о погребальном обряде сакского времени дают крупные курганы. Общеизвестно, что степные курганы Евразии – это сложные архитектурные сооружения, отражающие религиозные представления древних кочевников степи. Структура кургана олицетворяет модель Вселенной, в ней воплощена мифологическая концепция мироздания. Для сферы монументального культового строительства раннего железного века характерно несколько общих признаков. Это возведение над могилой наземной полой конструкции и строительство насыпи из глиняных вальков - «кирпичей». Поэтому в археологическом разрезе такая насыпь имеет пятнистую структуру.

Для раннесакского времени (VIII-VI вв. до н.э.) характерно возведение многослойных деревянных сооружений шатрового и срубного типов. Конструкция из радиально выложенных бревен, закрывающих всю подкурганную площадку, ярко воплощена в знаменитом кургане Аржан в Тыве. В меньших размерах она представлена под насыпью кургана 1 могильника Кенес в Северном Казахстане. Это была трехслойная шатровая конструкция из бревен диаметром 30-40 см. В центре над могилой она держалась на столбах. Неглубокая могильная яма имела дромос с восточной стороны. Стенки дромоса были обшиты деревом [Хабдулина, 1976, с. 197].

Необходимость создания полых наземных объемов из дерева приводит к оформлению новой структуры насыпи. Неоднородность ее проявляется в виде чередования горизонтально перемежающихся пластов глины, золы, хвороста или камыша, трав с основным дерновым грунтом. В профиле центральной части кургана 1 мог. Кенес насчитывается до 16 слоев дерева и других растительных остатков толщиной 3-5 см. Сверху насыпь была обмазана разжиженной глиной, в которой закреплены мраморные плиты облицовки.

В сакское время (V-III вв. до н.э.) традиция полых наземных сооружений получает преломление в использовании (перепланировке) уже существующих насыпей предшествующего времени. Появляется традиция перекрывания курганов предыдущего времени. Этим подчеркивается общность генетических корней и, возможно, таким образом, утверждается право владения данной территории. Такие курганы раскопаны на берегах Ишима в урочищах Обалы, Кара-Оба [Зданович и др., 1984]. В этом случае поверхность нижней насыпи используется как подкурганная площадка. Иногда вместо перепланировки древнего кургана в центре возводилась искусственная небольшая насыпь, поверхность которой включается в подкурганное пространство крупного «царского кургана».

Создание погребального памятника – это длительный, многоэтапный и регламентированный процесс, в котором участвовали значительные массы людей. Большое внимание уделялось сакрализации подкурганной площадки. Она оконтуривалась рвом или валом. С поверхности ее срезался гумус и вся площадка покрывалась чистой глиной или берестой. На ней проходили какие-то магические ритуалы, разжигались костры, о чем свидетельствуют участки прокалов, проводились жертвоприношения.

Следы различных ритуалов запечатлены в конструкции курганов. Как выясняется, любая деталь архитектуры, структуры древнего памятника наполнена глубоким символи-

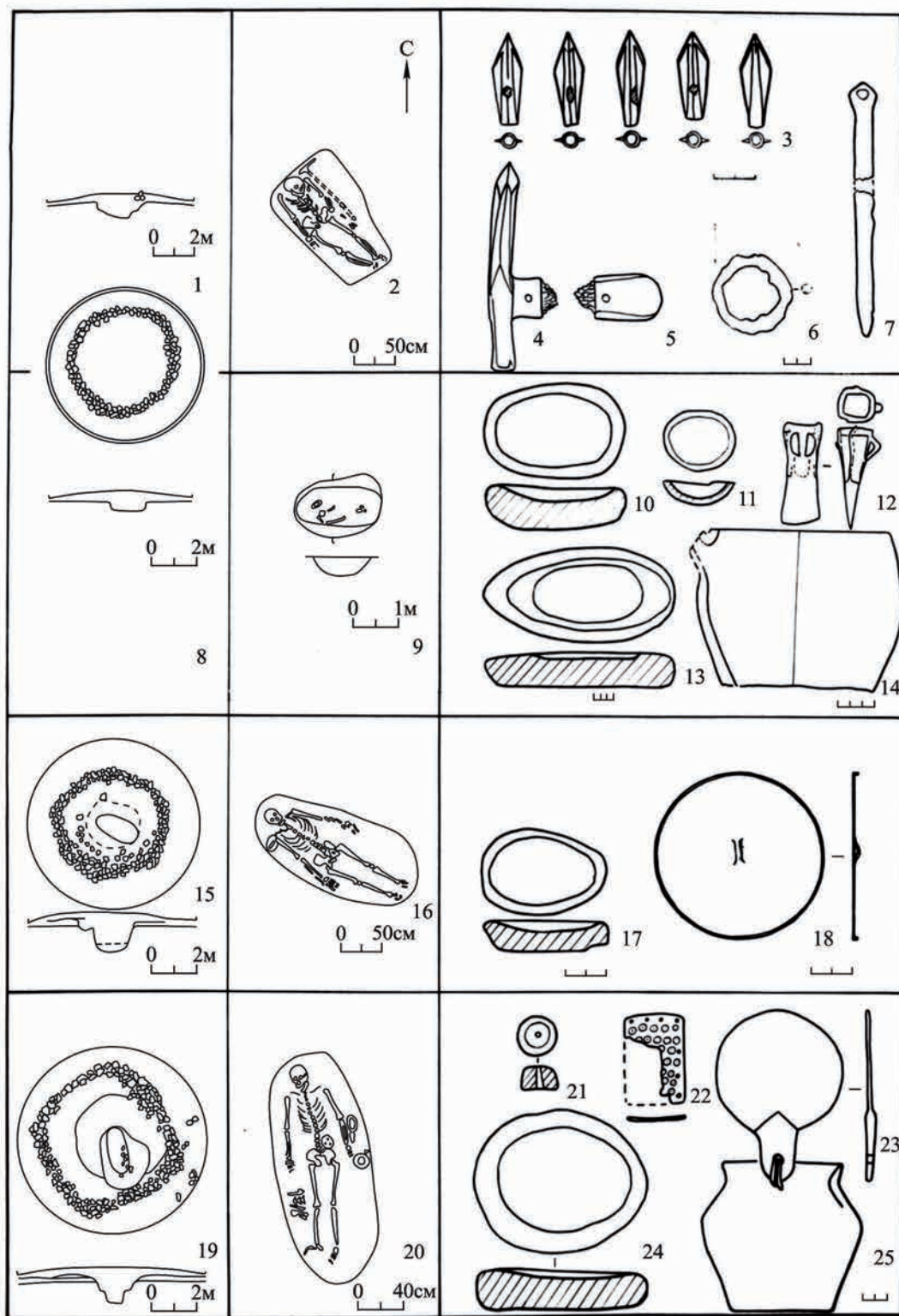

Рис. 3. Погребальные комплексы сакской эпохи: 1-6 – мог. Алыпкаш, к. 1; 8-13 – мог. Улубай, к. 7; 15-18 – мог. Бектениз, к. 1; 19-25 – мог. Бектениз, к. 5

ческим смыслом. Новые данные по поминально-погребальной практике древнего населения Северного Казахстана получены при исследовании храмов-святилищ сакского времени. Они раскрывают яркую и сложную сферу духовной жизни улубай-тасмолинских племен

Храмы-святилища сегодня имеют вид крупных курганов, но не относятся к категории погребальных памятников. Раскрыть их истинное назначение можно только тщательной методикой раскопок. Два таких «кургана» исследованы на реке Ишим. Это курган 1 могильника Байкара и курган Сыгнак [Парцингер и др., 2003; Свиридов и др., 2014, с. 582-589].

Курган 1 Байкара расположен на второй террасе левого берега Ишима, на окраине с. Сергеевка Северо-Казахстанской области. Это был самый крупный курган степного Приишимья. Диаметр 85 м, высота 7 м. Дата V-IV вв до н.э. [Парцингер и др., 2003, с. 97]. Стратиграфия насыпи дает картину сложной конструкции, подтверждающей мнение о том, что курганы не просто погребальные сооружения, а своеобразные храмы. Строительство их было неоднаковым процессом, оно растягивалось на годы. Такие наблюдения уже не раз отмечались исследователями крупных курганов степной Евразии.

Тщательная методика раскопок выявила этапы строительства большого кургана Байкара. Выбранное для храма место было околонушено рвом с перерывом в юго-восточной стороне. Внутреннее пространство выровнено, с нее срезан верхний дерн. В центре была выкопана большая яма (4,9х3,9 м) глубиной всего 0,5 м. К ней с востока шел дромос длиной 14,5 м. Выкид из дромоса был уложен вдоль его стен в виде двух валиков. Дромос, не доходя до ямы, выходил наверх (рис. 4). В конструкции дромоса был участок в виде подземного лаза, т.е. передвижение по нему имело препятствие, требующее скрытного, подземного преодоления. На дне дромоса найдена золотая бляшка и каменный топорик. Эти вещи также имели какой-то смысл. К сожалению, конструкция ямы была уничтожена вводным сарматским погребением, сделанным через пять столетий, и последующим полным ограблением кургана «бугровщиками» во второй половине XVIII в. Но известно, что яма не содержала погребение человека.

На подкурганной площадке рядом с ямой были возведены две конструкции из глины и положена в свернутом виде рыболовная сеть. От нее остались 27 каменных грузил. Еще стояли 12 столбов, на которых, по мнению исследователей, было что-то развешано (рис.4). После проведения каких-то обрядов яма и дромос были заложены кусками дерна. Всю подкурганную площадку покрыли несколькими слоями бересты, убрали столбы. И началось возведение наземной конструкции храма из вальков дерна и глины [Парцингер и др., 2003, с. 29-37].

Самым интересным открытием стала фиксация в насыпи трех полых коридоров, которые вели от периферии кургана к центру. Два хода шли с севера, один с юга. Планировочная схема храма включала эти коридоры изначально. Они были запланированы внутри грунтового объема насыпи. Коридоры имели ширину 1-2 м, высоту 1,5-2,0 м. Стены и своды облицованы плетнем. Своды дополнительно подпирались опорными столбами. По этим штольням можно было передвигаться, почти не пригибаясь. Вне сомнения, они были нужны для периодического проникновения в центр насыпи.

В связи с этим следует упомянуть о полых конструкциях, зафиксированных в насыпи кургана 1 Кенес. Могильник Кенес расположен в 30 км севернее могильника Байкара. К сожалению, методика раскопок кургана 1 Кенес не была столь тщательной и лишь по

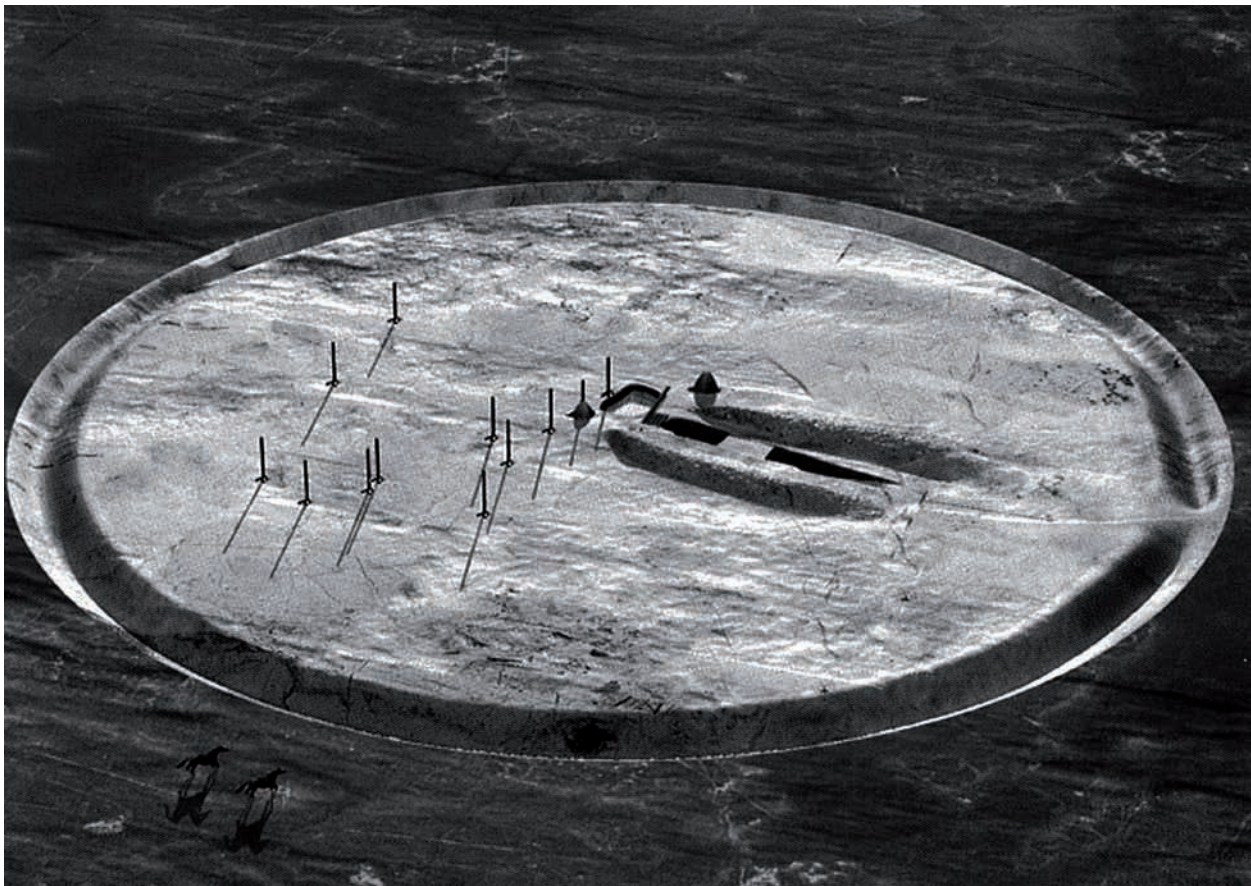

Рис. 4. Байкара, к.1. V-IV вв. до н.э. Реконструкция сооружений первого этапа (по: [Парцингер и др., 2003, илл.77]).

прогибам бересты, дерева в профилях кургана была высказана догадка о существовании в древности полых сооружений. В кургане 1 Кенес также к яме с востока вел дромос. Следует отметить, что в Северном Казахстане дромосные могилы оказались более характерны для крупных курганов (Жалтыр, Бирлик, Ступинка).

Три штольни, принятые нами за грабительские, были зафиксированы в насыпи курганов Обалы, Ступинка [Хабдулина, 1994, с.110, рис.25; с. 111, рис. 26, 1]. Подземные коридоры были обнаружены в знаменитом сакском могильнике Бешатыр (курган 6) [Акишев, Кушаев, 1963, с. 61-62, 76]. Можно утверждать, что традиция сооружения входов-коридоров внутрь курганов для отправления каких-то культов – явление общее для ритуала раннего железного века.

Храм Байкара поверх насыпи из вальков был покрыт метровым слоем чистой глины и сверху имел каменный панцирь. Вокруг насыпи был возведен каменный вал. В окончательном виде в степи возвышалась серая громада кургана диаметром около 70 м, высотой 4,5 м. На верху ее была сделана прямоугольная каменная платформа (15x17 м) увенчанная пирамидой из красной обожженной глины. Вторичное использование кургана наступило через пять столетий в среднесарматское время.

Не менее интересную архитектуру и конструкцию имел курган Сыгнак, расположенный на высоком коренном берегу Ишима и оказавшийся в черте г. Астаны [Свиридов и др., 2014, с. 582-589]. Диаметр кургана 44 м, высота 3,5 м. Вершина насыпи испорчена крупной воронкой грабительского вкопа диаметром 8 м, глубиной 1,5 м.

В кургане Сыгнак, как и во всех крупных курганах, сохранились следы сакрализации пространства вокруг символической могилы. Срезан гумус, поверхность покрыта чистой глиной, есть обожженные участки, свидетельствующие о разжигании костров и их длительном горении.

В центре подкурганной площадки открыты конструкции, сочетание которых необычно для «могильной ямы». Необходимо указать, что курган возведен на коренной террасе Ишима, сложенной из каменисто-щебнистых геологических структур. Поэтому все углубления древним строителям кургана пришлось не копать, а выбивать в щебнистом грунте. При техническом оснащении тех далеких времен – это было нелегким делом. В каменистом грунте материка выбита «могила» глубиной 2,5 м от уровня древней поверхности. Сверху она имела размеры 2,5 x 1,5 м, на дне она сузилась и приняла прямоугольные очертания 2,0 x 0,6 м. Яма ориентирована длинными сторонами по линии северо-запад-юго-восток. На дне могилы найден небольшой светлый камень. Ни скелета, ни вещей – нет.

В 2 м севернее этой ямы раскопан «колодец» диаметром 1,45 м, глубиной 4 м от уровня древней поверхности. При выборке заполнения встречались мелкие коррозированные фрагменты железа, в придонной части грунт стал влажным, в нем зафиксированы мелкие угольки. Обе ямы выбиты в скально-щебнистом грунте коренной террасы Ишима. Особенно впечатляет глубина круглой ямы, на ее стенках запечатлена природная структура террасы р. Ишим в виде скальных и щебнистых лент. Никаких находок кроме фрагментов железа не найдено [Свиридов и др., 2014, с.594, рис.3].

На перемычке между ямой и колодцем на глубине 1 м от древней поверхности расчищен скелет собаки головой на север. Происхождение этого «захоронения» непонятно. Дело в том, что центр кургана неоднократно ограблен. В верхних слоях перекопа был найден железный двухлопастной наконечник стрелы с длинным черешком. При выборке заполнения ямы и колодца встречались фрагменты костей крупного животного и аморфные куски от каких-то железных изделий. О возможном захоронении здесь человека свидетельствует только маленький фрагмент черепной коробки, больше никаких костей человеческого скелета не найдено. Даже при тотальном ограблении должны были остаться какие-то части скелета.

Если могила была неоднократно ограблена, то, как мог сохраниться скелет собаки? Возможно, захоронение собаки фиксирует неоднократно отмечаемый в археологии случай искупибельной жертвы за ограбление могилы [Абетеков, 1978, с. 60-61; Кубарев, 2005, с. 16]. Рациональным мышлением современного человека трудно понять сочетание колодца и могильной ямы. Для чего нужно было в каменистом грунте выбивать круглую вертикальную шахту колодца глубиной 4 м? И в целом, трудно быть до конца уверенным, что курган возведен над погребением человека.

Сложная конструкция насыпи и два факта, свидетельствуют, что «курган» был насыпан в середине – во второй половине 1 тыс. до нашей эры. Это находка железного наконечника стрелы в заполнении грабительской штольни и вводное погребение подростка,

обнаруженное на северо-западной периферии насыпи. Железный черешковый наконечник стрелы длиной 14 см встречается в раннесредневековых комплексах. Обнаружение его в грабительской штольне может указывать на дату ограбления кургана.

Вводное погребение было сделано на северо-западной периферии уже стоявшего кургана. Такая традиция характерна для племен гунно-сарматского времени. На дне расчищено погребение подростка 8-10 лет (определение А.В. Колбиной), похороненного вытянуто на спине головой на северо-восток. Северо-восточная ориентировка и форма сосуда датируют вводное погребение III-V вв.н.э. [Свиридов и др., 2014, с. 596, рис. 5].

Любой большой курган – это «текст», содержащий информацию о религиозной системе древних социумов. Исследование кургана Сыгнак подтверждает данный тезис. Необычное сочетание колодца, расположенного рядом с пустой могильной ямой и захоронение собаки между ними свидетельствуют, что это не просто погребальное сооружение, а храм-святилище.

Судя по структуре насыпи, первоначально в центре подкурганной площадки вокруг этих конструкций было возведено четырехугольное полое сооружение. Его размеры по оси запад-восток 20 м, ширина внутреннего пространства 6 м. Стена сооружения шириной по основанию 7 м, высотой около 2 м сложена из дерновых пластов. С внутренней и внешней стороны дерновые пласты закреплены (обмазаны) толстым слоем глины. В поперечном разрезе стена сужается кверху. Значит, перекрытия или свода не было. Возможно, в стене был оставлен проход. В таком виде «курган» стоял какое-то время, вокруг проводились магические ритуалы. Затем начинается второй этап возведения насыпи. Пространство внутри и вокруг стены закладывается глиняными вальками. Кургану придается пирамидальная форма, диаметр основания 24-26 м, высота 2,5 м. Склоны насыпи закрепляются глиняными кирпичами. Был еще один, заключительный этап, достройки насыпи. В окончательном виде курган получил вид усеченной пирамиды диаметром около 40 м, высотой 4 м [Свиридов и др., 2014, с. 595, рис. 4].

Сакская эпоха Северного Казахстана представлена памятниками оседлого типа: поселениями, городищами. Изменение природных условий в конце эпохи бронзы, наступившее увлажнение и похолодание вызвали коренную перестройку историко-культурных процессов. Меняется форма хозяйственной специализации, образ жизни, наблюдаются потоки перемещений, миграций населения, смещаются границы ландшафтных зон. Лес и лесостепь продвигаются на юг. На севере Казахстана появляются поселения с керамикой характерной для лесостепного населения Западной Сибири. В степной зоне вместо обширных многослойных поселений бронзового века формируются небольшие по площади зимние стойбища.

На территории Северного Казахстана открыто и исследовано восемь поселений сакского времени. Четыре из них находятся на Ишиме в районе г. Петропавловска. Своим расположением они отмечают южную кромку лесостепных культур Западной Сибири (байтово, саргат). Четыре поселения открыты в степной зоне Северного Казахстана на реках Чаглинка, Селеты. Это поселения улубай-тасмолинской культуры. По керамическим комплексам они датированы раннесакским временем. Одновременно с ними в лесостепной полосе существуют поселения Карлуга I, Борки II [Хабдулина, 1994, с. 29-30].

Поселения раннего железного века Северного Казахстана открыты сравнительно недавно, в последние два-три десятилетия. Целенаправленные поиски и раскопки их не предпринимались. Сама концепция существования оседлых памятников у кочевников получила признание в исторической науке благодаря именно археологическим материалам с территории Казахстана и Алтая [Акишев, 1969; Бейсенов, 2002; 2006; 2014а; 2014б; 2014в; 2015; Хабдулина, 2003; Бейсенов, Ломан, 2009, с. 135-234; Шульга, 2015].

Особенность топографии поселений раннего железного века, которая подчеркивается всеми исследователями – расположение поселений рядом или на том же месте, где позднее возникает стойбище кочевников нового времени. Т.е., главным требованием выбора места обитания является наличие удобных для выпаса пастбищ. На это условие обратил внимание еще К.А. Акишев, назвав открытые им усуньские памятники «поселение-зимовка».

Известные раннесакские поселения степной зоны Северного Казахстана расположены на удобных, защищенных от ветра площадках вторых надпойменных террас степных речек, в местах, где русло реки имеет излучины или в нее впадают небольшие притоки. Такова топография поселений Карлуга 1, Кеноткель X, Таскора 1. Как правило, это очень живописные места. Вместе с тем, вопросы, связанные с топографией этих поселений, должны быть изучены с привлечением более широкого круга источников.

В организации поселений раннего железного века выделяются две планировочные схемы: линейная, вдоль берега реки (Таскора 1); скученные застройки, сгруппированные в отдельные массивы (Таскора). Во втором случае они похожи на отдельные усадьбы, имеющие общие обводные стены или составленные из пристроенных друг к другу строений. Подобный принцип застройки поселений обусловлен суровыми климатическими условиями края и хорошо представлен в планировке казахских зимовок (см.: [Бейсенов, 2014в; 2017]).

По размерам выделяются крупные поселения, состоящие из 10-40 конструкций (Таскора, Таскора 1) и малые стойбища, на территории которых фиксируются 3-4 постройки. Последние характерны также для мелкосопочного рельефа низкогорий восточной части Сарыарки [Бейсенов, 2017, с. 72].

Для раннесакского времени характерны жилища наземного типа площадью 20-40 кв.м. Лишь в одном случае (Таскора 1) исследовано поселение с жилищами-землянками. В нижних слоях этих землянок идет кремневый инвентарь неолитического облика. Такая же ситуация характерна и для поселения Кеноткель X. В любом случае можно утверждать, что одни и те же площадки обживались трижды: в эпоху неолита, в раннесакское время и в XIX веке казахами. Основания наземных домов можно определить по скоплениям ям, канавок. Очаги фиксируются редко. Остатки столбовых ям – отсутствуют, из этого следует, что дома на поселениях Карлуга 1 и Кеноткель X скорее всего были срубные, бревенчатые.

На поселении Таскора наземные строения имеют толстые стены шириной 1-2 м, сложенные из камня. Часто практикуется пристраивание жилищ тыльной стороной к отвесной поверхности склонов. Входы в виде коротких тамбуров с восточной стороны.

Датировка поселений раннесакским временем основана на характерных признаках керамики и находках бронзовых предметов: бронзовый черешковый трехлопастной наконечник стрелы, фрагмент бронзового кельта, бронзовые однолезвийные ножи без выделенной рукоятки, бронзовый нож с кольцевым навершием [Хабдулина, 2003, с. 200, 205, 210]. Раннесакская посуда баночных и горшечных форм, плоскодонная. Тесто в изломе комко-

ватое с большой примесью крупного песка. Преобладают неорнаментированные сосуды и сосуды, украшенные одним рядом ямок или «жемчужин». Массовой категорией находок являются каменные мотыжки, песты, топоры.

Поселения сакского времени по планировке, архитектуре жилищ имеют сходство с памятниками поздней бронзы Центрального Казахстана и с казахскими зимовками XVIII-XIX вв. С поселениями поздней бронзы одинаковы конструкции каменных стен, возведение домов на расчищенной скальной поверхности, коридорообразные выходы, наличие зольных отвалов или площадок. Только на поселениях поздней бронзы мощность золы выше (Атасу, Шортанды-Булак, Бугулы). А.Х. Маргулан связывает наличие зольных площадок с отходами металлургического производства. Поселения сакского времени по основным характеристикам схожи и с казахскими зимовками. Анализируя оседлые памятники казахов Сарыарки, С. Жолдасбаев выделяет два типа в их размещении и архитектуре жилищ: на берегу степных речек и в горных ущельях. На степных зимовках жилища земляночные и полуземляночные. В горных ущельях возведены наземные постройки из дикого камня [Жолдасбаев, 1976, с. 47].

Значение открытия поселений раннего железного века заключается в уточнении понятия «кочевничество» как хозяйственно-культурного типа и социокультурного явления. Существование поселений с капитальными и трудоемкими по возведению строениями свидетельствует о их круглогодичном и стационарном использовании. Наличие оседлых памятников второго типа – небольших по площади стойбищ, расположенных в горных и мелкосопочных долинах, свидетельствует о сезонном характере отгонного скотоводства.

Мелкосопочный рельеф аридной зоны Казахстана в сочетании с небольшими речками, ручьями, озерами, создавали удобные для проживания оазисы, достоинство которых было оценено уже в эпоху бронзы. Демографическая емкость оазисов была достаточно высока, что отражают количество и плотность памятников бронзового века. Несмотря на суровую и длинную зиму, в мелкосопочных долинах можно было выпасать скот круглый год. Почвы степной зоны имеют плотный дерновый слой, сформированный опутанными корнями растений. Мощность дернины достигает 0,6 м. Трава стоит круглый год и даже зимой из-под снега выступают верхушки растений. Почвенные характеристики степной зоны Казахстана, видовое разнообразие фитоценоза позволяют и в зимнее время при благоприятных погодных условиях (отсутствии джута) содержать скот на подножном корму.

Рассеянное расселение небольшими по численности домохозяйствами позволяло осваивать окружающее пространство в радиусе 50-80 км. При такой утилизации не было необходимости в протяженных перекочевках. Археологический материал свидетельствует, что с эпохи энеолита в степной зоне Казахстана формируется пастбищно-кочевая система оазисного типа с выделением суперцентров и сезонных стойбищ [Зайберг, 1983, с. 143]. И такая структура территориально-хозяйственного освоения степи сохраняется на протяжении раннего железного века и средневековья. Поселенческий материал свидетельствует о сохранении основных традиционных приемов и способов жизнедеятельности, сформировавшихся в степи с началом освоения скотоводческой формы хозяйства. Практика стационарного обитания, характерная для оседло-земледельческих культур бронзового века, сохраняется и при системе хозяйствования, известного как кочевое скотоводство.

Кроме оседлых памятников раннесакского времени на южной кромке лесостепной полосы Северного Казахстана исследовано городище Актау V-III вв. до н.э. Это крепость

саргатских племен. Городище находилось на окраине г. Петропавловска на высоком мысу правого берега р. Ишим. Памятник площадью 1700 кв. м раскопан полностью [Хабдулина, 1994, с.31-45].

Планировка. На треугольной по форме площадке мыса открыты остатки 10 жилищ, защищенных со стороны степи дугообразной линией оборонительных укреплений. Развалы оборонительных сооружений длиной 63 м фиксировались на современной поверхности в виде сильно расплывшегося вала высотой 0,3-0,4 м и шириной 7-9 м с едва заметным прогибом рва.

В выборе и оформлении поселения древние зодчие максимально использовали естественные условия защиты. Облюбовав этот мыс, они отрезали самой экономной кривой его наиболее выступающую часть, создав, таким образом, практически неприступную крепость. С двух сторон их оберегали довольно высокие и крутые склоны балок, а с третьей, напольной, ими воздвигнут мощный оборонительный рубеж. Анализ планировочной структуры памятника поражает своей стройностью, продуманностью и рациональностью. Складывается впечатление, что проект застройки, своеобразный план существовал до начала работ - настолько отрегулированы и согласованы все его части.

Композиционной основой планировки поселка стал ансамбль оборонительных сооружений, состоящий из вала-стены, примыкающего к нему дугообразного ряда домов, внешнего рва и системы наружных защитных приспособлений. Жилая площадка застроена довольно плотно. Планировка ее подчинена целям оборонного характера. Наиболее выразительным является северный ряд домов, повторяющий дугообразную схему вала-стены (рис. 5).

Конструкция и интерьер жилищ. На территории городища вскрыты остатки 10 жилищ. Жилища наземного типа – однокамерные и двухкамерные. Однокамерные дома имеют площадь 26 - 30 кв.м. В двухкамерных жилищах, площадь больших комнат 27-48 кв. м, малых – от 12 до 30 кв. м. Судя по отсутствию столбовых ямок, дома на городище Актау были срубные. Высота жилищ 2,5-3,0 м. Кровля, скорее всего, была плоская или односкатная. Это вытекает из полифункциональности основной части построек городища Актау. Они служили не только жилыми помещениями, но и являлись составными элементами оборонительной системы. И в этом качестве крыши их могли использоваться как боевые площадки верхней галереи обороны. С этих позиций наиболее удобными были плоские перекрытия.

В планировке и архитектуре жилищ немаловажным элементом является вход. На городище выделяются два типа входов: коридорообразный, продолжающийся внутри помещения, и короткий угловой в виде тамбура. Длинные коридорообразные входы известны еще с эпохи бронзы, появление их связано с суровыми климатическими условиями, с необходимостью сбережения тепла. Такие входы могли использоваться как дымоходы, каналы тяги очагов, элементы хозяйственной организации интерьера. Обнаруженные в них остатки очагов выполняли роль своеобразных кондиционеров, преграждавших доступ холодного воздуха в помещение.

Организующей основой интерьера жилищ являются очаги. С ними связаны все зафиксированные очертания и большинство находок. Очаги открытого типа. К приоткрытому пространству относятся и узкие канавки, заполненные золой. В некоторых из них обнаружены сосуды, аккуратно расставленные и присыпанные до плечиков золой. Судя по содержанию, канавки служили не только в качестве выгребных ям, но и возможно, своеобразных подогреваю-

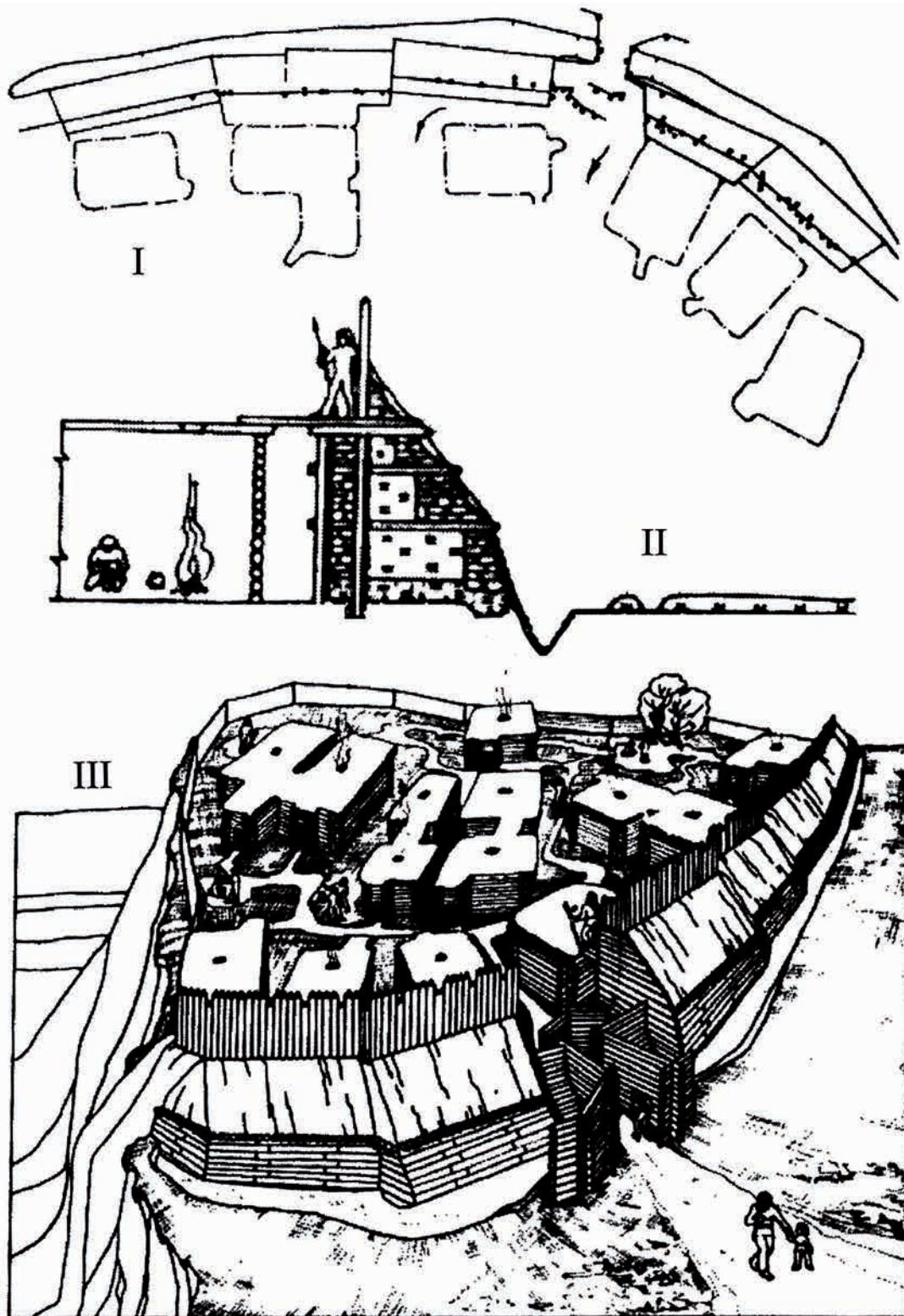

Рис. 5. Городище Актау. Реконструкция. I – план оборонительных сооружений; II – реконструкция разреза крепостной стены; III – реконструкция общего вида городища

щих устройств при приготовлении пищи. Из этнографии известно, что подобные углубления, заполненные золой, в зимнее время застилались шкурами и служили теплыми лежанками.

Оборонительные сооружения. Главным стержнем оборонительного пояса является «вал-стена». По форме и инженерному решению - это была не просто вытянутая в дугу насыпь, а конструкция с жестким деревянным каркасом, заполненная грунтом и составленная из отдельных прямоугольных в плане блоков-секций. Сплошной массив вала-стены разбивается входом на две неравные части. Длина западной дуги вала - 32 м, состоит она из трех секций. Длина восточного изгиба 20 м, она составлена из двух блоков-секций. Перед входом на территорию городища оставалось незанятое валом пространство шириной 5-7 м.

У подошвы вала-стены был выкопан ров глубиной 1,3-1,5 м, технически затруднявший непосредственный штурм крепости и предохранявший массив стены от излишней влаги. Незначительные размеры рва показывают, что он не играл какой-либо серьезной оборонительной роли, а, скорее всего, использовался как водоотводная траншея. Такое назначение его объясняется необходимостью оградить грунтовую стену фортификационной линии от водных потоков, устремлявшихся весной к балкам со стороны степи. Стенки рва с целью предохранения от быстрого разрушения обшиты деревом.

Наиболее уязвимым в тактическом отношении является участок входа, поэтому его защите уделялось особое внимание. Главным защитным свойством входного комплекса является его лабиринтное оформление и незначительная ширина. Практически весь путь от ворот представляет собой узкий коридор (1,2 м), продвигаться по которому можно только по одному. И буквально каждая точка лабиринта находится под прицельным огнем с двух сторон, в такой ситуации штурмующие просто превращались в удобную мишень. Таким образом, мы видим, что пытаться проникнуть на территорию поселка через вход - напрасная и опасная затея.

Городище Актау имело мощную систему фортификационных укреплений. Основой ее являлась дерево-грунтовая конструкция вала-стены, достигающая высоты 5-5,5 м. В архитектуре ее в технически-рациональной форме заложен принцип двух уровней обороны: наземный, по внутристенному коридору и верхней боевой галереи (рис. 5). Наземный уровень обороны автономен в рамках каждого крыла оборонительной дуги и активен лишь на наиболее опасных участках (вход, склоны). Верхняя стрелковая галерея была сквозной по всему поясу фортификационной системы. Оптимальной с точки зрения военного искусства являлась и пространственная композиция вала-стены. Легкое смещение продольной оси каждого блока-секции дополнительно расширяло радиус действия защитников крепости, обеспечивая контроль не только над пространством перед стеной, но и фланкирование подступов к ней. Внутренняя планировка и в целом архитектурный строй городища свидетельствуют о его узкоспециальном назначении – как крепости-убежища для защиты людей.

Коллекция вещей улубай-тасмолинской культуры углубляет наши представления о культуре в целом и ее взаимосвязях с окружающим миром. Колчаны воинов раннесакской эпохи представлены традиционным для Казахстана набором бронзовых втульчатых и черешковых наконечников стрел. Многообразие форм и типов, характерное для этого времени, свидетельствует о высоком уровне военного дела. Вероятно, результатом экспериментальных поисков следует считать изготовление четырехлопастных стрел. К числу изобретений

казахстанских металлургов и ремесленников относятся втульчатые четырехгранные формы стрел. Таким же разнообразием конструкций и способов оформления головок отличаются бронзовые черешковые наконечники (рис. 6).

ОТДЕЛ		ВТУЛЬЧАТЫЕ										ЧЕРЕШКОВЫЕ			
Группа		I			II		III	IV		V	VI		I		II
Тип		1	2	3	1	2	1	1	2	1	1	2	1	2	1
VII	— VII вв. до н.э.														
	VII вв. до н.э.														
IV	— V вв. до н.э.														
	IV вв. до н.э.														
I	— V до н.э.														
	V до н.э.														
I	— V до н.э.														
	V до н.э.														
VI	— V до н.э.														
	V до н.э.														

Рис. 6. Металлические наконечники стрел. 1-19 – бронза, 20-31 – железо.

На вооружении воинов VIII-VII вв. до н.э. находятся бронзовые кинжалы двух типов: с шипастым и крышевидным перекрестием. Подобные формы широко распространены в Минусинской котловине и на юге Западной Сибири. К числу этнографических признаков племен Северного Казахстана относятся бронзовые зеркала с боковой ручкой, в основании которой есть петелька. Принадлежность этого типа к местной североказахстанской модели подкрепляют данные химического состава металла [Барцева, 1986, с. 72].

В степях Казахстана в VIII-VII вв. до н.э. начинается освоение металлургии железа. Подтверждением этого служат находки биметаллических и железных ножей, пряжек, пластин из железа. Изготовление железа в степях Казахстана, судя по открытию горнов на поселении Алат (Кентский оазис), началось уже в эпоху поздней бронзы. Этот технологический прорыв был достигнут в казахстанских степях раньше, чем в сопредельных регионах. В лесостепном Зауралье и Западной Сибири изделия из железа появляются в V в. до н.э. (Корякова, 1991, с. 17), на Южном Урале в конце VII-VI вв. до н.э. На Алтае и Минусинской котловине, где существовал мощный очаг цветной металлообработки «бронзовая индустрия не только не угасает с наступлением раннего железного века, а достигает поры наивысшего расцвета» (Кузьминых, 1983, с. 3).

Надёжную дату освоения металлургии железа уже в раннесакское время демонстрируют находки железных ножей в одном комплексе со стремевидными удилами в курганах тасмолинской культуры и саков Приаралья (Кадырбаев, 1966, с. 314; Вишневская, 1973, с. 140, 147).

В VI-V вв. до н.э. распространяются новые типы кинжалов. Это железный акинак с волнистыми краями рукояти (так называемый нурманбетский или североказахстанский тип) и акинак с гладкой рукоятью бабочковидным перекрестием. В женских погребениях встречаются украшения: серьги, бусы, в изголовье часто находят костяные или бронзовые шпильки. Следовательно, были какие-то головные уборы или особые прически, требующие использование шпилек.

Выделяется группа захоронений жриц. В этом случае в могилах у пояса найдены бронзовые зеркала, костяные флакончики с краской. Эти вещи лежат, как правило, в кожаных «дамских сумочках». Конечно, сами сумочки не сохранились. Но в тех местах, где кожа соприкасалась с бронзой, она пропитывается окислами и остается. Можно даже реконструировать узор, который украшал сумочки. Погребения жриц обязательно имеют каменные алтарики (жертвенники), на которых либо растирали краску, либо возжигали какие-то масла. Поверхности этих алтариков сохранили следы втираний, иногда видны жировые пятна. Каменные алтарики – плоские, овальных или круглых очертаний изготовлены из песчаника с учетом структуры камня, придающим изделию при шлифовке разнообразный красивый рисунок.

Завершая описание улубай-тасмолинской культуры, необходимо остановиться на исторической интерпретации археологических источников, на *моделировании культурно-исторических процессов сакской эпохи Северного Казахстана*. Объективность предлагаемой реконструкции основывается на привлечении многообразной информации, накопленной к настоящему времени по раннему железному веку Казахстана и соседних территорий. Племена улубай-тасмолинской культуры обитали в непосредственном контакте

с окружающим миром. Интенсивность и направленность культурных связей менялись в различные периоды сакской эпохи и определяли содержание протекавших этнокультурных процессов.

Особое место в истории населения раннего железного века Северного Казахстана и, в целом, тасмолинской историко-этнографической общности занимает период VIII-VII вв. до н.э. Это период расцвета и могущества тасмолинцев. Ими была освоена огромная территория степного региона Урало-Иртышского междуречья. Памятники их открыты на Южном Урале, где материалы тасмолинского типа позволили А.Д. Таирову выделить их в особый бобровский этап и интерпретировать его как региональный вариант тасмолинской культурно-этнографической общности (Таиров, 2007). На востоке они проникают вглубь степной зоны Обь-Иртышского междуречья и принимают участие в сложении каменной культуры (Могильников, 1981, с. 45).

Судя по количественному соотношению памятников различных хронологических этапов, степи Северного Казахстана в VIII-VII вв. до н.э. переживают определённый демографический взрыв. Большинство памятников относится к этому периоду. Аналогичная ситуация характерна в целом для всей тасмолинской общности. Видимо, благоприятная экологическая обстановка наступившая после плювиала рубежа II-I тыс. до н.э. способствовала росту и расцвету населения, обитавшего в степной зоне Казахстана,

Расширение ойкумены вступление в непосредственный контакт с населением степной и южной части лесостепной полосы западно-азиатского региона питало и обогащало культуру инновациями, придавая особое своеобразие культуре её приграничных районов. В зону контроля тасмолинцев входит один из основных торговых и миграционных каналов северной части азиатских степей. Транзитная магистраль, соединяющая мощный металлургический очаг Центрального Казахстана с Восточной Европой, по которой передавались как сырьё (олово), так и готовая продукция (кинжалы карасукского типа, бронзовые зеркала, предметы конской узда), проходила по кромке лесостепи-степи. Контроль и участие в системе культурных связей предоставляли дополнительные условия для непосредственного знакомства и заимствования современных и более совершенных образцов вооружения, технологий и предметов быта.

Территория Северного Казахстана как магистральная полоса между двумя природно-географическими материками – оказалась контактной буферной зоной, открытой как для меридиальных, так и широтных связей. Эти причины объясняют своеобразие сложившейся здесь культуры раннего железного века. Немаловажным фактором является полукочевая система скотоводства с существованием зимников, определённых маршрутов перемещения и устоявшимся календарным циклом производственных работ. Хозяйственно-культурный тип этой территории отличается от кочевой системы скотоводства южных степных и полупустынных пространств Центрального Казахстана.

VI-V вв. до н.э. выделяется как своеобразный рубеж в истории культур раннего железного века. Внутреннее развитие их характеризуется усилением социальной градации обществ кочевников, выделением и обособлением родоплеменной знати. Внешнее приводит к перестройке этнокультурной карты, вызванной не экологическими факторами, а причинами социально-политического порядка.

К VI-V вв. до н.э. меняется обстановка в степях Северного Казахстана. Тасмолинская общность сжимается в своих границах. На Южный Урал продвигаются племена ранних сармат («савроматов»), принесшие новые типы наконечников стрел и кинжалов и вытеснившие обитавших здесь бобровско-тасмолинцев.

Население улубай-тасмолинской культуры сохраняет под своим контролем южную часть лесостепной полосы Зауралья и Западной Сибири и принимает участие в формировании саргатской этнокультурной общности.

Саргатская этнокультурная общность (V в. до н.э. – V в. н.э.) занимает обширную лесостепную полосу Зауралья и Западной Сибири с включением на севере подтаежной зоны, на юге северной кромки степных ландшафтов Казахского мелкосопочника. На западе границы ее ограничиваются средним течением р. Исеть, низовьями реки Тобол, на востоке включают западную часть Барабинской низменности, среднее течение р. Омь. Название саргатская культура получила по курганам у с. Саргатка, расположенным в левобережье Иртыша в 100 км севернее г. Омска. Могильники Саргатка и Коконовка были раскопаны В.П. Левашевой в 1927-1928 гг. Ею определены основные черты некрополей: круглодонная керамика с резным орнаментом и могильные ямы ориентированные по линии север-юг.

Сложившийся к V-IV вв. до н.э. саргатский погребальный обряд поражает удивительным сходством с обрядом Северного Казахстана, особенно Сергеевского микрорайона, по природным условиям ландшафтно близкого лесостепной полосе. Совпадают все ведущие характеристики обряда. В конструкции крупных и малых курганов V-II вв. до н.э. одинаковы состав насыпей, употребление глины, наличие рвов, конструкции основных типов могильных ям, формы проявления культа огня. Наиболее ярко это прослеживается по архитектуре крупных курганов. На территории Северного Казахстана к настоящему времени вскрыто десять царских курганов (Обалы, Кара-Оба, Кенес, Ступинка, Байкара, Сыгнак и другие). Конструкция их полностью совпадает с конструкцией насыпей лесостепной полосы (Царёв курган, Шмаково - на Тоболе, Татарка - на Иртыше).

Ориентировка саргатских погребений близка к обряду тасмолинцев - северная, северо-западная. Отличия проявляются в отсутствии в лесостепной полосе могил камерного типа — подбоев, катакомб.

Подчёркивая общность погребального обряда саргатского и улыбай-тасмолинского, необходимо напомнить, что обряд Северного Казахстана V-II вв. до н.э. генетически восходит к VIII-V вв. до н.э. и происхождение многих его деталей можно проследить ещё с эпохи поздней бронзы. Следовательно, и истоки саргатского обряда оформлялись в VIII-V вв. до н.э. в пределах степной зоны Казахстана.

Это сходство определило вывод об особой исторической роли степного населения в культуругенез саргатской общности и вывод о местесаргатской культуры как северной периферии степного кочевого мира (Корякова, 1988, с. 139; Берсенева, 2016, с. 34).

В трудах исследователей раннего железного века Урало-Иртышского междуречья подробно освещены факторы и механизм формирования археологических культур раннего железного века лесостепи-степи (Корякова, 1991, с. 34-42; Хабдулина, 1994, с. 74-77).

Главными факторами выступают экологический и экономический. Ландшафтно-климатические колебания суббореала привели к коренным изменениям в ритмах и направленности историко-культурных процессов лесостепной и степной экосистем. Уже на

рубеже бронзового и раннежелезного веков стали проявляться различия в векторах миграций. Для лесостепной полосы – это меридиональные миграции, вызванные перемещением зональных границ леса. В степной полосе преобладают миграции широтных направлений. Постепенно оформляется современная граница лесостепи-степи с широкой маргинальной полосой взаимопроникающих природных условий. Эта буферная зона шириной 150-200 км в пределах североказахстанского Приишимья характеризуется большой открытостью, восприимчивостью к новациям, мобильностью культурных трансформаций. Население этой полосы сыграло ведущую роль в сложении саргатской культуры, что подтверждается общностью многих черт погребальной обрядности улубай-тасмолинской и саргатской культур.

Причина близости погребального обряда саргатской и улубай-тасмолинской культур объясняется генетическим родством, корни которого уходят вглубь эпохи бронзы. Этнокультурная близость степного и лесостепного региона стала складываться во второй половине II тыс. до н.э. Граница между ними никогда не была жёсткой. Особенно ярко взаимовключения и контакты двух культурных образований отражает ситуация VIII-V вв. до н.э.

Механизм взаимодействия двух культур обусловлен экономическим фактором. Степные племена более мобильные в силу преобладания кочевого способа хозяйства и сложившейся еще в конце бронзового века пастбищно-кочевой системы включили южную часть лесостепи Западной Сибири и Зауралья в территорию сезонных летних кочевий. На севере отдельные включения тасмолинцев фиксируются на южной половине лесостепной зоны, примерно между 55° и 56° с.ш. Курганы кочевников казахских степей известны под Челябинском (Чурилово, курган 27; Сосновский, курган I; Сухомвсово, курган I, 7), на оз. Аргази; в Тоболо-Ишимском междуречье - на оз. Андреевском, Фоминцеве; в Прииртышье к северу от Омска - Богдановка, Битые горки (Мошкова, 1969, с. 140; Генинг, Голдина, 1969, с. 94).

Наиболее мобильные группы кочевников, проникая в лесостепную зону, привносят в местную среду свои традиции, обряды и мировоззрение. Постепенно культура аристократических слоев населения, в данном случае, кочевников казахских степей, приобрела престижно-знаковый характер в ценностной ориентации саргатского населения. В процессе культурного взаимодействия сработал закон аккультурации. Отсюда общность погребального обряда, наиболее ярко отразившаяся в конструкции крупных курганов улубай-тасмолинских и саргатских племен. Отсюда концепция двухкомпонентности этнического состава саргатского населения, суперстратная часть которой была, как считают, ираноязычной, в то время как местная субстратная была угорской (или угро-самодийской) (Таиров, 2002, с. 162-163).

Перемещение части улубай-тасмолинского населения в лесостепь является звеном в цепи исторических событий середины I тыс. до н.э. К V-IV вв. до н.э. окрепшие кочевые конфедерации приходят в движение, устремляясь к земледельческим районам. Одна из волн сарматского нашествия задела крылом и территорию Северного Казахстана. Появление южной ориентировки умерших в курганах V-IV вв. до н.э., распространение катакомб, новых типов сосудов и кинжалов, указывают на связь с западным сарматским миром. Эта миграция не была значительной. Основные включения её фиксируются на тер-

ритории Сергеевского микрорайона. Ещё раз подчёркивается особое промежуточное положение этой зоны, открытой для разносторонних связей. Картографирование случайных находок предметов вооружения свидетельствует о том, что именно по ней в предшествующую эпоху осуществлялась связь между Южной Сибирью и западными регионами евразийских степей.

История улубай-тасмолинских племен завершается к III в. до н.э. Период II в. до н.э. – V в. н.э. относится к гунно-сарматской эпохе, исторические события которой связаны с другими культурными и этническими процессами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абетеков А.К. О погребении собаки в усуньском кургане в Чуйской долине // КСИА, № 154, 1978. С. 59-65.
- Акишев К.А. Памятники старины Северного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т.7. Археология. Алма-Ата, 1959.С. 3-31.
- Акишев К.А., Агеева Е.И. Археологические работы 1956 года// Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1958. Вып. 1 (6). С. 83-94
- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963.321 с.
- Акишев К.А. Зимовки-поселения и жилища древних усуней // Известия АН КазССР, серия обществ. Наук, 1969, № 1. С. 29-46
- Барцева Т.Б. Цветной металл из Среднего Приишимья (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья: межвузовский сборник. Челябинск, 1986. С. 65-83
- Бейсенов А.З. К проблеме поиска и изучения поселений раннего железного века Центрального Казахстана // Исторична наука. Материалы Междунар. науч. конф. Секция «Археология». 17-18 сентября 2002 г. Луганск, 2002. С. 9-12.
- Бейсенов А.З. Поселения раннего железного века в Карагандинской области (Центральный Казахстана)// Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Мат. Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 15. Барнаул, 2006. С. 155-161.
- Бейсенов А.З. Поселение Сарыбуйрат – памятник раннего железного века Центрального Казахстана // Вестник Университета Кайнар. 2009. Вып. 4/2. С.8-11.
- Бейсенов А.З. К изучению особенностей крупных курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Материалы 2-ой международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2010». Актобе, 2010. С. 77-79.
- Бейсенов А.З. Поселение Тагыбайбулак в Центральном Казахстане. Известия АлтГУ. 2014а. №4-1 (84). С. 35-41.
- Бейсенов А.З. Поселения раннесакского времени Центрального Казахстана. Записки ИИМК. 2014б. №9. С. 92-102.
- Бейсенов А.З. Экологический фактор в устройстве поселений сакского времени в Центральном Казахстане. Вестник ВЭГУ. 2014в. №6 (74). С. 170-178.

- Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Сб. статей, посвященный памяти К.А.Акишева. Алматы: НИЦИА Бегазы-Тасмола, 2015. С. 11-38;
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: «Инжу-Маржан» полиграфия, 2009. 264 с.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Керамика из курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Известия НАН РК. Серия общественных наук 1 (254). Алматы, 2008. С. 35-41.
- Бейсенов А.З. Жилище сакской эпохи // Вестник Томского государственного университета. История. 2017, № 45. С. 72-82.
- Бернштам А.Н. Находки у оз. Борового в Казахстане // СМАЭ. Т. XIII. Л., 1951. С. 216-229.
- Берсенева Н.А. Некоторые проблемы и перспективы изучения саргатской культуры Зауралья и Западной Сибири // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). – Челябинск, 2016. С. 31-44.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи VII-V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). – М.: Наука, 1976.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганы у озера Фоминцево // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1969. С. 90-101.
- Граков Б.Н. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана // Вестник Центрального музея Казахстана. Алма-Ата. 1930. № 1. – с.60-69
- Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников// КСИИМК. 1956. Вып. 61 С. 8-16.
- Жолдасбаев С. Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана (XV-XIX вв.)// Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С.46-58.
- Зайберг В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: Наука, 1983. 244 с.
- Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб.: «Эллипс ЛТД», 1994. 224 с.
- Зданович Г.Б., Иванов И.В., Хабдулина М.К. Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования (курганы Кара-Оба и Обалы в Северном Казахстане) // СА. 1984, № 4.С. 35-48
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Саргатская культура. Свердловск: УрГУ, 1988. – 240 с.
- Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Препринт. Екатеринбург, 1991. 52 с.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии. 2005. 400 с.
- Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 256 с.
- Лентовский М.Н. Памятники древней культуры в южной половине Петропавловского округа Казакской ССР (инвентаризационный труд). Кокчетав, 1929. 16 с.
- Могильников В.А. Некоторые особенности генезиса культур лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1969. С. 100-103
- Мошкова М.Г. Погребения VI-IV вв. до н.э. в Челябинской группе курганов // Древности Восточной Европы. М., 1969. С.138-147.
- Парцингер Г., Зайберг В., Наглер А., Плешаков А. Большой курган Байкара. Исследования скифского святилища. Берлин, 2003. 280 с.
- Свиридов А.Н., Ярыгин С.А., Сакенов С.К. Элитные курганы Акмолинской области // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева 22-24 апреля 2014 г. Астана, 2014. С. 576-596.

- Таиров А.Д. История изучения раннего железного века Южного Зауралья // История археологии Южного Зауралья. Учебное пособие. Челябинск, 2002. С. 113-186.
- Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск, 2007. 274 с.
- Хабдулина М.К. Курган у села раннего железного века у села Кенес // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 196-201.
- Хабдулина М.К. Северный Казахстан в эпоху раннего железного века: Автореф. дисс. ...канд.ист.наук. Алма-Ата. 1992. 24с.
- Хабдулина М.К. Городище Ак-Тау как архитектурный комплекс // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993. С.112-143.
- Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Гылым, 1994. 170с.
- Хабдулина М.К. Поселения раннесакского времени на р. Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. т. 1. Древние эпохи. Астана: KULTEGIN, 2003. С. 189-199.
- Хабдулина М.К. Храмы-святилищасакской эпохи Северного Казахстана // Религия и система мировоззрений древних и средневековых номадов Евразии. Алматы, 2016. С. 137-148.
- Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений) / Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 336 с.

ГЛАВА III

ТАСМОЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА САРЫАРКИ

Открытие тасмолинских древностей. Река Шидерты

«4 июля 1959 г. в 17 ч. выехали из г. Алмат-Ата на Караганду через 109 км, ст. Копа, Чиганак, Сары-Шаган, г. Балхаш, Акчатау, Аксу-Аюлы.

Ввиду того, что дороги сильно размыты, прибыли в Караганду 10 июня.

Два дня ремонтировали машины и утром 13-го июня выбыли в район полевых работ. Тщательно обследовали участок правобережья р. Нуры от пос. Токаревка до с. Петровки. На этом участке памятников обнаружено не было. Вечером 13-го июня в результате разведки нами и Оразбаевым А.М. был обнаружен большой смешанный могильник (эпохи бронзы и ранних кочевников) в 6 км к З. от райцентра Ворошиловского района пос. Колхозный. Могильник расположен слева от участка гудронного шоссе из пос. Колхозный в с. Петровку, на верхней террасе старого высохшего русла р. Нуры. На месте старицы сейчас растет высокая и сочная трава, изредка прерываемая небольшими замкнутыми водоёмами с глинистым дном и густым камышом по краям. Местность, на которой расположен могильник, носит название Ботакара...» [Кадырбаев, 1959, с. 2-3].

Так начинается свой полевой дневник 1959 г. Мир Касымович Кадырбаев, 27-летний исследователь, два года назад ставший, по воле А.Х.Маргулана – начальника Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, – руководителем отряда по изучению памятников ранних кочевников Центрального Казахстана. В декабре этого же года ему предстоит кандидатская защита.

Далее в дневнике следует описание работ на могильнике Ботакара.

После Ботакары экспедиция берет новый, исторический, маршрут – по реке Шидерты. Изучаются, согласно карандашным записям М.К.Кадырбаева, которые один раз прерывается старательным девичьим почерком лаборантки, курганы Акбулака, Шортанды.

Начиная со стр. 40 полевого дневника читаем следующие строки Мира Касымовича: «23 и 24 июля. Переезд на новый объект. 24 июля. Прибыли в урочище Тасмола в 8 км к ЮВ от совхоза «Экибастузский» Куйбышевского района Павлодарской области.

Русло р. Шидерты в этом месте делает плавный изгиб к северу. Левый ее берег представляет ровную и уходящую вдаль равнину, а правый берег на участке 1 км представлен невысокими холмами с уплощенными вершинами. Невысокий травяной покров холмов в некоторых местах прерывается выходами коренных пород. Особенно их много на нижней прибрежной террасе, которая в ряде мест представлена сплошным камнем. Верхняя прибрежная терраса в месте наибольшего скопления выходов коренных пород представляет собой невысокий холм, вытянутый к реке юго-западным концом. На этом холме, вершина которого уплощена, расположен могильник, насчитывающий 32 (?) сооружения разного времени: андроновские оградки, курганы с земляными насыпями, один курган с «усами», и современные казахские могилы. 25 июля. Начаты раскопки могильника Тасмола...» [Кадырбаев, 1959, с. 40-41].

Первые памятники сакской эпохи Центрального Казахстана к этому времени уже были раскопаны. Это были курганные погребения, которые раскапывались в небольшом количестве, часто по одному, по два, в таких могильниках, как Кииксу, Карасай, Канаттас, Карабие и др., расположенных внутри Казахского мелкосопочника. Сам процесс первых выявлений и раскопок курганов связан с именем А.Х.Маргулана, который затем привел М.К.Кадырбаева в просторы Центрального Казахстана.

На Шидерты работы приняли другой оборот, раскопки велись стационарно в течение полевых сезонов ряда лет, с 1959 по 1963 гг. Это было связано с необходимостью относительно полного археологического исследования этого района, где уже вплотную начиналась подготовка строительства важнейшего народнохозяйственного объекта – канала Иртыш-Караганда. Так пятисоткилометровая река Шидерты, находящаяся на северо-восточной окраине Казахского мелкосопочника, стала районом открытия тасмолинской культуры. Первый курган был раскопан в могильнике Тасмола, что и определило название новой культуры. На Шидерты материалы сакского времени были получены в группах Тасмола (I, II, III, V, VI), Нурманбет (I, II, IV), Карамурын (I, II).

Как показывают имеющиеся данные, эти же названия урочищ сохраняются и сейчас, бытовали они и задолго до приезда А.М.Оразбаева и М.К.Кадырбаева на Шидерты. Отчасти это мы видим в записях сотрудников экспедиции Щербины, обследовавших в 1897 г. казахские хозяйства на берегах реки Шидерты.

По Карамолинской волости Павлодарского уезда отмечены следующие данные, касающиеся вышеназванных урочищ. На зимовке в урочище Тасмола в момент проведения обследования проживали 2 хозяйства, т.е. 2 семьи, имя аксакала – Толеке Кеней (сл. читать Толеке Кенейулы, - А.Б.), поколение Бекбаулы из Ораз. Душ обоего пола 18. Из построек отмечены 2 юрты и 2 землянки. Имеют скота: 14 лошадей взрослых и 2 жеребят, 30 коров и 10 телят, овец и коз всего 129. Зимовка Тасмола основана 100 лет назад с момента опроса, т.е. в конце XVIII в. В урочище Нурмаганбет-тобе жили 3 хозяйства из Бекбаулы (из Ораз), при 3 юртах и 3 землянках, 15 душ о. п., имя аксакала – Дерипсалы Алшинбай. Сено убирают своим трудом, 150 копен. Зимовка основана 80 лет назад. В

урочище Карамурын проживали казахи поколения Бекберды из Ораз, аксакал – Шидербай Шошак. Здесь под управлением этого акасакала было 8 хозяйств при 8 юртах и 8 землянках, душ о. п. - 38. [Материалы по..., 1903, с. 156-161]. Спустя 13 лет, в 1910 г., здесь проводились повторные обследования. В урочище Тасмола теперь уже проживал со своим народом аксакал Алтыбай Толеке, возможно, сын вышеуказанного Толеке Кеней. Теперь уже было 7 хозяйств при «7 юртах, 7 избах и 7 прочих хозяйственных постройках». Душ о. п. – 35. Имеют 50 лошадей, 123 коров, 274 овец, 68 коз, 2 верблюдов. Сено косят: 5 хозяйств своими силами, 230 копен; 1 хозяйство покупает, 30 копен. В урочище Карамурын теперь проживал Идрис Котеубай (Отеубай, - А.Б.), управляя делами 8 хозяйств с 46 душами о. п. Имеют скот: 59 лошадей, 114 коров, 30 овец, 22 коз, 7 верблюдов. Сено косят сообща все хозяйства, 300 копен [Материалы по..., 1913].

При посещении этих урочищ в 2006 г., во время опроса местных жителей в районе с. Тортуй выяснилось, что как имена, так и многие потомки записанных сотрудниками экспедиций людей и ныне хорошо известны, часть из них продолжают жить в этих краях. Как сообщил житель села Тортуй Шеген Идрисов, он сам является правнуком Отеубая Токбураулы из поколения Бекбаулы, некогда жившего в урочищах Акжар, Карамурын и совершившего 4 раза хадж на Мекку. Также удалось выяснить, что Алтыбай, проживавший в урочище Тасмола, среди четверых сыновей аксакала по имени Толеке был третьим по счету. Алтыбай имел 5 сыновей, потомки которых хорошо известны и проживают в этих краях (полевые записи автора). Подобные материалы из казахского землепользования, в том числе такие данные, как наличие землянок и деревянных домов («изба»), сведения о сенокосении и др., дореволюционной эпохи имеют ценность для исследования тех или иных сторон культуры древней эпохи.

Река Шидерты берет начало в глубине мелкосопочника, с небольшой речки Сарыапан [Канал Иртыш-Караганда..., 1965, с. 20], которая начинает свое течение на восточном склоне горы Нияз в Карагандинской области. Шидерты имеет несколько притоков, в том числе Бала-Шидерты и др. В прошлые времена побережья как Бала-Шидерты, так и дальнейшего течения основного русла Шидерты были местами знаменитых, раздольных, неоднократно отмеченных в казахском фольклоре, летовок-жайлау. Сюда приходили хозяйства казахов, преимущественно богатых и именитых семей, Баянаульского округа, в дальнейшем Павлодарского уезда, и Каркаралинского округа, затем одноименного уезда. Отсюда казахская поговорка: «на Шидерты медовая трава, на Оленты – медовая вода» (Шидертiнiң шөбi бал, Олентiнiң суы бал).

Таким образом, река Шидерты, беря начало в глубине мелкосопочника и устремляясь на север, в районы Прииртышских равнин, в старину всегда была составной и неделимой частью единой системы хозяйствования степняков, проводящих зиму в гуще каменистых возвышенностей и летовавших на речных берегах.

Удивительно точно переданы нюансы этой системы хозяйствования казахов чиновниками и учеными царской эпохи. Красовский по данным еще 1860-х гг. отмечал особенности землепользования казахов Баянаульского округа. Так, казахи восьми тортуулских волостей зимовали в горах в южной части Баянаульского округа, а летовали «все течения Чидерты и Уленты, особенно сильно заняты верховья обеих рек». По Каркаралинскому

округу примечательны следующие данные. Зимовали в горах на юго-восточной части, на северном берегу оз. Балхаш и на озерных островах, летовали: «верховья рек Нуры и Чидерты, долина Кентарлау». Летовки каркаралинских казахов на Шидерты, по-видимому, относятся к северным волостям – Айбике-Шаншар, Нурбике-Шаншар, Дюсенбай-Шекшек, Кара-Айтимбет [Материалы для....., 1868, Приложение].

Сведения начала XX века уже отмечают некоторые новшества в землепользовании казахов указанных районов. Спустя всего полвека после замечаний Красовского, река Шидерты начинает превращаться и в места зимовий, что было связано с земельной теснотой в вопросе зимовок казахов, повлиявшей на динамику устоявшейся системы землепользования. Сотрудники экспедиции Щербины уже отмечают следующие моменты в жизни казахов Баянаульского уезда. «В горах расселение вызывается ростом населения, и местом эмиграции служат западные и северные летовки – истоки Нуры и Ишима, рр. Уленты и Чидерты» [Материалы по..., 1903, с. 10]. Поясняется, что «наиболее заселена южная гористая часть уезда». Заселение происходило в гористых местностях, где кочевники могли всю зиму выпасать свой мелкий скот, а лошадей отгонять в более равнинные местности уезда [Там же, с. 12]. Источник отмечает, что к концу XIX в. теснота для зимовок в горах стало весьма ощутимой. «Чуть ли не ежегодно некоторая часть хозяйств вынуждена искать себе место для кстау и основывает таковые на площадях общего пользования, на общинных летовочных пространствах по рр. Чидерты и Уленты...» [Там же, с. 12]. Зимовки устраивались с согласия общества, иногда самовольно, иногда это вообще не удавалось. «Так, аулы №№18-29 1 – го старшинства Аккелинской волости пожелали поселиться на своих летовках, где пашут 15 лет, но хозяйства, кочующие здесь на летовках, не дают основать зимовки и травят их посевы. Что касается поселившихся с разрешения общества, то они получают в свое пользование известную площадь с более или менее определенными границами и не так страдают от потравы» [Там же, с. 13].

Река Шидерты богата природными ресурсами и разными полезными ископаемыми, что должно быть также принята при работе с археологическими материалами, в частности, относительно памятников сакской эпохи.

На темно-каштановых почвах здесь раскинулась типчаково-ковыльная степь, не редкость полынь и солончаки. К северу, к низине увалисто-мелкосопочный характер окружения переходит в более плоский, слабо всхолмленный рельеф.

По данным С.М. Мухамеджанова, длина реки Шидерты 502 км, площадь водосбора 15900 кв. км, общее падение 465 м. Долина в верхнем и среднем течении имеет ширину 1-1,5 км, в нижнем – 3-10 км. Пойма развита на всем протяжении реки, ширина ее от 0,1 км в верховьях увеличивается внизу по течению до 3-5 км [Мухамеджанов, 1971, с. 35].

Ряд свойств побережий Шидерты были изучены специалистами в ходе проектирования и строительства канала Иртыш-Караганда. В те годы Оленты-Шидертинский подрайон был известен «значительными площадями сенокосных угодий с урожайностью хорошего и среднего по качеству сена от 8 до 15 ц/га [Природное районирование..., 1960, с. 407]. Вдоль Шидерты и в районах вблизи нее найдены многочисленные месторождения разных ископаемых. Геологические данные говорят о целом ряде месторождений и рудопроявлений золота, меди, полиметаллов. Принято считать, что в этом районе наибольшее

значение имеют месторождения угля, меди и золота [Канал Иртыш-Караганда..., 1965, с. 53]. Помимо Бозшаколя, известна Кожанчатская (Кожан шаты, - А.Б.) группа медных месторождений, на правом берегу. В ней обнаружено до 30 мелких месторождений и рудопроявлений меди. Они невелики, но вследствие близости их расположения и довольно высокого содержания меди представляют, как отмечали специалисты, известную практическую ценность [Там же, с. 54]. Примечательно, что З.В.Кузнецова в работе 1958 г. отметила, что Бозшаколь уступает по запасам только Жезказгану. Кроме меди, руды здесь содержат молибден, кобальт, золото и серебро. Из месторождений благородных металлов – золота и серебра – известны также Торткудук, Найзатас, Жосалы. Известные Майкаинские руды, кроме меди, также содержат золото, серебро, свинец, цинк [Кузнецова, 1958, с. 13].

Эти и другие данные о природных богатствах побережий реки Шидерты доказывают, что тасмолинские мастера, выполнившие многочисленные и яркие изделия из бронзы, камня, кости и железа, имели хорошие возможности для развития металлургии, металлообработки, кузнечества, а также косторезного, камнерезного ремесел.

Важно заметить, что на Шидерты имелись и месторождения с железными рудами. Так, залежи оолитовых бурых железных руд найдены были близ озера Кызылкак, и в низовьях реки Шидерты. Рудные пласты здесь мощностью от 3 до 6 м прослеживаются на десятки километров и местами имеют выходы на поверхность [Кузнецова, 1958, с. 13-14].

По данным В.В.Лаврова, особо отметившего месторождения Лоциновское близ Кызылкак и Шидертинское в низовьях реки, запасы первого определены в 4-4,5 млрд. тонн бурого железняка. Рудный пласт здесь прослежен на протяжении 44 км с севера на юг. Прииртышский железорудный район вполне может быть поставлен в ряд с такими рудными гигантами, как Аятское и Лисаковское [Лавров, 1957, с. 11-21].

Население тасмолинской культуры освоило железо рано, по-видимому, в VIII-VII вв. до н.э. Возможно, это положение имеет связь с полезными свойствами побережий реки Шидерты. Тасмолинские мастера вырезали красивые каменные жертвенники из песчаника и других пород камня [Кадырбаев, 1966]. По данным геологов, много обнаружено по реке Шидерты и выходов камня: песчаники, конгломераты, известняки, порфириды, диабазы, гранатоиды и др. [Канал Иртыш-Караганда..., 1965, с.162].

Как было указано выше, источники и фольклорные данные отмечают, что в большей степени казахские хозяйства использовали под летовки верховья Шидерты, находящиеся в южной части, в районе мелкосопочника. Данные специалистов позволяют понять причину этого. В.И. Костюковский сообщает о том, что на особенности климата в районе реки Шидерты влияют горы Баянаул, которые создают преграду на пути атмосферного переноса и перехватывают некоторую часть осадков, приносимых с юга. В результате этого, север-восточная часть рассматриваемого района (канала), расположенная в Павлодарской области, получает меньшее количество осадков, чем более южная Карагандинская. В сочетании с более низкими температурами воздуха это обуславливает суровую климатическую обстановку. Отмечается, что в районе реки Шидерты большая часть осадков выпадает в теплое время года [Костюковский, 1988, с. 34, 36].

Таким образом, материалы казахского землепользования однозначно указывают на некоторые особенности района реки Шидерты. Эти места в системе казахского землеполь-

зования были неразрывно связаны с лежащим южнее гористым районом Баянаульских и Каркаралинских горных массивов, служа местом постоянных и традиционных летовок-жайлау. Хороший травостой («медовая трава»), наличие реки, раздолье определили ценность побережий Шидерты в качестве удобного района летовок, в первую очередь для зажиточных групп (элиты). К концу XIX в. в связи с земельной теснотой в гористых районах появляются зимовки, количество которых быстро растет. Раскопанные М.К.Кадырбаевым памятники сакского времени оставлены, судя по материалу, близкородственными коллективами. Яркость, многочисленность предметов, в том числе предметов вооружения, конского снаряжения, а также украшения позволяют считать эти памятники захоронениями кочевой элиты. Сооружать курганы, проводить поминки и другие религиозные торжества возможно было в летнее время. Это наталкивает на мысль об использовании побережий Шидерты тасмолинским населением, вероятнее всего, не испытывавшим земельную тесноту, также в летнее время. Если судить так, то не лишено основания искать поселения этих групп также к югу от урочища Тасмола, в более выраженной черте мелкосопочника, где могли быть их зимники, подобно казахским. Это не исключает возможности поиска здесь других типов поселений, например, летних стоянок, но это уже другая постановка вопроса. Исследованное раскопками пока единственное поселение сакского времени Шидертинское-2 [Бейсенов, Мерц, 2010], находится южнее урочища Тасмола, хотя этих данных пока мало для каких-либо более определенных выводов. Разумеется, использование данных казахской этнографии не дает полного основания для решения тех или иных вопросов, связанных с культурой древних кочевников, тем не менее в поле зрения исследователей они должны быть. Тем более, в вопросах изучения поселений древних кочевников в настоящее время очевидны польза и возможности применения этнографических данных [Шульга, 2015a].

Тасмолинская археологическая культура, ставшая известной в научном кругу более полувека назад благодаря многолетним исследованиям М. К. Кадырбаева, является одним из ярких и самобытных культурных образований сакской эпохи Казахстана и степной Евразии. На основании данных раскопок М.К.Кадырбаевым был выполнен анализ особенностей погребального обряда, предметов материальной культуры племен Центрального Казахстана [Кадырбаев, 1958; 1966а, с. 303-433; 1968; 1974; 1978]. Благодаря усилиям М. К. Кадырбаева, тасмолинская культура многие десятилетия назад стала неотъемлемой частью науки скифологии в Азии и Европе.

Тасмолинская культура существовала в окружении и тесном взаимодействии с культурами близкородственных племен сакского круга. Этнокультурная близость племен Центрального Казахстана ко многим сакским культурам была доказана еще на раннем этапе исследований.

В работе 1966 г. М. К. Кадырбаев отметил следующее положение: «Районы Семиречья, Центрального Казахстана, Алтая и Южной Сибири населяли родственные племена со сходной хозяйственной базой, материальной культурой и общественной организацией... Наиболее подходящим условным термином, подчеркивающим особенности восточного очага степных культур скифского времени, мы считаем термин „сакская культурная общность“. Ядро этой культурной области составляли, прежде всего, племена Казахстана и

Алтая, исторические судьбы которых переплелись раньше VII–VI вв. до н. э. и культуры которых базировались на одной и той же андроновской основе» [Кадырбаев, 1966а, с. 401]. Предполагая существование в раннесакскую эпоху единой культурно-исторической общности, М. К. Кадырбаев такие региональные комплексы (культуры), как Тасмола, Майемер, Уйгарак и др., рассматривал в качестве археологических культур «второго порядка» [Кадырбаев, 1968, с. 36].

В другой работе, опубликованной также в 1966 г., М.К.Кадырбаев затронул тему нижней границы раннесакского этапа: «Кроме недостаточности раннесакского материала, разрешение данной проблемы затрудняет еще наша нерешительность в определении нижней границы ранних памятников скифо-сакского времени. Например, в Казахстане весь VII в. до н.э., за исключением его конца, и по крайней мере вторая половина VIII в. до н.э. остаются «пустующим» историческим периодом. Наша боязнь углубить нижнюю границу раннесакских памятников привела к тому, что между памятниками дандыбай-бегазинского периода, давшие хорошие образцы предсакского, а может быть, и раннесакского, вооружения, и такими, как Карамурун (курган 5), Майэмир, Славянка, Уйгарак и другие, существует ничем неоправданный разрыв в сотню с лишним лет. Между тем, если учесть эволюцию бронзовых наконечников стрел начиная с андроновского времени, строительные традиции в памятниках IX-VIII вв. и VII-VI вв. до н.э., сходство части грубой лепной керамики того и другого периодов, то следует предположить, что середина VIII в. до н.э. была временем сложения раннесакской культуры, а предшествующий дандыбай-бегазинский этап поздней бронзы являлся предсакским периодом» [Кадырбаев, 1966б, с. 81].

Это суждение ученого, не отмеченное в свое время его коллегами, является одним из первых призывов к пересмотру начальной даты раннесакских/раннескифских культур степной Евразии. Тезис М.К.Кадырбаева, высказанный им еще в 1966 г., основанный на знании им материалов раннесакского периода Казахстана, в том числе учитывающий материалы из его собственных раскопок, был озвучен другими археологами, уже после открытия Аржана. Близкие мысли высказаны и продолжают высказываться и в отношении бегазы-дандыбаевской культуры, сыгравшей важную роль в распространении многих инноваций на территории востока степной Евразии [Грязнов, 1978; 1980; 1983; Акишев К.А., Акишев А.К., 1978; Кызласов, 1977; Чугунов, 2006].

В контексте современных исследований, в ареал тасмолинской историко-культурной общности принято относить районы Центрального (тасмолинская культура), Северного Казахстана (улыбай-тасмолинская культура) и Южного Зауралья (бобровско-тасмолинская культура) [Хабдулина, 1994; 2007; Таиров, 2007; Бейсенов, 2015а; Beisenov, 2015а; Beisenov, 2016а]. Тасмола это большая общность, которая в раннесакскую эпоху была территориально распространена по всей обширной Сарыарке – от Чингизтау на востоке до Улытау и Тургая на западе, от Северной Бетпақдалы на юге до степного Зауралья и равнин Западной Сибири на севере.

Ядром этой большой общности были племена Центрального Казахстана, где локализируются памятники собственно тасмолинской археологической культуры. Согласно археологическим данным, тасмолинская общность сложилась в VIII в. до н. э., переживала

свой расцвет в VII–VI вв. до н. э. Как показывают современные исследования, после этого периода ареал общности сужается.

Тасмолинская культура в современных исследованиях

В ходе исследования памятников Центрального Казахстана на современном этапе получен значительный объем новых данных (см. рис. 7-26; цв. вклейка, фото 1-4), позволяющих существенно расширить наши представления о культуре населения региона в эпоху раннего железа. Одной из особенностей новейших изысканий на территории Центрального Казахстана является исследование погребальных памятников элиты, представленных курганами высотой от 1,5-2 м до 4-6 м.

На основании археологических материалов и радиоуглеродных данных тасмолинская культура датируется периодом VIII-V вв. до н.э. [Бейсенов, 2015а; 2016в; Beisenov, Svyatko, Kassenalin, Zhambulatov, Duisenbai and Reimer, 2016]. Наиболее яркие и многочисленные памятники сооружены на раннем ее этапе – в период VIII - первой половины VI вв. до н.э. Памятники второго этапа пока мало изучены, они количественно уступают памятникам раннего этапа. Особого рассмотрения требует вопрос о памятниках IV в. до н.э.

Население тасмолинской культуры проживало в черте географической провинции Казахского мелкосопочника, для которой характерен низкогорный и холмистый, маловодный ландшафт с тяжелыми сухими почвами. Островные низкогорья с абсолютной отметкой 1000–1500 м от уровня моря образуют небольшие оазисы, здесь в горных ущельях на камнях растут сосновые лески, вдоль речек протянуты полосы березовой и тополиной рощ. Издревле хорошо обжитые гористые оазисы Каркаралы, Улытау, Баянаул, Кызыларай, Шынгыстау представляют из себя именно такие местности.

Ранние материалы М. К. Кадырбаева были получены на реке Шидерты, на северо-восточной окраине Казахского мелкосопочника. Новые исследования, в особенности, работы последних 15 лет, проводятся в глубинных районах мелкосопочника. В указанных оазисных районах встречены наибольшие концентрации курганов, в том числе крупных насыпей.

Источниковедческая база изучения погребального обряда тасмолинской культуры Центрального Казахстана основывается на материалах свыше 200 документированных объектов.

Более значительные группы памятников замечены в предгорных долинах с хорошими родниками, рекой. Одним из таких мест, чьи памятники интенсивно изучались в течение последних 10-15 лет, является урочище Бакыбулак в северных склонах горы Каракуыс. Здесь открыты многочисленные объекты – поселения, могильники и погребения эпохи бронзы, сакского времени, жертвенные места, отмеченные каменными кольцами, зимовки казахского времени, как старые, так и существующие поныне (рис 7). Находящийся здесь могильник Бакыбулак (рис. 9) датируется ранним этапом Тасмолы. Археологические материалы, в том числе наконечники стрел (рис 11), архаические предметы конского снаряжения из жертвенников (рис. 12-13; цв. вклейка, фото 1, 2, 3), а также радиоуглеродные

данные (см.: [Бейсенов, 2016в]) позволяют датировать памятник VIII-VII вв. до н.э. В курганах Бақыбулака встречены дромосные могилы (рис. 10), появление которых, надо полагать, также характерно для этого периода. Неподалеку от могильника Бақыбулак исследовались курганы могильника Байке-2, оставленные, по-видимому, в период финала раннесакской эпохи. Найденные здесь костяные шпилька и футляр (рис. 14, 1, 4; цв. вклейка, фото 1, 4, 5) являются уникальными находками для ранней Тасмолы. Шпилька однозначно показывает на связи с древней Тувой, в частности, с Аржаном-2 [Бейсенов, 2015а]. Футляр, выполненный из трубчатой кости животного (корова), не имеет аналогов в близком окружении. На поверхности изделия древний мастер вырезал многофигурную композицию из изображений животных, переданных в зверином стиле. Здесь 16 животных, из которых шесть определяются как хищники. Центральным и основным элементом композиции является сцена терзания сайгака хищниками. Изделие датировано первой половиной VII в. до н.э. [Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, Дуйсенбай, 2016].

В урочище Карашоки находится большая группа курганных захоронений (рис. 8), основная часть которых оставлена в ранний период Тасмолы. Здесь на площади свыше 20 кв. км насчитано 53 объектов, из них 42 курганов, 4 каменные выкладки и 7 восьмикаменных жертвенников, расположенных вблизи насыпей. Диаметры насыпей 3-42 м, их высота от 0,3 до 4,7 м. В группе Карашоки-2 на насыпи кургана №8 фиксируются 2 каменных изваяния, что, возможно, указывает на средневековье. Остальные курганы, среди которых имеются разрушенные насыпи вследствие неизвестных «раскопщиков», имеют характерный для сакского времени облик. Здесь всего выделяются 8 групп сооружений, значительно отдаленных друг от друга. По-видимому, в удобных районах и пунктах образовывались могильники родственных коллективов, проживавших в том или ином отдалении от мест общего могильного поля, но поддерживавших связь между собой. В сильно ограбленных курганах Карашоки найдены редкий экземпляр крупной золотой серьги, выполненный с высоким искусством зерни и скани, ажурное украшение из золотого листа в виде тигра, найденная также костяная деталь портупейного крепления повторяет золотой аналог из кургана 5 мог. Талды-2 (рис. 21, 1-3).

Структура кургана раннесакского времени Центрального Казахстана и элементы околочурганного пространства во многом близки для всех региональных культур Казахстана. Возникающие неясности при восприятии этого положения, как правило, связаны с недостаточным уровнем исследования вопроса.

Тасмолинский курган представлен округлой насыпью, сооруженной над одной могилой. Небольшие объекты часто имеют уплощенный вид, тогда как для более крупных насыпей характерна полусферическая форма. Рвы характерны для элитных курганов и, вместе с тем, чаще встречаются в равнинных местностях с относительно мягкой почвой. Следует различать внешнюю ограду (цв. вклейка, фото 4, 2) округлой, прямоугольной форм от крепиды, которая проходит по основанию насыпи. Ограда, обычно одинарная, редко двойная, состоит из плит, которые или вертикально вкопаны (цв. вклейка, фото 3, 1,2) в землю или же уложены плашмя. Надмогильный холм – насыпь – имеет каменное, каменно-земляное содержание. В широких равнинах, речных долинах встречаются курганы с земляной насыпью, где камень использован в малом количестве. Таковы курганы

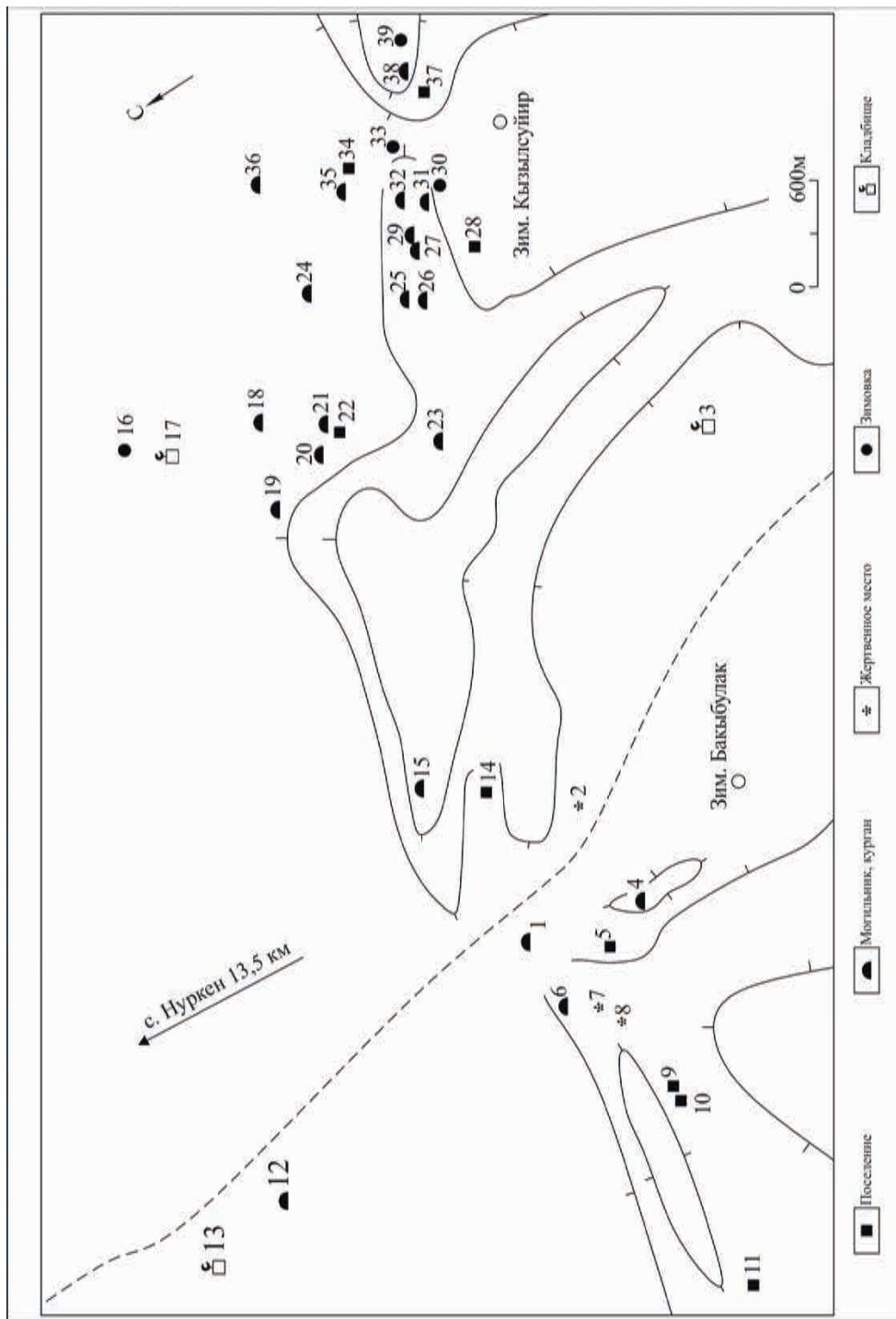

Рис. 7. Карта памятников урочища Бакайбулак. 1 – мог. Бакайбулак; 2 – жертвенное место Бакайбулак; 3 – кладбище Бакайбулак; 4 – мог. Бакайбулак 3; 5 – поселение Бакайбулак; 6 – курган Туйетас; 7 – жертвенное место Туйетас 2; 8 – жертвенное место Туйетас 1; 9 – поселение Туйетас; 10 – поселение Туйетас 3; 11 – поселение Туйетас 2; 12 – мог. Орташилик; 13 – кладбище Абсаттар; 14 – поселение Бакайбулак 2; 15 – мог. Бакайбулак 2; 16 – зимовка Сарыбуйрат; 17 – кладбище Сарыбуйрат; 18 – мог. Сарыбуйрат 3; 19 – курган Сарыбуйрат 1; 20 – курган Сарыбуйрат 2; 21 – мог. Сарыбуйрат 1; 22 – поселение Сарыбуйрат; 23 – мог. Сарыбуйрат 2; 24 – мог. Сарыбуйрат 4; 25 – мог. Сарыбуйрат 5; 26 – мог. Сарыбуйрат 6; 27 – мог. Кызылсуйир 5; 28 – поселение Кызылсуйир 3; 29 – мог. Кызылсуйир 4; 30 – старая зимовка Кызылсуйир 2; 31 – мог. Кызылсуйир 3; 32 – курган Кызылсуйир 2; 33 – старая зимовка Кызылсуйир 1; 35 – мог. Кызылсуйир 1; 36 – курган Кызылсуйир 1; 37 – поселение Кызылсуйир 2; 38 – мог. Кызылсуйир 2; 39 – сооружение Кызылсуйир

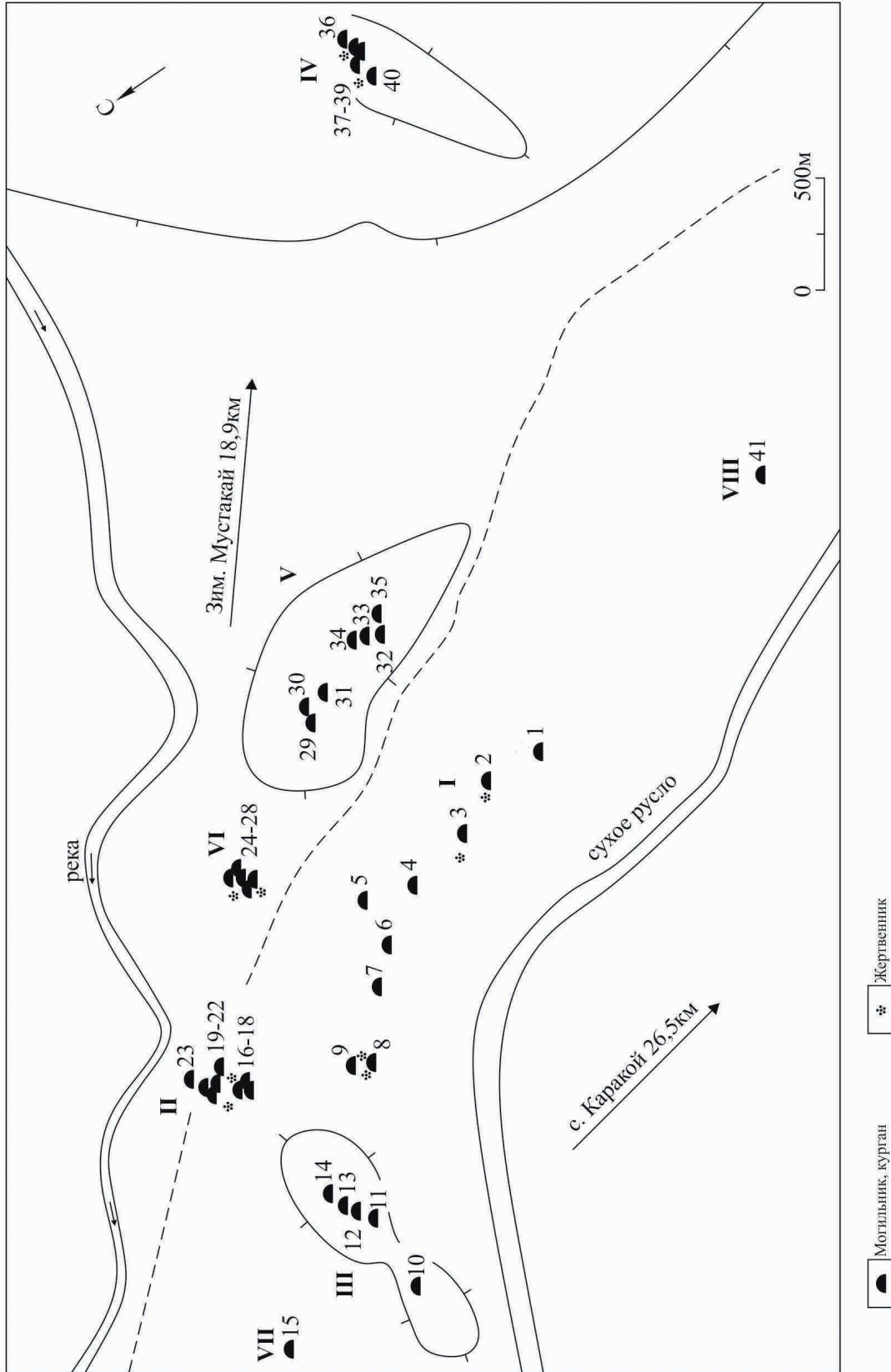

Рис. 8. Карта памятников урочища Караюкты

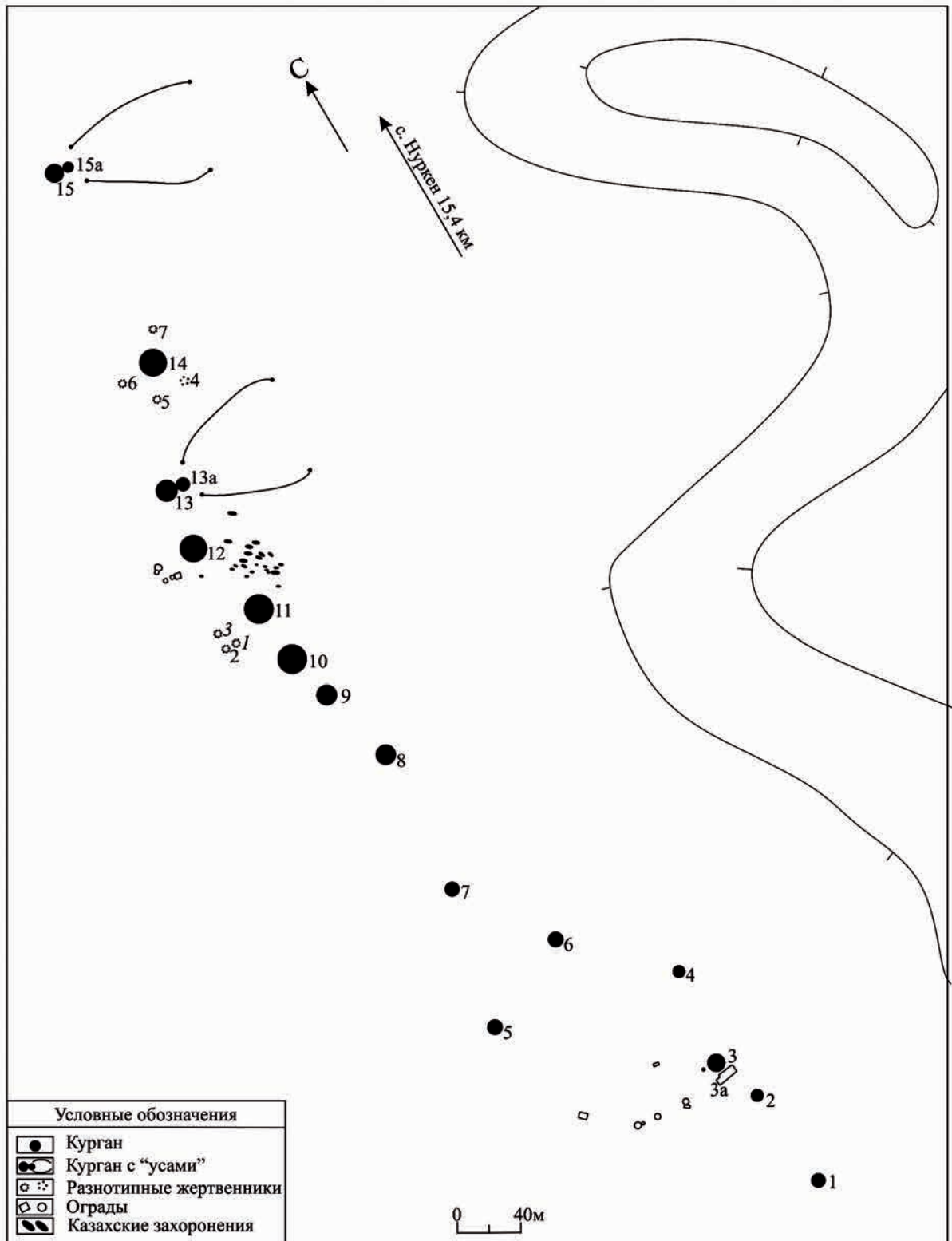

Рис. 9. План могильника Бакыбулак

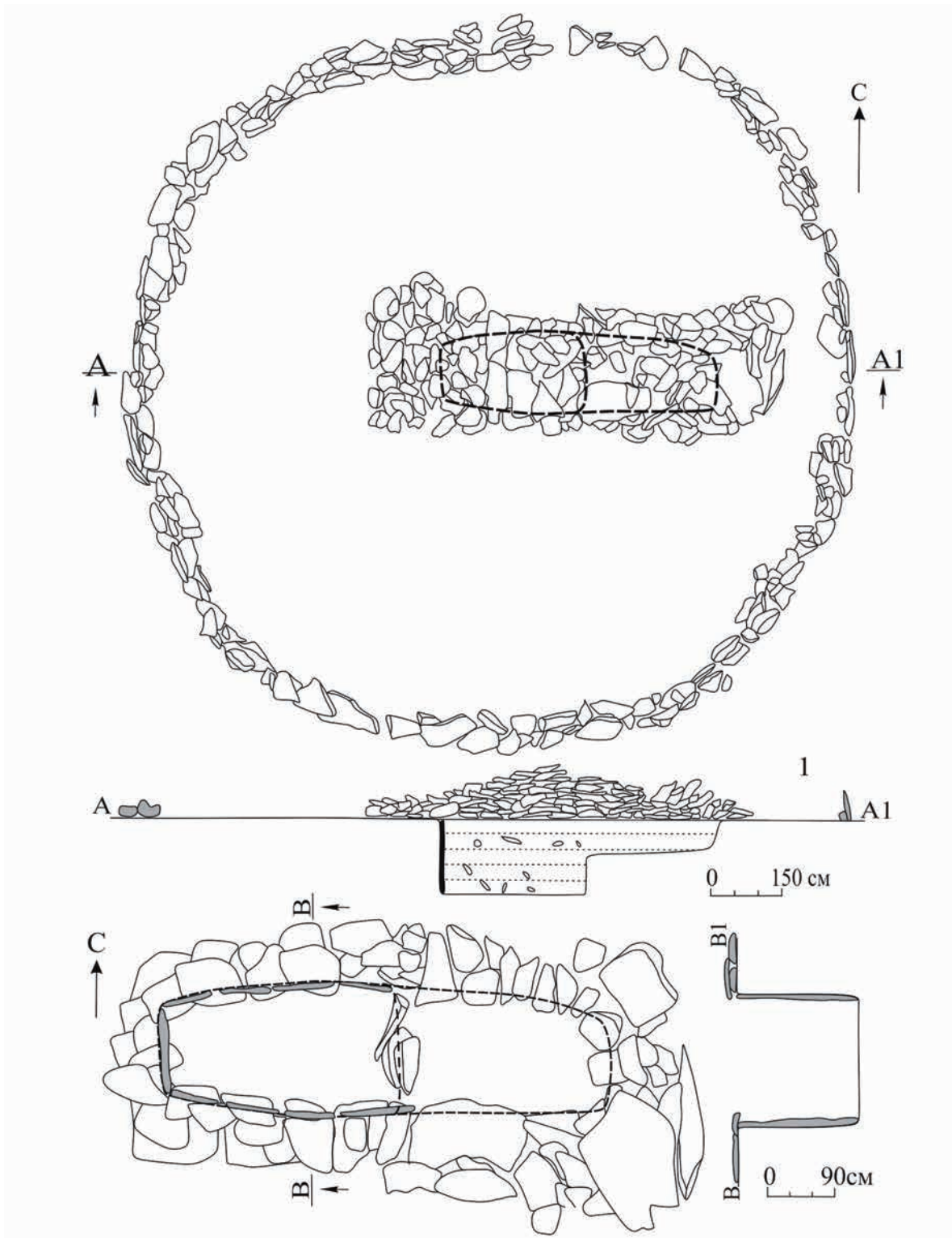

Рис. 10. Мог. Бакыбулак, курган 12. План, разрез

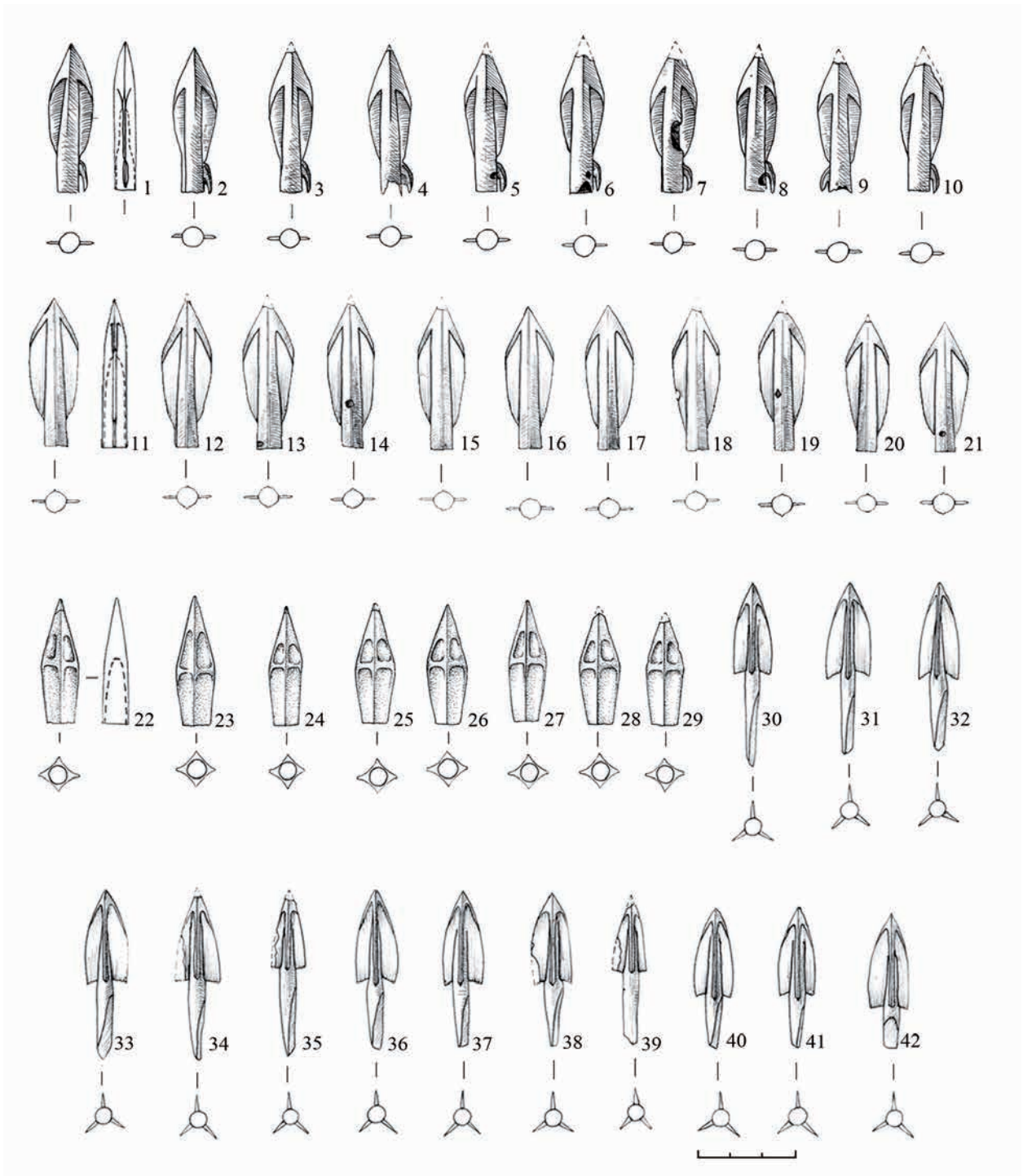

Рис. 11. Мог. Бакыбулак, курган 9. Бронзовые наконечники стрел

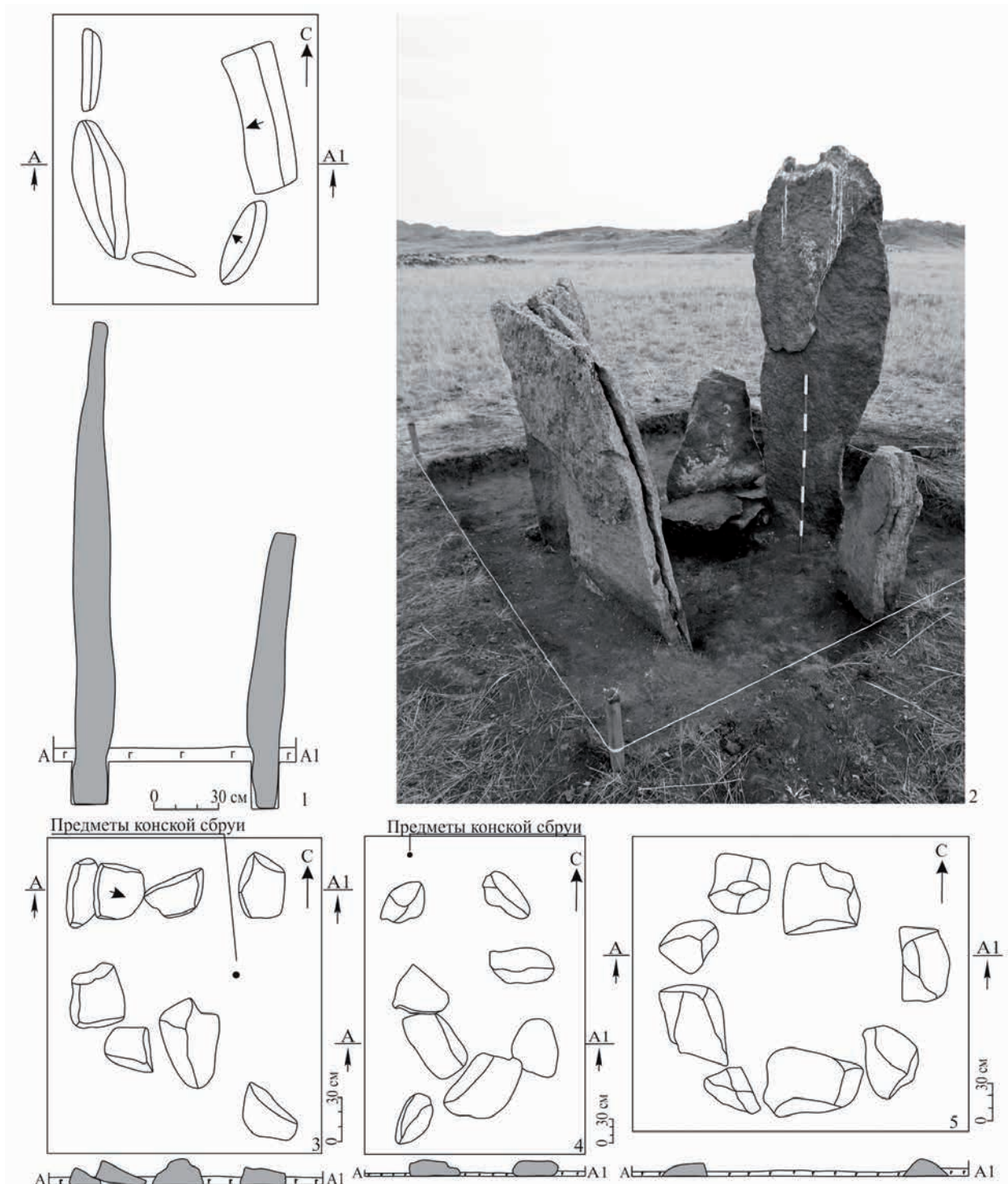

Рис. 12. Могильник Бакыбулак. Жертвенники. 1, 2 – жертвенник №7; 3 – жертвенник №4; 4 – жертвенник №5; 5 – жертвенник №6

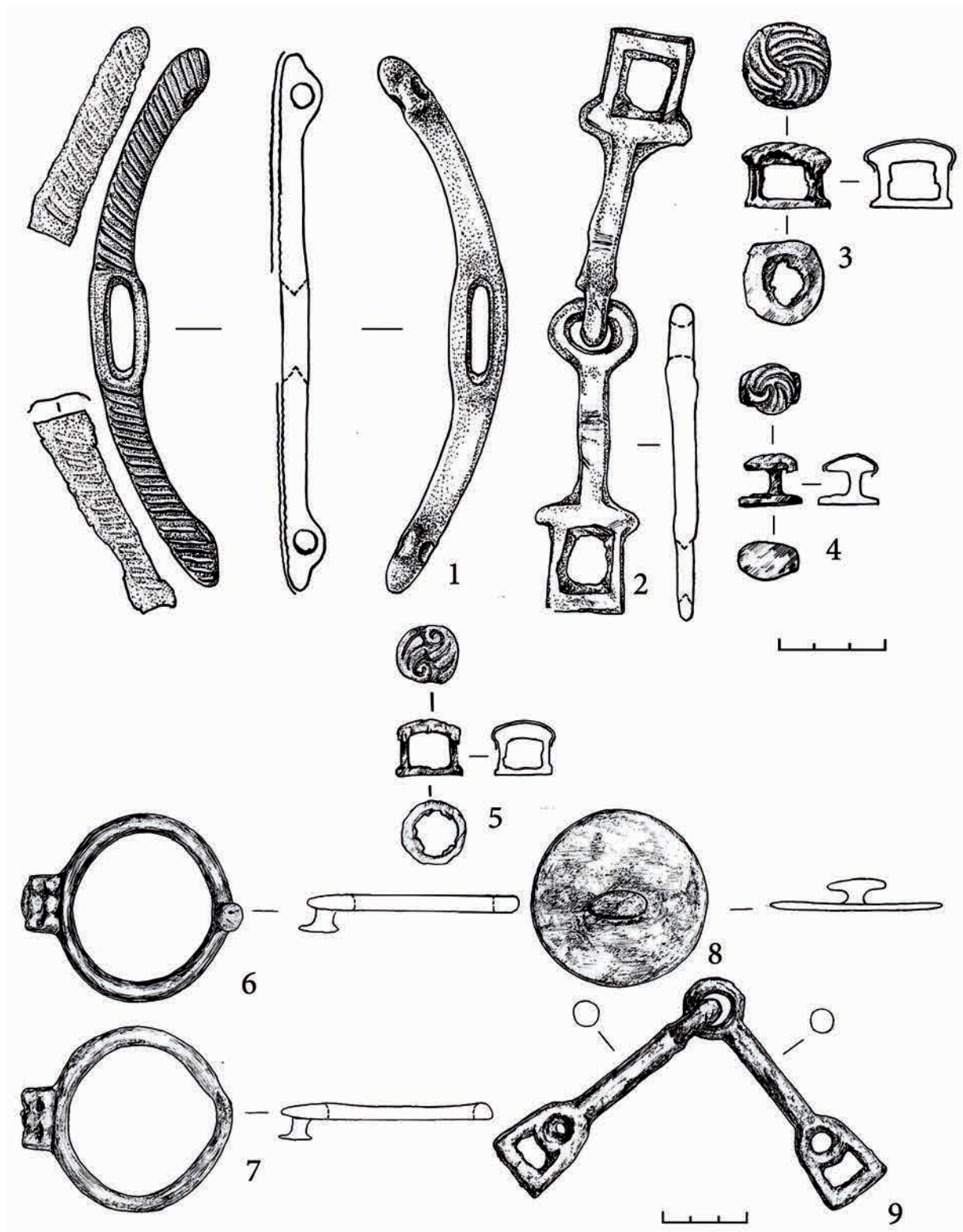

Рис. 13. Могильник Бакибулак. Предметы конского снаряжения. 1-5 – жертвенник №5;
6-9 – жертвенник №4

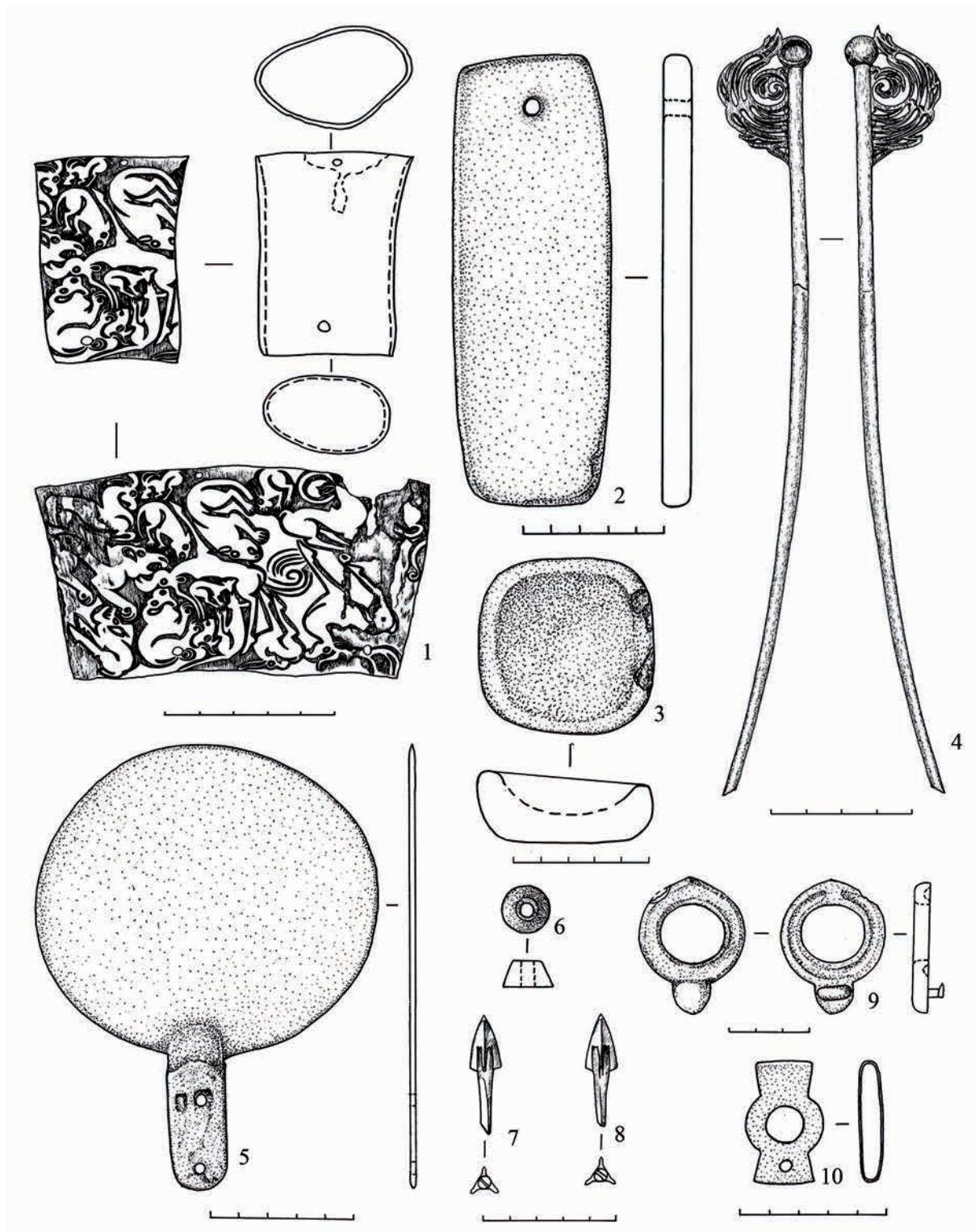

Рис. 14. Могильник Байке-2. 1, 3, 5, 6 – курган с «усами» №7, погребение;
 2, 4 – курган с «усами» №3, погребение; 7, 8, 10 – курган №8; 9 – курган №11; 1 – костяной футляр;
 2, 3 – каменные кайрак и жертвенник; 4 – костяная шпилька; 5, 6, 7, 8, 9, 10 – бронзовые зеркало, ворворка,
 наконечники стрел, подпружная пряжка и поясная обойма.

Акбеит (цв. вклейка, фото 4, 3), где камень использован, главным образом, в верхнем слое. Мало камня в курганах Талды-2, Серекты-1, Шерубая. Более каменистыми оказались курганы Карашоки. Ситуация с соотношением камня и земли в насыпи стала проясняться по мере получения данных из крупных курганов.

Одним из новых, ранее неизвестных, сторон тасмолинского кургана является такой элемент, как грунтовые блоки, которые сейчас обнаружены во многих крупных сооружениях. И дерновые пласты, и грунтовые блоки как строительные элементы исследователи к настоящему времени выявили во многих курганах сако-сарматской эпохи Казахстана и степной Евразии [Хабдулина, 1994; Парцингер, Зайберт, Наглер, Плешаков, 2003; Мозолевский, Полин, 2005; Гуляев, 2009; Толеубаев, 2011; Кривошеев, 2013; Кривошеев, Ельцов, Мимоход, Борисов, 2014; Свиридов, Ярыгин, Сакенов, 2014].

Степень применения грунтовых блоков в курганах Центрального Казахстана зависела от местонахождения памятника. Они больше использовались в курганах, находящихся в речных долинах с относительно мягкой почвой, недалеко от водного источника с достаточно хорошим течением. Такие случаи зафиксированы в крупных курганах могильников Нуркен-2, Серекты-1 (цв. вклейка, фото 4, 1, 2), Талды-2. В курганах, расположенных вдали от рек и крупных ручьев, грунтовые блоки или отсутствуют или применяются в значительно меньшем количестве.

В ареалах распространения скифо-сакских культур в строительстве кургана применялся дерн. Пласты дерна в Казахстане характерны для курганов, находящихся в более увлажненных регионах, например, в Жетысу, Восточном Казахстане, а также в курганах улыбай-тасмолинской культуры Северного Казахстана [Зданович, Иванов, Хабдулина, 1984]. Для строительства курганов Центрального Казахстана дерн использовался, но не так интенсивно, как в указанных регионах. Грунтовые блоки – вальки [Мозолевский, Полин, 2005] – являлись важным строительным материалом.

В насыпях курганов 1 и 2 могильника Нуркен-2, имеющих высоту соответственно 4 и 6 м, грунтовые блоки однообразные, имеют устойчивый светло-серый цвет. Такая же картина наблюдается и в курганах 10 и 11 (высота 4 и 2 м) могильника Серекты-1. В курганах Талды-2 такого однообразия нет. Например, в нижней части насыпи кургана 3 (цв. вклейка, фото 2, 2) на высоту 1,6-1,8 м использованы пласты дерна, взятые в пойме реки Талды. Выше этого уровня положены блоки смешанного характера. В курганах 1 и 2 могильника Акбеит грунтовые блоки были уложены явно вперемежку с землей, в сильно ограбленных насыпях обоих курганов с практически разрушенным центральным сектором какою-либо систему в чередовании блоков с землей уловить не удалось.

Зафиксированы случаи, когда грунтовые блоки или же куски дерна присутствуют в насыпи в незначительном объеме, как бы чисто символически. В кургане 7 (рис. 4, 1-3) высотой 2,5 м, содержавшем элитное детское погребение [Бейсенов, Базарбаева, Дуйсенбай, 2017] (рис. 24), толщу насыпи составляют плотные слои суглинка, взятого вокруг памятника. При этом, четко фиксировались слои грунтовых блоков, которые выделялись не только по цвету, но и по твердости.

В курганах могильников Нуркен-2 и Серекты-1 поверх грунтовых блоков помещался слой заливки из того же материала, благодаря чему поверхность конструкции приобре-

тала гладкий, утрамбованный вид. В курганах Серекты-1 такой слой имел мощность до 15 см. Поверх слоя грунтовых блоков укладывался слой из земли или песка, вынутаго вокруг памятника, в том числе и со рва. После этого сооружалась крепида из крупных обломков плит, на расстоянии 2-5 м от которой укладывалась большая внешняя ограда. Нижний край традиционного для сакских курганов всего Казахстана каменного панциря покрывал крепиду. При этом, на месте соединения крепиды и панциря часто фиксируется досыпка из небольших камней, усиливающая мощность каменного слоя на перифериях наземного сооружения. В большинстве случаев тасмолинская крепида состоит из крупных камней, горизонтально уложенных в 2-3 ряда и в 2-4 слоя. В кургане 2 могильника Кособа крепида первоначально, по-видимому, представляла многослойную кладку высотой свыше 1 м, максимально приближенную к идее вертикальной стены. В редких случаях крепиды отсутствует и ее функцию выполняет нижний край каменного панциря.

Одним из традиционных для курганов ранней Тасмолы архитектурных решений является перекрытие надмогильного сооружения. Сильная ограбленность и разрушенность почти всех, за редким исключением, вскрытых насыпей основательно затрудняет полное изучение вопроса перекрытия. Но уже можно ставить вопрос о том, что в крупных насыпях применялся тот тип перекрытия надмогильной каменной конструкции, когда между ее куполовидным верхом, возведенным путем ложного свода и закрытым большими угловыми плитами, и могильной ямой оставлялось пространство. Наиболее убедительно это прослежено в курганах (рис. 15, 16) могильника Нуркен-2. Конструкции находились в нижней части каменной насыпи, скрытой под толщей слоя глиняных блоков [Бейсенов, 2016б]. В кургане 2 высота внутреннего пространства склепа – свыше 2 м (рис. 16). Такой же метод перекрытия надмогильного сооружения встречен, помимо двух курганов могильника Нуркен-2, в курганах урочища Назар [Бейсенов, 2016а], а также в раскопанных курганах могильника Карашоки (рис. 20), в кургане 6 могильника Талды-2 (рис. 18). В курганах 3, 5 могильника Талды-2, из дерновых пластов могли быть также сооружены куполовидные конструкции с небольшим полым пространством внутри. В таком случае, отмеченные в этих двух курганах ямки-лунки (рис. 19) могли быть предназначены для деревянных стоек, поддерживавших верх.

В оформлении конструкций, возведенных над погребальной камерой, наибольшую близость к тасмолинским крупным курганам обнаруживают аналогичные памятники улыбай-тасмолинцев Северного Казахстана. По сути, здесь, в обоих регионах можно видеть варианты схожих объемных надмогильных сооружений, на севере это сложные шатровые постройки, в глубинах мелкосопочника – каменные, каменно-земляные склепы. В последних можно увидеть прототип средневековых каменных сооружений «дынг».

Еще одной особенностью ранних курганов тасмолинской культуры являются дромосные могилы (рис. 10; 15; 16; 17; 18; 19, 1; 20; 22) [Beisenov, 2016b; Beisenov, Duisenbai, Akhiyarov and Sargizova, 2016]. Неизвестные в ранних исследованиях, дромосы в настоящее время являются одним из устойчивых элементов погребального обряда племен Центрального Казахстана. Количество курганов с дромосными могилами ежегодно растет. По состоянию на осень 2016 г. дромосы встречены в 32 курганах. Наибольшая длина дромосов – 15 м (Талды-2, Нуркен-2). Обзор материалов показал, что дромосные могилы

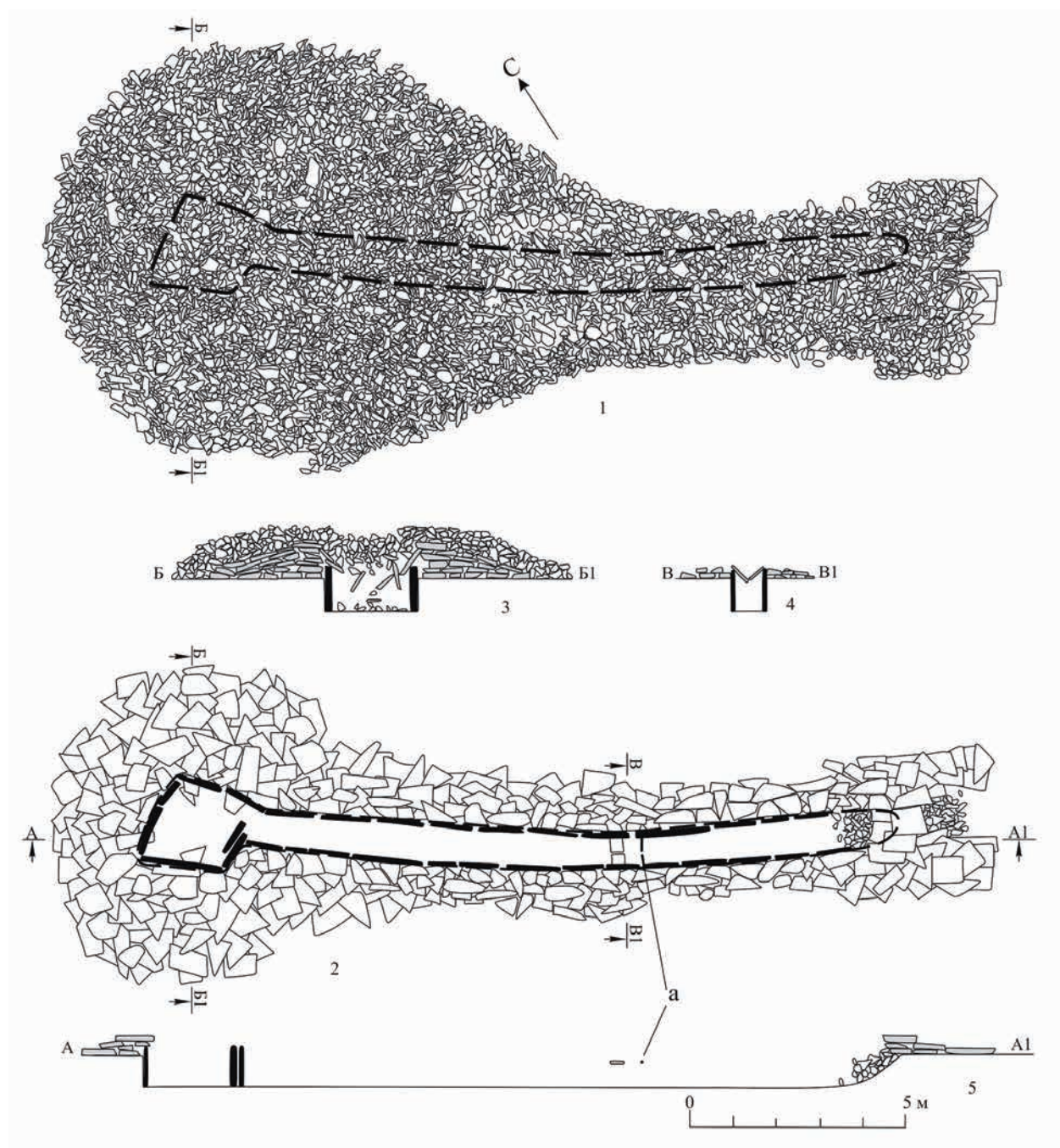

Рис. 15. Мог. Нуркен-2, курган 1. Погребальное сооружение. а – дерево

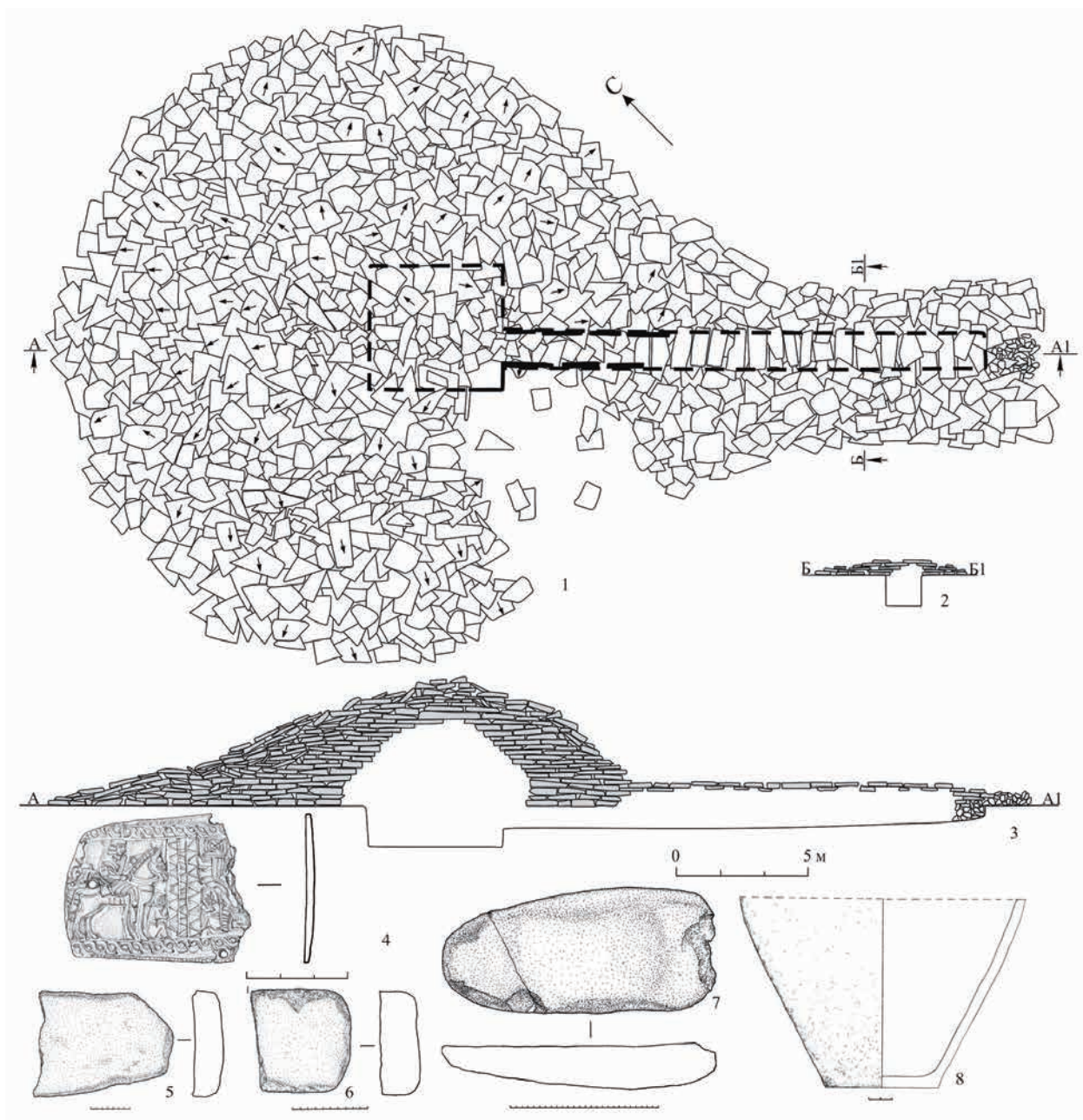

Рис. 16. Мог. Нуркен-2. 1-3 - Погребальное сооружение, курган 2; 4 – бронзовая бляшка, курган 2, жертвенник; 5 –обломок зернотерки из кургана 1; 6 - обломок куранта из кургана 2; 7 - зернотерка из кургана 2; 8 - фрагмент сосуда из кургана 1

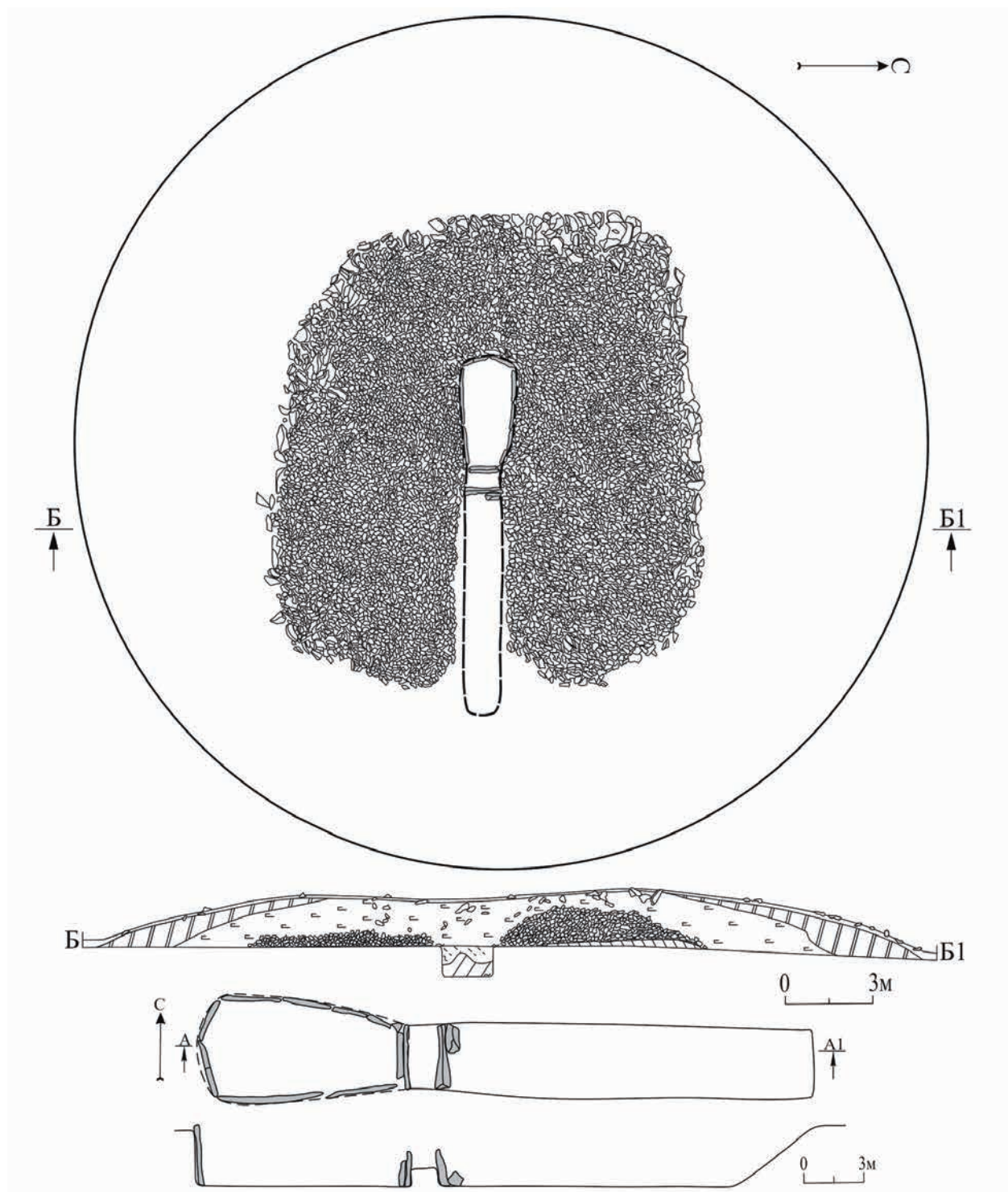

Рис. 17. Мог. Талды-2, курган 1. Планы и разрезы

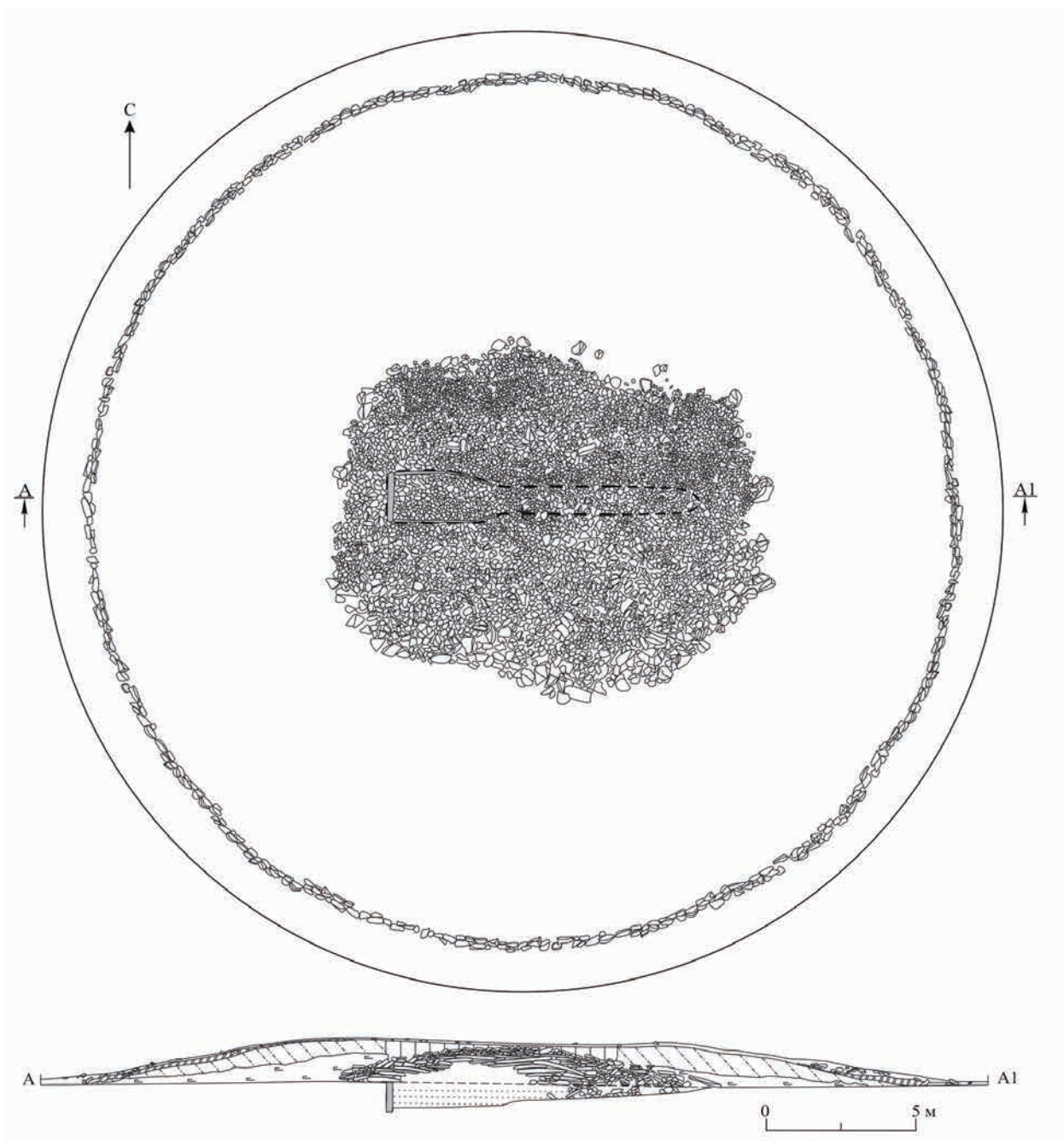

Рис. 18. Мог. Талды-2, курган 6. План и разрез

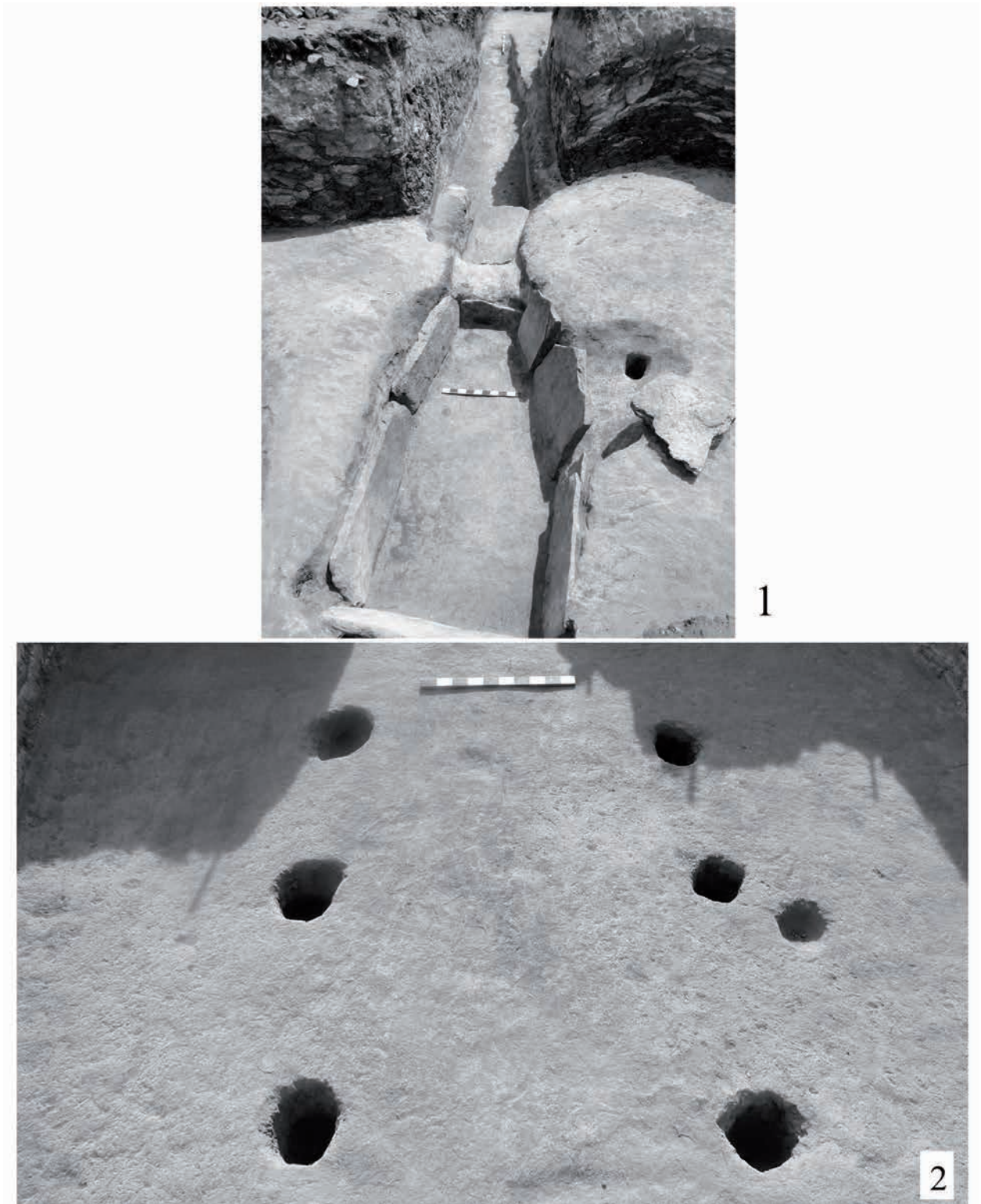

Рис. 19. Мог. Талды-2. Ямы-лунки на поверхности материка. 1 – курган 3; 2 – курган 5

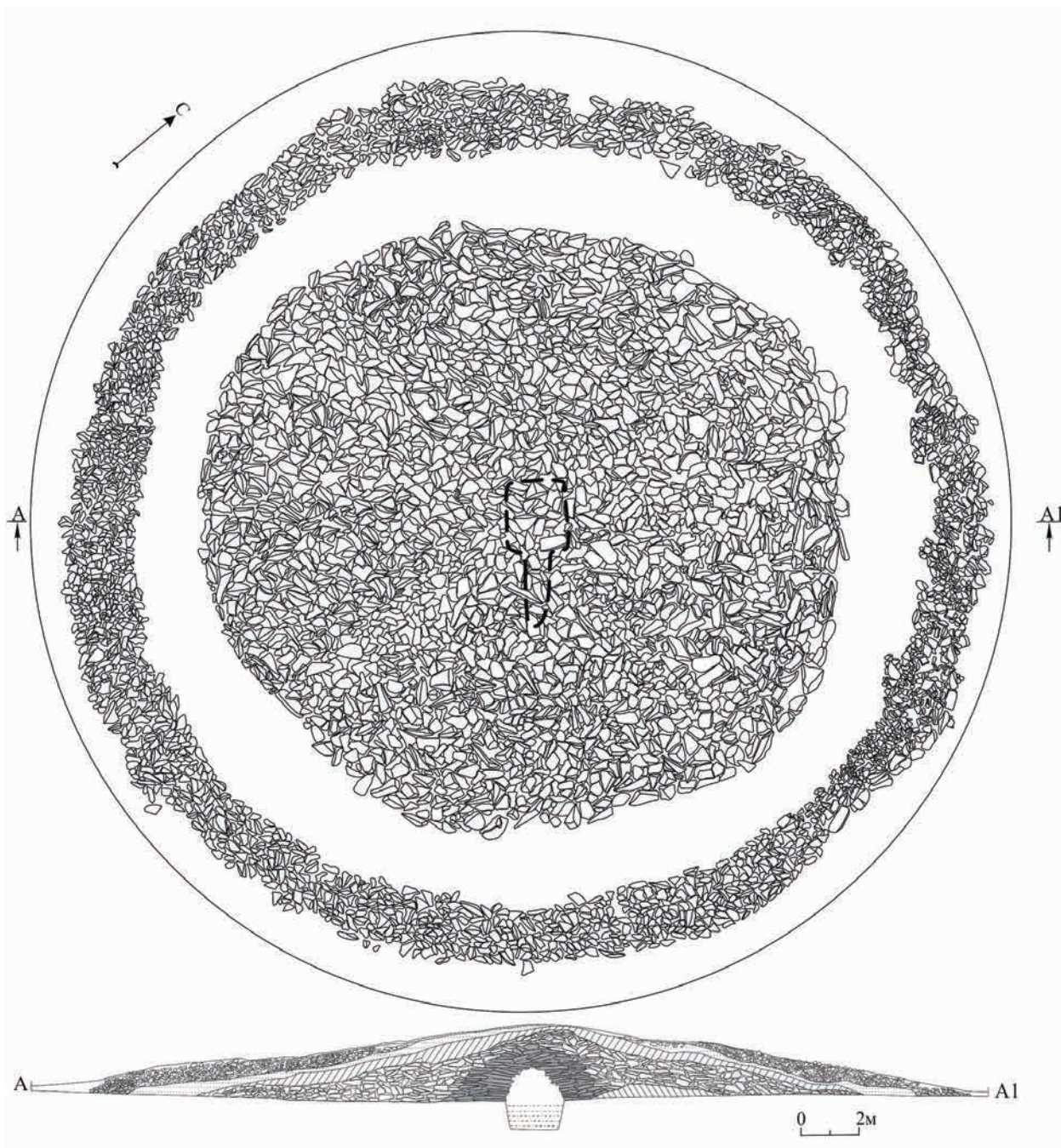

Рис. 20. Мог. Карашоки, курган 1. План, разрез

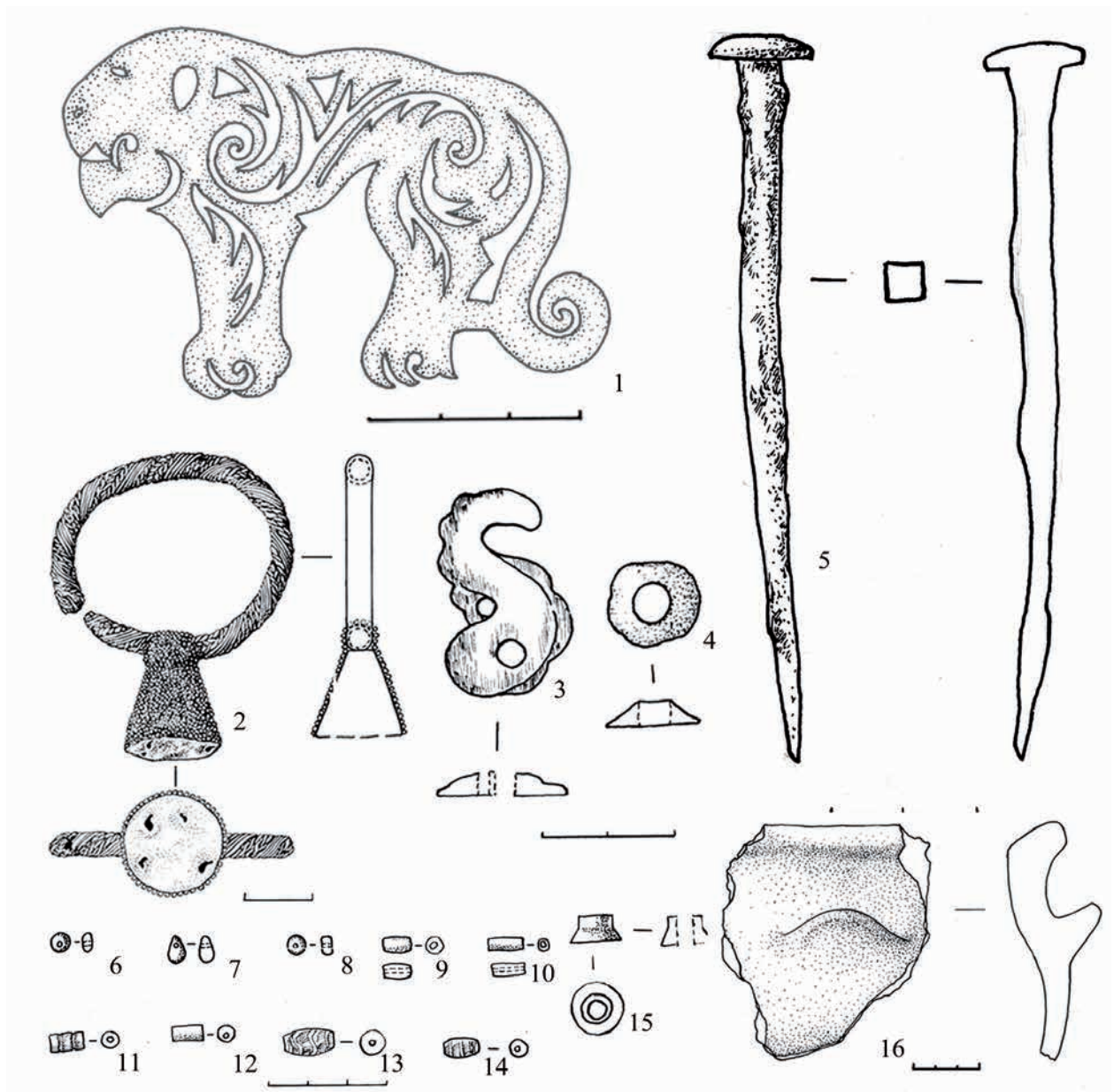

Рис 21. Могильник Карашоки. 1, 5, 16 – курган №1; 3-4 – курган №9; 2, 6-14 – курган №8; 15 – курган №6; 1 – золотое украшение в виде тигра; 2 – золотая серьга; 3 – деталь крепления портупеи, кость; 4 – костяная ворворка; 5 – бронзовая проколка; 6-14 – пастовые и каменная (13) бусы; 15 – костяная ворворка; 16 – фрагмент керамики

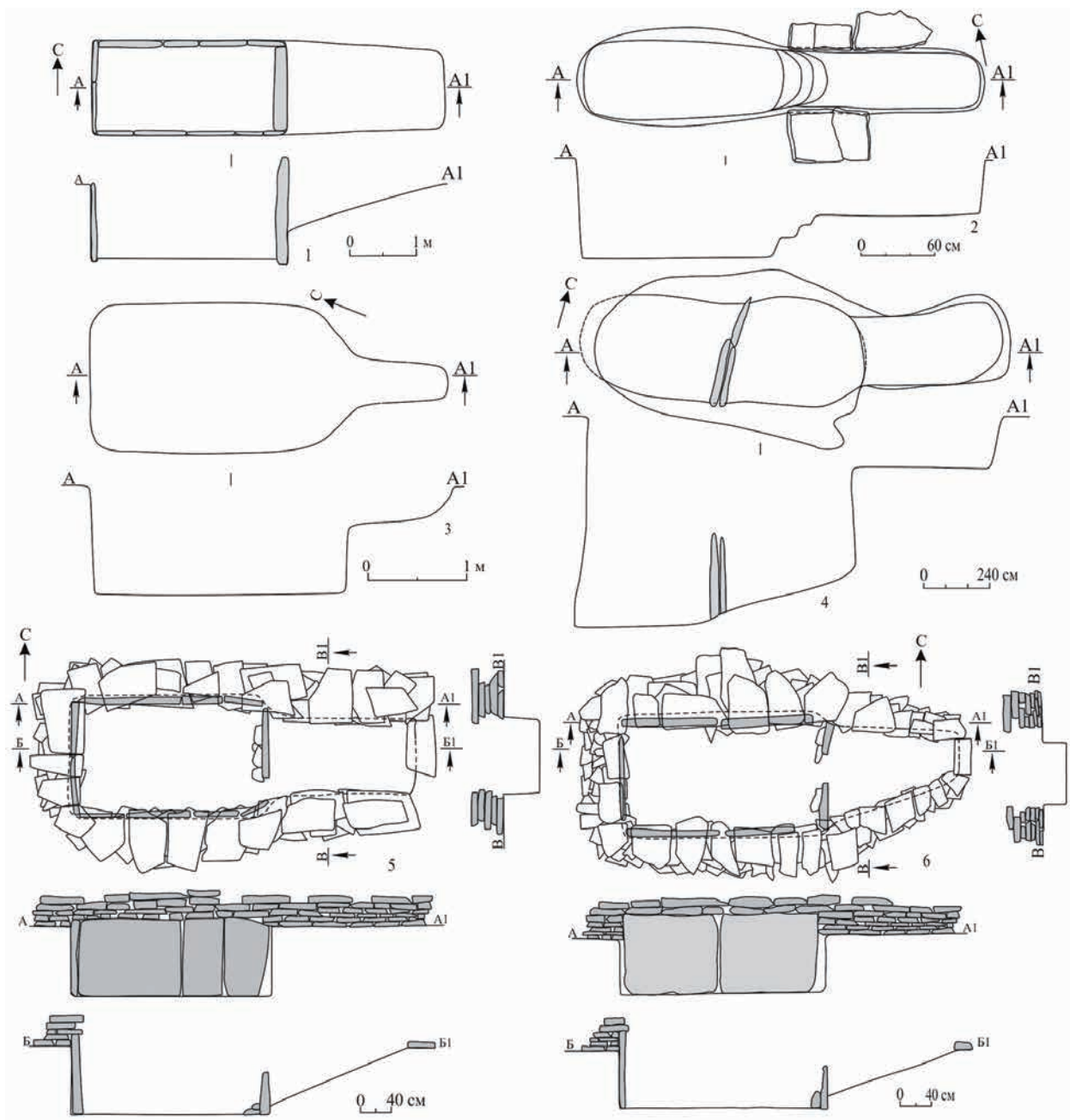

Рис. 22. Дромосные могилы. 1 – погребение кургана с «усами» Назар; 2 – курган №1 мог. Шерубай; 3 – курган №9 мог. Карашоки; 4 – курган №10 мог. Серекты-1; 5 – курган №1 мог. Назар-2; 6 – курган №2 мог. Назар-2

характерны для курганов сакской эпохи всех регионов Казахстана и они представляют общую традицию [Бейсенов, 2015а; 2016а; 2016б; Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, Баринаова, Крешиоли, 2015], которая появляется уже в раннесакский период. Дромосные могилы для Центрального Казахстана является местной традицией. По-видимому, традиция дромосных могил из сакских регионов Казахстана распространилась затем на запад, в районы распространения раннесарматской («савроматской») культуры [Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, Баринаова, Крешиоли, 2015, с. 69]. Отдельного рассмотрения требуют дромосы в скифских курганах Северного Причерноморья. В тасмолинских курганах умершие в укладывались головой на северо-запад, запад. В противоположную сторону, т.е. на юго-восток, восток, ориентированы дромосы. В исследованиях разных авторов чаще всего дромосы рассматривались как входы, спуски в могилу. Вместе с тем, семантика дромосов гораздо шире и не столь однозначна. По-видимому, дромос в ареалах сакских культур Казахстана, как часть жилища мертвого, связан с идеей востока. В одном кургане (мог. Акбеит-6, курган 3) встречен дромос в виде подземного хода (рис. 23), что исключает трактовку дромоса в качестве спуска в могилу. Тасмолинские дромосы, к тому же, часто перекрыты в районе соединения с погребальной камерой. Иногда они упираются в большую плиту (рис. 22, 1), образующую стенку могилы, или же бывают заложены большими камнями (рис. 23), иногда вообще не доходят до могилы, упираясь в материковую перемычку (рис. 17; 19, 1). С тасмолинскими курганами в данном отношении перекликается дромосное погребение кургана Байкара в Северном Казахстане, в ареале улыбай-тасмолинской культуры [Парцингер, Зайберт, Наглер, Плешаков, 2003].

На раннем этапе тасмолинской культуры распространяются каменные изваяния и менгиры. Абсолютно неизвестные в ранний период работ, эти элементы сейчас уже выступают в качестве важной категории источников. Пять каменных изваяний (рис. 25, 11-15; цв. вклейка, фото 2, 1) найдено в недавних исследованиях автора (см.: [Бейсенов, 2015а]). В настоящее время в тасмолинском ареале известно около 20 изваяний. По сообщению Г. С. Джумабековой и Г. С. Базарбаевой, курганы с изваянием и стелой имеются на западной периферии тасмолинской культуры – в Тургайском регионе [Jumabekova, Bazarbaeva, 2016].

Каменные изваяния сакского времени Центрального Казахстана датируются периодом VII-V вв. до н.э. По своей семантике каменные изваяния сакской эпохи должны быть близки к средневековым аналогам. Они также свидетельствуют о статусе героизированных предков и занимают важное место в исследовании проблем мировоззрения древних саков. Одним из признаков изваяний Центрального Казахстана является наличие своеобразной прически с «шишкообразным выступом», сопоставимым с чубом [Бейсенов, Ермоленко, 2014; Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2015; Ярыгин, 2011]. В культуре многих тюркских народов традиция оставления на голове чуба являлось распространенным явлением. Например, у казахов известны такие особенности прически, как «кекіл», «айдар». Распространено мнение, что указанные типы прически («кекіл» и «айдар») у казахов являются детскими. Следует учесть, что детскими они стали в силу исламских традиций. Читателю данный аспект знаком, также, и по культуре украинских казаков.

Менгиры, стелы находятся на поверхности и внутри насыпи, а также на небольшом расстоянии от тасмолинского кургана. В курганах 1, 2 и 3 могильника Талды-2 были найдены каменные плиты, имеющие длину 1,4 – 2,1 м. Они находились по одному в центральной части курганов, на поверхности каменной кладки, возведенной вокруг могилы. После возведения каменного слоя насыпи плиты-менгиры были вертикально установлены на этом уровне. Какое-то время каменная кладка насыпи стояла незасыпанной. После этого, перед возведением верхнего слоя из грунтовых блоков, менгиры были преднамеренно повалены. Курганы раннего железного века возводились в ходе нескольких этапов и это занимало определенное время. Установка менгиров, видимо, была связана с одним из этапов. Такая же ситуация, возможно, имела место и в строительстве курганов 1 и 2 могильника Нуркен-2. В этих курганах также найдены по одному крупному менгиру, которые лежали внутри насыпи [Бейсенов, 2016б]. Менгиры и стелы в насыпи встречаются в памятниках многих регионов Евразии. Они найдены в курганах Жетысу [Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, Баринова, Крешиоли, 2015], Восточного Казахстана [Толеубаев, 2011], интересна находка большого менгира в скифском кургане IV в. до н.э. Водяна Могила [Мозолевский, Полин, с. 77, 229] на Украине.

В кургане 2 (рис. 26) могильника Тандайлы-2 была обнаружена часть менгира. В центре насыпи была выявлена каменная кладка в форме треугольника, обращенного на восток. Основу сооружения составляют две многослойные выкладки из плит, на плане образующие острый угол со срезанной верхушкой. Внутри этого сооружения, заложенного камнями, находилась могила, ориентированная длинной осью по линии ЮЗ-СВ. На расстоянии 1 м к западу от сооружения находилась нижняя часть менгира в виде вертикальной плиты (рис. 26, 3). Длина сохранившейся части плиты – 0,62 м. Плита впущена в насыпь на 0,47 м. У ее основания находится скопление небольших камней. Верхняя часть плиты на 0,15 выступает наружу. Нет сомнения в том, что верхняя часть этой плиты была кем-то разбита и не сохранилась. Следует отметить, что менгиром мы называем эту камень условно. Верхняя часть камня отсутствует, - это могло быть и каменное изваяние.

Ярким примером того, что погребальная и поминальная процессия у тасмолинских племен Центрального Казахстана включала ритуалы, связанные с установкой менгиров, является сложный комплекс «Курган 37 воинов». В 1940-1950-х гг. исследования здесь проводили А. Х. Маргулан и К. А. Акишев. Недавно группой А. З. Бейсенова на этом комплексе были проведены новые исследования и реставрационные работы [Beisenov, 2016b]. Как показали исследования, на этом комплексе сейчас сохранилось около 100 древних менгиров. В древности их было гораздо больше.

На могильнике Назар-3 обнаружено 18 древних сооружений: 4 кургана, 4 менгира и 10 небольших округлых жертвенников. Все они образуют три параллельные линии, протянутые с северо-запада на юго-восток. Самую восточную линию образуют курганы. С западной стороны их находятся менгиры, а еще западнее проходит линия жертвенников. Курган 2 является самым крупным. Он овальной формы, имеет диаметры 16x12 м, высота 0,9 м. На расстоянии 6,8 м западнее кургана находится самый крупный менгир (Бейсенов, 2016г, фото 6, 7). Его общая длина 2 м. Камень на 1,2 м выступает над землей и на 0,8 м вкопан в землю.

Менгиры в околочурганном пространстве, а также их группы тоже имеются в разных районах Евразии. В том числе хорошо известны крупные менгиры на могильнике Бешатыр в Жетысу [Акишев, Кушаев, 1963].

В ареале тасмолинской культуры с курганами связаны также и жертвенники [Бейсенов, 2015б]. Они имеют округлую или овальную форму. Их диаметры чаще от 1,5 м до 3-4 м. Иногда они содержат предметы конской узды (рис. 12, 13) как свидетельства проведенного обряда жертвоприношения лошади. Тасмолинские околочурганские жертвенники, изваяния, менгиры генетически связаны с предшествующей культурой бегазы-дандыбаевской эпохи Центрального Казахстана [Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, с. 27-28; Ермоленко, Касенова, 2014]. В эпоху поздней бронзы, как и в андроновское время, в степях Центрального Казахстана были широко распространены и каменные жертвенники, и многочисленные культовые камни [Маргулан, 1979; Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966].

Предметные комплексы из элитных памятников сакского времени в целом известны – это предметы вооружения, конского снаряжения, а также многочисленные разновидности украшений. Одним из особо характерных для тасмолинской элиты предметов являются воинские наборные пояса. К известным экземплярам тасмолинских поясов [Кадырбаев, 1966; Бейсенов, 2001; Таиров, 2005], добавились находки из Талды-2, Тегисжола [Варфоломеев, 2011]. Недавно открыты погребения с поясами еще в двух пунктах – в могильнике Мыржык-6 и кургане 1 могильника Копа. Три бронзовых прямоугольных обоймы с фигурными краями, бронзовые же две застежки и стержень (цв. вклейка, фото 2, 6-10, 13, 14) найдены в непо потревоженном воинском погребении раннесакского времени в кургане 3 могильника Мыржык-6. Бронзовый кинжал, железный нож и каменное точило, по-видимому, были подвешены к поясу. В сильно ограбленном кургане Копа найдены целыми и фрагментарными всего 6 костяных обойм, от железного кинжала сохранились лишь сильно истлевшие небольшие фрагменты. Судя по типам обойм, здесь находился комбинированный пояс (цв. вклейка, фото 2, 11, 12) [Шульга, 2008]. Наряду с такими бытовыми названиями, как «боевые пояса», «воинские пояса», недавно было предложено считать их «парадными» [Чугунов, 2016]. Хотя, за исключением пояса с золотыми деталями (Талды-2), основная масса их могла быть повседневными атрибутами воинов.

Одним из особо характерных для Центрального Казахстана предметов являются серьги (рис. 25, 1-10) [Бейсенов, 2014а]. Для раннесакского периода Центрального Казахстана характерными являются конусовидные серьги, украшенные зернью, а также кольцевидные серьги. По своему происхождению, раннесакские серьги восходят к культуре эпохи бронзы. Центральный Казахстан является основным регионом распространения серег с припаянным конусом и украшенных зернью. Редкой находкой является серьга из кургана 8 могильника Карашоки (рис. 21, 2). Серьга крупная, выполнена с применением высоких для того времени технологий. К кольцу диаметром около 3,5 см с помощью полосы зерни прикреплен конус высотой 1,22 см, с диаметром основания 1,35 см. Конус также украшен шариками зерни. На основании конуса имеется четыре отверстия. Дужка украшена сканью – покрыт тонкой проволокой, чередующейся плетеной полосой. В на-

стоящее время не исключается вопрос о том, что в районы Саяно-Алтая конусовидные серьги, украшенные зернью, распространились со стороны Центрального Казахстана [Чугунов, 2003].

В тасмолинской культуре железные изделия получают распространение, по-видимому, еще в период VIII-VII вв. до н.э. В элитных погребениях встречены уникальные предметы, например, железные бляшки от конской узды, плакированные золотом, найденные М. К. Кадырбаевым в кургане 3 могильника Тасмола-5 [Кадырбаев, 1966, с. 324–325]. Уникальные стеклянные глазчатые бусы (цв. вклейка, фото 2, 5), найденные в кургане 2 могильника Кособа, демонстрируют дальние связи тасмолинской элиты.

Яркие находки из могильников Талды-2, Карашоки, Нуркен-2, Шерубай, имеющие отношение к декору костюма представителей элиты, отражает эстетические вкусы и идеологию общества. В могильнике Талды-2 погребались лица высокого социального ранга в богато украшенных костюмах, детали которых сохранились во многих могилах. Могилы сильно ограблены. Абсолютно пустыми оказались могилы в курганах 3 и 6. В курганах 1, 2, 4, 5 найдено свыше 200 золотых деталей костюма и их фрагменты, также свыше 34 000 мельчайших изделий. Основная масса этих находок сохранилась в курганах 2 и 5. Были выполнены исследования состава золотых изделий из Талды-2 [Бейсенов, Таиров, Зайков, Блинов 2011, с. 21-25]. Проанализировано 146 образцов, взятых с 33 предметов из курганов 2 и 5. Изделия имеют общий диапазон содержания золота 72-94%. Пробность золота - в интервале от 718 до 930. Наибольшее содержание золота отмечено в предметах из кургана 2. Это, видимо, связано с более ранней хронологической позицией этого кургана. Источником золота в предметах курганов Талды-2 являются месторождения в рудном районе Бестобе на севере Акмолинской обл. Данный вывод вполне согласуется с мнениями исследователей об этнокультурной близости племен Центрального и Северного Казахстана, а также степного Зауралья раннесакского времени, входящих в одну тасмолинскую историко-культурную общность. Талдинские находки сильно перекликаются с материалами таких раннесакских памятников, как Жалаулы, Шиликты, Уйгарак, Кичигино, и, особенно, Аржан-2 [Бейсенов, 2015а]. Открытие Талды-2 и других элитных комплексов позволяет проведение дальнейших перспективных исследований в области культуры древних племен Казахстана и Центральной Азии. Помимо прочего, в свете новых находок становится очевидным тот факт, что мир древних кочевников Казахстана и Саяно-Алтая характеризуется более тесными связями, чем это ранее предполагалось. Видно, существовал единый историко-культурный пласт от Казахстана до Тывы. Актуальным является изучение компонентов этого феномена. Важной является работа по поиску металлургических и ювелирных центров, где ювелиры и златошвеи готовили парадные костюмы правителей и вельмож. Особого внимания заслуживают ажурные украшения из Карашоки и Шерубая (рис, 21, 1; 26, 8-10) техника выполнения которых создает удивительную легкость и невесомость, характерных для образцов пазырыкской культуры. В целом, такие предметы дают основание предполагать о раннесакских истоках пазырыкского искусства [Бейсенов, 2015а].

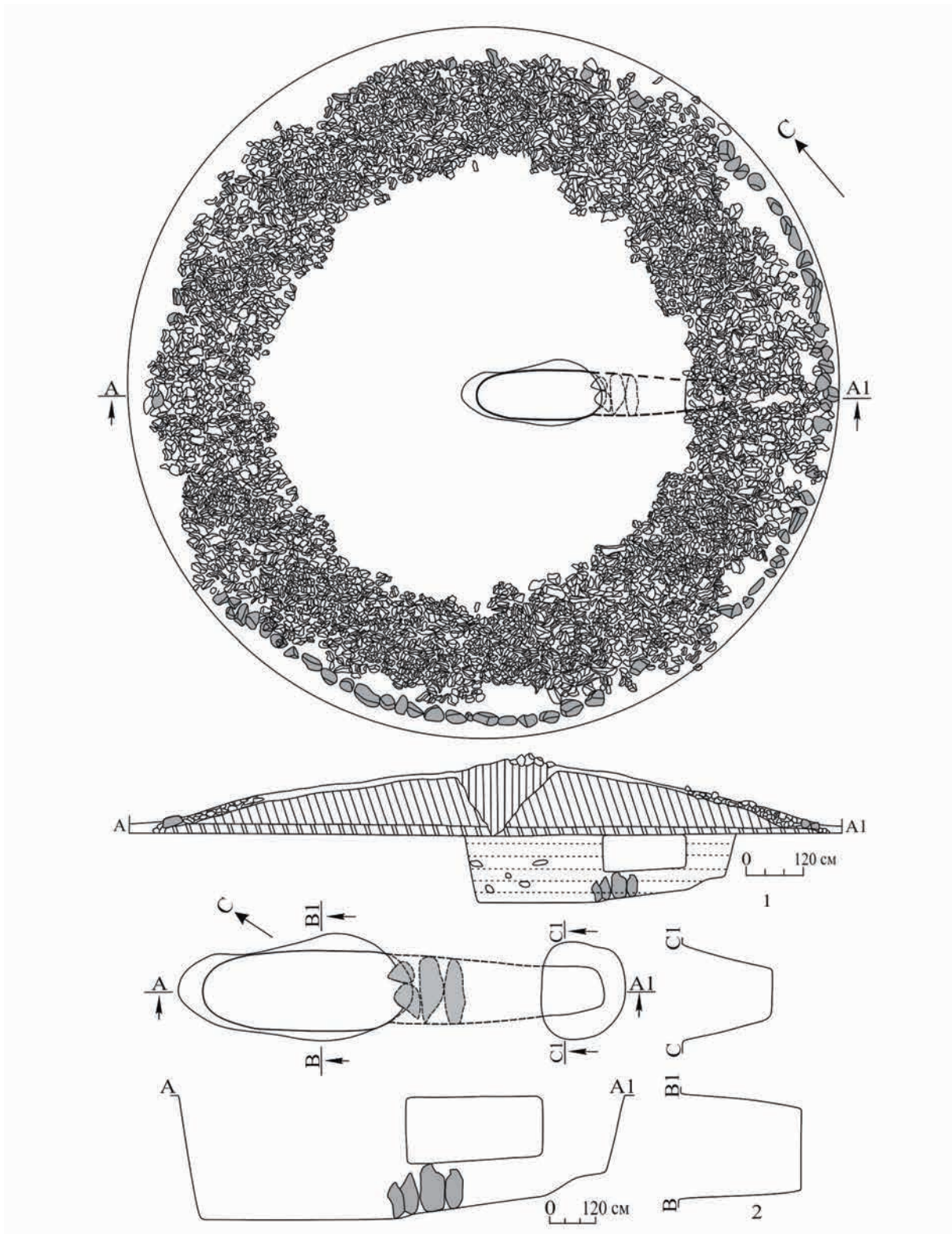

Рис. 23. Дромосные могилы. Могильник Акбеит-6, курган №3. 1 – план и разрез кургана; 2 – план и разрезы могильной ямы

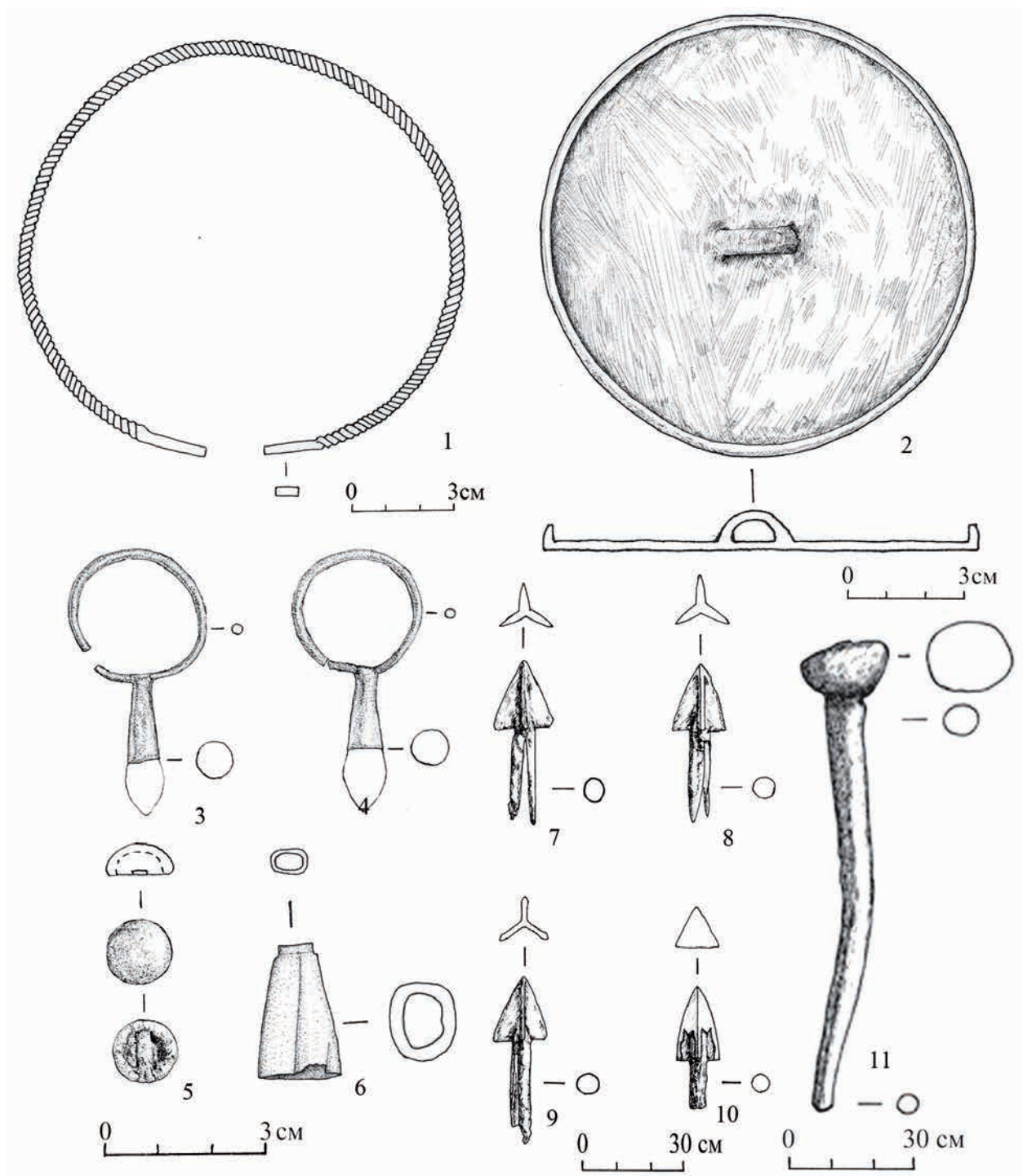

Рис. 24. Могильник Акбейит. 1-6 – курган №7; 7-10 – курган №6; 11- Могильник Акбейит-2, курган №4; 1, 3, 4, 5 – золотые гривна, серьги, застежка; 2, 7-11 – бронзовые зеркалао, наконечники стрел, проколка; 6 – костяной футляр (для косметики)

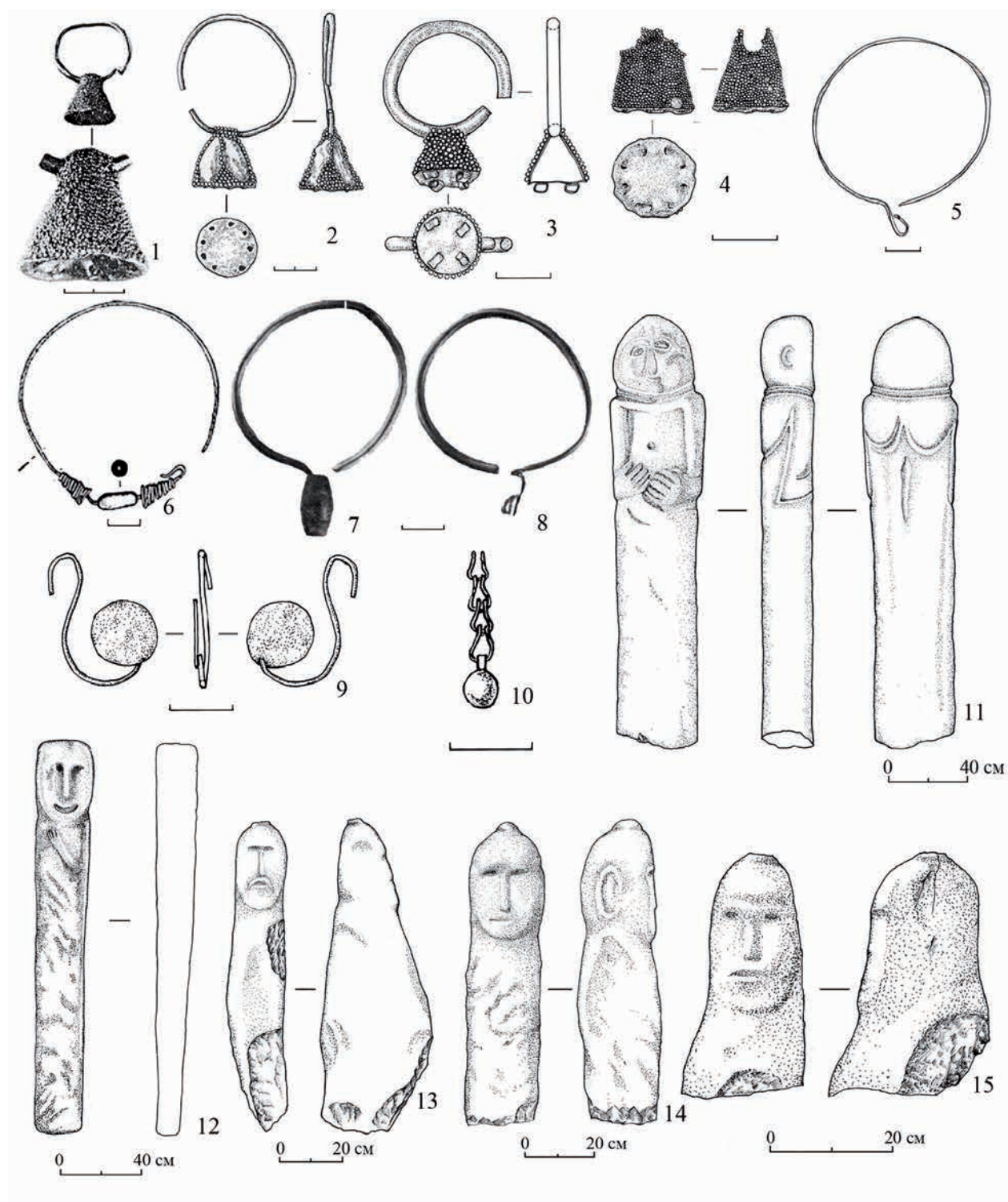

Рис. 25. Раннесакские серьги и каменные изваяния. 1, 7, 8 – мог. Жыланды (раскопки М.К.Кадырбаева); 2 - Бектауата, курган 1; 3 - Талды-2, курган 5; 4 - Бақыбулак, курган 15 (погребение); 5 - Каратал-2, курган 1; 6 - Сабындыколь, курган 1; 9 - Талды-2, курган 1; 10 - Талды-2, курган 4; 11 - Кособа, курган 2; 12 - Бегазы, курган 2; 13 - Байдалы, курган 1; 14 - Талды-2, курган 7; 15 - курган Жыланды

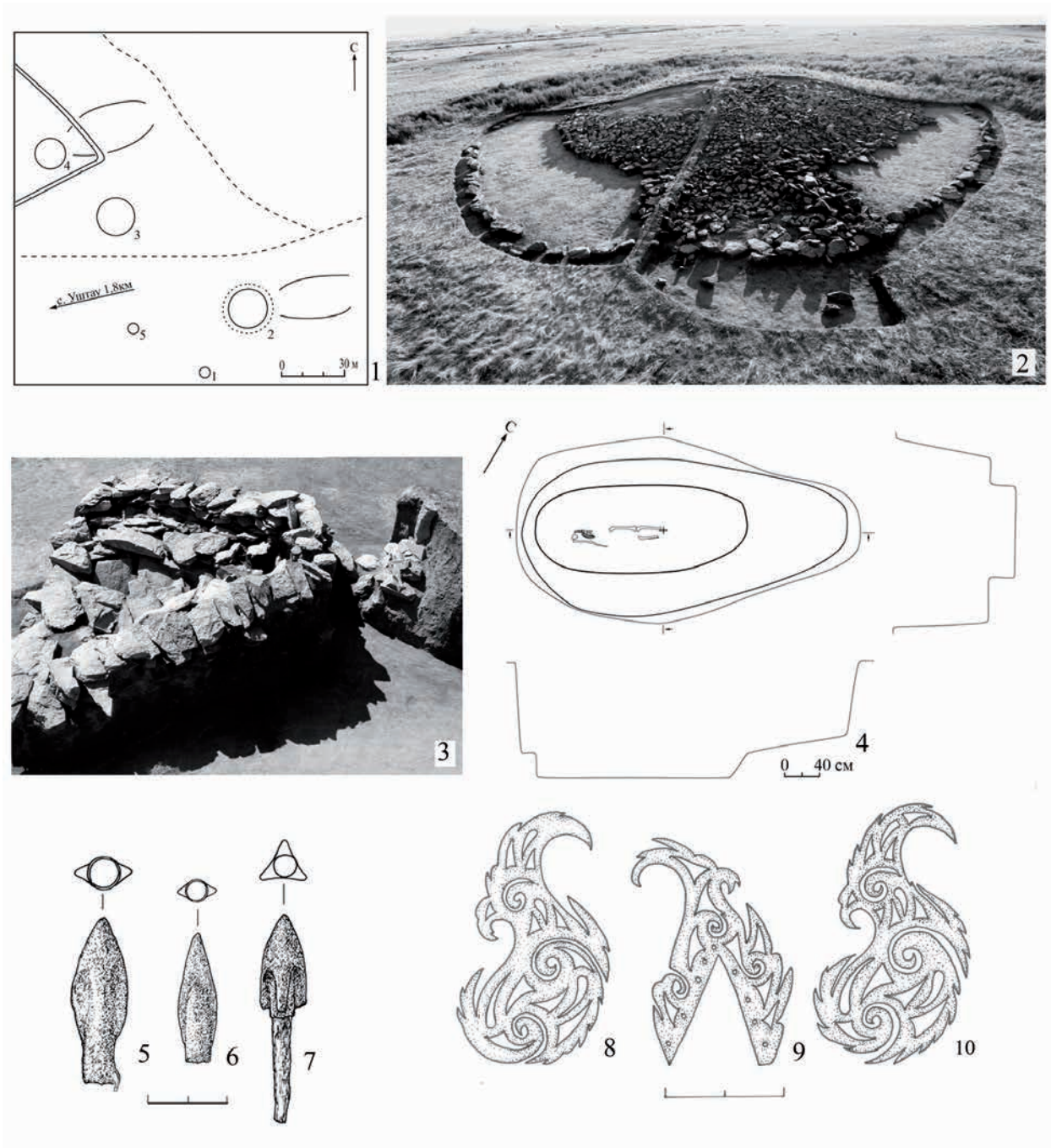

Рис. 26. Материалы раннесакских курганов. 1-7 – Мог. Тандайлы-2, курган 2. 1 – план могильника; 2 – вид основной насыпи и «спутника»; 3 – каменное надмогильное сооружение и основание вертикального камня; 4 – могильная яма; 5-7 – бронзовые наконечники стрел; 8-10 – золотые ажурные украшения из кургана 1 мог. Шерубай

Тасмолинская археологическая культура, сложившаяся в VIII в. до н. э. в степях Центрального Казахстана, развивалась в тесных связях с родственными сакскими образованиями Казахстана и всего востока степной Евразии. Как еще предполагал М.К.Кадырбаев, тасмолинские племена Центрального Казахстана были потомками метисированного андронидного населения, о чем свидетельствуют результаты систематизации и анализа антропологических данных свыше 60 индивидов. Исследования показали на связи тасмолинского населения с племенами восточных районов Центральной Азии [Бейсенов, Исмагулова, Китов, Китова, 2015]. Культурные образования раннесакской эпохи были друг к другу намного ближе, чем это раньше представлялось. Раннесакское единство на территории Казахстана было обусловлено наличием единой основы. Сказанное отнюдь не исключает широкий спектр взаимовлияний в среде многих этнокультурных сообществ, в ходе которых распространялись отдельные новые элементы в обряде, типах вещей и украшений.

Выдвинутый К. А. Акишевым и А. К. Акишевым тезис о близости сакских культур «полосы гор», включающей Жетысу, Восточный Казахстан, Алтай, Тыву, Минусинскую котловину, Прииссыккулье [Акишев К.А., Акишев А.К., 1997] сейчас подкреплено многими археологическими фактами. Вместе с тем, новые материалы говорят также близость Центрального Казахстана к указанной этнокультурной области «полосы гор». Здесь важно заметить, что тезис К. А. Акишева и А. К. Акишева в какой-то степени повторил ранее высказанное мнение М. К. Кадырбаева о сакской общности.

Ареал тасмолинской культуры к периоду V-IV вв. до н.э. уменьшается. Возможно, имело место отток части населения тасмолинской культуры в соседние территории. Во многих других ареалах скифо-сакских культур Евразии этот период повсеместно отмечен важными социально-экономическими сдвигами в обществе, приведшими к появлению многочисленных больших курганов знати и целых элитных некрополей [Ильинская, Тереножкин, 1983; Самашев, 2011; Болтрик, 2000; Тишкин, 2005; Мурзин, 2015].

Тасмолинская культура зародилась и развивалась в экологических условиях Казахского мелкосопочника, в степной глубинке. М. К. Кадырбаев еще на материалах тех лет, беря во внимание уменьшение величины могильников раннесакского времени, высказал мнение об изменениях в обществе населения раннего железного века Центрального Казахстана, акцентируя вопрос выделения малых семей [Кадырбаев, 1966]. В настоящее время это суждение не только подтверждается новыми материалами по могильникам, но и вполне верифицируется по данным поселений, имеющих небольшие площади. Материалы поселений, открытых и изученных в восточных районах Центрального Казахстана [Бейсенов, 2017а; 2017б; Beisenov, 2015b], на тех же территориях, где расположены элитные курганы, в какой-то степени способствуют пониманию особенностей развития тасмолинской культуры. Поселения объединены общим типом керамики, схожими признаками в топографии и планиграфии, основными приемами в технике строительства. Сейчас известны свыше 50 пунктов, где зафиксированы остатки каменных строений жилого и хозяйственного назначения. Основная масса поселенческих памятников расположены на территории Каркаралинского региона, как и значительная часть элитных курганов. На основании данных изучения поселений сделано предположение о том, что небольшие поселки, состоящие из

немногочисленных каменных домов, являются зимовками, устроенными в системах горных возвышенностей. Предложена условная реконструкция сакского дома с широкими и низкими каменными стенами, для которого наиболее вероятным являлся плоский тип перекрытия [Бейсенов, 2017а]. Такой тип жилища указывает, что жители экономили тепло. В целом, отмечается экологическая обусловленность устройства такого типа поселений и жилищ, адаптированных к холодной, многоснежной зиме.

Распространение в Центральном Казахстане небольших могильников, состоящих из 3-10 погребальных сооружений, показывает, что в маловодных, сухих ландшафтах ведущей формой являлся дисперсный тип хозяйствования, где основной единицей служили небольшие общины из близких семей. Экологические условия способствовали господству подвижных форм скотоводческого хозяйства (кочевое скотоводство) с сезонной регламентацией пастбищ. Общины лето проводили в открытых степях вблизи водных источников с обильным травостоем, а зимой оседло проживали в поселениях. Такая картина близка к этнографической современности. Зимние интенсивные осадки обеспечивали хорошую увлажненность степных участков, долин, где буйно поднималась трава к началу лета. Такая природная обстановка, условно реконструируемая, способствовала развитию высокопродуктивного скотоводства, способного обеспечить прибавочный продукт.

В экономике тасмолинского населения преобладало хорошо адаптированное к условиям аридных степей скотоводческое направление. Находки многочисленных каменных зернотерок и мотыг на поселениях показывает наличие земледелия, возможно, приближенной к типу казахских хозяйств «жатак». Согласно этнографическим данным, жатаки представляли собой группу населения, которые оставались на зимовках, выполняли работы по уходу за жилыми и хозяйственными строениями, а также возделывали поля пшеницы и проса возле зимовок. Урожай собирали после возвращения хозяйств на зимовку. Такому типу земледелия в обществе кочевников отводилась второстепенная роль. У тасмолинцев, по-видимому, была развита такая форма земледелия. Изотопные данные исследования диеты тасмолинцев показали использование в пище проса [Святко, Бейсенов, 2017]. Это согласуется с результатами анализа полученных путем применения методики водной флотации растительных макроостатков из поселения раннесакского времени Абылай (Каркаралинский район Карагандинской области), проведенного Н. Е. Рябогиной и А.С.Афониным в Тюменском научном центре СО РАН. В культурном слое этого поселения были обнаружены карбонизированные зерна проса и ячменя (материал готовится к печати).

На современном этапе особо актуальным является проблема поиска и исследования ремесленных, производственных центров, мест оседлости мастеров, обслуживавших правящую знать. Полученные в ходе исследований элитных курганов яркие и уникальные предметы из железа, бронзы, золота, кости, каменные изваяния позволяют сделать вывод о развитии в Центральном Казахстане высокотехнологичного ювелирного искусства, о высоком уровне металлургии и металлообработки, косторезного дела, обработки камня.

Антропологические исследования показали, что тасмолинцы были людьми здоровыми, ведущими активный, подвижный образ жизни. Состояние костных тканей, отсутствие травм и повреждений показывают, что общество в целом было мирным, бесконфликтным [Бейсенов, Исмагулова, Китов, Китова, 2015].

Интересной традицией, бытовавшей среди представителей элиты уже на раннем этапе тасмолинской культуры, является трепанация черепов. Из 13 случаев трепанации один выявлен на детском черепе, еще один – на женском, все остальные трепанационные отверстия обнаружены на черепах мужчин. Только в одном случае трепанация является прижизненной – на черепе женщины из к. 25 мог. Бирлик. Эта операция сделана в медицинских целях умелыми врачевателями. Во всех остальных случаях трепанации выполнялись посмертно [Бейсенов, Китов, 2014а; 2014б; Китов, Бейсенов, 2015]. Посмертные трепанации тасмолинцами делались с целью сохранить тело до момента погребения. Во всех случаях трепанация выполнена на затылочной части черепа. Возможно, эти отверстия использовались для вливания консервирующего вещества или же для свободного вытекания жидкостей. Данные этнографии казахов Центрального Казахстана показывают, что тела знатных и особо заслуженных лиц до времени погребения их в мавзолее Ходжа Ахмеда Яссауи хранили в специальных сооружениях [Бейсенов, 2014б], которые назывались «соре». В сакское время могли хранить тела с целью погребения в родовом могильнике, или же хранили умерших в зимнее время. Явное преобладание трепанации на мужских черепах связано с ведущей ролью мужчин в тасмолинском обществе.

Для позднесакского времени на юго-восточных окраинах Центрального Казахстана отмечены курганы крайне малоисследованого карамолинского типа [Бейсенов, Исмагулова, Китов, Китова, 2015], отличного от тасмолинских традиций. В V-IV в. до н.э. в восточных районах Центрального Казахстана появляются погребения коргантасского типа, оставленные группой населения, связанного своим происхождением восточными районами Центральной Азии (см.: [Бейсенов, Дуйсенбай, 2015; Шульга, 2015б]). Коргантасские погребения, представленные небольшими каменными насыпями, объединяются устойчивыми чертами обряда – северо-восточной, восточной ориентировкой умерших, наличием у изголовья могилы особого жертвенника с черепами домашних животных. Немногочисленные и редкие группы поздних тасмолинцев, по-видимому, вошли в состав нового населения. Казахский мелкосопочника является основной зоной распространения курганов с «усами». В отношении этих памятников, наиболее слабоизученными являются вопросы их хронологии. [Бейсенов, 2017 г].

*Иллюстрации к главе III
Тасмолинская культура Сарыарки*

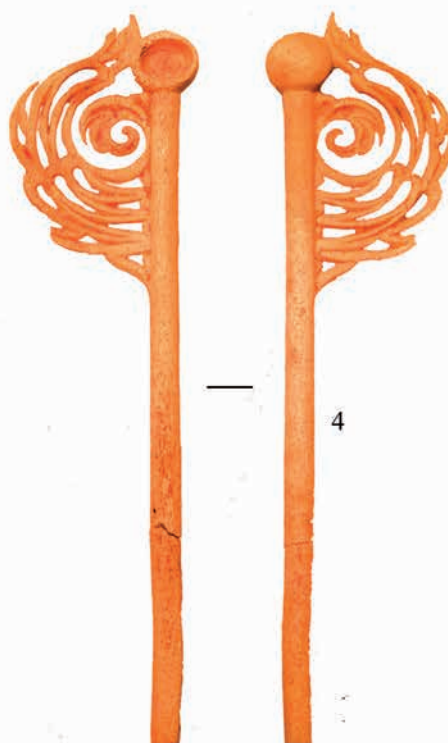

Фото 1. 1-3 – мог. Бақыбулак; 1 – наземное сооружение кургана 9; 2, 3 – предметы конской снаряжения из жертвенников 4 и 5; 4 – костяная шпилька из погребения в кургане с «усами» 3 мог. Байке-2; 5 – костяной футляр из погребения в кургане с «усами» 7 мог. Байке-2

Фото 2. 1 – курган 2 мог. Кособа в ходе раскопок, каменное изваяние на юго-восточной периферии насыпи;
 2 – разрез насыпи курган 3 мог. Талды-2, дерновые пласты из поймы реки;
 3-5 – бронзовые нож, наконечник стрелы и глазчатая бусина из кургана 2 мог. Кособа;
 6-10, 13,14 – бронзовые кинжал, наконечники стрел, застёжки и поясная обойма из кургана 3 мог.
 Мыржык-6; 11, 12 – костяные поясные обоймы из кургана 1 мог. Копа

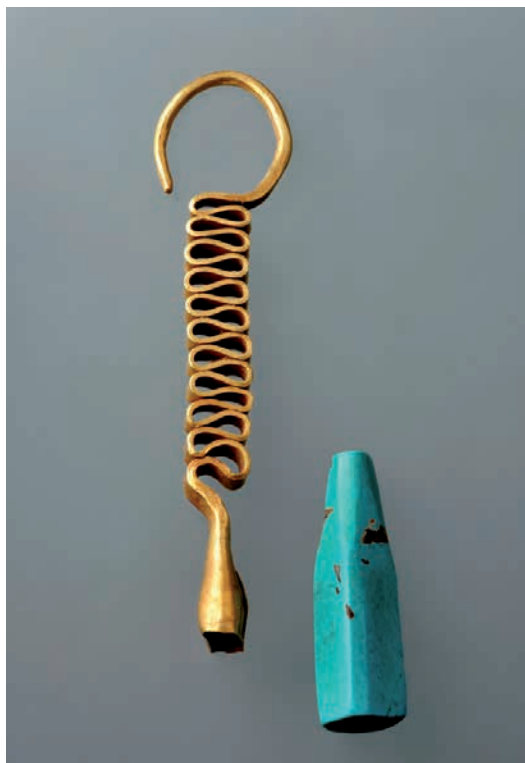
Фото 3. Могильник Кызылилик. 1, 2 – западная и восточная насыпи кургана с «усами» 2.
3-6 – каменные гряды кургана с «усами» 6; 3, 4 – северная гряда, виды до и после разборки камней;
5, 6 – южная гряда, виды до и после разборки камней

Фото 4. 1, 2 – курганы 10 и 11 мог. Серекты-1; 3 – насыпь кургана 7 мог. Акбеит, после расчистки; 4 – курган 3 мог. Кармола, после расчистки; 5-7 – золотые навершие, подвеска и серьга из кургана 6 мог. Кармола; 8-9 – золотые серьги из кургана 4 мог. Кармола

*Цветные иллюстрации к Главе IV
«Казахский Алтай в I тысячелетии до н.э.»*

Фото О.В. Кузнецовой (1), О.В. Белялова (2-6). Рисунок седла (7) выполнен В.В. Ефимовым

1

2

3

4

Фото 1. Мог. Майемер, курган №1 (раскопки 2009 г.). Серьга. Фото 2. Мог. Шиликты 2, курган №1 (Байгетобе). Бляшка в виде изображения архара. Фото 3. Мог. Шиликты 2, курган №1 (Байгетобе). Художественные изделия. Фото 4. Мог. Берел, курган №9. Курильница

5

6

7

Фото 5. Мог. Берел, курган №36. Детали конского убора из рога.
Фото 6. Мог. Берел, курган №36. Детали конского убора из рога.
Фото 7. Мог. Берел, курган №10. Седло

*Цветные иллюстрации к Главе VI
«Раннесакские памятники Приаралья»*

Фото 1. Таксай-3, курган 2. Надмогильная конструкция с кольцевым валом

Фото 2. Таксай-3, курган 2. Могильное пятно с дромосом

Фото 3. Таксай-3, курган 2. Центральная могила, перекрытая бревенчатым накатом

Фото 4. Таксай-3, курган 2, яма 1. Погребение трех воинов

Фото 5. Таксай-3, курган 2, яма 2. Захоронение четырех лошадей

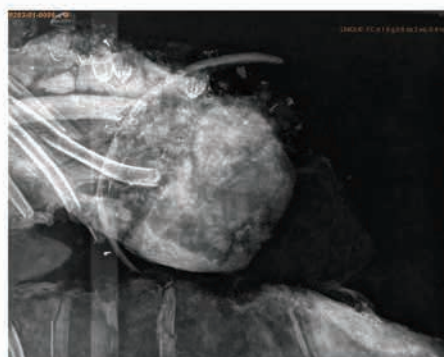

Фото 6. Таксай-3, курган 3. Погребение на древнем горизонте

*Цветные иллюстрации к Главе VIII
«О реставрации и реконструкции археологических артефактов
в лаборатории “Остров Крым”»*

1

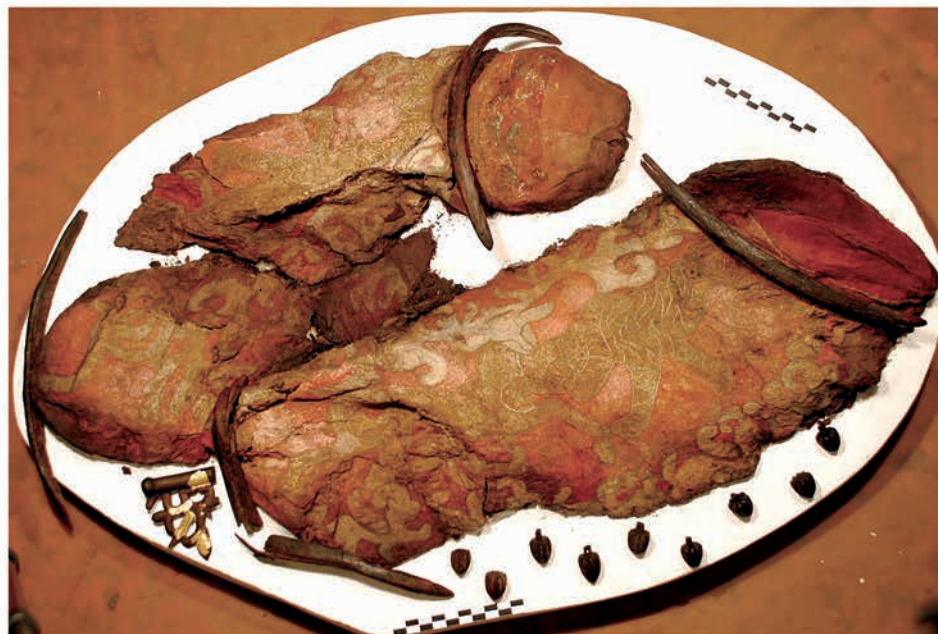
2

3

4

5

Фото 1. Седло в комплекте, IV–III вв. до н.э. Войлок, текстиль, дерево, растительная набивка. Размеры: 700 x 400 мм. ВКО, мог. Берел. Раскопки ВКАЭ 1998–1999 гг. Год окончания реставрационных работ – 2011 г. 1 – седло до консервации и реставрации; 2 – рентгенографический снимок седла; 3 – процесс разбора оборотной стороны седла; 4 – расчистка войлочной покрывки; 5 – седло после консервационно-реставрационных работ, подготовлено к экспонированию

Фото 2. Консервация и реставрация частей конского снаряжения, IV–III вв. до н.э. ВКО, мог. Берел.
 Раскопки ВКАЭ 1998–1999 гг. 1, 2 – седло в комплекте до и после реставрации; 3, 4 – подвеска в виде головы
 грифона, держащего в клюве голову барана, до и после реставрации; 5, 6 – деревянный рог до и после ре-
 ставрации; 7 – реконструкция снаряжения коня, автор К. Алтынбеков, 2010

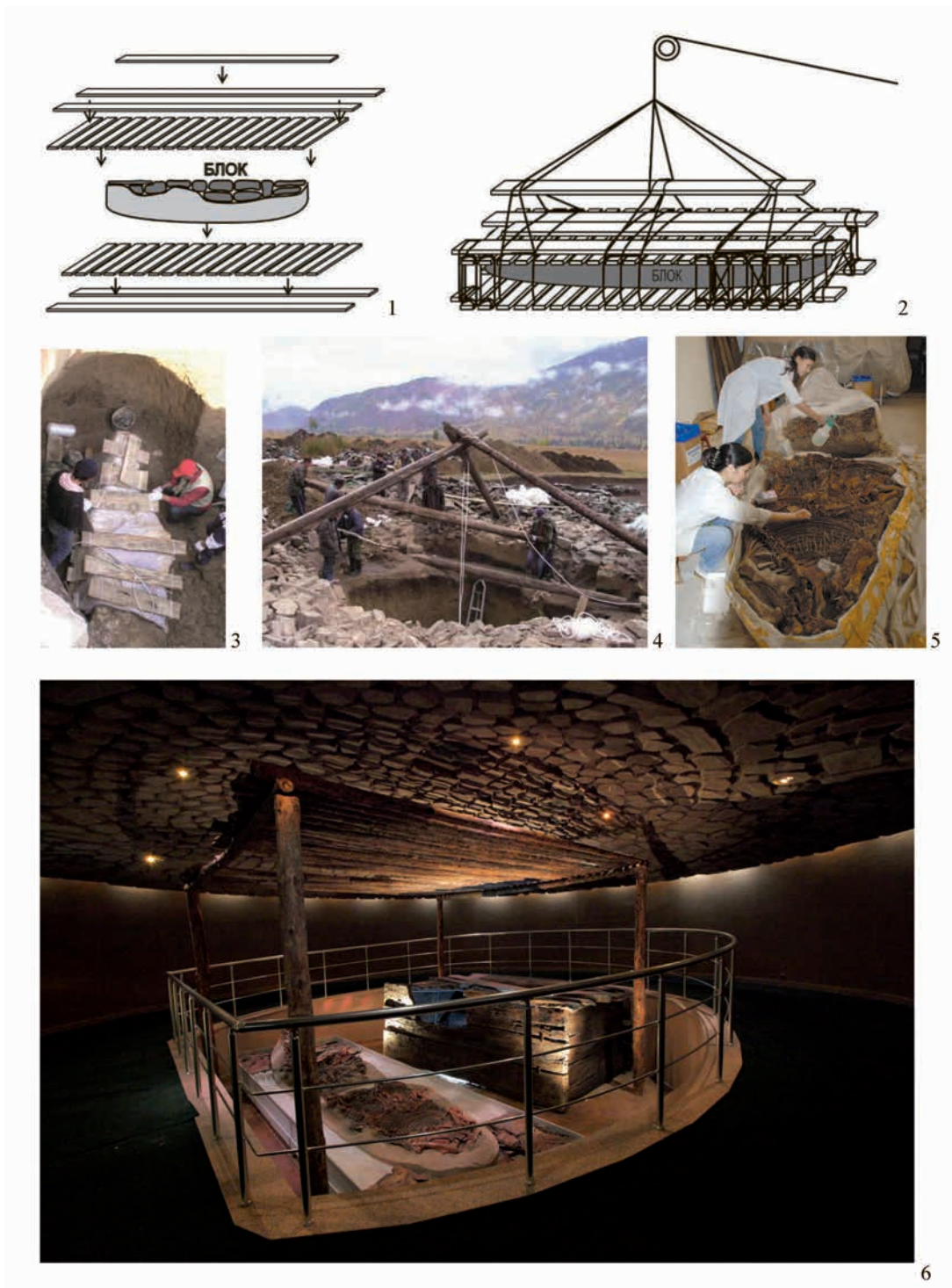

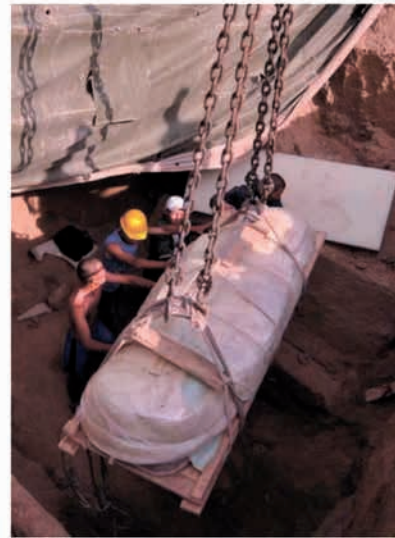
Фото 3. Работа с блоками с захоронением лошадей, IV–III вв. до н.э. ВКО, мог. Берел.
 Раскопки ВКАЭ 1998–1999 гг. Год окончания реставрационных работ – 2009 г. 1, 2 – схема формирования блока и извлечения его из раскопа; 3 – создание деревянного каркаса блока; 4 – конструкция из подручных материалов для подъема блоков на поверхность; 5 – работа с блоками в лаборатории; 6 – законсервированные блоки с захоронением лошадей и отреставрированные сруб и колода в созданном музее сакского вождя по проекту К. Алтынбекова (сдача в музей – 2011 г., Астана)

1

2

3

4

Фото 4. Работа с женским захоронением из кургана Тасарык. Раскопки Б.А. Байтанаева, Т.Н. Смагулова. 1 – фиксация находок мешочками с просеянным песком («кум дорба»); 2 – подготовка блока с захоронением к изъятию; 3 – изъятие блока из раскопа с помощью манипулятора; 4 – расчистка захоронения в лаборатории. Все элементы погребения остались *in situ*

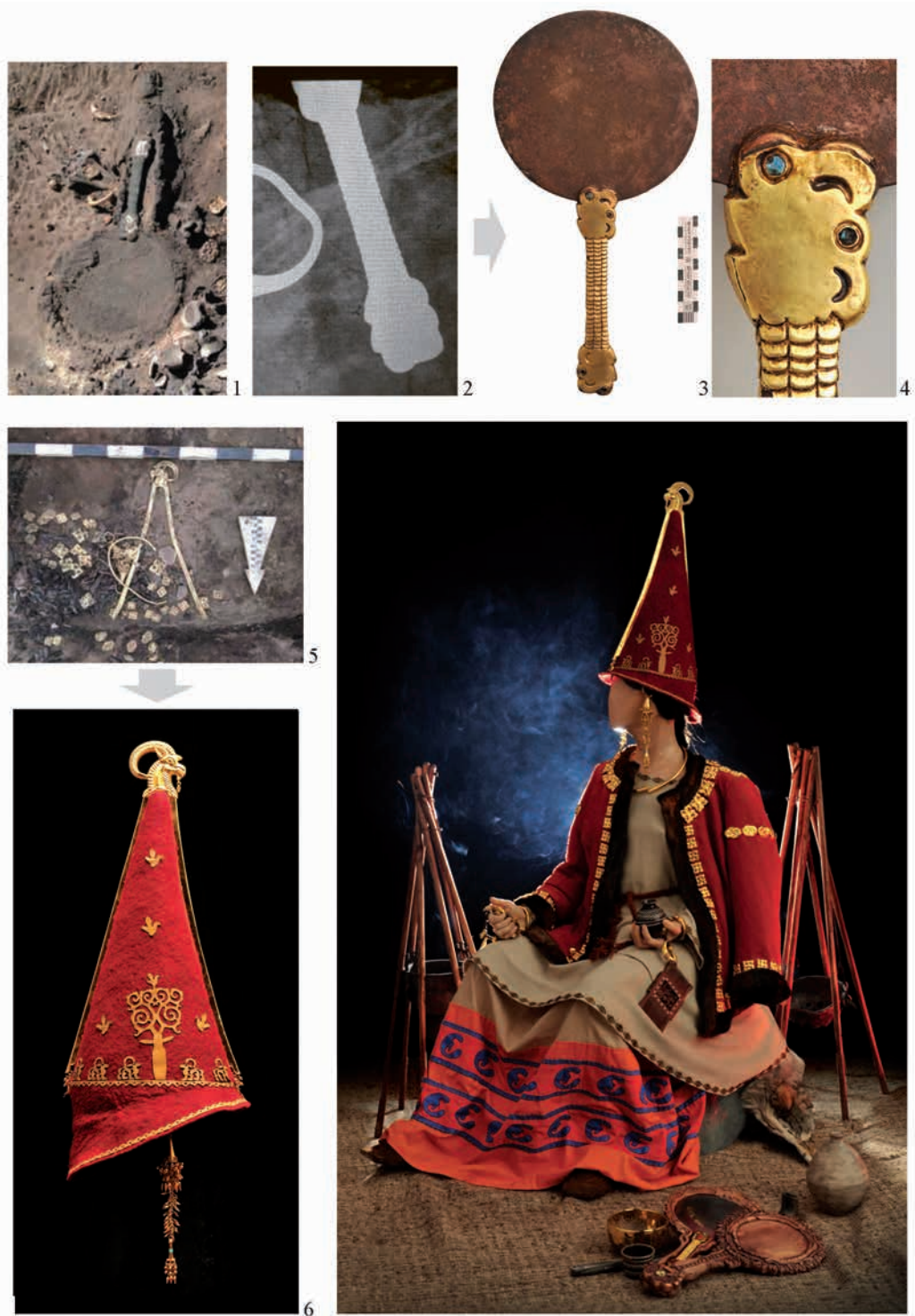

Фото 5. Консервация, реставрация и реконструкция женского костюма и атрибутов. ЗКО, комплекс Таксай-I. VI–V вв. до н.э. Экспедиция Западно-Казахстанского центра истории и археологии. Руководитель центра М.Н. Сдыков. Раскопки Я.А. Лукпановой. 1 – зеркало в раскопе; 2 – рентгенографическое исследование блока с зеркалом; 3 – зеркало после реставрации, стали видны золотые накладки на ручку; 4 – изображения грифонов на ручке зеркала; 5 – каркас головного убора в раскопе; 6 – реконструкция головного убора; 7 – реконструкция костюма и атрибутов. Автор реконструкции К. Алтынбеков, фото О.В. Белялова

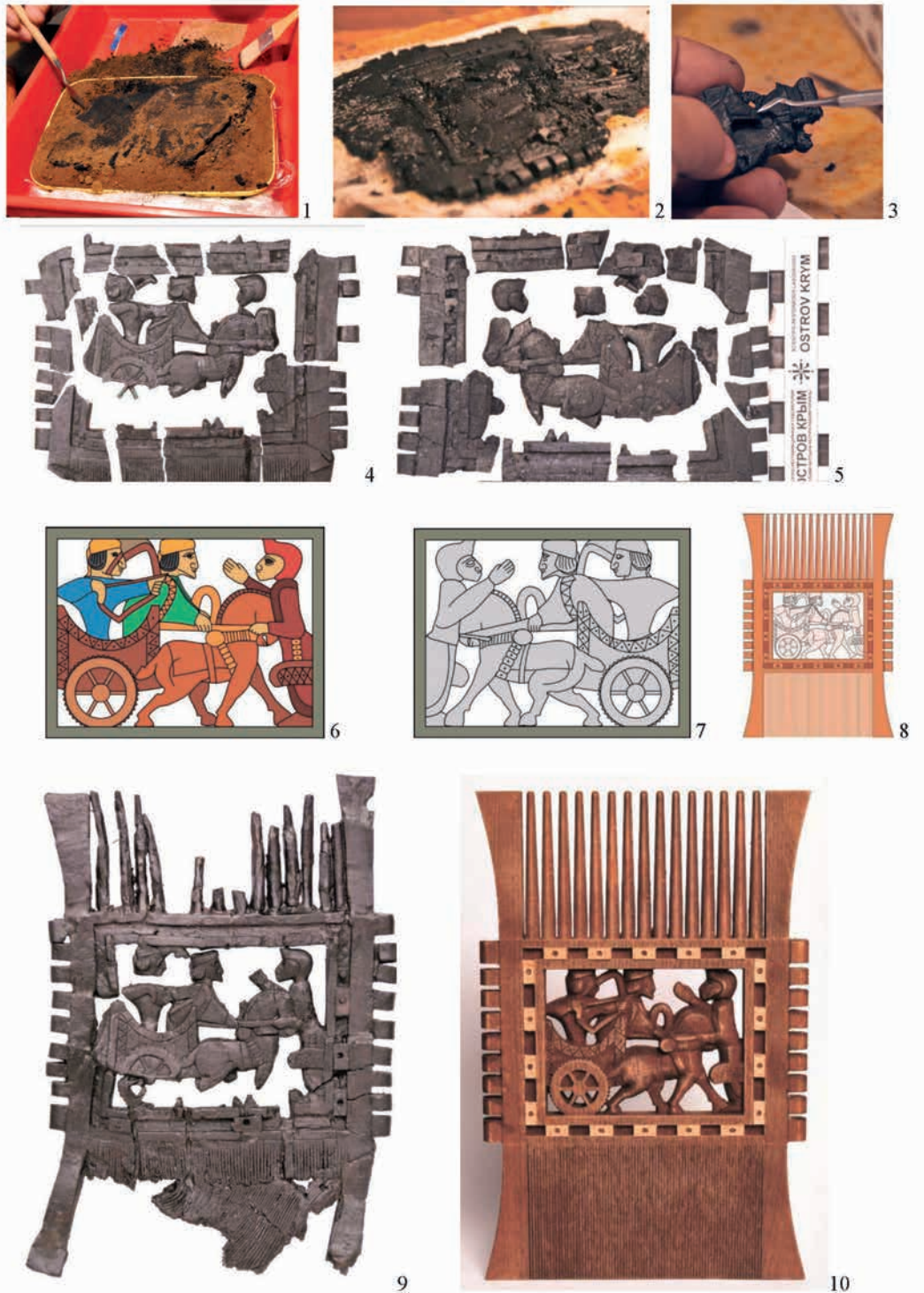

Фото 6. Работы с деревянным гребнем. ЗКО, комплекс Таксай-1. VI-V вв. до н.э. Экспедиция Западно-Казахстанского центра истории и археологии. Руководитель центра М.Н. Сдыков. Раскопки Я.А. Лукпановой. 1–3 – консервационно-реставрационные работы; 4, 5 – сборка скульптурного сюжета с лицевой и оборотной сторон; 6, 7 – графическая реконструкция сюжета гребня с лицевой и оборотной сторон (цвета показаны условно); 8 – графическая реконструкция гребня; 9 – гребень после реставрации; 10 – реконструкция гребня

Фото 7. Работы по реконструкции одежды и атрибутов сакского воина. Алматинская обл., курган Иссык. Руководитель экспедиции К.А. Акишев. V–IV вв. до н.э. 1 – головной убор в раскопе; 2 – реконструкция головного убора, авторы К.А. Акишев, В.И. Садомсков, 1973 г.; 3 – крестообразное расположение пластин на реконструкции К. Алтынбекова; 4 – реконструкция головного убора, автор К. Алтынбеков, 1996 г.; 5 – реконструкция К.А. Акишева, В.И. Садомскова; 6 – отличия реконструкции К. Алтынбекова от первой реконструкции; 7 – реконструкция К. Алтынбекова, 1996 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 38-63.
- Акишев К.А., Акишев А.К. Саки Жетысу: социум и культура // Новости археологии. Туркестан, 1997. С. 30-37.
- Акишев, К. А. Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата : АН КазССР, 1963. 298 с.
- Бейсенов А.З. Майкубенские курганы середины I тыс. до н.э. // Известия Национальной Академии наук. 2001. №1. Серия общественных наук. С. 66-71.
- Бейсенов А.З. Серьги сакской эпохи // Вестник Томского Государственного Университета 2014а. – №6 (32). С. 121-128.
- Бейсенов А.З. Об использовании данных казахской этнографии в археологических исследованиях // Материалы международной конференции «II Аргынбаевские чтения». – Алматы: Казахский Национальный Университет. 2014б. С. 87-90.
- Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015а. С. 11-38.
- Бейсенов А.З. Околокурганые жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник Томского Государственного Университета. История. 2015б. №4 (36). С. 96-104.
- Бейсенов А.З. Дромосные курганы сакской эпохи урочища Назар. Самарский научный вестник. 2016а. №1. С. 84-93.
- Бейсенов А.З. Дромосные курганы сакской эпохи на реке Жарлы (Центральный Казахстан). Самарский научный вестник. 2016б. №3 (16). С. 77-86.
- Бейсенов А.З. Орталық Қазақстан ерте темір дәуірі ескерткіштерін зерттеудегі көміртегілік анықтамалар // Материалы международной научно-практической конференции «Новые методы исследования в археологии». Алматы, 2016в. С. 13-21
- Бейсенов А.З. Каменные изваяния и менгиры сакской эпохи // Вестник Хакасского государственного университета. 2016г. №16. С. 17-22
- Бейсенов А.З. Жилище сакской эпохи. Вестник Томского Государственного Университета. История. 2017а. №45. С. 72-82.
- Бейсенов А.З. Круглое жилище сакской эпохи. Самарский научный вестник. 2017б. Том 6. №1 (18). С. 94-10.
- Бейсенов А.З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: сохранение и изучение. Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. Алматы, 2017в. В печати.
- Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А., Дуйсенбай Д.Б. Детские погребения сакской эпохи Центрального Казахстана. Самарский научный вестник. 2017. Том 6. №1 (18). С. 89-94.
- Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. 192 с., илл.
- Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Изучение памятников тасмолинской культуры в Западной Сарыарке // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015. С. 294-297.
- Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А., Баринова Е., Крешиоли Л. Археологические исследования могильника раннего железного века Каспан-6 в Жетысу // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога К. А. Акишева. Алматы, 2015. С. 59-70.
- Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.С., Дуйсенбай Д.Б. Находка костяного футляра тасмолинской культуры (Центральный Казахстан) // Tyragetia. Arheologie. Istorie Antica. 2016. С. 225-236.
- Бейсенов А. З., Дуйсенбай Д.Б. Исследования на могильнике Байке-2 // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога К. А. Акишева. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 71-76.

- Бейсенов А. З. , Дуйсенбай Д. Б., И. К. Ахияров, С. В. Свято Радиоуглеродные даты кургана с «усами» из могильника Тандайлы-2 в Центральном Казахстане // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. Вып. 5. С. 233-239.
- Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н. Новые каменные изваяния сакского времени из Сарыарки / Вестник КемГУ. 2014. №3 (59). Т. 3. С. 36-40.
- Бейсенов А. З. , Исмагулова А. О. , Китов Е. П. , Китова А. О. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н. э. Алматы : Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. 170 с.
- Бейсенов А.З., Китов Е.П. Посмертная трепанация черепов в элитных захоронениях сакской эпохи Центрального Казахстана // Известия АлтГУ. 2014а. № 4-2 (84). С. 31–41.
- Бейсенов А.З., Китов Е.П. Могильник тасмолинской культуры Талды II в Центральном Казахстане (краниологический анализ) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. 2014б. №4 (28). С. 71-85.
- Бейсенов А.З., Мерц В.К. К изучению памятников района р. Шидерты// Известия НАН Р. Серия общественных наук. 2010. №1. С. 40-45.
- Бейсенов А.З., Таиров А.Д., Зайков В.В., Блинов И.А. Состав золотых изделий из могильника Талды-2 (Центральный Казахстан) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Караганды, 2011. С. 21-25.
- Болтрик Ю.В. Скифский курган как единый ансамбль // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 129–137.
- Болтрик Ю.В. Элитные курганы как маркеры территориальной структуры Скифии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога К. А. Акишева. Алматы, 2015. С. 77-83.
- Варфоломеев В.В. Тасмолинское погребение с наборным поясом из могильника Тегисжол // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 3. С. 315-324.
- Грязнов М.П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА, №154. М., 1978. С. 9-18.
- Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.
- Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. С. 3-18.
- Гуляев В.И. Погребальный обряд как исторический источник (по материалам среднедонских курганов скифского времени) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2009. С. 10-25.
- Ермоленко Л.Н., Касенова А.Д. Вклад А.Х.Маргулана в изучении древней каменной скульптуры Центрального Казахстана // Вестник Кемеровского Государственного Университета. История. 2014. №3(59). Том. 2. С. 20-23.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1 (61). Т. 3. С. 26–32.
- Зданович Г.Б., Иванов И.В., Хабдулина М.К. Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования (курганы Кара-Оба и Обалы в Северном Казахстане) // СА. 1984. № 4. С. 35-48.
- Ильинская В.И., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. – Киев, 1983. 379 с.
- Кадырбаев М.К. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана // Известия АН КазССР. Сер. история, археология и этнография. 1958. Вып. 1. (6). С. 95–104.
- Кадырбаев М.К. Полевой дневник Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (Работа курганного отряда). 1959. Архив Института археологии им. А.Х.Маргулана. Связка 44. Дело 647.
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966а. С. 303-433.
- Кадырбаев М.К. С.С.Черников. Загадка золотого кургана. М., 1965 //Известия АН КазССР. Серия общественная. 1966б. №3. С. 79-82.
- Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннего железного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 21-36.
- Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 25–45.
- Кадырбаев М.К. Курганы Котанэмеля // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 127-132.
- Канал Иртыш-Караганда. Инженерно-геологические условия. Алма-Ата: Наука, 1965.
- Китов Е.П., Бейсенов А.З. Черепа с трепанациями из курганов раннего железного века Сарыарки // Вестник МГУ. Сер. XXIII. Антропология. 2015. – №1. С. 37–48.

- Костюковский В.И. Динамика ландшафтов Центрального Казахстана при водохозяйственном освоении. М.: Наука, 1988.
- Кривошеев М.В. Скифо-сарматские параллели. Новые данные // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар, 2013. С. 210-213.
- Кривошеев М.В., Ельцов М.В., Мимоход Р.А., Борисов А.В. Грунтовые блоки как строительные элементы в курганной архитектуре сарматских памятников Волго-Донского междуречья // Материалы Всероссийской научной конференции по археологическому почвоведению, посвященной памяти профессора В.А.Дёмкина. Пушино, 2014. С. 226-229.
- Кызласов Л.Р. Уюкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры // СА. 1977. №2. С. 69-86.
- Кузнецова З.В. Павлодарская область. Алма-Ата: АН КазССР, 1958.
- Лавров В.В. Прииртышский железорудный район и его перспектива // ВАН КазССР. 1957. №1. С. 11-21.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев А.М., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 435 с.
- Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генштаба. Ч. 3. Область Сибирских киргизов. Составил подполковник Красовский. 1868.
- Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область. Павлодарский уезд. Т. 4. Воронеж, 1903.
- Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области. Том 1. Павлодарский уезд. Повторное обследование 1910 г. Спб., 1913.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могила). Киев, 2005. 600 с., илл.
- Мурзин В.Ю. О погребениях скифских номархов // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2015. С. 61-71.
- Мухамеджанов С.М. Гидрогеология северо-восточной части Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1971.
- Парцингер Г., Зайберт В.Ф., Наглер А., Плешаков А.А. Большой курган Байкара. Исследование скифского святилища. – Берлин, 2003. – 280 с.
- Природное районирование Северного Казахстана. М.-Л.: АН СССР, 1960.
- Самашев З. Берел. Алматы, 2011. 236 с.
- Свиридов А.Н., Ярыгин С.А., Сакенов С.К. Элитные курганы Акмолинского Приишимья // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014. С. 576-591.
- Святко С.В., Бейсенов А.З. Первые изотопные данные и диете населения тасмолинской культуры // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. №3 (20). С. 223-227.
- Таиров А.Д. Раннесакские боевые пояса // Российская археология, 2004. № 4. 140-145.
- Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. – Челябинск, 2007. 274 с.
- Тасмагамбетов И. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. – Алматы: Общественный фонд «Берел». 2003. 336 с.
- Тишкин А. А. Элита в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе археологических материалов // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2005. Книга 2. С. 43-56.
- Толеубаев А.Т. Итоги исследований памятников раннего железного века Тарбагатай и Жетысуского Алатау // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011). Алматы, 2011. С. 156-174.
- Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994. 170 с.
- Хабдулина М.К. Тасмолинская археологическая культура: современное состояние // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2007. Вып. 2. С. 181-194.
- Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Барнаул, 2008. Часть 1. Раннескифское время. 276 с.
- Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск, 2015а. 336 с.
- Шульга П.И. О захоронениях коргантасского типа // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога К. А. Акишева. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015б. С. 405-418.

- Чугунов К.В. Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. – Барнаул, 2003. Кн. 1. С. 386–395.
- Чугунов К.В. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда. Новосибирск, 2006. Т. II. С. 69–71.
- Чугунов К.В. Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время // Алтай в кругу Евразийских древностей. Новосибирск, 2016. С. 336-356.
- Ярыгин С.А. «Койтасы» Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы в контексте формирования раннесакских культур степной Евразии / Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы – Алматы: Институт археологии, 2011. Т. I. С. 408-416.
- Beisenov A. Monuments of Tasmola culture of Central Kazakhstan: new researches // Ancient cultures of the northern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia. Huhhot. 2015a. P. 258-266. (на англ. яз.).
- Beisenov A. Studies of the Saka settlements in the East part of the Central Kazakhstan. *Arheologija Zapadnoj Sibiri i Altaja: opyt mezhdisciplinarnyh issledovanij* [Archaeology of Western Siberia and Altai: experience of multi-disciplinary research]. Barnaul, 2015b. pp. 289-293. (на англ. яз.).
- Beisenov A. Central Kazakhstan in the System of Early Iron Age cultures of the Steppe Eurasia. *Cultural Exchange on Silk Road and Altaic World (Asian Academic Research Series, vol. 7. Altaic Studies Series, vol. 3. Kim Seon Ja et al. YOUKRACK.)*. Korea. Gachon University. 2016a. Pp. 175-188. (на англ. яз.).
- Beisenov A. Burial and Ritual complex “Kurgan 37 Warriors” in Central Kazakhstan. *Cultural Exchange on Silk Road and Altaic World (Asian Academic Research Series, vol. 7. Altaic Studies Series, vol. 3. Kim Seon Ja et al. YOUKRACK.)*. Korea. Gachon University. 2016b. Pp. 189-197. (на англ. яз.).
- Arman Z. Beisenov, Svetlana V. Svyatko, Aibar E. Kassenalin, Kairat A. Zhambulatov, Daniya Duisenbai and Paula J. Reimer. First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantas Period) / *Radiocarbon*. 2016. 58. – pp. 179–191. doi: 10.1017/RDC.2015.18. (на англ. яз.).
- Arman Z. Beisenov, Daniyar Duisenbai, Islam Akhiyarov and Gulzada Sargizova. Dromos burials of Tasmola Culture in Central Kazakhstan. *Anthropologist*, 26 (1, 2), 2016. pp. 25-33. (на англ. яз.).
- Jumabekova G., Bazarbaeva G. Stelae in Funeral rites of the Kazakhstan Early Nomads. *Cultural Exchange on Silk Road and Altaic World (Asian Academic Research Series, vol. 7. Altaic Studies Series, vol. 3. Kim Seon Ja et al. YOUKRACK.)*. Korea. Gachon University. 2016. Pp. 199-213. (на англ. яз.).

ГЛАВА IV

КАЗАХСКИЙ АЛТАЙ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н.Э.

Берел. Начало современных исследований памятников Казахского Алтая

В 1997 г. Восточно-Казахстанская археологическая экспедиция выехала на знаменитый могильник Майемер. Наряду с исследованиями на этом памятнике, параллельно проводились обследования в ряде пунктов концентрации памятников раннего железного века. В 1998 г. комплексная экспедиция с большим составом участников, включая специалистов и студентов из Казахстана, России, Франции, Бельгии, Италии, начала свою многолетнюю работу на могильнике Берел. Руководство всеми работами осуществляли начальник экспедиции З.Самашев, заместители начальника экспедиции А.С.Ермолаева и Ж.Курманкулов. В работах экспедиции в те годы приняли участие постоянные и временные сотрудники Института археологии им. А.Х. Маргулана археологи Ж. Жетибаев, С. Сунгатай, Г. Джумабекова, О.Ишманов, Д.Кожак, Г.Базарбаева, И.Швец, М.Бедельбаева, В.Новоженков, этнографы К. Бекбалак, Д.Хатран, художник Д. Джанабаев, топограф А. Антонов, фотограф Ю.Ф. Черкашин; сотрудники Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея Г.А. Куш, Г.И. Суворова; преподаватели и студенты КазНУ им. аль Фараби: А.Т.Толеубаев, А. Тохтабаев, Г. Омаров, К. Ергазы, А. Онгар, Г. Киясбек, У. Умиткалиев, С. Самашев; студенты АГУ им. Абая С. Ишангали, А. Кузнецов; студентка-архитектор Е. Грабовая; большая группа студентов из Семей под руководством А.Исина, Е.Сайлаубая. В 1997 г. приняли участие в исследованиях специалисты из г. Кемерово Я.А.Шер, Л.Н.Ермоленко.

В дальнейшем основной состав исследователей из Института археологии им. А.Х.Маргулана на долгие годы оставался неизменным, все полевые изыскания, лабораторная и научная обработка материалов, подготовка публикаций проводились под руководством З.Самашева. Что касается всего состава экспедиции, то начиная с самых первых лет исследований на Береле пребывало очень много людей, - специалистов, преподавателей ВУЗов, студентов из гг. Казахстана, России и др. стран. Имена всех их перечислить невозможно.

На Береле, также и в процессе обработки уникальных материалов, полученных в ходе раскопок, было сосредоточено усилие многих специалистов из разных научных центров и лабораторий.

В 1998 г. в работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции принимали участие этнограф из Российского этнографического музея Л.Ф. Попова, а также аспиранты Музея антропологии и этнографии им. Петра I (Кунсткамера) И. Стасевич, Д. Дубровский. В 1999 г. в составе экспедиции принимал участие этнографический отряд Института археологии и этнографии СО РАН в составе И.В. Октябрьской, Д.В. Черемисина, О. Голубковой.

От стремления сохранить и восстановить элементы убранства лошадей, в принципе всю органику из кургана № 11, берут начало реставрационные работы лаборатории «Остров Крым» под руководством К. Алтынбекова. Материалы из курганов Берел ежегодно разбирались и тщательно обрабатывались специалистами лаборатории, с участием сотрудников Института археологии (З.Самашев, Г.Джумабекова, Г.Базарбаева, Т.Лошакова и др.).

Группу коллег из Франции, Бельгии возглавлял А.П. Франкфорт. Интересы научно-исследовательского фонда Легабуе из Италии представляла Е. Баринаова.

Уникальная сохранность материалов кургана № 11 дала толчок проведению комплексных междисциплинарных исследований с привлечением специалистов естественных наук. Ученые постарались извлечь максимум информации, не упустив представившейся возможности.

Казахстанские антропологи О.И. Исмагулов и А.О. Исмагулова совместно с французскими специалистами Э. Крубези и Дж. Бендесу-Сармиенто произвели палеоантропологическое определение выявленных останков погребенных мужчины и женщины. По заключению исследователей, погребенному мужчине от 30 до 40 лет; его череп больших размеров, высокий, мезокранный. Установлен европеоидный физический облик с присутствием монголоидных особенностей в лицевой части черепа.

В Институте антропологии и этнологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, известным палеоантропологом Е.В. Веселовской была выполнена антропологическая реконструкция.

Специалисты из Института молекулярной биологии и биохимии им. М.А. Айтхожина МОН РК Е. Людвикова и Н. Дзисюк провели анализ контрольного региона митохондриальной ДНК, выделенной из останков мужчины. Впервые в Казахстане молекулярно-генетические исследования древнего и современного населения региона в контексте изучения проблем преемственности популяций начались с анализа останков погребенных из Береля.

Уникальные условия сохранения берельских лошадей позволили провести палинологический анализ содержимого их пищеварительного тракта и установить сезон захоронения. Анализ проводился в Институте ботаники и фитоинтродукции МОН РК научными сотрудниками лаборатории флоры высших растений С.А. Нигматовой и А.К. Жамангара.

Почвоведческие изыскания, выполненные научным сотрудником «Института почвоведения им. У.У. Успанова» МН и ВО РК К.Ш. Фаизовым определили близость строения современных и палеопочв региона. Почвенный институт им. В.В. Докучаева РАН в лице М.И. Скрипниковой и М.П. Вербы изучали эволюцию почв в районе археологических исследований.

В ходе медико-биологических исследований останков и мягких тканей мужчины были выявлены некоторые заболевания. Анализ паразитофауны проводился сотрудниками Института зоологии МОН РК О. Беркинбай и М.Х. Байжановым.

В контексте реконструкции древней флоры исследования современного растительного покрова региона проводились ботаниками Г.М. Кудабоевой и М.П. Даниловым (Институт ботаники и фитоинтродукции МОН РК).

Остеометрические исследования лошадей, обнаруженных в курганах №№ 11, 18, позволили видным казахстанским исследователям Т.Н. Нурумову и Л.А. Макаровой дать предварительную характеристику животных. Следует особо отметить, что этими учеными было установлено сходство берельских лошадей с казахской породой жабы. В дальнейшем, палеозоологические исследования были продолжены сотрудником Института экологии растений и животных УрО РАН П.А. Косинцевым.

Научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН И.Ю. Слюсаренко выполнил дендрохронологический анализ 32 образцов дерева из конструкции кургана № 11 могильника Берел, который производился в лабораториях России, Швейцарии и США. Один из важных результатов – определение относительной даты кургана № 11 - 393 г. до н.э.

Научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН В.П. Мыльников реконструировал технико-технологический цикл обработки дерева берельцев, в том числе провел трасологический и сравнительно-типологический анализы следов, выявил приемы художественной резьбы.

А.П. Бородовским, сотрудником ИАЭ СО РАН, специалистом по изучению древних технологий, древних резных роговых изделий Южной Сибири и сопредельных территорий, исследованы художественные изделия из резного рога кургана № 36 могильника Берел.

В Казахском научно-исследовательском Институте ветеринарии К.А. Кашкинбаевым проводились морфологические и патоморфологические исследования сохранившихся органов и тканей лошадей из кургана № 11.

Известными специалистами А.П. Горбуновым и Э.В. Северским (Казахстанская высокогорная лаборатория Института мерзлотоведения СО РАН) разработана модель, отражающая возможность формирования и сохранения различных типов мерзлых пород в зависимости от площади и мощности каменной наброски курганов данного микрорайона.

Радиоуглеродные даты получены и сопоставлены с данными дендрохронологии, выстроена хронологическая шкала сооружения памятников пазырыкской культуры. В масштабном научном проекте по хронологии скифских культур Евразии, куда были включены материалы по могильнику Берел, были задействованы Институт истории материальной культуры РАН, ГосЭрмитаж, Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе РАН, Институт археологии НАН Украины, радиоуглеродная лаборатория Института экологических проблем НАН Украины (Г.И. Зайцева, А.А. Семенцов, Л.М. Лебедева, Н.А. Боковенко, А.Ю. Алексеев, К.В. Чугунов, В.А. Дергачев, С.С. Васильев, Г. Кук, Г. Посснерт, Й. Ван дер Плихт, Ю.В. Болтрик, Н.Н. Ковалюх).

Данные могильника Берел использованы в различных проектах и изданиях, в дипломных и курсовых работах студентов бакалавриата и магистратуры. Научные результаты работ были отражены в ряде книг и десятках статей и сообщений, опубликованных как в

Казахстане, так и за его пределами [Алтынбеков, 2014; Горбунов, Самашев, Северский, 2000; Дзисюк, 2003; Евразия в скифскую эпоху, 2005; Кашкинбаев, Омаров, 2014; Самашев, 2005; Кашкинбаев, 2008; Людвикова, Самашев, Дзисюк, Айтхожина, 2000; Самашев, Бородовский, 2004; Самашев, Джумабекова, Базарбаева, 2010; Самашев, Косинцев, 2004; Самашев, Мыльников, 2004; Самашев, Скрипникова, Верба, 2004; Самашев, Фаизов, Базарбаева, 2001; Самашев, Франкфор, Ермолаева, Жумабекова, Гий, Сунгатай, Жетибаев, Омаров, 1998; Самашев, Франкфор, 1999; Слюсаренко, 2000; Турекулов, Турекулова, 2001; Francfor, Ligabue, Samashev, 1998; Samashev, Basarbaeva, Zumabekova, 2002; Samashev, Basarbaeva, Zumabekova, Francfor 2000].

В отношении многих участников экспедиции исследования тех лет весьма положительно повлияли на дальнейшее занятие научной деятельностью. Были защищены диссертации. Молодые исследователи, начавшие и начинающие свой путь ученого, обогатились важным опытом как в плане проведения научных изысканий вообще, так и в деле организации полевых экспедиционных работ. Многие из наших неугомонных студентов стали профессиональными археологами, они продолжают работать, учиться, и развивать науку Казахстана.

Экспедиция работает и поныне. Изучаются памятники сакского времени, хуннуско-сяньбийского, раннетюркского и тюркского периодов. Многие «текущие» и концептуальные аспекты комплексного изучения раннего железного века Казахского Алтая находятся в поле зрения группы исследователей. Это касается как получения новых источниковедческих данных, так и разработки научно-теоретических методик, направлений, в том числе и по вопросам хронологии и периодизации. Основные результаты этих работ впереди. Ранее М.К.Кадырбаевым развитие культуры Казахского Алтая было показано путем выделения трех этапов: майэмирский (VII-VI вв. до н.э.); берельский (V-IV вв. до н.э.); кулажургинский (III-I вв. до н.э.) [История Казахской ССР, 1977, с. 187-264]. Отдельного мнения о соотношении культур сакского времени на территории Казахского Алтая придерживается Г.К. Омаров, посвятивший исследованию памятников этого региона многие годы. Он выделил майемерскую, шиликтинскую культуры и берельский период [Омаров, 2014].

Алтай – уникальный регион. Он выделяется не только удивительным единением или сочетанием самого разнообразного ландшафта, но и средоточием многочисленных археологических памятников. Благоприятные природные условия и своеобразное географическое и геополитическое положение региона обусловили его заселение с древнейших времен. Об этом свидетельствуют многочисленные и разновременные памятники археологии.

История изучения памятников Казахского Алтая насчитывает более 150 лет – в 1865 г. были произведены раскопки Большого Берельского кургана В.В. Радловым.

Алтайские горы в настоящее время охватывают часть территории России, а также Монголии и Китая, поэтому, археологическое изучение Казахского Алтая тесно связано с исследованиями на этих соседних территориях.

Обзор основных исследований

В настоящее время в целом сакская эпоха высокогорий Алтая справедливо делится на два пласта: раннескифский и пазырыкский. Исследователи отмечали их принципи-

альное хронологическое и культурное отличие, в том числе и заметный перерыв генетического развития [Самашев, 2011; Кирюшин, Тишкин, 1999; Савинов, 2002].

В годы развития советской археологической науки основные исследования и разработки «алтайской» тематики были начаты и проводились со стороны крупных и центральных научных учреждений СССР, силами ученых Москвы, Ленинграда. Даже краткий обзор этих работ показывает, насколько важной и актуальной была эта тема для советской археологической науки. В становлении и развитии археологии Казахстана, в том числе и в отношении исследования памятников Алтая, огромна заслуга Михаила Петровича Грязнова и Сергея Сергеевича Черникова. Это же положение напрямую касается замечательного ученого Сергея Ивановича Руденко, очень много сделавшего в открытии и изучении древней культуры Алтая. Исследователь и знаток многих сторон этнографии степных народов, С.И.Руденко культуру древнего населения Алтая сравнивал с культурой казахского и кыргызского народов, что не теряет своего значения и в наши дни [Самашев, 2011].

В 1939 году М.П. Грязнов выделил на Алтае эпоху ранних кочевников и разделил ее на три хронологические группы: майэмирскую (VII-V вв. до н.э.), пазырыкскую (V-III вв. до н.э.) и шибинскую (II в. до н.э.) [Грязнов, 1939; 1947], позднее сузив дату майэмирского этапа до VII-VI вв. до н.э. [Грязнов, 1956, с. 11].

К майэмирской (майемер) группе М.П. Грязнов отнес наиболее древнюю группу памятников, которую выделил на основе трех основных признаков - конструкции узды, формы бронзовых зеркал и полного отсутствия железных орудий. К ним были причислены курганы и клад в Майемерской степи, в верховьях р. Нарыма, погребение в Усть-Куюме на р. Катунь, случайные находки. Продолжая анализ накопленного археологического материала, М.П. Грязнов в 1978 г. обосновал особый – куртуский - этап на Алтае (VIII-VII вв. до н.э.). Этот этап предшествовал майемерскому и был синхронен аржанскому типу памятников [Грязнов, 1978, с. 17]. М.П. Грязнов, развивая учение о едином процессе развития скифских культур VIII-III вв. до н.э., выделил три фазы: аржано-черногоровскую (VIII-VII вв. до н.э.); майэмирско-келермесскую (VII-V вв. до н.э.); пазырыкско-чертомлыкскую (V-III вв. до н.э.). Используя типологию предметов и деталей погребального обряда, в 1992 г. разработал схему развития культуры ранних кочевников: куртуский (VIII-VII вв. до н.э.), майэмирский (VII-VI вв. до н.э.), пазырыкский (V-III вв. до н.э.), шибинский (II в. до н.э. - I в. н.э.) этапы [Грязнов, 1992, с. 163].

Майэмирская (майемерская) культура, согласно периодизации С.В. Киселёва, включает в себя раннюю (VII-VI вв. до н.э.) и позднюю (V-IV вв. до н.э.) стадии. Период III-I вв. до н.э. это уже гунно-сарматское время, куда входит и пазырыкская эпоха [Киселёв, 1947; 1951, с. 288-293]. С.В. Киселев отнес к первому этапу находки А.В. Адрианова в Майэмирской степи, в верховьях Бухтармы, под Солонечным Белком и у с. Черновая [Киселев, 1947, с. 158-161]. Ранние курганы VII-VI вв. до н.э. выделяются погребением человека вместе с конем и отсутствием предметов из железа [Киселев, 1947, с. 160; 1951, с. 291]. Вторая стадия (V-IV вв. до н.э.) майемерской культуры синхронна пазырыкскому (по М.П. Грязнову) этапу.

В свое время С.С. Сорокиным после раскопок могильника Курту-II была предложена начальная дата IX в. до н.э. в периодизации скифской архаики [Сорокин, 1966, с. 43-47], Отношение к этому сложилось неоднозначное [Марсадолов, 1996; Могильников, 1986].

Существовали другие схемы ситуации на Алтае в эпоху ранних кочевников. Так, А.С. Суразаков для Горного Алтая выделил кара-кобинскую культуру (VI-II вв. до н.э.). В свою очередь она делится на три хронологические группы: конец VI - V вв. до н.э., V-IV вв. до н.э., III-II вв. до н.э. [Суразаков, 1983; 1985]. Памятники Северо-Западной Монголии, Тувы, Восточного Казахстана и Горного Алтая он объединил в единую саяно-горноалтайскую культурно-историческую общность [Суразаков, 1988а, с. 65].

В.А. Могильников, соглашаясь с выделением майемерской культуры, выделил два этапа: куртуский - VIII-VII вв. до н.э. и майемерский - VII-VI вв. до н.э. Майемерская культура локализуется в пределах южного (куртуско-катонского) и северного (усть-каюмского) районов [Могильников, 1986; 1988].

В качестве характерных признаков куртуского этапа Южного, Западного и Центрального Алтая названы фиксируемые на поверхности кольцевидные выкладки из крупных камней или валунов с овальной выкладкой внутри вокруг ямы. Захоронение совершалось в неглубокой яме на левом боку, скорченно, головой на северо-запад. Захоронение лошади, в случае если таковое было, совершалось в смежной яме. Как вариант – захоронения в каменных ящиках, установленных в неглубоких ямах либо на уровне древнего горизонта. Умерший укладывался скорченно, в сопровождении лошади либо головы с конечностями, в отдельной яме либо в смежном каменном ящике у ног человека. Как и все исследователи, В.А. Могильников отметил разнородность погребального обряда майемерской культуры, что объяснил неоднородностью населения и гипотезой о миграции населения из степных юго-западных районов [Могильников, 1986; Тишкин, Дашковский, 2004].

Свою разработку предложил Л.С. Марсадолов, разделивший памятники Алтая на два этапа. Майемерский этап - VIII-VII вв. до н.э., возможно, 1 четверть VI в. до н.э. - включал в себя две группы памятников («вытянутые» и «скорченники»). Пазырыкский этап - VI-IV вв. до н.э. [Марсадолов, 1985, с. 10-11]. Также памятники Центрального Алтая исследователь предложил отнести к бийкенской культуре, а западные и северо-западные - к майемерской [2000, с. 16; 2001, с. 25]. Заслугой исследователя является сопоставление майемерского и пазырыкского этапов с историческими событиями (разгром Ассирии мидийцами, поход скифов в Малую Азию, усиление державы Ахеменидов, походы Александра Македонского в Малую и Среднюю Азию) [Марсадолов, 1985, с. 15].

Схожий подход синхронизации культур скифского времени Южной Сибири с событиями, происходившими в Передней Азии и Китае применил Д.С. Савинов [1991; 2002]. Он обратил внимание на такие события, как разгром государства Западные Чжоу, создание Ахеменидской империи, походы Александра Македонского.

Называть раннескифскую культуру Горного Алтая бийкенской было предложено в 1999 г. [Кирюшин, Тишкин, 1999]. А.А. Тишкин за основу при выделении этапов раннескифского времени взял эволюцию конского снаряжения. В результате раннескифское время Алтая исследователь разделил на три хронологических этапа: ранний (конец IX - VIII вв. до н.э.), средний (середина VIII - начало или середина VII вв. до н.э.), поздний (середина VII - 2 или 3 четверть VI вв. до н.э.) [Тишкин, 1996, с. 26]. Истоки раннескифской культуры предлагается искать в Северо-Западной Монголии и в ближайших районах Китая [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 111-112].

В целом в Горном Алтае и его предгорьях предполагались две культуры раннескифского времени: бийкенская и майемерская. Датировка - VII – начало VI вв. до н. э.

Считается, что в традициях бийкенской культуры - сооружение крупных могильников; погребения людей совершались в скорченном положении, головой в северо-западный сектор, в каменных ящиках, расположенных близко к поверхности почвы. Лошадь помещалась в ногах в небольшом ящике или яме.

Памятники майемерской культуры фиксируются в северо-западных предгорьях Алтая и на примыкающей территории современной Восточно-Казахстанской области. По мнению российских исследователей, для них характерны менее крупные могильники, погребения совершались в более глубоких ямах, вытянуто, головой в северном направлении, выявлены подбои, большие каменные ящики, захоронения на поверхности. Параллельно умершему или в ногах укладывали лошадь со сбруей и тушу мелкого рогатого скота. Керамика у майэмирцев не встречается [Шульга, 2015а].

В настоящее время аржано-майемерское время рассматривается в пределах конца IX – 2–3-й четверти VI в. до н.э. [Тишкин, 2011]. Самым ранним памятником Алтая, где было зафиксировано захоронение человека с лошадью, являлся курганный могильник Курту-II, раскопанный С.С. Сорокиным [1966] - VIII в. до н.э. Указанные объекты локализуются на юге Алтая (в верховьях Бухтармы и на плато Укок). Подобные, но безынвентарные погребения исследованы в Чуйской котловине и на других территориях к северо-западу от нее. Ранний этап бийкенской культуры - «куртуский», хронологически период определен концом IX – 1-й половиной VIII в. до н.э. Инвентарь находит аналогии в кургане Аржан-1 (около 800 г. до н.э.) и в других синхронных ему памятниках [Тишкин, 2011, с. 278]. Памятники бийкенской культуры занимают в основном Юго-Восточный, Центральный и Северный Алтай, базируясь в районе бассейна Катуня и ее притоков. Большинство исследованных археологических комплексов бийкенской культуры отнесено А.А. Тишкиным к семисартскому этапу (вторая половина VIII – первая половина VII в. до н.э. Для этих памятников также отмечается многообразие типов погребальных сооружений [Тишкин, 2011, с. 280].

Заключительный этап бийкенской культуры – бойтыгемский, вторая половина VII – 2-3 четверти VI в. до н.э. А.А. Тишкин сопоставляет с комплексом кургана Аржан-2. Окончание существования бийкенской культуры соотносят с ранними памятниками пазырыкского времени. Это связывают с закреплением на Алтае мигрантов. Возможные истоки бийкенской культуры находятся в Центральной Азии (Монголия, Северный и Северо-Западный Китай) а также в качестве районов со сходными погребально-поминальными сооружениями указываются Западный Казахстан, Южный Урал, Индостан [Тишкин, 2011, с. 286-290]. На территории Горного Алтая, за исключением восточной части Чуйской степи, проживали и пазырыкцы на раннем этапе (вторая половина VI–V вв. до н.э.), в IV–III вв. до н.э. они расширили ареал, заселив Восточный Казахстан, Чуйскую степь, Укок и прилегающую часть Монголии, и, вероятно, север Джунгарии [Шульга, 2015а].

К.В. Чугунов, отталкиваясь от близости Аржана к бийкенским комплексам, датирует последние IX-VIII вв. до н.э. и синхронизирует их с начальной аржано-черногорской фазой эпохи ранних кочевников. На основе анализа погребально-поминальных сооружений Саяно-Алтая и сопроводительного предметного комплекса, исследователи приходят к выводу о том, что в культурно-историческом плане «территория Тувы и Горного Алтая представляла собой единый регион с населением, имеющим общий генезис» [2006].

На территории Казахстана погребения, отнесенные позже к майэмерской культуре, были изучены А.В. Радловым в 1911 г. по рекам Нарым и Бухтарма и А.В. Адриановым. В 1911 г. А.В. Адриановым были раскопаны два кургана в устье реки Майемер, притока р. Нарым, в группе из пяти курганов, а также курганы под Солонечным Белком [Марсадолов, Самашев, 2000, с. 25; Адрианов, 1916].

В 1911 г. А.В. Адрианов исследовал 14 курганов в Западном Алтае. В том числе по р. Майемер, Солонечной и Бухтарме он раскопал восемь кольцеобразных сооружений из 7–9 камней, три каменные насыпи и несколько фигурных выкладок из крупного булыжника [Длужневская, 2011, с. 77]. Знаменитый «майэмирский клад» был обнаружен А.В. Адриановым в 1911 г. в 380 м к юго-западу от кургана №2. Под валуном оградки, состоящей из 7 камней, находились предметы, в числе которых – удила со стремевидными окончаниями, штампованные золотые пластины с изображением свернувшегося кошачьего хищника, бронзовая, обложенная золотом, бляшка с головой хищной птицы и др. [Грязнов, 1947, с. 11].

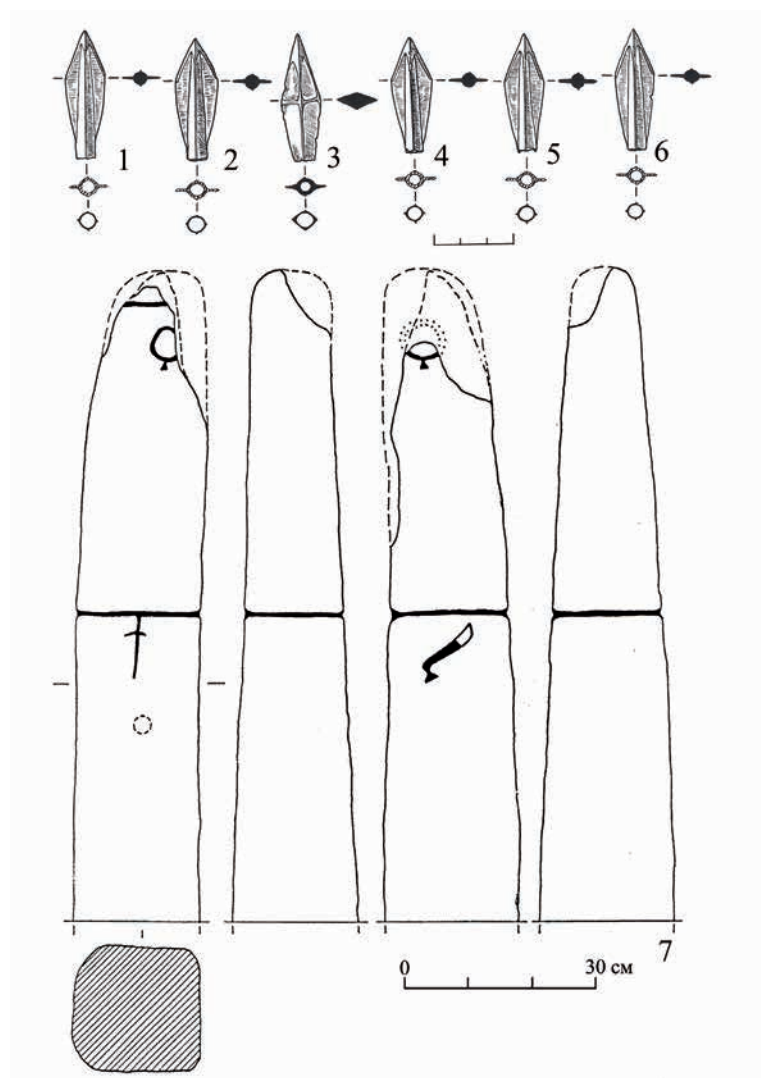

Рис. 27. 1 – Могильник Майемер II. Курган №2. Наконечники стрел. 2 Могильник Майемер. Курган №2. Олений камень

В 1997 г. исследования на могильном поле Майемер были продолжены экспедицией Института археологии под рук. З. Самашева. На вершине наибольшего кургана №2 был зафиксирован «оленный» камень. На нем присутствуют изображения - конусовидные серьги, пояса с чеканом м луком в колчане [Марсадолов, Самашев, 2000, с. 26; рис. 39] (рис. 27, 2).

С.С. Сорокин в 1956-1965 гг. руководил археологическими раскопками в Горном Алтае, в том числе исследовал могильник Курту-II. Наземные сооружения представляли собой кольца из крупных валунов. В неглубоких грунтовых ямах лежали останки погребенных в скорченном положении, на левом боку, головой на северо-запад. Сопроводительное захоронение коня находилось рядом в

отдельной яме. Показательными датированными предметами являются трехдырчатые роговые псалии, позволившие С.С. Сорокину определить памятник IX-VIII вв. до н.э. [Сорокин, 1966, с. 43-47].

С.С. Черников различал два хронологических периода: VII-IV вв. до н.э. и III в. до н.э. — первые века нашей эры. В Восточном Казахстане для первого из этих периодов он выделил две группы памятников — северную и южную. Северная группа локализуется в долине верхнего Иртыша с притоками, это курганы пазырыкского типа. В хронологическом отношении он выделяет курганы VII-VI вв. до н.э. - у д. Черновой и в верховьях Бухтармы (раскопки А.В. Адрианова в 1911 г.), у посёлков Славянка и Юпитер. К V-III вв. до н.э. относятся курганы Большой Берельский, у с. Буконь, Эйген-Булак, у Кызыл-Ту и Малокрасноярка. Южная группа — район оз. Зайсан и хребет Тарбагатай. Для этого района характерны земляные курганы, могильная яма с деревянным перекрытием; к яме примыкает дромос. При устройстве крупных курганов применялись битая глина и дёрн, выкладывалось кольцо из камней (курганы в урочище Майемер, в Шиликтинской долине и у посёлков Усть-Буконь, Славянка и Юпитер). Граница между северной и южными группами прослеживается у пос. Усть-Буконь и в верхнем течении правого притока Иртыша р. Нарым [Черников, 1975].

За основу периодизации раннескифской культуры Горного Алтая Ю.Ф. Кирюшин и А.А. Тишкин предлагают использовать этапы формирования комплекса элементов конского снаряжения: ранний период (конец IX - середина VIII вв. до н.э.), средний (середина VIII – начало или середина VII вв. до н.э.), поздний (середина VII – вторая или третья четверть VI в. до н.э.) [1997, с. 112].

Памятники, отнесенные к майемерской культуре, выделяются разнородностью погребального обряда и отличаются от погребений бийкенской культуры и памятников Шиликтинской долины. Среди них зафиксированы курганы с дромосами, захоронения в глубоких узких ямах и на уровне материка, захоронения в подбоях, одно из которых не было возможно выявлено в могиле с лошастью и бараном (Солонечный Белок, к. 2), в том числе с уступами в погребальных камерах с деревянным или каменным перекрытием или в каменных ящиках. Умершие погребались вытянуто на спине, головой в северный сектор. Животные - лошади и бараны - захоранивались вместе с человеком либо в отдельной яме, головой на север, либо на север поворачивалась только голова лошади. Л. Марсадалов первоначально даже объединил памятники «майэмирцев» и «чиликтинцев».

Среди особенностей памятников майемерской культуры отмечается то, что лошади не взнуздывались, сбруя помещалась у головы лошади, в конских подхоронениях, в виде приклада в каменном ящике, на краю каменного ящика. В верховьях Алея и прилегающей территории Восточного Казахстана уздечку и седло укладывали рядом с лошастью – у морды, иногда на лежащем рядом баране. Плеть лежала на сбруе или рядом. Вторая традиция предполагала подхоронение взнузданной и оседланной лошади. Датировка — 2 пол. VII – начало VI в. до н.э., Курту-2 – VIII-VII вв. до н.э. [Шульга, 2016, с. 87].

В северо-западных предгорьях Алтайского края, на территории России, на сегодняшний день известно несколько могильников, которые относят к майемерской культуре: Машенка-1, Покровский Лог-4, Усть-Теплая-4, Чесноково-1, Чекановский лог-10, Гилево-10.

При всем многообразии типов погребальных сооружений и обрядов, П.И. Шульга отметил, что ни один из них не копирует обряд соседних культур. Принципиальное отличие памятников майемерской культуры от бийкенской культуры Горного Алтая и Шиликтинских памятников все же есть. Поэтому российскими исследователями предлагается сохранить определение «майэмирская культура» для обозначения памятников раннескифского времени в северо-западных предгорьях Алтая и сопредельных районах современной территории Восточно-Казахстанской области [Шульга, 2016, с. 87].

Относительно объяснения разнообразия погребального обряда майемерской культуры и в принципе ее происхождения исследователи обращаются к материалам прилегающих регионов. Так, П.И. Шульга разнообразность погребального обряда объясняет результатом смешения в этой контактной зоне многочисленных, но относительно небольших родственных коллективов. Значительная часть их пришла с территории Казахстана. Предполагаются связи и с Восточным Туркестаном. Он отмечает культурную близость памятников северо-западных предгорий Алтая и Тувы [Шульга, 2016]. С этой точкой зрения перекликается гипотеза К.В. Чугунова о путях формирования культуры начального этапа эпохи ранних кочевников на территории Саяно-Алтая [2015]. В частности, он указывает на тесные связи бийкенской и алды-бельской культур.

К.В. Чугунов считает бегазы-дандыбаевскую культуру ключевой в распространении инноваций в регионах восточной степной зоны [2006]. Он также допускает возможность переселения на Саяно-Алтай групп из внутренних районов Центральной Азии, оказавших существенное влияние на культуру местного населения. По его мнению, комплекс бийкенской культуры формируется в результате смешения носителей местных традиций эпохи поздней бронзы и мигрантов-номадов. Майемерские памятники оставлены населением в результате переселения суперстратного населения в предгорную зону вдоль Иртыша [Чугунов, 2015].

Всего, по подсчетам П.И. Шульги [2013], на территории Республики Алтай, Алтайского края и прилегающей территории Восточного Казахстана «выявлено около 85 раннескифских псалиев и 50 удил, обнаружено значительное количество наиболее информативных на Саяно-Алтае сбруйных наборов VII – начала VI вв. до н.э.». Большинство из них найдено в памятниках майемерской культуры в северо-западных предгорьях и Восточном Казахстане. Среди них преобладают У-образные или со шпеньком в центральной части псалии. В бийкенских захоронениях в Горном Алтае обнаружено, по статистике П.И. Шульги, 11 псалиев, преимущественно роговых. Это существенный признак, по которому отличаются майемерские и бийкенские памятники. Мы солидарны с автором в том, что не стоит преувеличивать влияние культур Синьцзяна на этнокультурные процессы на Алтае и в Туве [Шульга, 2013, с. 56-57]. По мнению К.В. Чугунова, определяющую роль в формировании ранних кочевых культур Саяно-Алтая сыграли два основных компонента, это 1) Центральный Казахстан и Восточный Казахстан; 2) Центральная Азия [2015, с. 470-473].

Объяснение причин неоднородности погребений майемерской культуры, связанной в целом с вопросом формирования раннескифской культуры в Горном Алтае, имеет свою историю. С.И. Руденко предполагал, что население пришло в Горный Алтай со своей культурой «из юго-западных степей примерно в начале VII в. до н.э.». По его мнению, местные

охотничьи племена были либо оттеснены в северную тайгу, либо ассимилированы [Руденко, 1960, с. 201]. Другой мэтр советской археологии М.П. Грязнов, отталкиваясь от положения об отсутствии в Горном Алтае памятников андроновской и карасукской культур, предположил приход туда кочевников туда через северные предгорья. В.А. Могильников считал, что раннескифская культура Горного Алтая сформировалась на основе местного населения, восходящего к афанасьевской культуре [Могильников, 1986, с. 48], а в VII–VI вв. до н.э. происходила миграция населения из степных районов с юго-запада [Могильников, 1986, с. 47]. В свою очередь, пазырыкская культура сформировались на основе местного раннескифского населения и продвинувшегося населения из степей восточного и юго-восточного Казахстана [Могильников, 1986, с. 53].

П.И. Шульга, соглашаясь с А.С. Суразаковым, считает, что основную часть раннескифских памятников в Горном Алтае составляют погребения «бийкенского» типа в каменных ящиках. Они принципиально отличаются от культур Казахстана, но имеют аналогии в Туве и Монголии. Поэтому предположил формирование культур Горного Алтая в результате миграций с востока [Суразаков, 1988; Шульга, 2015]. Эту гипотезу поддержали А.А. Тишкин [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 111; Тишкин, 2011, с. 288] и А.Д. Таиров. Последний посчитал исходной территорией миграций районы Восточного Туркестана, Северного Китая и Монголии, начиная с конца IX – начала VIII в. до н.э. [Таиров, 2003, с. 46; 2007, с. 62]. По мнению П.И. Шульги, бийкенская культура сложилась все же на местной основе (традиция погребения в каменных ящиках существовала в Горном Алтае еще в более раннюю эпоху).

Синхронная майемерская культура, по мнению П.И. Шульги, складывается в результате движения разнородных групп кочевого населения из Казахстана, контактировавшего в предгорной зоне друг с другом, а также племенами Верхней Оби и бийкенцами [Шульга, 1999, 2016 и др.]. Формирование культур скифского времени в Обь-Иртышском междуречье и предгорьях Алтая происходило под определяющим влиянием скотоводческого населения Казахстана вследствие не вполне благоприятных условий для кочевников в раннескифское время. Так как в лесостепной части Алтая и зоне лесов для кочевников условия были не совсем подходящие, могильники фиксируются в остепнённых долинах Горного Алтая (Республика Алтай и Восточный Казахстан) [Шульга, 2016]. Северо-западные предгорья Алтая являлись контактной зоной, заселявшейся разнородными группами населения, чем и объясняется неустойчивость погребальной обрядности майемерцев. Тем не менее, по мнению П.И. Шульги, между указанными захоронениями имеются и общие черты, отличающие их от соседствовавших тасмолинской и бийкенской культур. Поэтому известный специалист предлагает использовать определение майэмирская (майемерская) культура для обозначения памятников раннескифского времени в северо-западных предгорьях Алтая и прилегающей территории Восточного Казахстана [Шульга, 2016а, с. 229-230].

Рассматривая разнородность раннескифских погребений, П.И. Шульга приходит к выводу, что погребальный обряд майемерской группы №5 Гилёво-10 (Локтевский район Алтайского края) соответствует тасмолинской культуре Центрального Казахстана. Этот вывод перекликается с точкой зрения К.В. Чугунова о том, что кочевнические компоненты в тасмолинской, майемерской и бийкенской культурах имеют общую подоснову, обусловленную близостью происхождения мигрантов из Внутренней Азии [Чугунов, 2015, с. 469]. Однако погребальный обряд в Тасмоле и в Гилёво-10, как и в других памятниках предго-

рьево Алтая, различается в деталях. Как указывалось, разнообразие погребального обряда в северо-западных предгорьях Алтая и территории Восточного Казахстана есть результат смещения здесь многочисленных, но относительно небольших родственных групп. Истоки значительной части этого населения – Казахстан, предполагаются контакты с Синьцзяном [Шульга, 2016].

Ряд погребальных памятников Горного Алтая VI в. до н.э. содержит переходные к пазырыкской культуре (Гилёво-10, группа №5, Кондратьевка-21, Чесноково-1) черты. В целом, это позволяет говорить о сложении пазырыкской культуры на основе местных этнокультурных образований раннескифского времени или же при их значительном участии при участии пришлого населения, вытеснявшего или ассимилировавшего местных обитателей [Шульга, 2013а].

Анализируя этнокультурную ситуацию на территории Казахстана и Алтая в раннескифское время, исследователями отмечаются тесные внутренние связи, общие черты в облике культур. Имеются в виду тасмолинская, маймерская, бийкенская, большереченская, алды-бельская культуры [Савинов, 1975, с. 49; Тишкин, Дашковский, 2003; 2004].

Возможно, этот тезис перекликается с ранее высказанной идеей К.А. Акишева о близости сакских культур «полосы гор», включающей Жетысу, Восточный Казахстан, Алтай, Тыву, частично Минусинскую котловину, Северный Кыргызстан, Прииссыккулье.

К.А. Акишевым «полоса гор» выделяется как особая географическая, экологическая и этнокультурная область, с тесными контактами с Центральной Азией и Приаральем [Акишев К., Акишев А., 1997].

Анализируя материал последних открытий в ареале тасмолинской культуры, А.З. Бейсенов вновь возвращается к этому предположению, отмечая близость Центрального Казахстана к этнокультурной области «полосы гор». По его мнению, вновь актуализировалась тема связей этого региона с Тувой в контексте изучения материалов Аржана-2 [Бейсенов, 2015, с. 26].

Сопоставляя конструкцию сооружений Бешатыра, Аржана, Кенеса и Бегазы-Дандыбая, Д.С. Савинов выявил элементы сходства основополагающих элементов погребального обряда в памятниках раннескифского времени, что объясняет либо общим наследием того культурного субстрата, развитие которого в Туве представляет Аржан, либо распространением аржанской культурной традиции [Савинов, 2002, с. 69-70].

Раннесакские курганы Чиликты (Шиликты) в 50-60-годы прошлого столетия были изучены С.С. Черниковым. Могильник расположен в обширной долине в Зайсанском районе Восточно-Казахстанской области, насчитывает 51 курган. Из них 13 курганов достигают в диаметре 100 м при высоте 8-10 м. Всего, по сведениям археологов, в долине известны более 200 памятников раннего железного века. Курган №5,, в котором в 1960 г. были совершены уникальные находки, имел диаметр 66 м, высоту 6 м. Наземное сооружение кургана иногда называют «клеть». Она представляла собой прямоугольную конструкцию из бревен лиственницы, заглубленную в грунт на 1 м, размерами 4,80 х 4,60 м при высоте 1,20 м. Зазоры между бревнами были заполнены камнем. С восточной стороны выявлен дромос. Все сооружение было засыпано камнем, слоем плотной глины, мелкой галькой. В основании кургана было выложено кольцо из трех рядов крупного камня. Известность курган получил благодаря сохранившимся, несмотря на ограбление, находкам. В том числе

13 бронзовых наконечников стрел с остатками колчана; золотые бляшки в виде оленей с подогнутыми под туловище ногами и в виде орлов; бляшки в виде свернувшейся пантеры; бляшки в виде кабанов, а также золотой предмет в виде рыбы; бляшка в виде птицы с распростертыми крыльями; бляшки различных форм, подвески и др. Типы наконечников стрел позволили С.С. Черникову датировать погребение VII-VI вв. до н.э. [Черников, 1965; Самашев, Толеубаев, Джумабекова, 2004, с. 134-139]. Художественные предметы из кургана представляют собой образцы искусства раннескифского времени, нашедшие параллели в памятниках Сарыарки и Жетысу.

Значительный вклад в изучение культуры ранних кочевников Казахского Алтая внесли сотрудники Шульбинской и Восточно-Казахстанской археологических экспедиций АН КазССР (1977, 1980-1983, 1988 гг.). Руководителями Шульбинской экспедиции были известные казахстанские археологи А.Г. Максимова и С.М. Ахинжанов, Восточно-Казахстанской – З. Самашев. Работы проводились в зоне затопления Шульбинской ГЭС в пределах бассейна р. Иртыш от г. Усть-Каменогорска до г. Семипалатинска. Один из известных могильников – Измайловка, на котором зафиксировано 32 погребальных и 4 ритуальных разновременных сооружений. Памятник был открыт А.Г. Максимовой в 1977 г. во время разведочно-поисковых работ. В результате было исследовано 13 погребальных сооружений переходного периода с одиночными захоронениями. По конструкции сооружений, обряду погребения, сопровождающему инвентарю захоронения рассматриваемого периода А.С. Ермолаева разделила объекты на две группы.

Первую группу составили сооружения, основу конструкции которых представляет ящик из массивных плит, квадратной или близкой к квадрату формы. Восемь ящиков имеют ограды из положенных на землю или врытых гранью камней и плит. В некоторых случаях удалось определить положение и ориентировку погребенных - в скорченной позе, на правом боку, головой на запад. Вторая группа представлена оградами 24 и 25, выделяющимися более сложной конструкцией сооружений и обрядом погребения, а также богатством сопровождающего инвентаря и культовым характером последних (ограда квадратной формы с комбинированной камерой, и округлая в плане с бревенчатым срубом). В обоих сооружениях предполагается восточная ориентировка погребенных.

По заключению А.С. Ермолаевой, конструкции сооружений находят аналогии в бегазы-дандыбаевских памятниках Центрального Казахстана и в планировке мавзолеев Северного Тагискена. Стремечковидные удила двух типов из предметного комплекса предполагают датировку VIII-VI вв. до н. э., наконечники стрел – IX-VIII вв. до н.э.

Раннекочевнический комплекс представлен тремя курганами с одиночными захоронениями (5, 6, 16) под небольшой насыпью, надмогильная конструкция - в виде кольца, внутри которого просматривалась надмогильная выкладка. Могильные ямы закладывались массивными плитами и камнями, на дне которых в двух случаях устанавливался каменный ящик из составных плит, продублированный деревянной колодой в кургане 16, в одном случае женское захоронение было совершено в грунтовой яме. Для всех трех курганов характерно вытянутое положение погребенных. Различие прикладов - принадлежность к погребениям двух эпохально разных культур - позволило автору предположить сосуществование на коротком отрезке времени двух культурных традиций – позднебронзовой и раннекочевнической. В целом курганы 5 и 6 и ритуальные выкладки возле них укладываются

ются в хронологические рамки конца IX - первой половины VIII вв. до н.э., курган 16 - VIII в. до н.э., поздний, не позже VII в. до н.э., - курган 21, дату которого определяет зеркало с боковой ручкой и изображением свернувшегося в кольцо кошачьего хищника [Ермолаева, 2012, с. 53-75].

Могильник Темирканка по материалам исследования можно разделить на три группы. I группа оград сооружена из поставленных на ребро и врытых в землю плит. Они содержали одиночные погребения, парное захоронение и коллективное, в каменном ящике, грунтовой могильной яме. II группа оград на поверхности обозначена положенными плашмя камнями, погребения совершены в каменных ящиках и грунтовых ямах. III группу представляет ограда-курган 85. Внешнее кольцо из галечника и положенных по периметру плоских камней и плит и внутренняя ограда из поставленных на ребро плит содержали две грунтовые могильные ямы. IV группу представляет ограда (58) из двух рядов врытых камней и плит с каменным ящиком в центре. Все грунтовые могильные ямы и каменные ящики перекрыты плитами. По заключению А.С. Ермолаевой, Темирканка - могильник финальной бронзы, который содержит захоронения переходного облика, в которых появляются элементы раннекочевнической эпохи, памятник можно отнести к «переходному типу» [Ермолаева, 2012, с. 45, 47]. В целом, для VIII–VII вв. до н.э. - это время доживания памятников, сохраняющих традиции позднебронзовых культур, в которых появляются и сосуществуют раннекочевнические элементы. Памятники VIII–VII вв. до н.э. по заключению Ф.Х. Арслановой, - представляют «переходный период» [Ермолаева, 2012, с. 117]. К.В. Чугунов отмечал, что Восточный Казахстан и Семиречье должны были первыми испытать приток населения из Внутренней Азии. Комплексы Измайловки и Семиречья, возможно, отражают это явление [Чугунов, 2015, с. 469]. Он отмечает признаки куртусского этапа бийкенской культуры в позднебронзовых памятниках Восточного Казахстана Темирканка и Ковалевка, но в отличие от горных бийкенских, здесь отсутствует один из главных элементов ее погребальной обрядности - сопроводительные конские захоронения [Чугунов, 2015, с. 466].

Актуальным остается также вопрос возникновения пазырыкской культуры VI–III вв. до н.э. на территории Алтая. Похожие на пазырыкские погребения зафиксированы на Тянь-Шане (Синьцзян) на могильнике Цзяохэ Гоубэй [Шульга, 2010, с. 82–93], в Джунгарии - южные склоны Алтая [Полосьмак, 1998; Шульга, 2010]. Ученые пришли к выводу о том, что в середине – второй половине VI в. до н.э. кардинальные изменения происходят в короткие сроки повсеместно от Причерноморья и до Тувы: в погребальной обрядности, вещевых комплексах и искусстве [Шульга, 2015а].

По материалам Т.А. Чикишевой основной пласт пазырыкского населения имеет автохтонное происхождение, а часть пазырыкцев были потомками выходцев из Передней Азии или Казахстана [Чикишева, 1998, с. 639; Тишкин, Дашковский, 2004]. Не отрицали участия населения раннескифского времени в формировании пазырыкской культуры А.С. Суразаков и В.А. Могильников. В.А. Могильников предполагал сложение пазырыкской культуры результатом взаимодействия местного раннескифского населения – куртусского этапа южных, юго-западных и отчасти центральных районов Алтая - и населения из степей восточного и юго-восточного Казахстана [Могильников, 1986, с. 53; Суразаков, 1989, с. 7]. В.И. Молодин пришел к выводу о том, что в основе пазырыкской культуры лежат два компонента – местный самодийский и пришлый иранский [Шульга, 2015].

Относительно датировки этапов пазырыкской культуры, выделяют таковых три: ранний (башадаро-туэктинский) - VI-V вв. до н.э.; пазырыкский (V и IV вв. до н.э.), позднепазырыкский этап (III - нач. II вв. до н.э.) [Кирюшин, Тишкин, 1999].

Пазырыкские курганы располагаются меридиональными линиями, состоящими из нескольких микроцепочек. Курганы имели округлую каменную насыпь. Обычно в курганах устраивалось по одной могиле. Могила представляла собой яму прямоугольной или подквадратной формы глубиной до 2-7 м. На дне ямы ближе к южной стенке устанавливался сруб, в котором на помостах (в колодах) погребались 1-3 человека головой в восточный сектор. В северной части ямы за стенкой сруба на приступку укладывались одна или несколько лошадей (до 22), обычно в положении на животе с подогнутыми ногами и поднятой головой, обращенной к востоку.

Памятники пазырыкской культуры Восточного Казахстана отличаются своеобразием. Курганы расположены вокруг условного центра, отмеченного наибольшей концентрацией «царских» курганов [Шульга, 2015а]. Начало исследования могильника Берел – пазырыкской культуры - было положено раскопками Большого Берельского кургана в 1865 г. В.В. Радловым. Преподаватель Барнаульского окружного училища в 1866 г. опубликовал выдержки из отчета по раскопкам. Находки были переданы в Археологическую комиссию, затем в Московский публичный музей, потом в Государственный исторический музей в Москве [Сорокин, 1969, с. 208]. В 1959 г. по инициативе С.И. Руденко была организована археологическая экспедиция для исследования Большого Берельского кургана. У В.В. Радлова указывается высота 5 м, диаметр 30 м, по расчету С.С. Сорокина первоначальная высота кургана составляла 2,8 м. Глубина могильной ямы - 5,50 м. Она была перекрыта листовыми бревнами и берестой. Характерный для Пазырыка саркофаг-колода с захоронением человека с крышечкой из ствола лиственницы имел на углах крышки 4 бронзовые фантастические птицы. Одежда декорирована нашивками, покрытыми золотой фольгой. Захоронение человека сопровождали 17 лошадей, уложенных на берестяном настиле и сверху перекрытых полотнищами бересты. Лошади – оседланы, взнузданы, декорированы украшениями, покрытыми фольгой [Сорокин, 1969, с. 213, 218-219].

Исследование новых памятников

В физико-географическом отношении территория степных предгорий и высокогорий Казахского Алтая состоит из трех частей: 1. Степные долины Иртыша; 2. Горные районы Бухтармы; 3. Долины хребтов Саур и Тарбагатай. Среди разнообразных, исследованных довольно неравномерно, памятники Верхнего Прииртышья возможно кратко суммарно охарактеризовать.

Погребальные сооружения начального этапа ранних кочевников в долине Иртыша имеют форму небольших округлых и прямоугольных оград, сложенных из различного камня (Зевакино, Когалы I, Юпитер, Славянка, Канай). Захоронения совершались либо на уровне древнего горизонта (Зевакино), либо в неглубоких грунтовых ямах овальной или прямоугольной формы. Особо значимым является Зевакинский могильник, в котором погребенные уложены в скорченном положении на правом боку, реже - на левом, головой на зго-запад и юг. Имелись и коллективные захоронения двух-трех человек. Особенностью

этого комплекса является сохранение традиций предшествующего позднебронзового периода: оградки ранних форм, скорченное положение погребенных, ориентировка, посуда андроновского облика. Однако сопровождающий инвентарь - ножи, арсилитовая застежка, украшения - уже раннескифских форм. Аналогичная ситуация прослеживается в Измайловском могильнике, где посуда позднеандроновского облика сочетается в одном комплексе с бронзовым набором раннекочевнической сбруи. Погребальный обряд этих памятников предусматривал положение конской сбруи на горизонте, в пределах ограды недалеко от могилы погребенного. К этому же типу обряда относится и «клад» бронзовых предметов, составляющих полный комплект конской сбруи, найденный у с. Камышинка. Эти памятники отражают особенности всаднического погребального обряда, генетически связанного с культурами Саяно-Алтая, где для VIII в до н.э. фиксируется обряд захоронения всадника и уложенного рядом коня на уровне древней дневной поверхности. Для начального этапа характерны также захоронения в каменных ящиках, с каменным или деревянным перекрытием, где умершие обращены головой уже на запад или северо-запад (Юпитер, Славянка, Канай). Мужчинам у левого бедра обычно клали колчан со стрелами.

Памятники VI-III вв. до н.э. представлены погребальными сооружениями двух вариантов: пазырыкского типа и буконьского. Для первого типа (Кызыл-Ту) характерны захоронения под каменно-земляными курганами, в глубоких ямах квадратной формы с округлыми углами, на дне которых помещали сруб из бревен. Умерших укладывали на спине в вытянутом положении, головой на запад или северо-запад. Сопровождающий инвентарь состоял из предметов вооружения, конского снаряжения, посуды. Между срубом и северной стенкой ямы часто укладывали две лошади головой на восток: одна из них, как правило, была взнуздана и оседлана.

Памятники буконьского типа (Усть-Буконь) представляют собой в основном небольшие курганы с земляной насыпью, с прямоугольными могильными ямами, перекрытыми бревенчатым накатом, с умершими в положении вытянуто на спине, головой на северо-запад. Мужчин хоронили с оружием, женщин - с украшениями и посудой.

Памятники третьего этапа (III в. до н.э. - I в н.э.), завершающего этапа эпохи ранних кочевников, выделены в кулажургинскую археологическую культуру. Все курганы этой культуры примерно одинаковы (Кулажурга, Славянка, Баты, Тускаин, Юпитер, Зевакино, Карашат III, Акчий и др.) - невысокая насыпь с камнями по основанию, под которой каменные ящики или положения головой на восток (более ранние) или на запад (более поздние). Некоторые захоронения в каменных ящиках сопровождались конскими захоронениями, но кони уже не оседланы и не взнузданы, как в пазырыкское время. Иногда вместо целых туш коней в могилу клали только шкуру с головой и копытами. Мясо такой лошади, видимо, съедали тут же на тризне по умершему.

Погребальный инвентарь невелик и с течением времени делается все беднее. Чаще всего встречаются кувшинообразные неорнаментированные сосуды ручной лепки. Фиксируются остатки деревянных лотков, чашек и т.п. Посуду помещали в головах, а небольшие деревянные чашки - у пояса. Немногочисленные находки железных ножей и оружия свидетельствуют о вытеснении бронзы и замене ее железом. Однако украшения и некоторые предметы туалета по-прежнему делались из бронзы. Во многих случаях у головы погребенных клали курдюк (хвостовая часть барана), в двух случаях в сосудах найдены остатки растительной пищи.

Таким образом, памятники Верхнего Прииртышья однотипны, с одинаковым набором вещей и устойчивым обрядом захоронения.

В 2009 г. на могильнике Майемер сотрудниками Восточно-Казахстанской археологической экспедиции (З. Самашев, Г. Базарбаева, Г. Джумабекова) были продолжены исследования курганов. Одним из объектов являлся курган, раскопки которого были начаты еще в 1968 г. студентами Усть-Каменогорского педагогического института под руководством Алексея Алексеевича Чарикова.

Всего в могильнике, расположенном в долине реки Бухтарма, фиксируется множество групп курганов, расположенных параллельными цепочками, вытянутыми поперек долины, по линии С-Ю. На территории долины ведутся сельскохозяйственные работы, вследствие чего мелкие объекты, ритуальные конструкции, курганы к настоящему времени оказались распаханы.

Курган №1 входит в цепочку курганов, состоящую из пяти объектов разной величины. Курган №1 - южный в этой группе, диаметром 40 м и высотой 3 м. В основе наземной конструкции находилось сооружение в виде усеченной пирамиды из камня и дерева (7,0x5,5 м) на платформе из очень плотного глинистого грунта. Наземная каменная конструкция по низу облицовывалась крупными валунами, использовались куски дерна, глиняные блоки. Все сооружение было укреплено сверху слоем супеси со щебнем.

В верхней части кургана в центре была выявлена стела. С восточной стороны кургана фиксировался дромос. В юго-западном углу наземного сооружения было расположено погребальное сооружение - ящик, вытянутый по линии запад-восток. Вокруг наземного сооружения находилось каменное кольцо-ограда. Ящик оказался полностью разграбленным. Сохранились немногочисленные отдельные кости человека, а также мелкого рогатого скота.

Из находок можно назвать серьгу из металла желтого цвета, бусины из сердолика, бирюзы, раковины каури и др. (цветная вклейка, фото 1).

Курган №2 могильника Майемер, диаметр – 16,0 м, высота – 0,6 м.

Ориентация могильной ямы восток-восток-юг – запад-запад-север. Над ямой на отметке была выявлена стела. В северной стенке могильной ямы выявлен подбой с захоронением человека. Оно отгорожено от стенки могильной ямы рядом плит, поставленных на ребро. Под мощными плитами перекрытия, уложенными поперёк могильной ямы, находилась колода, выдолбленная из ствола дерева. Разрозненные кости человека свидетельствуют о том, что погребение было сильно потревожено.

Погребение человека было отделено камнями от захоронения животных. В могильной яме находилось захоронение животных – лошади, мелкого рогатого скота и собаки. Лошадь лежала с подогнутыми под брюхо ногами, на правом боку, ориентирована головой на запад – в так называемой входной яме в углубленной части-ложе. Голова покоилась на ступеньке-подсыпке. Лошадь была взнуздана бронзовыми стремечковидными удилами с пешковидными отверстиями и псалиями. Окончания псалиев имеют стилизованные окончания. Среди элементов конского убранства уверенно фиксируются бронзовая застежка подбородного ремня, уплощенно-цилиндрические уздечные распределители с 4 отверстиями, кольцевидные уздечные пронизки; ворворки суголовных и холочных ремней, чумбурный блок (?) или наконечник-обойма для повода [Джумабекова, Базарбаева, 2011].

Аналогии погребальным конструкциям и обряду прослеживаются в памятниках майемерской культуры - Солонечный Белок, Майемер-II, Машенка-I и др. Некоторые параллели (колода в подбое с дополнительными элементами конструкции из довольно крупных плит) наводят на мысль о близости к погребальному обряду в Измайловском могильнике.

Аналогии погребальному обряду кургана №2 могильника Майемер прослеживаются в материалах могильника Курук-2, объекты 1 и 6 [Самашев, Васютин, Ермолаева и др., 1988, с. 21-31, с. 152-155]. Они, в свою очередь, близки материалам Гилево-10, могила 32.

П.И. Шульга полагает, что в одном из памятников майемерской культуры, расположенном поблизости от могильника Майемер - под Солонечным Белком, в подбое было не найденное погребение человека, располагавшееся к югу от лошади. За головой взнузданной лошади находились кости барана. Кроме стремечковидных удил, У-образных псалий, отметим характерные бронзовые пронизки, застёжки и распределители ремней, похожие выявлены в Машенке-1 и Гилево-10 и др. [Шульга, 2008, с. 166-167]. Могильник Машенка-1, курган 1 – объект майемерской культуры - переключается с вновь изученными курганами [Шульга, 2008, с. 139-143]. Стилизованные окончания псалиев из кургана №2 Майемер – пламевидные или изображающие орлиного грифона – в какой-то мере переключается с материалами из Гилево-10, могила 12, где поясные бляхи выполнены в виде головок орлов [Шульга, 2008, рис. 79]. Среди близких по погребальному обряду и составляющим сопроводительного предметного комплекса можно отметить памятник Кондратьевка-21, могила 1: зафиксированы каменное кольцо, стела у северного края, продольное перекрытие могильной ямы, колода, ориентация по линии ЮЮВ-ССЗ. Могила 2 содержала захоронения трех лошадей и барана, вытянутых меридионально, отдельно помещена сбруя, в которой находились аналогичные майемерским распределитель и пронизки. Удила стремечковидные и У-образные псалии [Таиров, 2007, с. 18-19; Шульга, 2008, с. 163-164].

В могильнике Герасимовка для нас важно захоронение в каменном ящике, ориентированном меридионально с некоторым отклонением, из конского снаряжения отметим удила со шпеньком [Шульга, 2008, рис. 32, 14, 15]. Как сравнительно редкий вид среди предметов из кургана №2 интересны псалии со шпеньком, в составе комплекса кургана 42 Кок-Су; Вакулихинский клад (псалии со шпеньком иного, чем в кургане №2 Майемера, типа – он смещен вниз от центра) [Шульга, 2008, рис. 49, 1-5; рис. 21, комплект 1]. Все предметы конской узды из кургана №2 могильника Майемер находят аналоги в памятниках не позднее VII в. до н.э. Составляющие майемерского предметного комплекса бытуют с начала VII в. до н.э. [Шульга, 2008, с. 62, с. 67, с. 70-71, с. 74, с. 81-82]. Типы и категории предметного комплекса указывают на связи с Тувой (Аржан-2) и Приаралье (мог. Уйгарак).

Возможно, некоторые из курганов и оградок, исследованных в разные годы на территории Восточного Казахстана экспедицией Казахского государственного университета (ныне КазНУ им. аль-Фараби), также есть объекты раннескифского времени. К сожалению, погребения оказались разграбленными. Среди них выявлены могилы с каменной кладкой в яме, в которых погребены человек и лошадь головой на восток с бронзовыми пронизками (ограда №9 могильника Черновая III), деревянный саркофаг-колода в могильной яме под курганом №2 Черновая I. Характерно, что объекты могильников отличаются разными чертами погребальных конструкций [Оразбаев, Омаров, 1998]. Орнаментация костяного цилиндра из кургана №3 Черновая I сходна с формой накладок из золотой фольги лука из

могилы 5 Аржана-2 [Оразбаев, Омаров, 1998, табл. II, 14, А, Б и Cugunov, Parzinger, Nagler, 2010, tafel 19, 6-11; tafel 45, 1].

Погребальный обряд кургана №1 могильника Майемер находит сходные элементы в материалах могильника Шиликты. Курган №36 группы Шиликты-1 представлял собой вал из утрамбованного глинистого грунта с каменной оградой из камней, уложенных плашмя, вал имел форму подковы. Над могильной ямой выявлен бревенчатый накат, присутствовал обязательный элемент в виде дромоса, надмогильное сооружение перекрыто дерном. Курган сложен из слоев грунта с галечником, песчаного грунта, земляного грунта, дерновой постройки на материке (Толеубаев, Умиткалиев, Жуматаев, Терекбаева, 2010). В этом отношении курган №1 могильника Майемер, имеющий много общего в погребальном обряде с шиликтинскими курганами, показывает направления контактов населения районов Горного Алтая, предгорий Алтая, Центрального Казахстана, Жетысу и Приаралья в раннескифское время; показывает близость памятников Шиликты и Майемера.

П.И. Шульга отмечает интересным то, что С.С. Черников объединил в одну южную группу памятники Майемера и Шиликты, а Л.С. Марсадолов – объединил «чиликтинцев» и «майэмирцев» [Шульга, 2000, с. 149; 2008, с. 15; Черников, 1975, с. 133].

Помимо особенностей погребального обряда, прослеженных в курганах могильника Майемер, предметы изобразительного плана не могут быть исключены, они являются органической частью комплекса раннескифского времени. Образ «свернувшегося хищника», «пантеры» - он встречается в различных вариациях, практически по всему поясу Великой Степи.

Пластины с зооморфным декором из клада, обнаруженного у с. Майемер, были выявлены в выкладке, расположенной в 380 м к юго-западу от кургана №2, представляющей собой площадку размерами 14,75 x 10,6 м, выделенную семью камнями, в том числе тремя кварцевыми глыбами. Под самым большим валуном из белого кварца были найдены, сложенные компактно, предметы в виде клада из бронзовых удил и уздечной бляхи, медного кружка и комка из нескольких золотых пластинок. По описаниям А.В. Адрианова было выявлено около 16 (?) предметов из листового золота, в том числе 15 (?) пластинок и предмет в виде головы птицы [Адрианов, 1911, с. 56-61]. Пластинки, содержащие изображения кошачьих, свернувшихся в кольцо, разные. Одна, самая большая и единственная в коллекции, - овальной формы, есть примерно с таким же изображением, выполненным на поверхностях круглых и овальных бляшек более малых размеров. Подробное описание пластин выполнено Л.Л. Барковой [Баркова, 1983].

Анализ материалов двух курганов, исследованных в Майемерской степи, показывает вариативность погребального обряда, вероятно, обусловленную вторжением, смешением носителей различных традиций, что может отражать присутствие разноэтничных компонентов, а также маркировать сложившуюся социальную иерархию в обществе. В качестве рабочей гипотезы можно высказать предположение о принадлежности шиликтинских курганов к майемерской ареологической культуре. Дальнейшие исследования в этом направлении внесут коррективы в актуальные вопросы изучения проблем хронологии и периодизации раннесаского культурного комплекса.

Из памятников раннескифского времени интерес представляет могильник Курук 2, расположенный на высокой надпойменной террасе р. Иртыш и с двух сторон ограничен

оврагами, выходящими в пойму. Границы могильника с северной стороны определяет пойма, с восточной и западной - овраги, с юга подступает распаханное поле. Погребальные сооружения, с трудом просматривающиеся на поверхности, концентрируются двумя группами на могильном поле. В первой группе, наиболее удаленной от края террасы, раскопаны два объекта.

Курган №2. Основу конструкции составляло двойное кольцо - внешнее и внутреннее. От внутреннего кольца на поверхности просматривались большие гранитные плиты, лежавшие по периметру плашмя и наклонно. Первоначально плиты, видимо, были поставлены на грань и врыты в землю. В северо-восточном секторе зафиксирован менгир. В северо-западном – лежала стела. У южной бровки, в один ряд с плитами, лежал горизонтально столбообразный камень (стела) с гладкими зашлифованными гранями.

В середине двойного кольца на глубине 0,20-0,25 м появилась могильная яма, заполненная камнями и плитой. Поперек ямы по линии запад-восток лежали плиты шириной до метра и толщиной 8-15 см. В северной половине ямы фиксировался грабительский лаз. Яма, ориентированная длинными сторонами по линии СЗ-ЮВ, была по верху длиной 4 м и шириной 2,4 м. Под многослойным перекрытием из массивных плит на глубине 3,00 м располагался каменный ящик, в котором была установлена деревянная колода. Ящик состоял из цельных торцевых плит и составных по длинным сторонам, из которых две плиты были в восточной стене и три - в западной. Плиты неровные, плохо подогнаны друг к другу, зазоры заложены мелкими камнями и плитками (рис. 28; 29, 1).

Деревянная колода имела тонкие стенки, толщиной в основном 1-2 см, в изголовье - 10-15 см. Длина колоды составила около 2,30 м, ширина – 0,73 м, торцевая стенка в ногах была сильно повреждена. В северной половине колоды в беспорядке лежали кости скелета человека. Череп не обнаружен. В северной половине колоды разбросаны бусинки.

Объект №6. На поверхности были видны верх камня и плиты от перекрытия ящика, торчавшей наклонно из ямы в результате ограбления погребения. Восточнее этой плиты, под дерновым слоем выявлено скопление камней, под которым оказалось впускное погребение грудного ребенка, ориентированного головой на север. Вещевого инвентаря не обнаружено. Захоронение располагалось на восточной стенке ямы основного захоронения, которое, по всей видимости, наземной конструкции не имело. Размеры ямы на глубине 40 см составили 3,20x1,60 м. На глубине 1,30 м появились плиты перекрытия ящика.

Могильная яма ориентирована по линии юго-юго-запад-северо-северо-восток. В южной половине ямы на глубине 1,80-1,30 м лежал скелет лошади между ящиком и стенкой ямы, расстояние между которыми составляло 1,80 м. Лошадь, изогнутая по контуру ямы, лежала на правом боку, без головы, но судя по направлению шейных позвонков, она была повернута на северо-запад. На месте головы возле шейных позвонков найдена уздечная пронизь в виде головы верблюда, отлитая в бронзе. Под правой передней частью лошади лежал скелет овцы, также с оторванной головой, найденной в заполнении выше лошади на 15-20 см. Овца лежала на животе с подогнутыми под себя ногами (рис. 29, 2-3).

На перекрытии ящика найдены остатки кожаных ремней с окислами меди, бронзовая пронизь от узды, окислившиеся кусочки бронзовых изделий, шейный позвонок лошади, кусок дерева. Ящик, углубленный в дно ямы на 40 см, состоял из составных плит на длинных сторонах и по одной плите на северной и южной торцевых стенках. Кости скелета

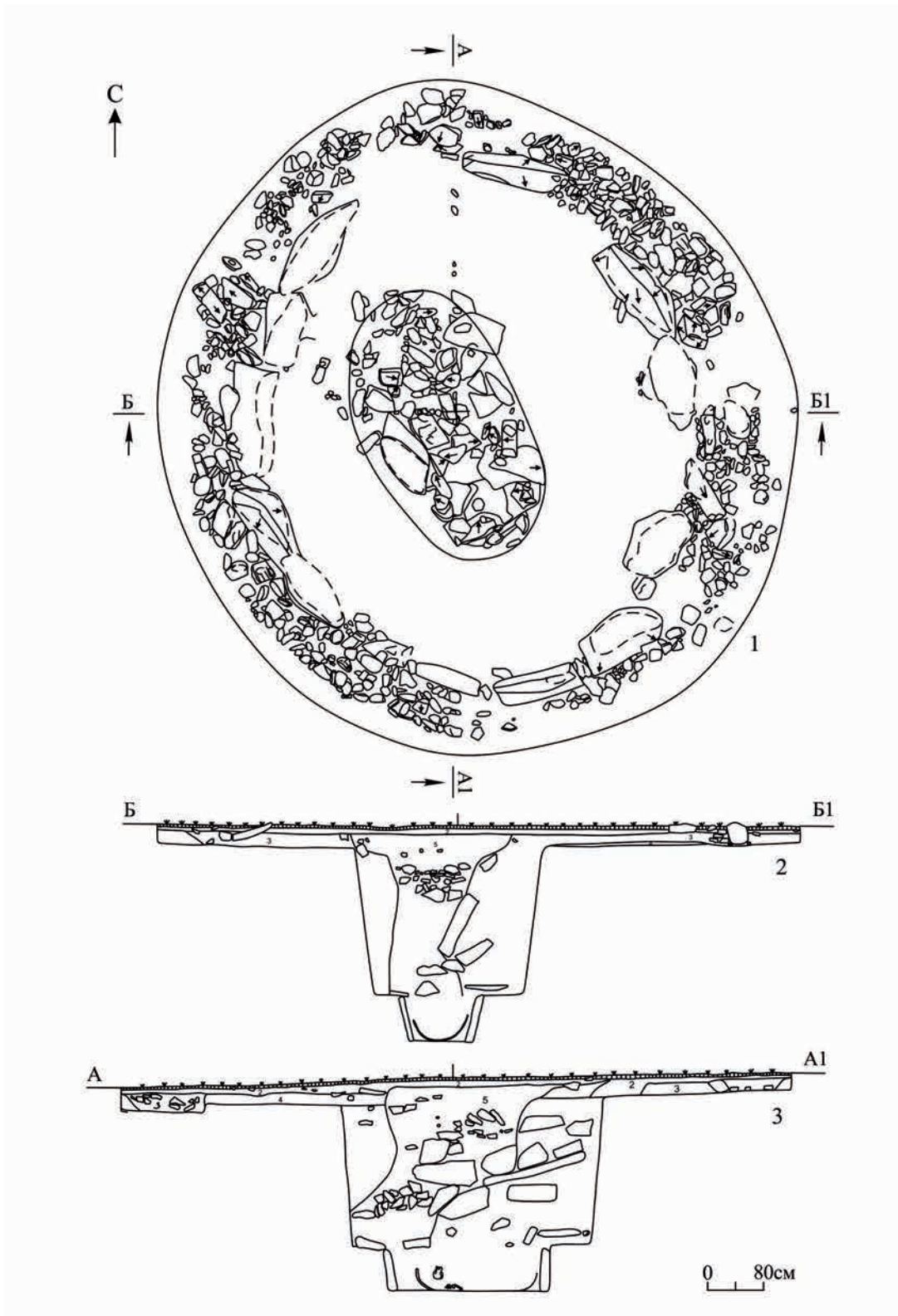

Рис. 28. Могильник Курук 2. Курган №2. План и разрез

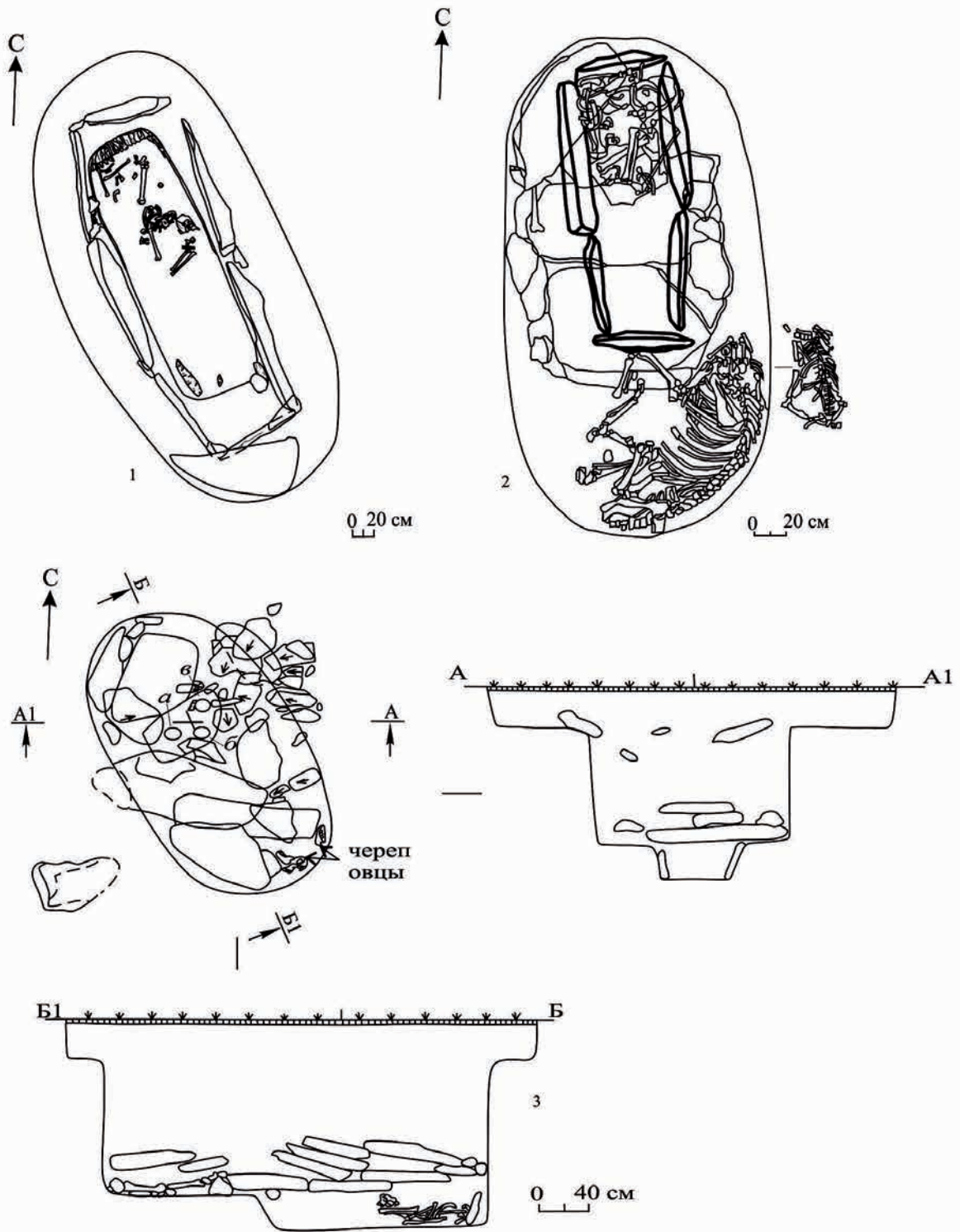

Рис. 29. Могильник Курук 2. 1 Курган №2. План погребения. 2-3 Объект №6. Планы и разрезы могильной ямы: а – две уздечные пронизи, одна из них в виде головы верблюда, б – остатки кожаных ремней с окислами меди, в – дерево.

сдвинуты в кучу в северной половине ящика, череп отсутствует. В костях у северной плиты найден костяной трехгранный черешковый наконечник стрелы.

Оба захоронения датируются эпохой ранних кочевников, вероятно, их можно отнести к майемерской культуре. Ближайшие аналогии конструкции и погребальному обряду имеются в раннекочевническом Измайловском комплексе. В памятниках тасмолинской культуры Центрального Казахстана и савроматских комплексах Западного Казахстана распространены аналогичные предметы конской сбруи и наконечники стрел. Трехгранные черешковые роговые (костяные) наконечники стрел датируются VIII-VI вв. до н.э. Кроме того, у савроматов одним из излюбленным животных был верблюд, его изображения широко были распространены на предметах прикладного искусства у этих племен.

К этой же эпохе относится и коллективное захоронение из четырех костяков, расположенное во второй группе у края террасы (объект №5). На поверхности едва просматривалась верхушка одного камня. Под дерновым слоем оконтурилась могильная яма овальной формы, заложенная камнями, и среди них плита до полутора метра длиной, лежавшая почти в середине ямы по линии запад – восток. На дне ямы на метровой глубине лежали четыре скелета, ориентированных головой на север. Судя по взаиморасположению скелетов, захоронение не было одновременным. Первый скелет, самый крайний у восточной стены, погребен был позже остальных. Скелет самый крупный по размерам принадлежал, видимо, мужчине. Лежал грудью вниз, череп и таз на правом боку. Второй скелет лежал на спине почти посередине ямы, позвоночник изогнут, голова завалилась на левую сторону. Третий скелет лежал на спине, руки были согнуты в локтях, кисти - у лица. Ноги этого скелета были слегка отведены в сторону второго скелета, на ступне правой ноги лежали разрубленные кости черепа козы. Четвертый, детский скелет, был самым крайним у западной стены. Лежал на спине, правая сторона его находилась под костями третьего скелета. Сопроводительного инвентаря не обнаружено (рис. 30).

В ходе раскопок также было выявлено впускное погребение на поселении Курук. Поселение расположено на той же надпойменной террасе, что и могильник, у края террасы. По краю террасы были заложены два разведочных раскопа. На раскопе 1 располагалось погребение в грунтовой яме. Могильная яма прорезала культурные слои поселения эпохи бронзы. В заполнении могилы и на остальной площади квадрата были собраны кусочки медной руды, шлака и фрагменты керамики эпохи бронзы. Скелет человека лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Несмотря на отсутствие погребального инвентаря, захоронение можно датировать эпохой ранних кочевников на основании положения погребенного и его ориентировки.

В 1997 году совместная археологическая экспедиция Института археологии им. А.Х. Маргулана МН-АН РК, Государственного Эрмитажа РФ и Казахского Государственного Национального Университета им. аль-Фараби при участии Кемеровского Государственного Университета РФ и группы 315 Национального центра научных исследований Франции проводила исследования археологических памятников в Катонкарагайском и Большенарымском районах Восточно-Казахстанской области на стыке территории Казахстана, России, Китая и Монголии. Основной целью экспедиции было исследование памятников I тыс. до н.э. на территории Восточно-Казахстанской области.

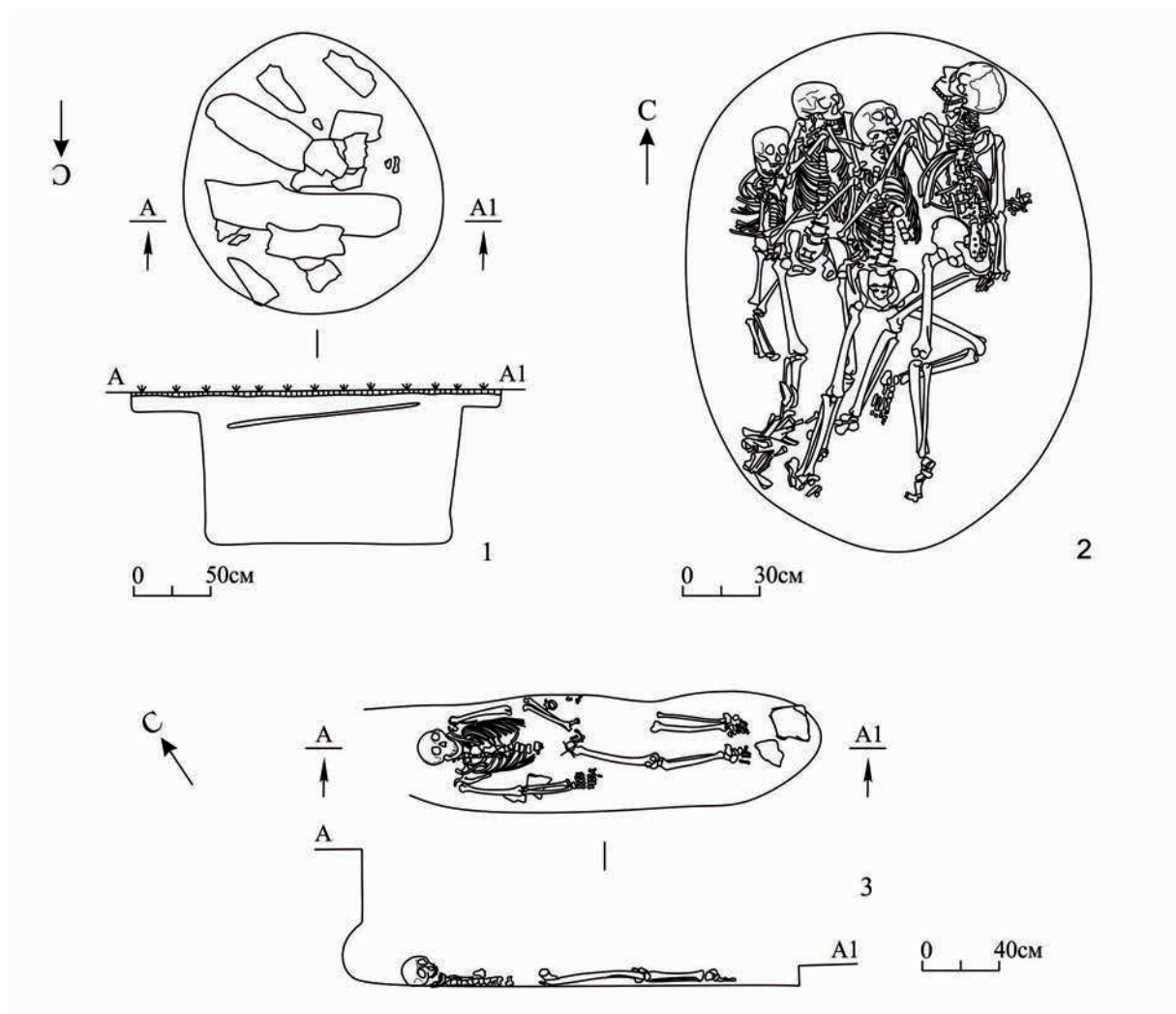

Рис. 30. Могильник Курук 2. Объект №5. 1 – План и разрез ямы. 2 – Коллективное захоронение. 3 – План и разрез коллективного захоронения

Полевые археологические исследования проводились в верховьях реки Бухтармы. Раскапывались погребальные и поминальные сооружения на могильниках Майемер-II, III, а также разрушенный курган в черте села Майемер. Всего было исследовано пять погребальных и три поминальных сооружения, охватывающих широкий хронологический диапазон – 1 половина I тыс. до н.э. - 2 половина I тыс. н.э. Основная цель работы - пополнение источниковедческой базы по культуре племен Казахстана 1 половины I тыс. до н.э. – выполнена.

Было произведен осмотр курганов в долине реки Майемер, расположенном в 4 км к югу от с. Солдатово, составлен уточненный план курганного могильника, на котором в 1911 году производил раскопки А.В. Адрианов (группа «а»). Судя по размерам курганов - диаметр до 22 м и высота более 1 м, в основном сложенных из камней, этот могильник принадлежал к средним слоям кочевого общества раннескифского времени. На вершине одного из таких курганов был обнаружен олений камень (вторичное использование).

В семи километрах к западу от могильника Майемер располагался могильник Майемер II, сконцентрированный на левом берегу р. Нарым.

Курган №2. Основу наземной конструкции составляло кольцо из крупных плоских камней и прямоугольных блоков, уложенных по периметру. Снаружи лежал слой средних и мелких камней.

Следующей основополагающей частью конструкции являлось внутреннее кольцо из плоских камней и плит, расположенных вокруг могильной ямы в горизонтальном или немного наклонном наружу положении. Возможно, что плиты первоначально имели вертикальное положение и представляли собой ограду по контуру ямы. Внутреннее пространство между кольцами было заполнено кладкой мелкого колотого сланца на высоту 2-3 камней. С восточной стороны плиты отсутствовали. В целом конструкция имела овально-вытянутую форму по линии восток-запад, северная и южная стороны которой соединялись под углом. Вся конструкция располагалась на выходах коренной сланцевой породы. Внутри нее располагалась надмогильная выкладка подпрямоугольной формы (восток-запад), сооруженная из плоских плит и камней в основном средних размеров, уложенных с напуском друг на друга. Под выкладкой располагалась входная яма с заставкой подбоя из плит и камней, расположенных по общей линии запад-восток.

Заставка состояла из плоских плит и камней, установленных в два ряда, которые в восточной и западной половинах отличались друг от друга размерами. В западной половине заставка состояла из поставленных наклонно вертикально трех узких тонких плит прямоугольной формы, которые были короче остальных плит, поэтому сверху надставлены плоские камни на высоту длинных плит. За длинными плитами находился еще один, внутренний, ряд плит-камней. В середине наружного ряда установлена массивная плита, широкая и высокая, за ней не было внутреннего ряда, в отличие от остальных она была одинарной. Следующая плита заставки была обнаружена лежащей в заполнении подбоя, располагаясь одним концом по линии плит заставки. В восточной половине заставки плиты установлены основанием ниже по уровню предыдущих. В этой половине ряда среди остальных выделялись размерами и расположением пять плит - высокие и широкие они стояли в три ряда друг за другом. За плитами и между ними была темная перекопанная земля (грабительский лаз?). Далее к востоку ряд продолжали пять плоских плит и камней, из них две небольшие плитки стояли под восточной сводчатой стенкой. В западной половине плиты заставки находились выше по уровню, чем в восточной.

Слои в заполнении подбоя располагались куполообразно, т.е. к центру шло повышение уровня слоев, а к западному и восточному краям ямы – понижение и сдавливание слоев.

На неровном дне входной ямы лежали плоские камни. Дно подбоя имело общий уклон от западной стенки к восточной и расположено ниже уровня дна входной ямы. Дно подбоя имело прямоугольную форму с закругленными углами. Под южной стенкой, на западном ее конце, сделана приступка (запечико) шириной 10-12 см, длиной около 50 см. Приступка, располагаясь за плитами заставки, возможно, служила опорой для плит внутреннего ряда (рис. 31).

Подбой по дну был вытянут по длинной оси СЗ-ЮВ. На дне вытянуто на спине лежал скелет человека черепом на СЗ, лицевой частью к северной стене, т.е. череп на-

ходил на левом боку (рис. 32, 1). Рядом с кистью левой руки лежала костяная накладка на колчаные ремни. Вторая костяная накладка с перехватом посередине находилась под бедренной костью. На наклонной поверхности северной стенки ямы на уровне коленного сустава левой ноги и параллельно скелету лежали бронзовые наконечники стрел с остатками древков, острием к юго-востоку (рис. 27, 1). Погребенной оказалась женщина 35-40 лет европеоидной расы, по определению Е.В. Веселовской, выполнившей также антропологическую реконструкцию по черепу.

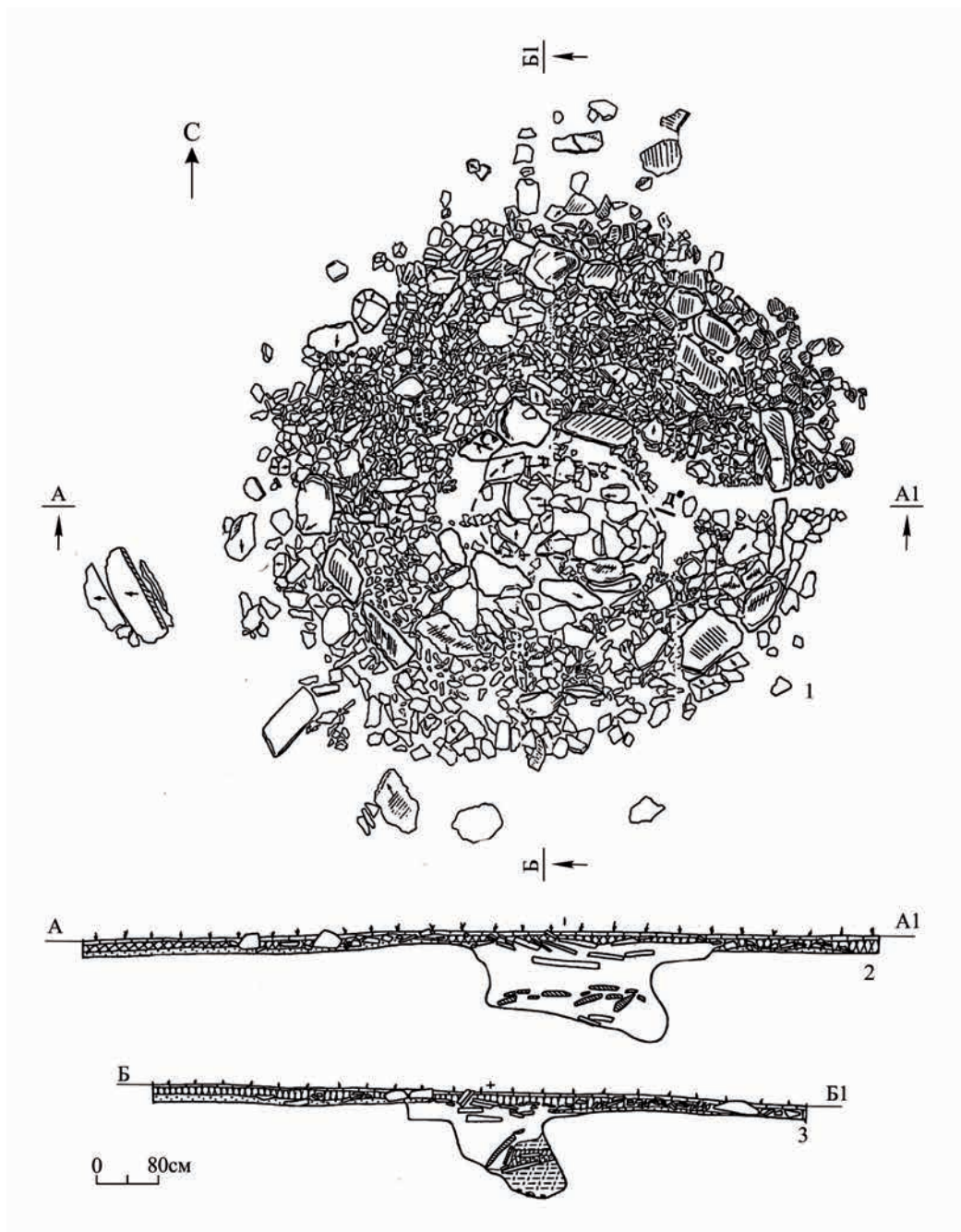

Рис. 31. Могильник Майемер II. Курган №2. План и разрез

Инвентарь представлен двумя костяными застежками колчана, шестью бронзовыми и одним костяным наконечником стрел. Бронзовые наконечники стрел - втульчатые, двулопастные, асимметрично-ромбические и ромбический - определяют памятник начальным этапом «скифо-сакской» эпохи, VIII-VII вв. до н.э.

Курган №3 располагался в нижней части склона к северу от кургана №2, на поверхности был представлен небольшим возвышением, в котором хорошо просматривалась основная часть конструкции. По верхушкам камней, торчавшим над уровнем современной дневной поверхности, определялись два кольца или обвода - внутреннее и внешнее. Внешний обвод в основном состоял из правильной прямоугольной формы камней и плоских плит. В юго-западном секторе лежал четырехгранный менгирообразный камень с изображением трех колец на одной из граней. Полная расчистка показала, что это не олений камень, кольца представляют собой законченный набор изображений и использованы, видимо, по-своему первоначальному назначению, три кольца расположены на одной линии, диаметр среднего кольца больше двух крайних. В северо-западном секторе лежал массивный блок прямоугольной формы длиной около 90 см, толщиной до 32 см. Изначально, вероятно, стоял вертикально, контурами напоминает известные койтасы. В северо-восточном секторе внешний обвод был устроен из прямоугольных граненых блоков и плоских плит. Внутреннее кольцо не было четко оформленным, а камни и валуны не составляли плотного круга. После полной расчистки пространства обеих сторон кольца определились форма и характер его сооружения: это плотно уложенные по периметру камни разной величины и формы на уровне древней поверхности, образующие круг почти правильной формы.

Внутри двойного кольца располагалась околмогильная конструкция. Судя по развалу, первоначально плиты были врыты на грань и стояли вертикально, а на момент раскопок часть из них лежала, другие стояли наклонно к могильной яме. Наиболее крупная плита размерами 110x35x10 см находилась в юго-западном секторе конструкции.

Внутри сооружения расчищено надмогильное перекрытие. На глубине 0,60 м выявлен ящик трапециевидной формы, состоящий из пяти массивных плит. Верх плит ящика находился на одном уровне с основанием камней кольца и внутреннего обвода. На дне ящика вдоль южной плиты расчищены передние конечности лошади.

За пределами кольца в юго-западном секторе под скоплением камней на глубине 0,30 м была выявлена выкладка из колотых камней, вытянутая по линии север-юг, размерами 0,80x0,40 м. Под выкладкой обнаружена небольшая ямка овально-вытянутой формы размером без находок (рис. 32, 3).

Исследованные курганы №2 и №3 отнесены к раннесакскому периоду, из них курган №2 оказался погребальным сооружением, а курган №3 - поминальным. Погребальное сооружение представляет редкий для этого периода подбойный вариант погребального обряда. В маймерском подбое была погребена женщина-воин с набором из шести бронзовых и одного костяного наконечников стрел раннесакского типа в колчане.

Все бронзовые наконечники стрел по способу насада принадлежат к втульчатым, по форме сечения к двухлопастным, по форме головки - к асимметрично-ромбовидным и ромбовидным. Различаются они длиной втулки.

I тип. Наконечники с асимметрично-ромбической формой пера; втулка, проходящая через все перо, выступает незначительно. Кончик острия четырехгранный, края лопастей отточены. Длина их составляет 4,5-4,8 см, ширина - 1,5 см (2 экз.).

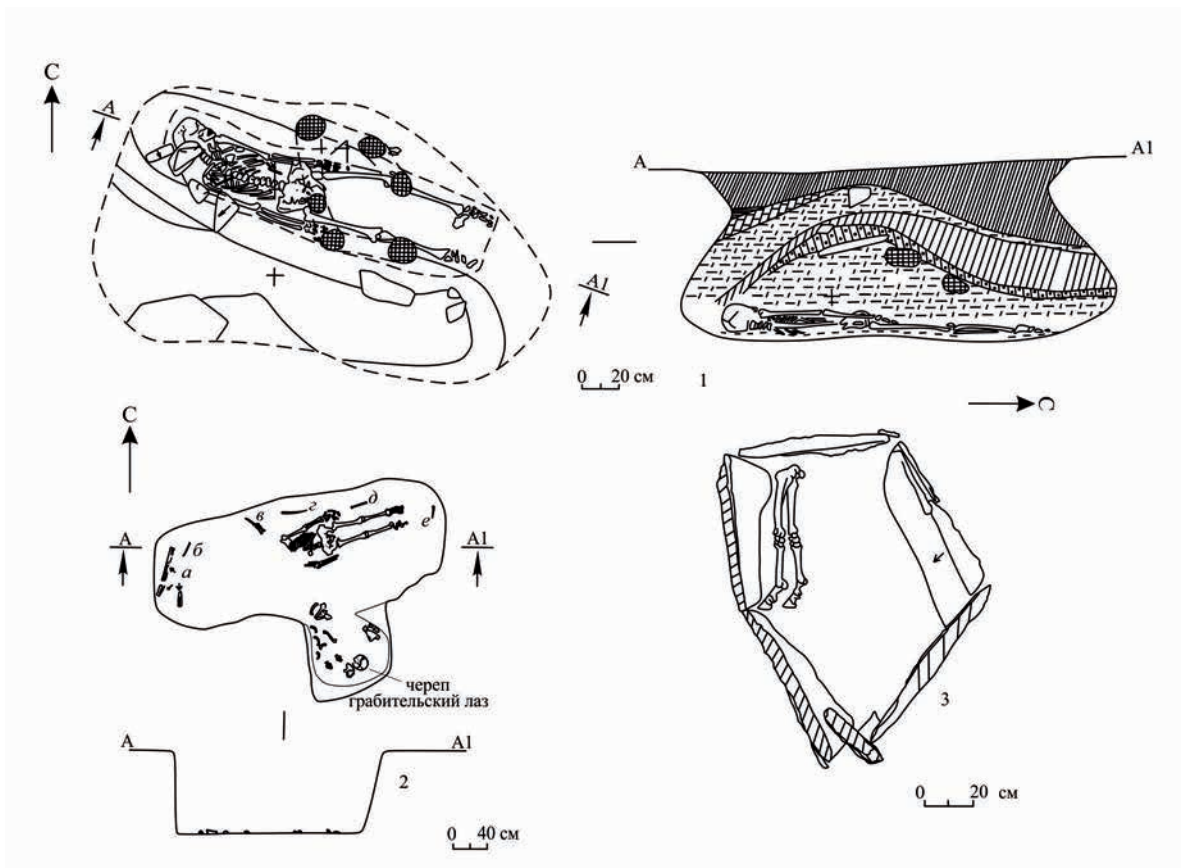

Рис. 32. Могильник Маймер II. 1 – Курган №2. План и разрез. 2 План и разрез разрушенного погребения в селе Маймер: а дерево; б шпилька; в нож (обломок); г шпилька; д шило; е шпилька. 3 Курган №3. План каменного ящика

Как вариант этого же типа выделяются наконечники стрел, лопасти которых смыкаются к основанию втулки. Длина их составляет 4,3-4,6 см, ширина - 1,5 см (3 экз.).

Этот тип наконечников стрел является одним из наиболее распространенных на территории скифо-сибирской культурно-исторической общности; он широко известен в западной части скифского мира и достаточно популярен в среднеазиатском регионе.

На территории Казахстана наконечники с ромбовидной формой головки выявлены в курганах тасмолинской и улыбай-тасмолинской культуры [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966; Хабдулина, 1994; см. также, Бейсенов, 2015а]. Подобные наконечники стрел найдены в могильниках и поселениях лесостепного Алтая и Восточного Казахстана [Могильников, 1997; Грязнов, 1992; Черников, 1965].

Многочисленные параллели рассматриваемого типа наконечников стрел определяют общие рамки их бытования начальным этапом раннего железного века (вторая половина VIII-VI вв. до н. э.).

II тип. Бронзовый наконечник, двулопастной, втульчатый, с ромбической формой пера, с округлой в сечении скрытой втулкой. Головка с четырехгранным острием, отточенными краями лопастей, отделана четкими продольными и поперечными ребрами (декоративными швами). Длина наконечника составляет 4,8 см, ширина - 1,5 см.

Варианты типа различаются наличием или отсутствием выемок и ребер на гранях, а также формой сечения основания втулки - круглой с ребрами или ромбовидной.

Ассиметрично-ромбические - разновидность втульчатых двухперых наконечников стрел. В VII-VI вв. до н.э. широко распространены на территории Монголии, Забайкалья, Алтая, Енисея, Казахстана и Средней Азии, в Приуралье, Поволжье, на Кавказе, в Северном Причерноморье, на Балканах, в Малой Азии, странах Переднего Востока. Выделяют два варианта ромбических наконечников стрел: со слегка выступающей трубкой втулки и с пером, доходящим до нижнего края. Смирнов К.Ф. различает еще два варианта – ассиметрично-ромбический и симметрично-ромбический [1961, с. 48-49].

По мнению исследователей, этот тип представляет одну из ведущих форм в раннесакских могильниках Приаралья, что определяет регион как один из центров его производства [Вишневецкая, 1973]. Рассматриваемый тип наконечников известен также в памятниках Степного Приишимья. В целом, указанные наконечники представляют вариант типа, распространенного в предсакских и раннесакских памятниках (Вишневецкая, 1973; Яблонский, 1996; Литвинский, 1972; Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966).

И.Н. Медведская определяет такие наконечники - двухлопастные с ромбическим сечением пера - VIII-VII вв. до н.э. [Медведская, 1972]. Широкое распространение втульчатых четырехгранных или ромбических в сечении наконечников в VII в. до н.э. отмечает К.Ф. Смирнов (IV отдел) [Смирнов, 1961]. По мнению авторов, указанные типы наконечников, чаще встречаемые в памятниках Средней Азии и Казахстана, связаны с наконечниками эпохи поздней бронзы указанных регионов [Литвинский, 1972].

Л.Т. Яблонский датирует эти типы наконечников стрел (I и II) - VIII-VII вв. до н.э. (Яблонский, 1996). В сакарчагинском комплексе (группа II) выделяет два отдела – базисные и с выступающей втулкой. Тип 1 – ассиметрично-ромбовидные, с ромбической в сечении головкой. Тип 5 – ассиметрично-ромбические, с выделенным основанием лопасти. Двухлопастные втульчатые наконечники на территории Средней Азии и Казахстана должны датироваться в пределах VIII в. до н.э., по заключению И.Н. Медведской [Яблонский, 1996, с. 71].

Из раннескифских памятников региона можно назвать также мог. Гилёво-10 (группа №5) с ассиметрично-ромбический наконечником [Шульга, 2016а, рис. 46, 2; с. 148]. Бронзовые втульчатые двухлопастные наконечники стрел с ассиметрично-ромбическим пером появляются на Алтае с VIII в. до н.э., наибольшее распространение получают в VII-VI вв. до н.э.

Комплект наконечников стрел кургана 9 могильника Бақыбулак (Центральный Казахстан, Тасмола) из 42 экземпляров представлен четырьмя типами стрел: втульчатые с шипом и без, втульчатые ромбические с поперечным рельефом, черешковые трехлопастные. Автор раскопок А.З. Бейсенов датирует памятник VIII в. до н.э. [Бейсенов, 2016, с. 121].

Одним из опорных памятников можно назвать Аржан-2. К.В. Чугунов, проанализировав комплект из этого памятника, выделяет тип 1С4 - с головкой ромбовидной формы, скрытой втулкой, плавно переходящей в грани, с выемками на бойке — из «клада» 2б. В памятниках Саяно-Алтая наличие двухлопастных втульчатых наконечников,

предполагает дату не позже VII в. до н.э., в VI в. до н.э. они выходят из употребления [Чугунов, 2011, с. 310].

Этот тип наконечников, а также четырехгранный с ромбическим абрисом и скрытой втулкой с поперечными валиками – встречены в составе предметных комплексов раннескифского времени (к. 20 мог. Сакар-Чага 6; к. 39 и 84 мог. Уйгарак; к. 16 мог. Баданка IV; Боровое III в районе Бийска). Такое сочетание наконечников предполагает датировку памятника не позже, чем конец VII в. до н.э. Присутствие экземпляров с ромбической формой головки отодвигает эту дату на полстолетия вглубь. Наконечник с поперечным валиком входит в набор стрел из кургана 84 Уйгарака, датированного в пределах VIII–VII вв. до н.э. В целом, все имеющие аналогии наконечники стрел из кургана Аржан-2 могут быть датированы в пределах VIII–VI вв. до н.э. [Чугунов, 2011].

М.Н. Дараган, характеризуя наконечники стрел жаботинской серии, выделяет асимметрично-ромбические двухлопастные наконечники и с овально-ромбическим пером, со слабо выраженной или утопленной втулкой, с ромбическим пером и выступающей втулкой, втульчатые трехлопастные и черешковые трехлопастные (Карамурун I, курган 5ж; Торайгыр VI, курган 3; Боровое III, поселение; Гумарово, курган 1, погребение №3) [2015].

Таким образом, курганы №2 и 3 могильника Майемер II датируются по археологическим данным VIII–VII вв. до н.э.

Могильник в селе Майемер. На восточной окраине села был обнаружен курган с полностью снесенной насыпью до уровня современной дневной поверхности. После зачистки поверхности были выявлены контуры могильной ямы в срединной части снесенной насыпи. Заполнение ямы состояло из круглых окатанных речных камней. С южной стороны от могильной ямы зафиксирован грабительский лаз. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, вытянута по длинной оси СЗ–ЮЗ. На дне ямы расчищено потревоженное одиночное захоронение с остатками уцелевшего при ограблении сопроводительного инвентаря. На основании положения *in situ* костей скелета установлено, что погребенная женщина лежала вытянуто на спине головой на юго-запад. Погребальный инвентарь состоял из трех шпилек, шила (рис. 32, 2).

Основными датированными предметами исследованного кургана являются бронзовые шпильки. Шпильки не только скрепляли прическу, но и служили украшением. Они обычно присутствуют в женских захоронениях в изголовье. Подобные предметы женского туалета получают распространение со скифского времени. Известны бронзовые, железные, костяные и деревянные шпильки. Майемерские шпильки различаются разной длиной стержня, формой головки и нарезками на стержне. Они имеют круглой формы стержень и заостренный конец.

1. Самая длинная шпилька (18,3 см) имеет циркульные нарезки на стержне. Головка круглой формы с плоским верхом. 2. Шпилька (10,4 см) имеет циркульные нарезки в верхней части стержня. Головка дисковидной плоской формы. 3. Самая короткая шпилька (6,2 см) с гладкой поверхностью стержня, головка утолщенной формы.

Наиболее широкое распространение и разнообразие форм получают шпильки с конца IV и на протяжении III–II вв. до н.э. В это же время появляются литые булавки (шпильки) с уплощенно-шаровидными головками и орнаментом в виде насечек. В III–II вв. до н.э. появляются бронзовые булавки с навершием-головкой в виде ложечки или плоской

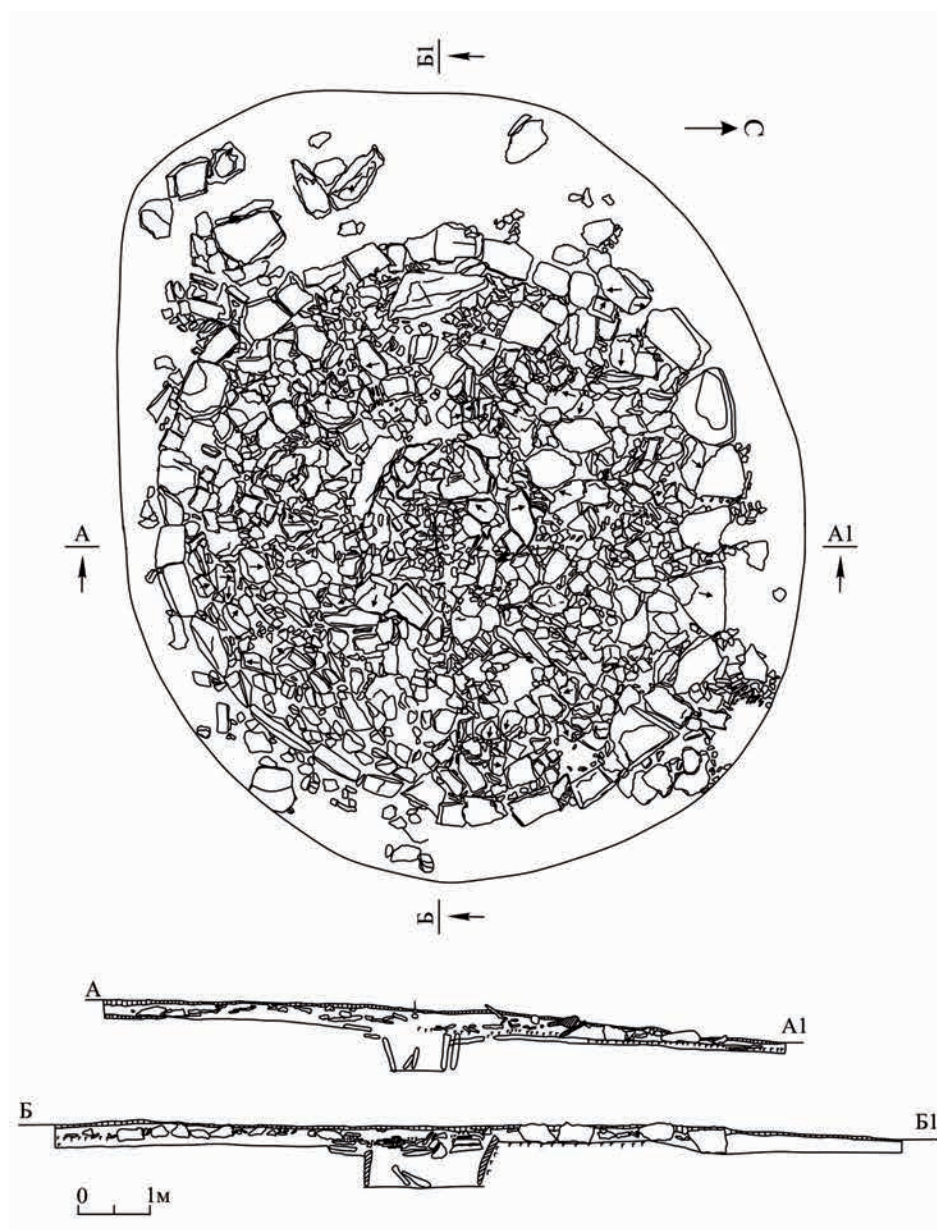

Рис. 33. Могильник Майемер II. Курган №3. План и разрез

по форме. Майемерские шпильки наибольшие соответствие обнаруживают с предметами, распространенными на территории лесостепного и горного Алтая и Жетысу в III–II вв. до н.э. Это и послужило основанием для датировки кургана III–II вв. до н.э. В усуньских погребениях Жетысу и Южного Казахстана аналогичной формы булавки найдены в могильника Кенсай, Бериккара, Жуантобе II. Шпильки были широко распространены в культурах скифского типа Саяно-Алтая в V–III вв. до н.э.

На скальных выходах, расположенных рядом с могильником Майемер-II, обнаружен ряд новых местонахождений петроглифов, в основном относящихся к раннескифскому времени [Марсадолов, Самашев, Шер, Ермолаева, Курманкулов, 1998]. Сюжеты представ-

лены одиночными и групповыми изображениями оленей с разветвленными рогами, фигурами горных козлов, орла, кабанов, хищников, символических знаков. Петроглифы могли быть созданы представителями населения, оставившего исследуемые нами погребально-поминальные комплексы. Среди наскальных рисунков выделяются изображения оленей, выполненных в раннескифском зверином стиле – с клювовидной мордой, на цыпочках или с подогнутыми ногами, с подчеркнутым глазом и ухом, откинутыми назад рогами с «8»-видным передним отростком и т.д.

Отметим также фигуры орла с повернутой головой и кабана раннескифского времени. К числу редких относятся и изображения наподобие сегнерова колеса, образованного из протом шести горных козлов, соединенных основаниями. Таким образом, исследованное подбойное захоронение относится к числу раннесакских памятников и датируется VII-VI вв. до н.э.

Особый тип памятников, получивший широкое распространение на Алтае, Южной Сибири и Монголии, составляют поминальные сооружения. Археологическими исследованиями на других территориях установлено, что наиболее ранние памятники этой категории восходят к начальному этапу истории кочевого населения Евразийской лесостепи. Сам поминальный ритуал возник на Алтае также в сакскую эпоху.

Майемерское поминальное сооружение предварительно отнесено к раннесакскому времени на основании аналогий конструкциям погребальных сооружений этого периода, и, в первую очередь, сходства наземной конструкции с соседним курганом №2. Устройство ящика из составных плит внутри кольца также более характерно для раннекочевнической эпохи.

Раннесакский период исследованных объектов (майемерская культура), предполагаемый по погребальному обряду и предметному комплексу, подтверждается данными радиоуглеродного анализа [Марсадалов, Зайцева, 1999]. Судя по данным радиоуглеродного датирования, наиболее ранним является курган №3 мог. Майемер II,

Таблица 1 – 14С датировки курганов могильника Майемер II [по: Марсадалов, Зайцева, 1999]

Лабораторный №	Могильник курган	материал	14С дата (лет тому назад)	Интервалы калиброванного календарного возраста (лет до н.э.)	
ГИН 9117	Майемер II, курган №3	Кости коня	2790 +_ 160	1200-1190 1170-1140 1130-800	1400-750 710-530
ГИН 9115	Майемер II, группа 2, курган №2	Кости человека	2200+/-40	358-286 252-222 214-192	378-160 134-126
ГИН 9116	Майемер II, разборка погребения	Кости человека	2230+/-100	390-160	520 до н.э. – 0 н.э.

Могильник Тарасу I был исследован в 1998 г. ВКАЭ под руководством З. Самашева. Памятник расположен в верховьях реки Бухтармы в зажатом горными хребтами ущелье (Катонкарагайский район Восточно-Казахстанской области).

В расположении погребальных сооружений наблюдается определенная закономерность. По внешним признакам и расположению погребальные сооружения могильника можно разделить на четыре типа: 1. Безнасыпные ограды округлой или овально-вытянутой формы из положенных на поверхность камней в один-два-три ряда, диаметром 3-5 м. Концентрируются, в основном, в северной и срединной частях могильного поля; 2. Курганы с земляной насыпью и каменным кольцом в ее нижней части. Занимают южную половину могильного поля вплоть до самого края. Диаметр насыпи 8-10 м, до 15 м. У всех в центральной части насыпи просматриваются каменные выкладки; 3. Сооружения без насыпи округлой или подпрямоугольной формы с уложенными камнями по контуру и внутри. Фиксируются почти у края могильного поля в северной половине. 4. Курганы с каменной насыпью, сильно задернованные. Аналогичной формы курганы имеются и на небольшой седловине с юго-западной стороны могильника. Не исключена их принадлежность к тюркскому времени. В южной половине среди земляных курганов зафиксированы выкладки-кольца из 5-7 камней поминального назначения (рис. 34).

Были исследованы четыре ограды и один курган с земляной насыпью. Ограда №22 неправильной округлой формы размером около 3,3 м по линии север-юг и 2,8 м по линии запад-восток сооружена из крупных блоков колотого гранита разной формы и размеров, уложенных по кругу. Между крупными блоками местами сохранились мелкие камни. В середине ограды, со смещением к западной ее стороне, расчищена надмогильная выкладка, сооруженная из мелких и средних камней колотого гранита и вытянутая по линии северо-восток – юго-запад. Западная и восточная половины выкладки отличаются друг от друга набором камней: с восточной стороны камни в выкладке более крупные, с западной - в основном мелкие. В заполнении ямы были зафиксированы плиты, видимо, служившие перекрытием или заставкой подбоя. Входная яма имела плавно сужающиеся ко дну стенки, из них восточная стенка заканчивалась приступкой шириной 40 см, а западная – подбоем. На приступке лежал камень прямоугольной формы 50x20x20 см. От приступки наклонно шел спуск ко дну входной ямы, переходящий в подбой. На глубине 110–120 см располагалось скопление костей. Подбой располагался на всю длину западной стенки и имел скругленные стенки со всех сторон. Сопровождающего инвентаря не обнаружено (рис. 35, 1).

Ограда №23. Конструкция ограды сохранилась фрагментарно. С восточной стороны ограда представляла собой двойной-тройной ряд колотых камней и в том числе крупных, которые в основном располагались по внешнему ряду. В западном и северо-западном секторах обращал на себя внимание фрагмент кладки конструкции с наклоном наружу, состоящей из уплощенных камней, уложенных плотно и с напуском друг на друга. В центре ограды располагалась выкладка.

Очертания могильной ямы вытянулись по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. По концентрации камней на глубине 1,6 м размеры ямы составили 0,80x1,30 м (северо-запад–юго-восток). Вдоль западной стены, где предполагался подбой, лежали две узкие прямоугольные плиты размерами 30x80 см, которые, видимо, являлись частью заставки подбоя и были вывернуты при попытке ограбления захоронения. Ниже уровня четырех валунов, лежавших вдоль стен, располагалась массивная плита полусферической формы, имевшая куполообразную форму. Плита занимала почти все пространство в яме, что помешало ограблению захоронения. Ограблению препятствовали вес и размеры пли-

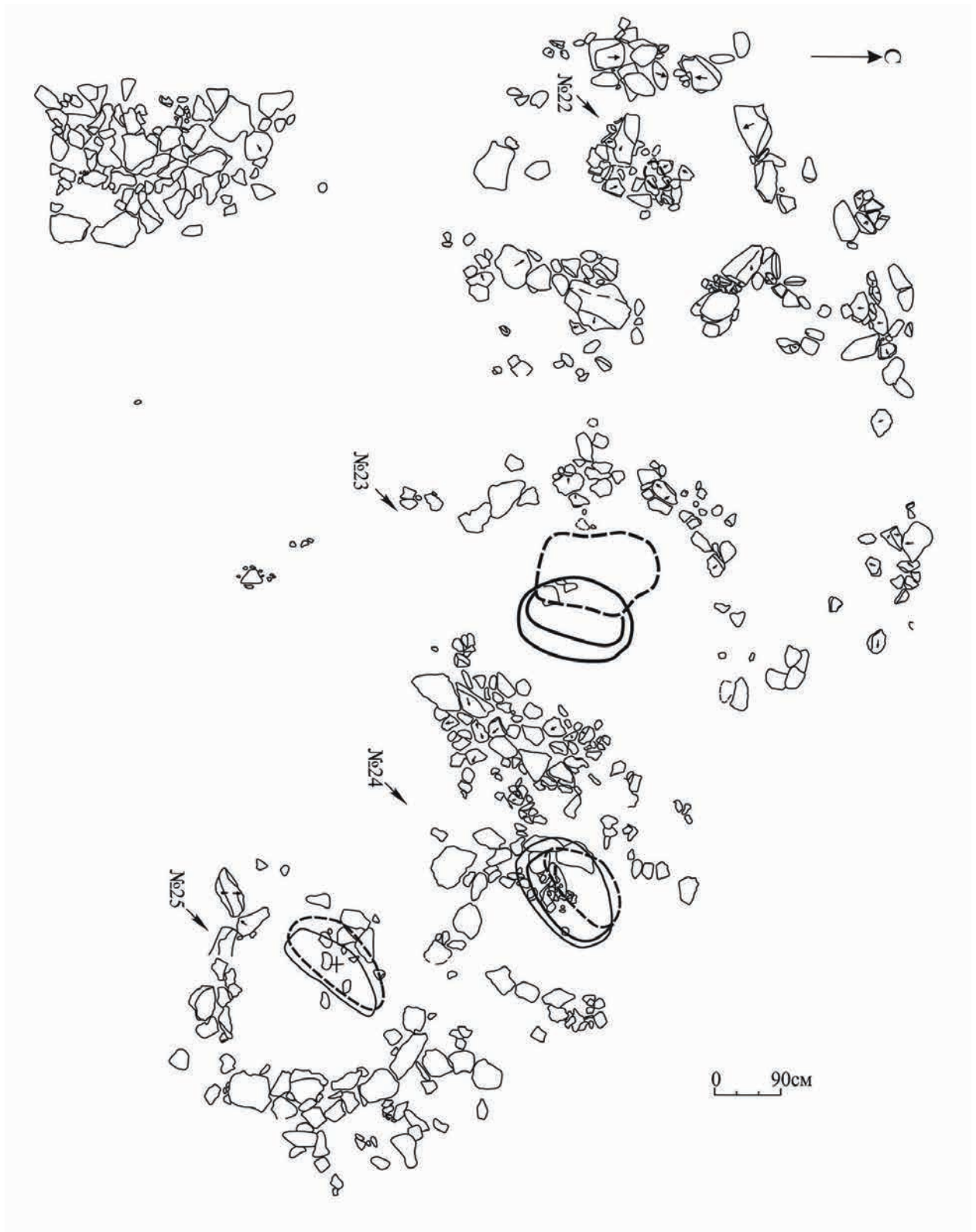

Рис. 34. Могильник Тарасу. План

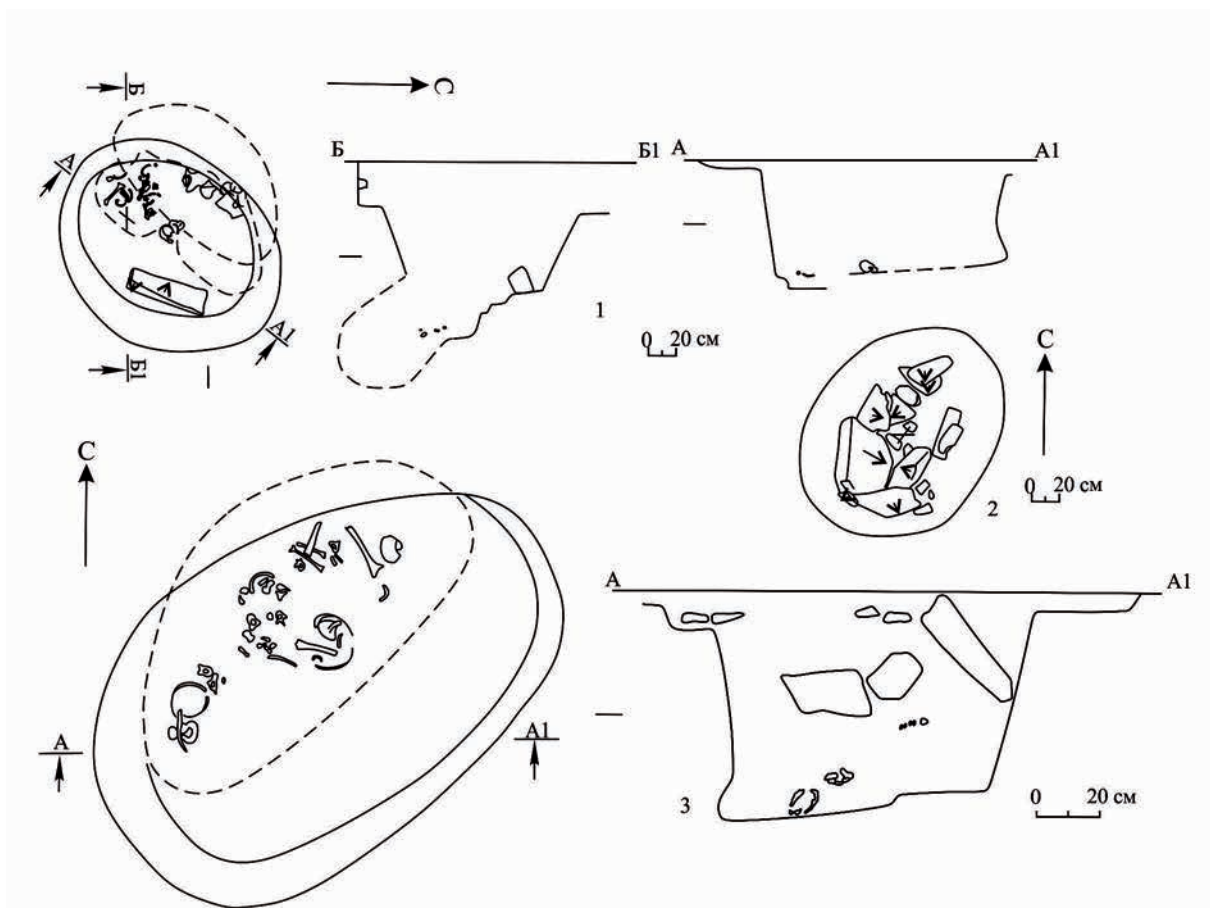

Рис. 35. Могильник Тарасу. 1– Ограда №22. Планы и разрез погребения.
2-3 – Ограда 24. План и разрез могильной ямы

ты, а также глубина ямы. Под слоем земли расчищены 5 жердей, лежащих поперек ямы и упирающихся одним концом в западную стенку, а противоположным, восточным, доходивших до срединной части ямы. Между ними найдены два колчанных крюка. В западной стенке отмечались концы жердей, ниже которых проявился подбой.

Скелет лежал на глубине 2,20-2,30 м, черепом ориентирован на северо-северо-восток, лицевой частью повернут вправо на запад. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая рука полусогнута в локте и заведена на низ живота таким образом, что кисть оказалась на тазовых костях, ноги полусогнуты в коленях и сложены на правую сторону. В районе тазовых костей слева находилось бронзовое зеркало в войлочном мешочке, от которого сохранился толстый слой темно-коричневого тлена. Ниже под зеркалом лежал бронзовый нож в кожаном футляре, концом лезвия направлен вниз и острой частью наружу. Между ребрами и локтевым сгибом правой руки расчищена золотая бляшка с изображением хищника. Бляшка лежала лицевой частью вниз, рядом на ребрах найдены три пастовые (?) бусины. У черепа слева возле сосцевидного отростка лежала золотая серьга, а на шее под челюстью – две золотые пуговицевидные подвески с петелькой и с ними

бирюзовый бисер. Одна подвеска лежала на правой стороне нижней челюсти скелета. На шейно-грудных позвонках и на уровне левой ключицы найдены пастовые (?) бусины. После снятия черепа обнаружена вторая серьга с правой стороны. Всего найдено 18 пастовых (?) бус в области шеи и 12 бирюзовых бусин, являющихся, видимо, заполнением золотых пуговиц-подвесок. Под скелетом отмечена тонкая прослойка коричневого цвета с еще более тонкой (в виде налета) в ней прослойкой беловатого цвета, более всего похожая на остатки березовой коры (бересты). Эта подстилка с западной стороны на 10-15 см от скелета продолжалась к стенке (рис. 36).

Ограда №24. Расположена почти вплотную к ограде 25 с северо-западной стороны. Ограда овально-вытянутой формы по линии север-юг диаметром 1,8х2 м из камней колото-гранита средних размеров, уложенных по периметру плашмя в один ряд.

Внутри ограды со смещением к западной ее стороне выявлена выкладка, вытянутая по длинной оси юго-запад – северо-восток, камни которой находились на уровне основания ограды. Углубление под выкладкой выявило входную яму в подбой, заполненную камнями разных размеров. Подбой узкий, до 20 см шириной в срединной части и сужающейся на концах, был вытянут по длинной оси северо-восток – юго-запад. Высота подбоя в срединной части составила 26 см; на северо-восточном конце – 21 см, на юго-западном – 15 см. Выявлены разрозненные кости детского скелета. Сопроводительного инвентаря обнаружено не было из-за полного ограбления захоронения (рис. 35, 2-3).

Ограда №25 - округлой формы диаметром 2,5 м, сооружена из камней разных размеров и формы: несколько кубообразных камней, между которыми уложены плоские и уплощенные камни.

Внутри ограды по обе стороны бровки располагалось скопление камней, которое спускалось на глубину 0,9 м сплошной полосой шириной 1,00 м, в котором основное заполнение составляли небольшие камни. На глубине 1,60 м были оконтурены стенки входной ямы. Погребение потревожено грабителями, в южном углу входной ямы выявлены плитка с зашлифованной поверхностью и обработанными краями, служившая, видимо, каменной «подушкой», более крупные камни нижнего слоя, вероятно, сдвинутые из заставки подбоя.

Захоронение было совершено в подбое, устроенном с северо-западной стороны от входной ямы. Подбой имел вытянутую форму по линии северо-восток – юго-запад, скругленный и расширенный на восточном конце и слегка сужен на западном. Судя по положению *in situ* костей ног установлено, что погребенная лежала с подогнутыми на правую сторону ногами. На дне ямы прослежен тонкий слой тлена от войлока (?) темно-коричневого цвета. Скелет, судя по положению костей ног и расширению подбоя на восточном конце, лежал первоначально черепом на северо-восток, с согнутыми и положенными на бок ногами. В погребении найдена подвеска от ожерелья в виде клюва хищной птицы с просверленным отверстием (рис. 37, 1-2).

Курган с земляной насыпью расположен на южной окраине могильного поля в группе курганов с аналогичными насыпями.

В нижней части насыпи земляного кургана имеется кольцо из гранитных камней, установленных на длинную грань. В юго-западном секторе один камень перемещен наружу из общего ряда. Кольцо в юго-западном секторе составляли три камня, из них ближе к

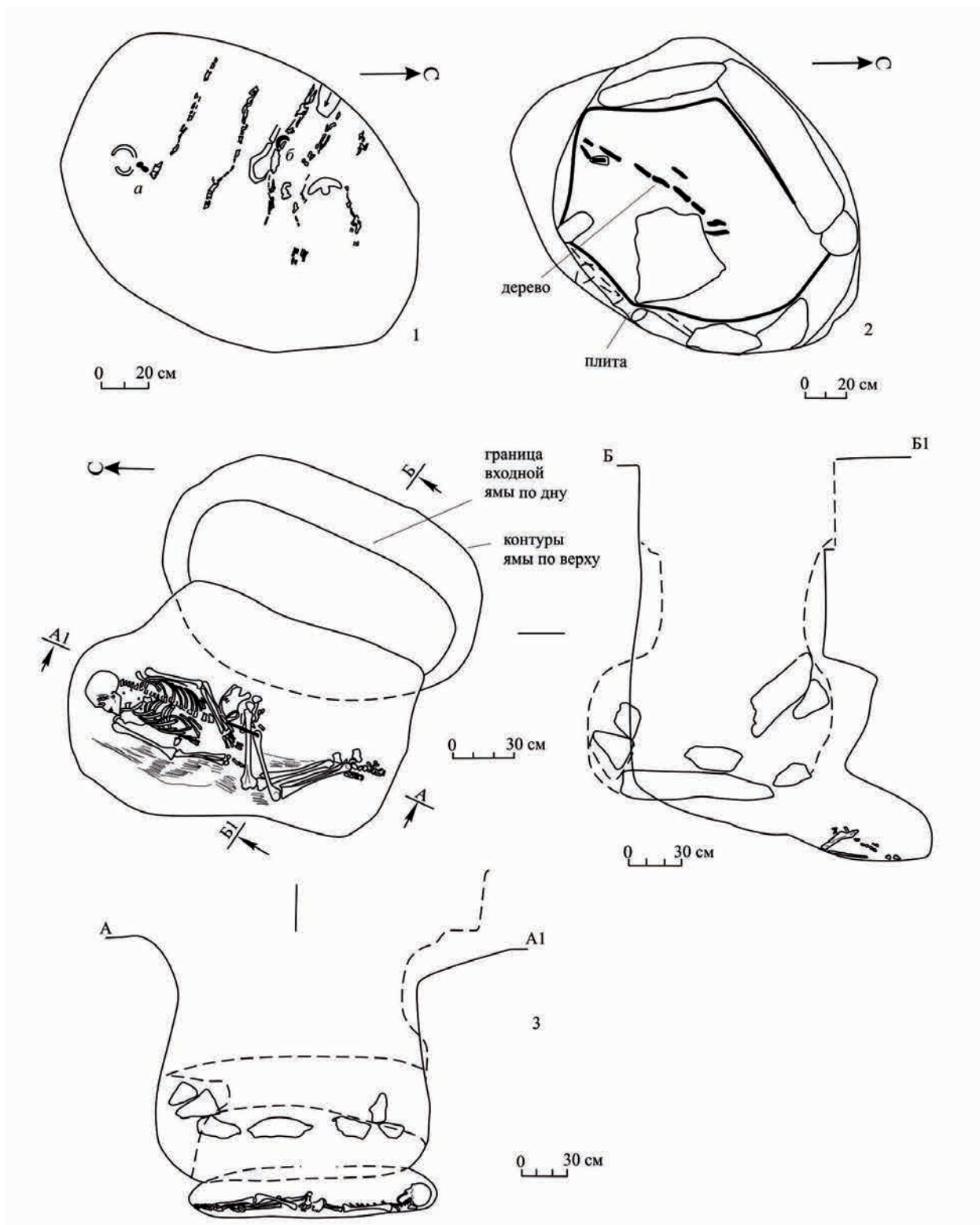

Рис. 36. Могильник Тарасу. Ограда №23. 1-2 – планы могильной ямы: а-б – бронзовые крюки.
3 – План и разрез погребения

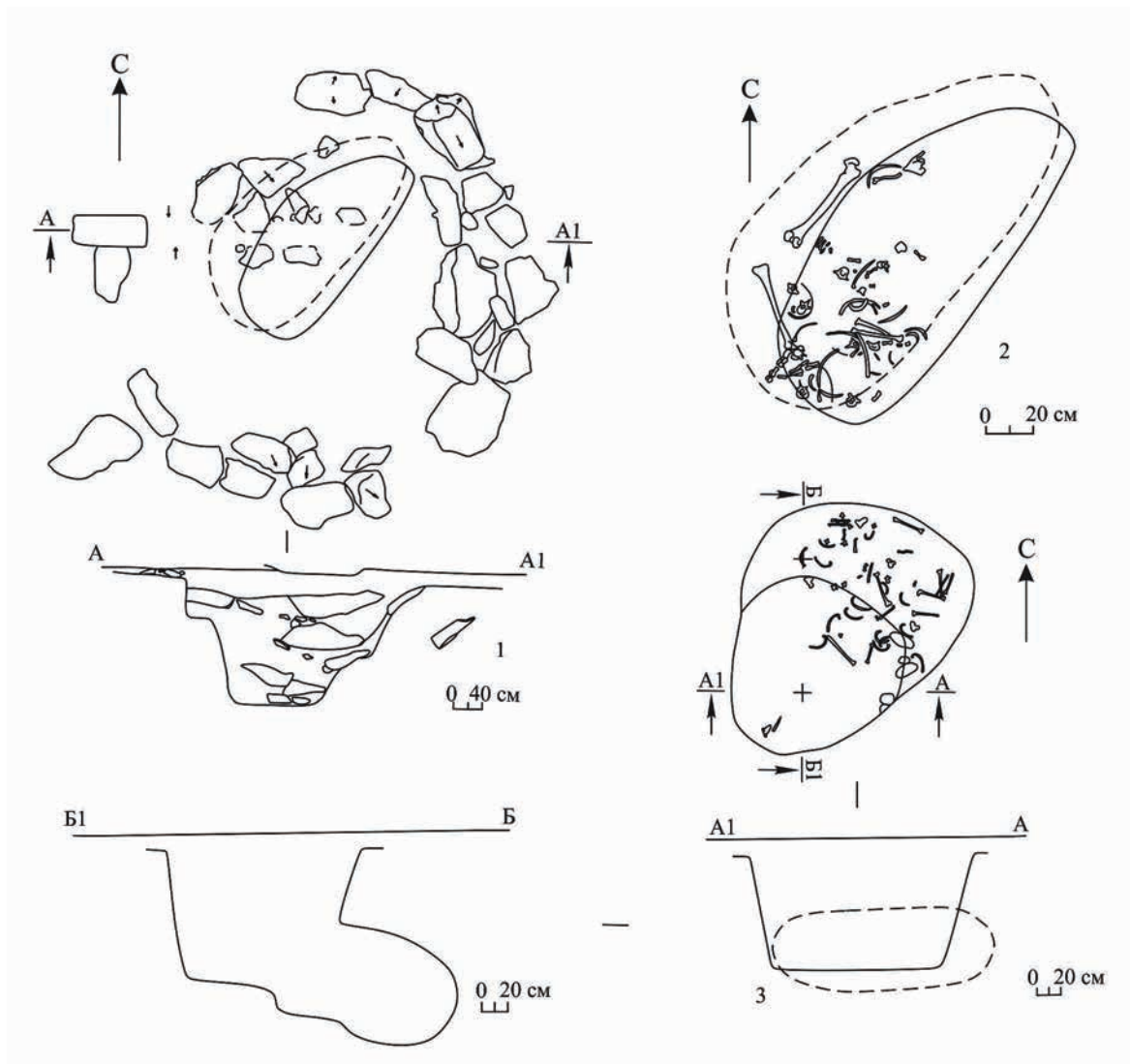

Рис. 37. Могильник Тарасу. 1-2 – Ограда №25. Планы и разрез могильной ямы.
3 – Курган с земляной насыпью. План и разрез погребения

югу установлен был массивный камень-плита длиной 80 см и толщиной 20 см, а рядом лежал плашмя плита. Промежутки между камнями и плитами заложены более мелкими камнями. С наружной стороны лежали мелкие и средних размеров плоские колотые плитки. Каменная конструкция из расположенных по периметру крупных камней и камней-плит имела внутренний диаметр 4,60 м по линии запад–восток и 4,20 м по линии север–юг.

В центре кольца расчищена надмогильная выкладка, крупные камни снаружи обложены были мелкими, которые были и между ними. Контуры ямы определялись по расположению камней, погребение оказалось потревоженным. На глубине 0,80 м появился вход в подбой с северо-западной стороны. При входе в подбой и в подбое лежали вразброс кости от двух скелетов. У северной стенки найден костяной гребень с отверстием в основании. Входная яма глубиной около одного метра была неправильной овальной фор-

мы размером 1,20 м по линии север–юг и 1,30 м по линии запад–восток. Подбой, вытянутый по длинной оси северо-восток–юго-запад, имел скругленные стенки. Длина подбоя 1,55 м; ширина – 0,90 м; высота – 0,70 м (рис. 37, 3).

В определении хронологической позиции и культурно-исторической принадлежности исследованных погребений главную роль сыграли находки из не потревоженного грабителями женского захоронения в подбое в ограде 23. Все остальные захоронения также были совершены в подбоях. В ограде 23 проникнуть в подбой грабители не смогли. Этому помешали камни, лежащие в большом количестве на глубине около полутора метра, а главное – массивная плита-монолит под ними и узкий вход-щель в подбой. Особый интерес представляет погребение в этой могиле, которое сопровождал небольшо-

численный, но яркий инвентарь: бронзовые колчаные крюки, дисковидное зеркало и нож в кожаном футляре; золотые серьги с навесками усеченно-конической формы, украшенные ложной зернью; золотые полые пуговицы с петлей на обороте; бирюзовые и пастовые бусы; бляшка в виде кошачьего хищника, выполненная в невысоком рельефе. Изображение животного с большой, опущенной вниз, головой на короткой толстой шее передано характерными чертами: каплевидной формы ухом, глазом с выпуклым зрачком и округлым ободком; морда трактована в виде тупого клюва с выделенной ротовой щелью. Эта последняя деталь позволяет отнести хищника к разряду существ с синкретическими чертами. Он изображен в позе «припавшего к земле» животного, с подогнутыми ногами и длинными, загнутыми назад, когтями. Длинный хвост, свисающий вниз, имеет спирально закрученный кончик. Иконографическая схема «припавшего к земле» хищника сложилась в центрально-азиатском регионе в раннескифское время. Такие элементы, как детальная проработка образа, выраженная когтистость лап, отсутствие концентрических кругов на бедре и лопатке, S-видных знаков предполагает датировку предмета не ранее V в. до н.э. [Богданов, 2006, с. 57-58]. В тоже время крупный округлый глаз – раннескифский признак (рис. 39, 8).

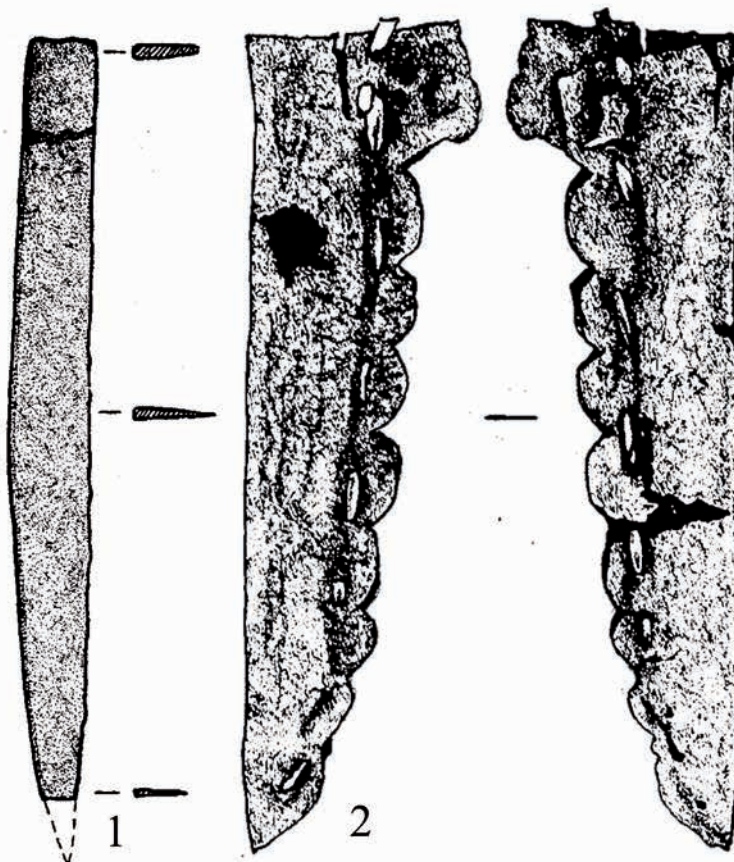

Рис. 38. Могильник Тарасы I. Ограда №23. 1 – Нож. 2 – Ножны. 1 – Бронза. 2 – Кожя

Общим для четырех оград и кургана является устройство подбоя в северо-западной или западной стенах входной ямы на всю ее длину. Входная яма у всех разной глубины и колеблется от 1,20 до 0,23 м. Подбои вытянутой формы по длинной оси северо-восток – юго-запад, были со скругленными углами. Положение погребенных достоверно зафик-

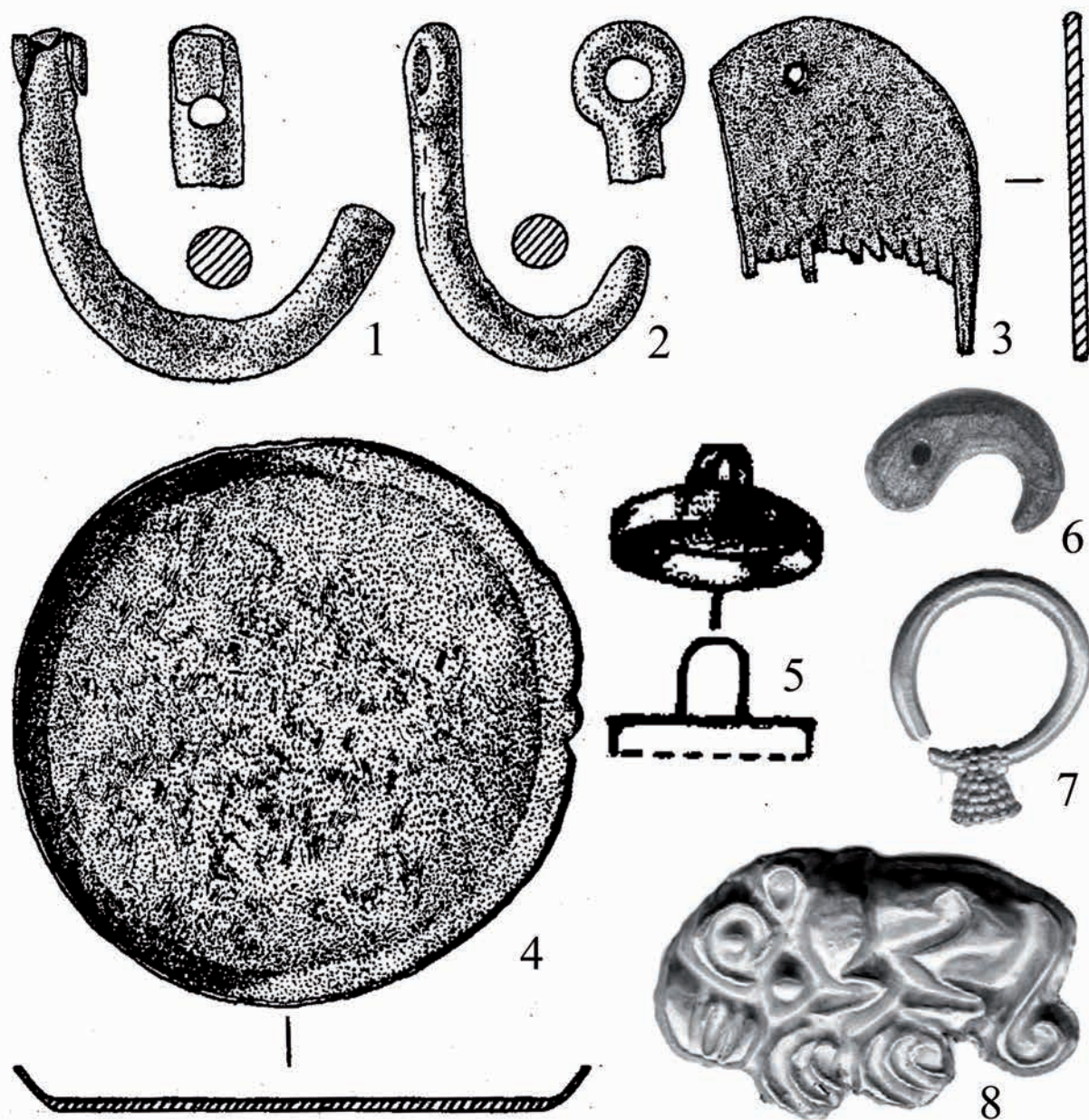

Рис. 39. Могильник Тарасу I. Ограда №23. 1, 2 – Крюки колчанные. 3 – Гребень. 4 – Зеркало. 5 – Пуговица. 6 – Подвеска в виде стилизованной головы хищной птицы или клыка кабана. 7 – Серьга. 8 – Бляшка в виде изображения кошачьего хищника. 3 – Кость. 1, 2, 4, 6 – Бронза. 5, 7, 8 – Золото

сировано лишь в ограде 23 – на правом боку, ноги согнуты в коленях, черепом на северо-восток, лицевой частью на запад. Эта же поза погребенной предполагается и в ограде 25, судя по положению ног.

Положение погребенных и ориентировка их аналогична пазырыкскому обряду погребения. Необычно лишь сочетание пазырыкского обряда захоронения с внутримогильной конструкцией в виде подбоя. Для пазырыкской культуры характерны срубы. На могильнике Тарасу I отсутствуют в могилах и сопроводительные захоронения коней, нет мясной пищи с погребенными и глиняной посуды. На могильнике Уландрык в III в. до н.э. также наблюдаются отступления от типично пазырыкского обряда погребения – без сопроводительного захоронения коней [Кубарев, 1987, с. 133]. В могильнике Усть-Кожалю также зафиксировано необычное для Горного Алтая сочетание внутримогильной конструкции – каменного ящика – с обрядом пазырыкской культуры – на правом боку, с согнутыми в коленях ногами, черепом на восток. В целом дата погребения определена IV-III вв. до н.э. [Кочеев, 1991, с. 91]. На основании набора погребального инвентаря предполагается принадлежность всех погребенных к женскому полу – серьги, бусы, гребень, зеркало. В погребениях оград 23 и 25 зафиксировано наличие камней-подушек. В разрушенном грабителями погребении в ограде 25 «подушка» найдена в заполнении, а в ограде 23 лежала под черепом. Это были небольшие прямоугольной формы плитки размером около 8-10x15 см. Одна из них была немного обработана (зашлифована).

Кратко атрибутируем предметный комплекс. Нож бронзовый, пластинчатый, с невыделенной рукоятью, сечение клинка – треугольное, лежал в кожаных ножнах (рис. 38). Подобные ножи известны у кочевников Центральной Азии с VIII-VI вв. до н.э. и продолжали бытовать вплоть до III-II вв. до н.э. Материалы последних лет исследований, таких как мог. Копто, показывают, что ножи с невыделенной рукоятью бытовали с конца VII – VI вв. до н.э. Отличие состоит в наличии отверстия на конце рукояти. Этот тип ножей был также широко распространен (Чугунов, 2005, с. 19). Такой тип ножей отмечен в составе сопроводительного комплекса Аржан-2 [тип 5 – Чугунов, 2005, рис. 33, 18]. В Горном Алтае ножи сходных типов также известны с раннескифского времени. Выделены типы: Тип XII – без навершия, без отверстия. Рукоять намечена с закругленным пластинчатым окончанием (мог. Элекмонар-II (Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 59, 3, с. 78). Тип XIV – у ножа отсутствует навершие, ручка расширяется кверху, имеет закругленное пластинчатое окончание, без отверстия, обух клинка близок к прямой форме, имеет дугообразный скос (мог. Мельничная гора) [Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 60, 2, с. 79]. VII-VI вв. до н.э.

В Горном Алтае железные и бронзовые ножи с невыделенной рукоятью без навершия были наиболее распространены в V-III вв. до н.э. В Верхнем Приобье такие ножи известны в VI-V вв. до н.э. [Кубарев, 1987, с. 52-53, рис. 19, 2; Могильников, 1997, рис. 50, 11, 12; с. 66-67, рис. 50, 12; Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 350, рис. 43, 9, 10]. Аналогии широко известны в памятниках VII – VI-V вв. до н.э. В материалах семисартского этапа бийкенской культуры (2-я половина VIII – 1-я половина VII в. до н.э.) среди орудий труда присутствуют пластинчатые ножи прямые и с намеченной рукоятью (Тишкин, 2011, рис. 6. 4; 3, 7; с. 279). с

Подобные - бронзовые ножи с маленьким круглым или овальным отверстием в невыделенной рукояти были широко распространены в Минусинской котловине, Туве, на Алтае (V-III вв. до н.э.) [Могильников, 1997, с. 67].

Так, в погребениях мог. Рогозиха (каменная культура) ножи зафиксированы в 24 захоронениях, в мужских, женских и детских захоронениях. Как правило, располагались у жертвенной пищи в головах умерших. За единичным исключением, ножи пластинчатые с прямой спинкой, без выделенной рукояти и навершия. Но при типологическом сходстве они отличаются материалом – здесь все ножи железные. Датировка: V-III вв. до н.э. [Шульга, 2005, с. 22-23].

Широкое распространение территориальное и хронологическое подтверждает присутствие ножа в мог. Тасмола-II, курган 2. В погребении женщины найден бронзовый однолезвийный нож на деревянной фигурно вырезанной основе. Нож выявлен в мужском погребении мог. Карамурун-I, курган 5а. [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 352, 357, 389; рис. 43, 9, 10]) Ножи без выделенной рукояти представляют второй тип этой категории предметов. Памятники хронологически отнесены ко «второму этапу» тасмолинской культуры.

Зеркало с плоским круглым диском и приостренным бортиком (рис. 39, 4). По классификации К.Ф. Смирнова это V тип зеркал. Зеркало идентичной тарасускому формы найдено в Яковлевском кургане в Башкирии, дата которого V – начало IV вв. до н.э. [Федоров, Васильев, 1998, с. 75]. В уландрькской серии зеркал (пазырыкская культура) выделен 8-й тип зеркал в виде диска без ручек и петель. По В.Д. Кубареву этот тип зеркал включает развитие «медалевидных» зеркал и датируется II-I вв. до н.э. [Кубарев, 1987, с. 91]. Зеркало из Тарасу 1 отличается от них наличием бортика, что сближает его с архаичными зеркалами с крупным плоским диском и высоким бортиком, с петлей по середине.

Серьги - золотые с круглым в сечении кольцом характерной формы, с навесками усечено-конической формы, с псевдозерну (рис. 39, 7). Имеют широкий круг аналогий. Серьги с коническими подвесками изображались на оленных камнях. Обзор сережек произведен К.В. Чугуновым. На территории Тувы известно 18 экземпляров серег с конусом из 7 комплексов, с Алтая и сопредельных ему территорий происходит еще 9 украшений. За пределами Саяно-Алтая найдено три экземпляра. Такое количественное соотношение позволило К.В. Чугунову высказать предположение о том, что серьги с припаянным конусом характерны для алды-бельской культуры Тувы и племен Алтая раннескифского времени. Исследователи связывают их распространение с продвижением носителей традиции с востока на запад или с расселением на территории Горного Алтая носителей алды-бельской культуры Тувы.

На территории от Приаралья до Тувы прослеживается линия типологического развития специфической формы серег, восходящей к андроновскому прототипу. Центр формирования традиции раннескифского времени - Приаралье. Серьга из кургана 22 мог. Уйгарак с имитацией зерни, возможно, демонстрирует обратное направление трансляции традиций – из Саяно-Алтая. Датировка этого комплекса, по заключению К.В. Чугунова, не позже начала VI, конец VII в. до н.э. [Чугунов, 2003].

Дополняют эту серию серьги из Бесобы и Покровки 2, известны находки в Центральном Казахстане, на Южном Урале и на Нижней Волге, в Синьцзяне. Комплексы с серьгами с коническим колпачком из Саяно-Алтая датируются раннескифским временем. Исследователи предполагают, что южно-уральские серьги должны рассматриваться лишь как дериваты саяно-алтайских. Южно-уральские серьги найдены в более поздних

комплексах (конец VI — V в. до н.э.) и они отличаются морфологически и по технологии изготовления. Не исключено, что серьги с коническими и биконическими декоративными элементами возникли конвергентно в разных районах Азии (Передняя Азия и Центральная Азия). В Центральной Азии серьги появились примерно в VIII в. до н.э., а к VII в. они получили широкое распространение в Туве и на Саяно-Алтае, откуда проникли в более западные регионы, включая Южный Урал, вплоть до Нижнего Поволжья [Федоров, 2015].

Для раннесакского периода (VIII – первая половина VI вв. до н.э.) Центрального Казахстана серьги с припаянным конусом и зернью известны в количестве пяти экз. (курган №2 мог. Жиланды, Карашоки, Бектауата, Бакыбулак, Талды-2).

По мнению А.З. Бейсенова, не следует исключать возможности появления этого типа серег на Саяно-Алтае в результате контактов с саками Казахстана, на западе – как результат коммуникаций раннесарматского («савроматского») населения запада Казахстана с сакским миром. Центрально-казахстанские памятники с серьгами бытовали в период VIII – середины VI вв. до н.э. [Бейсенов, 2014, с. 121, 124].

Наиболее близкие по форме серьги происходят из погребений саглынской культуры (мог. Хемчик-Бом и Куйлуг-Хем I в Тыве). Несколько отличные в деталях имеются серьги в сибирской коллекции Витзена и в Алтайском кургане у с. Быстрианского. Более древний тип такой формы, но более крупных размеров найден в савроматских погребениях и в мог. Жиланды на р. Нуре VII вв. до н.э. [Кадырбаев, 1974, с. 44-45, рис. 12].

Бусы-подвески каменные и бирюзовые, уплощенные со скругленными углами квадратной формы, крупные полированные (2) и каменная подвеска темная клювовидной формы (1). Входили в состав ожерелий. Аналогии имеются в погребениях саглынской культуры мог. Алды-Бель I (V-IV вв. до н.э.) (Грач, с. 221, 222, рис. 83, 3; 84, 4).

Гребень костяной с обломанными зубьями, с полукруглым основанием и отверстием в нем (рис. 39, . В пазырыкских погребениях гребни редко встречаются [Кубарев, 1987, с. 93, рис. 35, 1, 3].

Крюки бронзовые - применялись для ношения колчанов на поясе. На Алтае известно применение их вместо поясных пряжек (рис. 39, 1, 2).

Колчаные крюки с кольцом отмечены в составе сопроводительного комплекса раннепазырыкского времени [Шульга, 2015, рис. 13; Кубарев, Шульга, 2007, с. 107]. Крюки с отверстием, без кольца зафиксированы в памятниках Верхнего Приобья VI - начала V в. до н.э. [Кунгуров, 1999] и имеют широкое распространение.

В целом, дата захоронений может быть определена предварительно раннепазырыкским временем.

З.Самашев приводит абсолютные даты, полученные в лаборатории ИИМК РАН, где курган Тарасу определен в пределах 788-528 г. до н.э., что не противоречит нашему предположению [Самашев, 2011, с. 198].

Исследования в Шиликтинской долине были продолжены в 2003 г. экспедицией КазНУ им. аль-Фараби под руководством А.Т. Толеубаева. Курган №1 (Байгетобе) имел значительные размеры – сохранившаяся высота 7,9 м, диаметр - 99х97,4 м. На этом объекте также был сооружен саркофаг из бревен с камнем в виде усеченной пирамиды, на платформе из битой глины и дерна. С восточной стороны располагался дромос, перекрытый деревом. С юго-восточной стороны был выявлен еще один узкий ход. Дромос с восточной

стороны был обнаружен также в курганах №1 группы Шиликты 2, №36 группы Шиликты 1. В кургане Байгетобе обнаружена хорошо обработанная каменная стела высотой 2,8 м. В процессе раскопок в кургане были найдены 15 фрагментов расписных планок с изображением лани с использованием красок красного, коричневого, желтого зеленоватого цветов. Несмотря на ограбление, здесь было выявлено 4303 золотых изделия. Особенно выделяются 153 бляшки, на которых помещена сложная композиция, основу которой 153 бляхи в виде двух протом горного козла с птицей, 36 блях в виде хищной птицы, 39 блях в виде волчонка (медвежонка), одна бляха в виде изображения архара в невысоком рельефе, одна пуговица–бляха в виде пятиконечной звезды и др. (цветная вклейка, фото 2, 3)

Курган №1 группы Шиликты-2 также представлял собой грандиозное сооружение диаметром 77x71 м, высота - более 6 м. Курган почти полностью был построен из влажного дерна и битой глины. Исследования в долине продолжаются [Самашев, Толеубаев, Джумабекова, 2004, с. 140-156].

На основании искусствоведческого анализа изображений таутеке в памятниках раннескифского времени Ю. Полидовичем разработана хронология развития образа. Так, исследователь пришел к выводу о том, что изображения из кургана Байгетобе представляют наиболее позднюю группу в серии памятников. Этапы существования образа таутеке в раннесакский период выстроены следующим образом: Тамды (Памирская I)/10, Уйгарак/66 – Биже – Байгетобе – Тасмола V/2, Ерзовка. Комплекс кург. 10 мог-ка Тамды (Памирская I) датируется концом VIII – началом VII вв. до н.э., а курган Аржан 2, с которого хронологически соотносится Байгетобе, – в пределах середины – второй половины VII в. до н.э./середины VII в. до н.э. [Полидович, 2011].

Результаты анализа состава изделий из Шиликты и Тарасу показали, что изученные предметы все сделаны из высокопробного золота. Бляшки в виде рыбы, горного козла и грифона из кургана 7 могильника Шиликты показали содержание (% мас.): Au - 93,2-95,1; Ag - 4,0-5,8; Sn - 0,5-0,6; Fe - 0-0,3. Бляшка в виде архара из кургана 1 могильника Шиликты 2: (% мас.): Au - 94,5; Ag - 5,5.

Из ограды 23 могильника Тарасу исследована бляшка в виде кошачьего хищника, содержащая (% мас.): Au - 89,2; Ag - 9,2; Cu - 1,1; Sn - 0,4; Fe - 0,1. Проба золота средняя, близкая к высокой. Золото могильников Шиликты и Тарасу могло поступать из рудных месторождений Алтая [Таиров, Бейсенов, Зайков, Зайкова, Блинов, 2015, с. 325],

Интерес в плане реконструкций процесса формирования раннескифских культур Алтая вызывает могильник Кырыкунгир. Он расположен на стыке Алтая и Восточной Сарыарки, в Абайском районе Восточно-Казахстанской области. Объект №25 представляет ровную кладку из камней прямоугольной в плане формы, внешняя сторона камней объекта была тщательно обработана и выровнена. По четырем углам установлены вертикально вкопанные каменные глыбы, с гранеными углами по внешней конструкции. В могильной яме выявлен каменный ящик. Курган разграблен.

Под насыпью кургана №15 в северной стенке ямы был обнаружен подбор с костяком, ориентированным головой на запад. Из находок можно назвать золотую пластину, фрагмент бронзового украшения и серьга из бронзы и золотой пластины в полтора оборота, а также обработанные астрагалы барана. Найдены также бусины из бронзы, костей и бирюзы, бляшка в виде профильного изображения кошачьего хищника, бронзовое зеркало

дисковидное с петлей, золотая серьга с подвеской в виде усеченного конуса [Умиткалиев, Айтбаев, Адельчанов, 2016]. Погребальная конструкция и предметный комплекс свидетельствуют о раннескифском времени сооружения курганов Кырыунгира. Так, изображение кошачьего хищника находит параллели из курганов Тасмолы (Талды-2), Аржана-2.

Несомненно, курганы Кырыунгир являются памятниками раннесакского времени. К.В. Чугунов связывает появление некрополей типа Шиликты с перемещениями носителей бегазы-дандыбаевской культуры. Перемещение группы населения из Казахстана на Средний Енисей, возможно, шло через северные отроги Алтая, Салаирский кряж и Кузнецкий Алатау. В связи с этим, К.В. Чугунов упоминает памятник, обследованный А.В. Адриановым во время его поездки в Семипалатинскую область. Следует отметить, что памятник Кырыунгир также сочетает черты монументальных сооружений бегазы-дандыбаевской культуры, курганов маймерской культуры и курганов Шиликты [Чугунов, 2015, с. 474].

Среди обнаруженных на Шиликты предметов (цв. вклейка, фото 2, 3) были остатки богато украшенного колчана со стрелами – шесть золотых нашивок в виде оленей, восемь бронзовых наконечников стрел, украшенных золотыми трубочками, три колокольчика и мелкие бисерины. Наиболее важной из находок стали золотые бляшки в виде безрогих оленей с согнутыми ногами, глаза которых были украшены вставками из бирюзы. По стилистике изображения животных близки найденным в 1965 г. при исследовании Чиликтинских курганов. Все украшения сделаны из золота 920-й пробы. Типы наконечников стрел позволяют датировать курган VIII-VII вв. до н.э. Потревоженный скелет человека принадлежал мужчине возрастом 35-40 лет, ростом 179 см. В трубчатых костях и позвонках были обнаружены просверлённые отверстия. По мнению специалистов, они являются следами бальзамирования тела.

В 1998 г. исследования на могильнике Берел проводились совместной Казахско-Французской археологической экспедицией, в последующем и до настоящего времени систематические и планомерные исследования ведутся Восточно-Казахстанской археологической экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством З. Самашева. За 20 лет изысканий получен уникальный материал. Исследован второй по величине после Большого Берельского кургана объект, а также погребения, которые можно отнести к лицам более низкого социального положения, в том числе рядовых [Самашев, 2011]. Уникальные предметы их курганов с мерзлотой позволили провести междисциплинарные исследования с участием антропологов, палеоботаников, археозоологов, геокриологов и др. Находки из органики (седла, плакированные золотом и оловом деревянные украшения конского снаряжения, детали одежды) отреставрированы в лаборатории «Остров Крым», разработавшей и применившей передовые технологии.

Берел расположен на административной территории Катонкарагайского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан, на стыке границ с Российской Федерацией, КНР и Монголии, в 7 км к юго-западу от одноименного села, на третьей террасе.

В 1998 году на могильнике Берел были начаты раскопки двух курганов — №11 и №18, нескольких объектов на Тарасу в 10 км к западу. В 1999 году здесь уже проводились комплексные исследования с привлечением геокриологов, геологов, геоморфологов, почво-

ведов, палинологов, ботаников, зоологов, архитекторов, медиков, генетиков, антропологов, реставраторов, этнографов и других специалистов. В полевых исследованиях 1998–1999 гг. принимали участие ученые из России, Франции, Италии, Бельгии и других стран.

В рамках проведения комплексных исследований изучались линзы мерзлоты на абсолютных высотах около 1100 м и условия образования подкурганной мерзлоты. Известными учеными-геокриологами А.П. Горбуновым и Э.В. Северским выявлено, что линза мерзлоты в начале июня 1999 г. под центральной частью каменной наброски кургана находилась на глубинах от 3-3,5 м до 5,5-6 м от дневной поверхности, минимальная температура в ней была зафиксирована 0,4° С. Диаметр линзы около 10 м. Площадь могильника составляет 4000х1000 м². По степени интенсивности скоплений курганы условно разделили на четыре группы: первая и четвертая группы образуют правильные длинные цепочки курганов, вытянутые по направлению ССЗ–ЮЮВ; остальные состоят из нескольких малых гряд или бессистемно расположенных объектов. Также первые три группы курганов включают большие и малые объекты, а четвертая, расположенная на западном удаленном краю могильного поля, состоит только из малых объектов, которые содержали погребения с конем. Отталкиваясь от этой системы, З. Самашев поддерживает предположение П.И. Шульги, согласно которому ориентация курганных цепочек определяет ориентацию погребенных по принципу перпендикулярности.

З. Самашев допускает мысль, что каждая гряда или группа курганов маркирует династийную принадлежность погребенных к различным родо-племенным (семейно-клановым) подразделениям. На могильнике Берел визуально по параметрам и сложности конструкции и архитектурного облика З. Самашев выделяет курганы-доминанты, которые определяются также по набору престижных вещей, что свидетельствует об иерархической структурированности самой элиты общества древних номадов.

В группу курганов первой группы входит второй по величине объект могильника – курган №11 и уникальный по находкам конского убранства из рога курган №36. В основном курганы группы имеют овальную в плане форму.

Курган №11. Диаметр: 33,5х22,8 м; зафиксированная на момент начала раскопок высота - немногим более 2 м. В основе кургана, как и остальных объектов, была многокомпонентная крепида, сложенная из массивных вертикальных каменных блоков по периметру. Снаружи она была засыпана мелкими камнями, галечником, а также заполнение между двумя рядами плит и блоков состояло из меньших по размеру камней. В основании курганов были уложены с напуском друг на друга массивные плиты и блоки по направлению от центра кургана, по принципу «чешуи», зазоры между которыми заполнены галечником и щебнем. Целью сооружения такой платформы явилось, видимо, препятствие расползанию кургана.

Следующий слой образован довольно упорядоченно уложенными камнями среднего размера – это наиболее мощный по толщине слой. Сверху все сооружение было покрыто так называемым панцирем – мелкими колотыми камнями, щебнем, галечником.

Очевидно, что последний слой выполнял функцию основного изолирующего компонента. В целом, вся наземная часть способствовала образованию линзы подкурганной мерзлоты.

С западной и восточной сторон, у края кургана выявлены два рва, заполненные мелкими камнями и каменная же дорожка. Вокруг кургана выявлены скопления мелких плиток, лежавших на уровне древней дневной поверхности.

Могильная яма, расположенная в центре, имела размеры в верхней части 4,9x4,0 м, глубина – 5,0 м. Традиционно для памятников пазырыкской культуры на дне ямы находился трехвенцовый листовенничный сруб, перекрытый шестью плотно уложенными полубрусьями и полотнищами бересты и кустарником курильского чая *Dasiphora fruticosa*. Выявленные фрагменты органики предполагают войлочное покрывало. Размеры сруба составили 3,65x2,15x1,40 м.

Вдоль южной стенки сруба, на возвышении была установлена колода, выдолбленная из цельного ствола листовенницы, с парой проушин на торцах, длиной 2,73 м. На углах крышки были установлены четыре бронзовые, покрытые золотой фольгой скульптуры хищной птицы, возможно, орлиного грифона. Погребенные – мужчина и женщина, ориентированные головами на восток. Мужчина, голова которого покоилась на деревянной подушке, имел прическу или сложный парик, остатки одежды. Зафиксирован пучок волос на затылке длиной около 17 см. «На его основе двумя перекрученными прядями образован жгут-косичка, перевитый «ниточками» из конского волоса». Носил бороду и усы. Сопогребенной женщине ориентировочно 50–60 лет.

В качестве сопроводительного предметного комплекса также выявлены характерные атрибуты: фрагменты керамического кувшина, двух деревянных столиков на ножках. За северной стенкой сруба было выявлено захоронение 13 лошадей, уложенных в два яруса: семь животных в нижнем ярусе и шесть – в верхнем, ориентированы головами на ССВ. Ярусы с лошадьми были отделены друг от друга двумя чередующимися слоями бересты и курильского чая между ними, настил из берестяных полотнищ на крыше сруба распространялся и на конский отсек. В черепах животных зафиксированы отверстия от удара чекана, с помощью которого они были умерщвлены. Лошади были взнузданы и оседланы, головы некоторых из них украшены масками, увенчанными деревянными моделями рогов горных козлов в натуральную величину.

Удила – железные, кольчатые. Конское снаряжение декорировалось изображениями животных и птиц, в том числе фантастических, покрытых золотой фольгой и оловом. Изображения животных выполнено в технике барельефа и скульптуры, в том числе составные (голова, рога, уши, крылья). Седла представляют удивительные образцы древнекочевнических мягких седел, украшенных образцами пазырыкского искусства. Останки лошадей с шерстью, мягкими тканями и содержимым желудков позволили ученым произвести разноплановые исследования [Самашев, 2011].

Один из крупных и значимых объектов Береля - курган №10 (диаметр 32x25 м, высота 2 м). Конструкция кургана, внутреннее устройство сходны с №11 и другими пазырыкскими погребениями. Отличает количество сопогребенных лошадей – 10 особей. Лошади, убитые ударом чекана, были уложены в три ряда на живот с подогнутыми ногами, головой на северо-восток. Все лошади взнузданы и оседланы. Голова первой лошади загибалась за северный угол сруба, была увенчана рогами горного козла из дерева в натуральную величину.

В кургане выявлены трое седельных покрытий лошадей с аппликацией. Яркие образцы представляют сюжетные композиции с шествием восьми сфинксов; восьми орлиных грифонов; сценой терзания тигрогрифоном оленя. Комплект снаряжения двух лошадей дополняли щиты, подвешенные на боку, составленные из округлых в сечении палочек. Основные мотивы декора конского снаряжения – стилизованные орлиные грифоны, изображения архаров, имитация кабаньих клыков из дерева, рыбы и стилизованный орнамент. Ценными представляются как сами седла – древнейшие на территории Казахстана, так и декор седельного покрытия, выполненного при помощи вышивки и аппликации (цветная вклейка, фото 7).

От костюма человека сохранились древки стрел, костяные наконечники стрел, пряжка, выпуклые бляхи-пуговицы с резным изображением свернувшегося в кольцо архара; прямоугольная плакетка с изображением оленя, задняя часть туловища которого вывернута.

Выявлена также деревянная трехмерная композиция копытного животного, на лопатке и бедре которого вырезаны изображения головы архара; двухмерная композиция лежащего копытного животного и другие украшения.

В ряду курганов берельского могильника выделяется курган №9, несущий черты погребения человека, связанного с ритуальными функциями. Погребальная камера представляла собой прямоугольную яму глубиной 3,5 м, перекрытую бревнами. Выделялась северо-западная половина ямы с захоронением лошадей – она была перекрыта несколькими слоями камней и плит, в ногах животных стояла стела. В северо-восточном углу ямы стояла лестница, прислоненная к стенке ямы. Она выполнена из ствола дерева с короткими обрубками ветвей. Этот атрибут не является особой редкостью, подобные атрибуты встречены в курганах №4 и 5 Пазырыка, кургана №1 Туэқты.

Традиционное сопроводительное захоронение пяти взнузданных и оседланных лошадей было частично перекрыто отдельными полотнами бересты. В срубе были захоронены мужчина и женщина. Первоначально захоронение людей было совершено в срубе. Останки мужчины были выявлены за стенкой сруба – он, вероятно, был выброшен туда в результате ограбления. Потревоженные останки молодой женщины (?) выявлены рядом с колодой в срубе, первоначально, возможно, накрытой войлоком и тканью. На костях конечностей женщины зафиксированы отверстия, говорящие о манипуляциях с телом. Из сопроводительного вещевого комплекса сохранились золотые серьги, декорированные зернью, зеркало в чехле на поясе, терочник, костяной наконечник стрелы, а также бронзовый миниатюрный сосуд-курильница с восемью окатанными камнями и семенами кориандра внутри (цветная вклейка, фото 4), бронзовый и костяные наконечники стрел, деревянные фигурки сфинксов, лакированные желтой фольгой, пуговицы, нашивки от одежды [Самашев, 2011].

В ряду курганов Береля выделяется объект №36. Один из системообразующих элементов конструкции – вертикально установленная плита длиной 1,20 м, соединявшая перекрытие ямы и надмогильное перекрытие из мощных блоков массой 200-500 кг. Погребальное сооружение – ящик из вертикально установленных плит, с внешней стороны укрепленных кладкой из горизонтально уложенных плиток. Человеческое захоронение было разграблено, сопровождающий его конь оказался взнузданным и оседланным, декор

конского снаряжения состоял из 66 элементов, выполненных из рога марала, с использованием красной краски [Самашев, 2011, с. 87-88]. Украшения конского снаряжения из кургана №36, основным анималистическим образом которых является лосегрифон, - это уникальный образец искусства «звериного» стиля древних кочевников Алтая, демонстрирующий виртуозное владение техникой резьбы по рогу (цветная вклейка, фото 5, 6).

Один из последних объектов – курган №2 (27,5x28 м, высота около 0,70 м). Выявлены характерные для могильника черты. К ним относятся: каменная наземная конструкция, довольно большая погребальная камера (4,9x4,0 м, глубиной более 4 м), сруб у южной стены, колода из лиственницы у юго-восточной стенки сруба, останки человека (женщины) с отверстиями в конечностях, декор одежды из золотой фольги, из сопроводительного инвентаря можно назвать бронзовое зеркало с зооморфной ручкой в виде профильной фигуры хищного зверя в кожаном чехле на поясе, терка из светло-серого мелкозернистого гранита, зерна (кориандр?), керамические сосуды, деревянный столик с хвостовой частью коня и железный нож. За северо-западной стенкой сруба находились захоронения семи лошадей, возможно, покрытых войлочным ковром. В районе головы и передней части нескольких лошадей зафиксированы многочисленные золотые нашивки с образами фантастических полиморфных существ, петушков. Датировка традиционная для Береля – IV-III вв. до н.э. Авторы публикации справедливо отмечают схожесть с ситуацией в кургане №9, где вместе с погребенной женщиной, со следами извлечения костного мозга из трубчатых костей, были положены бронзовый сосуд-курильница с зернами кориандра и окатанными камешками. Факт сверления нижней челюсти погребенной женщины зафиксирован также в берельском кургане №16.

На основе материалов исследования Казахского Алтая авторы выделяют для середины-конца I тысячелетия до н.э. и самого начала I тыс. н.э. два культурно-хронологических горизонта: IV- III вв. до н.э. – пазырыкский (юечжи); III в. до н.э. - II в. н.э. – сармато-хуннский. Для исторического среза почти всего I тысячелетия н.э. определяются три последовательно сменяющих друг друга культурно-хронологических горизонта: II-V вв. н.э. - саяно-бурасский-жужанский; V-VI вв. н.э. – берельский (раннетюркский); VI-VIII вв. н.э. – собственно, тюркский [Самашев З, Боковенко Н.А., Ахмадиев Ж., Чотбаев А. и др., 2016].

В последние годы были исследованы объекты вокруг кургана №1 мог. Берел, в 2017 г. – курган №5. Дата, полученная для кургана №1 мог. Берел – 363 г. до н.э., кургана №11 – 267 г. до н.э. [Слюсаренко, 2011, табл. 2]. Результаты привязки серий радиоуглеродных дат к калибровочной кривой методом wiggle-matching позволили И.Ю. Слюсаренко датировать дендрощкалу пазырыкских курганов Южного и Юго-Восточного Алтая интервалом: последняя треть IV – первая четверть III в. до н.э. В этот промежуток входит курган №11. Просчитано, что весь период сооружения 35 курганов из 15 пазырыкских могильников на обширной территории Юго-Восточного и Южного Алтая, Северо-Западной Монголии и Восточного Казахстана насчитывает 88 лет (363–275 гг. до н.э.) [Слюсаренко, 2011, с. 248].

Захоронения лошадей для памятников пазырыкской культуры – один из отличительных признаков. Анализ костных останков животных позволил П.А. Косинцеву прийти к выводу о том, что подбор лошадей для захоронения, вероятно, осуществлялся в соответ-

ствии со статусом погребенного. Породные характеристики лошадей из курганов Алтая скифо-сакского времени можно рассматривать как один из маркеров социального (или иного) статуса погребенного человека. Животных для погребения отбирали по полу (самцы), по возрасту (неестественно низкая доля молодых особей) и в ряде случаев – по размеру (отбирались породистые особи). Кроме того, отбор лошадей для использования в погребальном обряде в разных могильниках был различным [Косинцев, Самашев, 2008].

Относительно этнической принадлежности населения пазырыкской культуры высказывались несколько исследователей. В частности, С.И. Руденко и Д.С. Савинов отождествляли их с юечжами [Руденко, 1960; Савинов, 1993, с. 132], с чем в принципе согласен и З.Самашев [Самашев, 2011]. Предполагается, что ареал пазырыкской культуры при этом охватывал Саяно-Алтайской нагорье, Западную Монголию и Восточный Туркестан [Кляшторный, Савинов, 1998; Тишкин, Дашковский, 2003; 2004].

В 2016 г. Институтом археологии им. А.Х. Маргулана в рамках «Программы развития научно-исследовательских работ в сфере археологии в Восточно-Казахстанской области в 2016-2018 гг.» были осуществлены раскопки на памятнике Елеке Сазы в Тарбагатайском районе Восточно-Казахстанской области. На плато расположено семь некрополей раннего железного века и древнетюркского периода. Исследован курган №7 мог. Елелке сазы- II. Курган окольцован двойной оградой и окружен широким рвом шириной 2,5-3,5 м. Диаметр 31х33 м, высота – 2,2 м. Панцирь и дромос с восточной стороны. Погребальное сооружение – наземное, в виде подпрямоугольной конструкции из камней, ориентировано длинной осью по линии З-В. Авторы указывают на аналогии с курганами Бешшатыра, Шиликты. Особый интерес представляют золотые рифленые пронизи от наконечников стрел, бляшки в виде профильного изображения ланей, сами двухлопастные втульчатые наконечники стрел. Пронизи до настоящего времени вызвали вопрос о своем назначении, изображения оленей поразительно схожи с художественными изделиями из Шиликты и Жалаулы.

В 2013 году в Уржарском районе Восточно-Казахстанской области в нескольких метрах от автомобильной трассы был исследован курган Тасарык с женским погребением IV-III в. до н.э. в. Изучение памятника проводилось силами археологической экспедиции под руководством Б.А. Байтанаева и Т. Смагулова. В результате исследований выяснено, что примерный возраст женщины – 40-45 лет, головной убор был сделан из красного шелка, а одежда – из шерсти. Головной убор удивительно перекликается с таковым известного исыкского погребения («золотого человека»), а также из Локоть-4а [Шульга, 2003]. Птица, украшавшая головной убор женщины из Уржара, очень похожа на птицу в сцене со сфинксом на ковре из Пятого Пазырыкского кургана [Руденко, 1960, рис. 152, а, б, л].

Археологические исследования продолжаются. Удивительный край продолжает преподносить интересные находки и открытия, свидетельствующие о сложных исторических процессах, протекавших на территории Казахского Алтая в прошлом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // Известия Археологической комиссии. Вып. 62. СПб., 1916. С. 1-92.
- Акишев К.А., Акишев А.К. Саки Жетысу: социум и культура // Новости археологии. Туркестан, 1997. С. 30-37.
- Алтынбеков К. Возрожденные сокровища Казахстана: опыт научной реставрации. Алматы: Остров Крым, 2014. 360 с.: ил.
- Баркова Л.Л. Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинах их Майэмира // АСГЭ. Л., 1983. №24. С. 20-31.
- Бейсенов А.З. Серьги сакской эпохи // Вестник Томского государственного университета. История. 2014, №6 (32). С. 121-128:
- Бейсенов А.З. Центральный Казахстан в раннем железном веке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015, №7 (6/2). С. 22-31.
- Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Сб. статей, посвященный памяти К.А.Акишева. Алматы: НИЦИА Бегазы-Тасмола, 2015а. С. 11-38;
- Бейсенов А.З. Памятники раннего этапа тасмолинской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2016, №39. С. 119-126.
- Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2006. 240 с.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. по материалам Уйгарака. М.: Наука, 1973. – 160 с.
- Горбунов А.П., Самашев З.С., Северский Э.В. Вечная мерзлота – хранительница древностей. Алматы, 2000. 64 с.
- Горбунов А.П., Самашев З.С., Северский Э.В. Сокровища мерзлых курганов Казахского Алтая. Алматы, 2005. 114 с.
- Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времён до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР). Т. 2. Гл. 6. М.-Л., 1939. 531с.
- Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. Вып.18. С. 28-36.
- Грязнов М.П. История древних племён верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. №48. М.-Л., 1956. 160с.
- Грязнов М.П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА, №154. М., 1978. С. 9-18.
- Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 161-178.
- Дараган М.Н. Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовления, метрология и маркировка // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 77: Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. СПб., 2015. С. 127-170.
- Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. В поисках следов свернувшейся пантеры: к изучению памятников Майемерской степи // История и археология Семиречья: сб. статей и публикаций. Алматы, 2011. С. 22-12.
- Дзисюк Н.В. Сравнительный молекулярно-генетический анализ полиморфизма митохондриальной ДНК современных популяций казахов и древних людей из некрополя Берел Восточно-Казахстанской области: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Алматы, 2003. 28 с.
- Длужневская Г.В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЭлекСис, 2011. 296 с.
- Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005. 290 с., 173 ил.

- Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). Алматы: Институт археологии, 2012. 236 с., ил.
- Иванов С.С. Этнокультурные взаимосвязи ранних кочевников Притяньшанья и Алтая в скифо-сакскую эпоху // Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altai. 2016. 2(4.2). С. 869-885.
- История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). Алма-Ата: Наука, 1977. Т. 1. 479 с.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи. М., 1997. 187 с.
- Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на реке Нуры // В глубь веков: сб. статей. Алма-Ата, 1974. С. 25-45.
- Кашкинбаев К.А., Самашев З. Лошади древних кочевников Казахского Алтая. Алматы: «Археология», 2005. 138 с.
- Кашкинбаев К. Osteопатология берельских лошадей // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи: сб. матер. междунаро. научн. конф. Астана, 2008. С. 340–341.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Культура населения в раннескифское время. Барнаул: АГУ, 1997. Ч.1. 232 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Основные этапы изучения скифской эпохи Горного Алта // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 70-75.
- Киселев С.В. Алтай в скифское время // ВДИ. 1947, №2. С. 157-172.
- Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. М.-Л., 1951. 638 с.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Пазырыкская узда. К предистории хунно-юечжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы всероссийской научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. СПб: Культ-информ-пресс. 1998. С. 169-177.
- Косинцев П.А., Самашев З. Лошади Алтая в скифо-сакское время // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008. С. 137-140.
- Кочеев В.А. Охранная раскопки Горно-Алтайского музея в 1989 г. // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991.
- Кубарев В.Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 86-98.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 150 с.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: АГУ, 2007. 282 с.
- Кунгуров А.Л. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-1 в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 92-98.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 272 с.
- Людвикова Е.К., Самашев З.С., Дзисюк Н.В., Айтхожина Н.А. Палеогенетические исследования древнего населения пазырыкской культуры в сравнительном аспекте с современными данными // Вестник КазГУ, сер. биол. 2000. № 3. С. 83.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 435 с.
- Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII-IV вв. до н.э.). Автореферат дис... к.и.н. Л., 1985. 16 с.
- Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII-IV вв. до н.э. (от истоков до нач. 80-х гг.). СПб., 1996. 100 с.
- Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX-III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. . докт. культурологии. СПб., 2000. 56 с.
- Марсадолов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. СПб.: ГЭ, 2001. 184 с.: ил.
- Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И. Соотношение радиоуглеродных и археологических датировок для малых и средних курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 108-115.
- Марсадолов Л.С., Самашев З.С., Шер Я.А., Ермолаева А.С., Курманкулов Ж.К., Жетибаев Ж.М. Исследования в Восточном Казахстане в 1997 г. // Отчётная археологическая сессия Государственного Эрмитажа за 1997 год. Тезисы докл. СПб., 1998. С. 7–11.

- Марсадоллов Л.С., Самашев З. Изучение археологических памятников Западного Алтая. Спб., 2000.
- Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. 1972. №3. С. 76-89.
- Медведская И.Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II - первом половине I тыс. до н.э. // СА. 1980. №4. С. 23-37.
- Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 35-67.
- Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 60-107.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М., 1997. 196 с.
- Оразбаев А.М., Омаров Г.К. Некоторые итоги археологического исследования Восточного Казахстана // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия: матер. междунар. археол. конф. Алматы, 1998. С. 9-70.
- Омаров Ғ. Шығыс Қазақстанның ерте темір дәуірі. Алматы: Қазақ Университеті, 2014. 256 б.
- Оралбай Е., Кариев Е. Предварительные результаты исследований раннесакских памятников на плато Елеке Сазы в тарбагатайском районе Восточно-Казахстанской области // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур: Сборник научных статей, посвящ. памяти археолога Бекена Нурмуханбетова. Алматы, 2016. С. 161-172.
- Полидович Ю.Б. Изображения таутеке на навершиях из комплекса Биже (Жетысу) в контексте раннесакского «звериного стиля» // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Караганды, 2011. С. 123-130.
- Полосьмак Н.В. Пазырыкские аналогии в могилах Синьцзяна // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. 4. С. 337–343.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М-Л., 1960. 359 с.
- Савинов Д.Г. К выделению ранних и поздних элементов в культуре пазырыкского времени // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975. С. 49-52.
- Савинов Д.Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучение культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 93-96.
- Савинов Д.Г. К изучению этнополитической истории народов Южной Сибири в скифскую эпоху // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 4. СПб., 1993. С. 128-135.
- Савинов Д.Г. Тува раннескифского времени «на перекрестке» культурных традиций (алды-бельская культура) // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит средневековье). СПб., 1994. С. 76-92.
- Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез // СПб.: СПбГУ, 2002. 204 с.
- Самашев З. Берел. Алматы: «Таймас». 2011. 236 с.
- Самашев З., Васютин А.С., Ермолаева А.С. и др. Отчет об археологических исследованиях на территории Восточно-Казахстанской области за 1988 год // Архив ИА МОН РК, ф. 11, оп. 2, д. 2210.
- Самашев З., Толеубаев А., Джумабекова Г. Сокровища степных вождей. Алматы: ОФ “Берел”. 2004. 176 с. (каз. яз, англ. яз., рус. яз.).
- Самашев З., Боковенко Н.А., Ахмадиев Ж., Чотбаев А., Кариев Е., Толегенов Е., Самашев С., Киясбек Г., Жалмаганбетов Ж., Ерболатов С. Некоторые итоги исследований на некрополе Берел в 2016 году // Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі. Актуальные вопросы тюркологии и алтаистики: история, антропология, языкознание. Өскемен, 2016. С. 234-252.
- Самашев З., Бородовский А.П. Роговые украшения конской узды и упряжи из Берельского некрополя // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. 3 (19). С. 82–87.
- Самашев З., Джумабекова Г., Базарбаева Г. Конское снаряжение древних скотоводов Казахского Алтая: опыт реконструкции (по материалам кургана № 10 могильника Берел) // Археологический альманах, № 21/Изобразительное искусство в археологическом наследии: сб. ст. Донецк: ООО “Лебедь”, 2010. С. 251–286.

- Самашев З.С., Косинцев П.А. Погребальный обряд лошадей в могильнике Берел // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: сб. научн. тр. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 274–276.
- Самашев З.С., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). Алматы, 2004.
- Самашев З., Скрипникова М.И., Верба М.П. Эволюция почв как показатель климатических изменений в межгорных долинах западной части Казахского Алтая (на примере Берельского некрополя) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: тез. докл. V Междунар. научн. конф. (20–24 сентября 2001 г.). Хонд–Томск, 2001. С. 157–158.
- Самашев З., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.А. Археологические памятники и палепочвы Казахского Алтая. Алматы, 2001. 107 с.
- Самашев З. С., Франкфор А.-П., Ермолаева А. С., Жумабекова Г.С., Гий Э., Сунгагай С., Жетибаев Ж.М., Омаров Г.К., Исследование культуры древних кочевников Казахстанского Алтая // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Алматы, 1998. С. 174–202.
- Самашев З.С., Франкфор А.-П. Древности Казахстанского Алтая // Известия МН и ВО РК, Сер. обществ. наук. 1999. № 1. С. 33–37.
- Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая // Археология, этнография антропология Евразии. 2000. 4 (4). С. 122–130.
- Слюсаренко И.Ю. Датирование скифских древностей Евразии: современные тенденции, достижения, проблемы, перспективы // «Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica». Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2011. С. 239-251
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА, №101. М., 1961. 162 с.
- Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. 1966, №8. С. 39-60.
- Сорокин С.С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Госэрмитажа. Л., 1969. С. 208-236.
- Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань-I // Археологические исследования в Горном Алтае. Горно-Алтайск, 1983. С. 42-52.
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в кон. VI - нач. II вв. до н.э. Автореферат дис... к.и.н. Новосибирск, 1985.
- Суразаков А.С. Об этногенезе населения Горного Алтая рубежа эпохи бронзы и скифского времени // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 168-171.
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988а. 215 с.
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алт. кн. изд-ва, 1989. 216 с.
- Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II-I тыс. до н.э.: материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003. 68 с.: ил.
- Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. 247 с.: ил.
- Таиров А.Д., Бейсенов А.З., Зайков В. В., Зайкова Е.В., Блинов И. А. Древнее золото Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сборник научных статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. Алматы: НИЦИА«Бегазы-Тасмола», 2015.
- Турекулов Т., Турекулова Н. Курганы Береля // Вестник Казахской головной архитектурно-строительной академии. 2001, №2. С. 29-39.
- Тишкин А.А. Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время. Автореферат дис... к.и.н. Барнаул, 1996. 28 с.
- Тишкин А. А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica». Новосибирск, 2011. С. 272–290.

- Тишкин А.А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica». – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 272-290.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: АГУ, 2003. 430 с.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая. Барнаул: АГУ, 2004. 238 с.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби // Барнаул: АГУ. 2005. 204 с.
- Умиткалиев У.У., Айтбаев А.Б., Адельчанов К.С. Предварительные результаты археологических работ в могильнике «Кырыкунгир» // Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі. Өскемен, 2016. С. 272-280.
- Федоров В.К. Серьги из могильника Сара в Оренбургской области // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015, №2 (29) С. 69-79.
- Федоров В.К., Васильев В.Н. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып. 1. С. 62-96.
- Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994. 170 с.
- Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н. э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 245–250.
- Шульга П.И. О содержании понятия «майэмирская культура» и этнокультурной ситуации в северо-западных предгорьях Алтая в раннескифское время // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова: матер. Всерос. научн. конф. (Омск, 19-20 октября 2000 года). Омск, 2000. С. 148-150.
- Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: АГУ, 2003. 204 с.
- Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Барнаул: Азбука, 2008. Ч. 1. 276 с.
- Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: АГУ, 2010. 238 с.
- Шульга П.И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартыанова). Новосибирск, 2013. 149 с.
- Шульга П.И. Особенности угасания и трансформации раннескифских культур в VI в. до н. э. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2013а. №3 (23). С. 319–323.
- Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье: в 2 ч. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. Ч. II (VI–III вв. до н. э.). 322 с.
- Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений): Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015а. 336 с.
- Шульга П.И. Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2016. 258 с.
- Шульга П.И. Некоторые особенности погребального обряда в Гилёво-10 // «Кадырбаевские чтения-2016»: Материалы V Международной научной конференции. Актобе, 2016а. С. 226-233.
- Чежина Е.Ф. Художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. Вып. 23. Л.: 1983. С. 16-29.
- Черников С.С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М.: Наука, 1965. 189 с.
- Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 132-136.
- Чикишева Т.А. Особенности динамики антропологического состава населения Горного Алтая в древности (от эпохи неолита до нашей эры) // Сибирь в панораме тысячелетий: матер. Международ. Симпозиума. Новосибирск, 1998. Т.1. С. 631-643.
- Чугунов К.В. Серьги раннескифского времени Саяно–Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. Книга 1. Барнаул, 2003. С. 386-395
- Чугунов К.В. Курганы раннескифского времени могильника Копто и вопрос синхронизации алды-бельской и тагарской культур // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 37. СПб, 2005. С. 66 – 90.

- Чугунов К.В. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда. Новосибирск, 2006. Т. II. С. 69–71.
- Чугунов К.В. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. 2011. №1. С. 262-335.
- Чугунов К.В. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы) // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 77: Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 457-486.
- Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996. 185 с.
- Samashev Z.S., Basarbaeva G.A., Zumabekova G.S. Die «Gold hütenden greife» des Herodot und die archäologische kultur der früheren nomaden im Kazachischen Altai. Skythenzeitliche kurgane von Berel und Tarasu // Eurasia Antiqua. 2002. Т. 8. С. 237–277.
- Samashev Z.S., Bazarbaeva G.A., Zhumabekova G.S., Henri-Paul Francfort Le kourgane de Berel' dans l'Altai kazakhstanais // Arts Asiatiques. 2000. Т. 55. Pp. 5–20.
- Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Furstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. 330 S., 289 Abb., 153 Taf.
- Francfort H.-P., Ligabue G., Samashev Z. Découverte d'une tombe princière gelée d'époque scythe (IVe s. av. J.-C.) à Berel' dans l'Altai (Kazakhstan oriental) (information) // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres Année. 1998. Vol. 142, no. 4. Pp. 1165–1175.

ГЛАВА V

ПАМЯТНИКИ САКСКОГО ВРЕМЕНИ ЖЕТЫСУ

Земля Жетысу

Под термином «Жетысу» подразумевается обширный в историко-культурном отношении регион, расположенный на юго-востоке Казахстана. По современному административному делению он включает в себя Алматинскую и восточные районы Жамбылской областей. Название региона отражает особенности тополандшафтной ситуации, а именно обозначение края семи рек: Тентек, Лепсы, Сарканд, Аксу, Биен, Каратал и Коксу. Благоприятные условия местности, занимаемой Шу-Балхашским бассейном, привлекали человека на протяжении тысячелетий. Жетысу обрамляют степи и предгорья Сарыарки, Казахского Алтая, Средней Азии и Восточного Туркестана [Жандаев, 1978; Ожерельев, 2012; Рогожинский, 2016]. Следует отметить, что ранее многие деятели казахской культуры, краеведы и знатоки истории включали в Жетысу и северные районы Кыргызстана.

Средняя высота региона равна примерно 400 м над уровнем моря. В соответствии с высотной зональностью ландшафта определяется и разновидность хозяйствования. В предгорной зоне, на днищах межгорных котловин и долин, возможно поливное и богарное земледелие. Естественные кормовые угодья позволяют развивать животноводство: скотоводство и табунное коневодство. Луга и луговые степи среднегорья это прекрасные пастбища и сенокосы. Альпийские и субальпийские луга используются как жайлау. В межгорных котловинах располагаются многочисленные пастбища. Здесь даже выделены особые формы рельефа – пастбищные, которые представлены террасированными склонами, скотопрогонными тропами, в том числе в бассейнах рек Талгара, Есика, Шамалгана и др. [Чупахин, 1968, с. 124–153; Жандаев, 1978, с. 129]. В Иле Алатау полоса прилавокков наиболее развита в районе Алматы и Талгара. Здесь развиты плато, подгорные равнины с отдельными возвышенностями. В центральной части Иле Алатау замкнут в полукольцо хребтов, открытое в пустынную равнину на севере.

Природно-климатические условия районов способствуют в целом развитию вертикальной перекочевки: весенне-осенние пастбища располагались на равнинах и предгорьях, летние – в средне- и высокогорье, где продолжительность их использования достигала 1,5–4 месяца в году. Во внутриворонных котловинах, на склонах с южной экспозицией располагались зимние пастбища.

Замечательной особенностью зональных участков является то, что на вершинах в зимнее время температура воздуха бывает выше, чем в окружающей пониженности. Так, на Каменском плато, где известны места находок сакского времени, температура воздуха в зимнее время выше, чем в низине; а также выше среднегодовая температура: Алматы - 6,6°; Каменское Плато - 8,1°; Талгар - 7,7°; январская: Алматы - 12,7°; Каменское Плато - -3,7°; Талгар - -7,1° [Жандаев, 1978, с. 40–41]. Кроме того, по причине температурной инверсии, защищенности горных долин от холодных ветров, на этих высотах наблюдается большое количество солнечного тепла (зимой на 3° теплее, чем на других высотных отметках).

В Жетысу, в силу особенностей его природно-климатических характеристик, ландшафтных зон – обилия воды, смены растительного покрова, расположения пастбищ, по-сезонной продуктивности последних, сезонного характера продуктивности биоценозов, высоты снежного покрова, путей кочевания и т. п. – возникла вертикальная система кочевания. Такая система кочевания зафиксирована и в этнографическое время [Краснов, 1887, с. 439–452]. Сходная ситуация реконструируется в раннем железном веке [Акишев, 1972, с. 45–46].

Древние кочевники, судя по концентрации сохранившихся памятников, максимально освоили эту своеобразную экологическую нишу, приспособились к условиям предгорно-горной полосы. Ранее К.А. Акишевым было замечено, что историческая топография археологических памятников свидетельствует о неизменной в течение тысячелетий системе расположения поселений, зимовок, могил [Акишев, 1972, с. 31–33]. В предгорной полосе Иле Алатау, где в настоящее время особенно густо рассредоточены города и многочисленные поселения, фиксируются и остатки погребений эпохи бронзы, курганных могильников раннего железного века, средневековья, а также следы разрушенных поселений.

Из истории изучения древностей Жетысу

В археологии Казахстана начало систематических исследований связано с созданием двух экспедиций Института истории, археологии и этнологии, чему предшествовало выделение самостоятельного Института истории из Института истории, языка и литературы, произошедшее в далеком 1945 г. [Об Институте, интернет-ресурс]. В 1946 г. Академия наук Казахстана приобретает новый статус [Доклады..., НА «Гылым ордасы»]. Благодаря данному историческому событию произошло увеличение финансирования Академии наук Казахстана. Например, к моменту организации бюджет Казахстанской базы определялся всего в несколько десятков тысяч рублей, тогда как в 1946 г. бюджет уже исчисляется более 44 млн. рублей [Сатпаев, 1946]. Благодаря поддержке первого президента Академии наук Казахстана К. И. Сатпаева, в 1946 г. создается Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция, а годом позже – Южно-Казахстанская археологическая экспедиция.

Сведения о случайных находках, единичных раскопках и т.п. тщательно фиксировались археологами из Академии наук Казахстана. Например, в сводке «Археологические ра-

боты и находки на территории Казахстан», составленной А. Х. Маргуланом и Е. И. Агеевой, обобщены доступные за период с 1926 по 1946 гг. [Маргулан, Агеева, 1948]. Так, касательно региона Жетысу в указанной работе приводится следующая информация. В 1928 г. в черте города Алма-Аты на участке принадлежащем в прошлом управлению Туркестано-Сибирской железной дороги вскрыт курган. Археологи отмечают, что данный объект один из цепочки, протянувшейся с севера на юг вдоль русла р. Малая Алматинка. Под насыпью выявлено две могильные ямы, устроенные для человека и сопровождавшего его коня. Датированной оказалась монета. По определению специалистов из Эрмитажа, она относится к I в. н.э. и была выпущена царем северо-западной Индии Мренасом [Маргулан, Агеева, 1948, с. 125]. Два других пункта по Алма-Атинской области касаются более поздних материалов, синхронных с материалами Тараза и Талгара.

В этой же работе расписан маршрут экспедиции А.Н. Бернштама 1939 г. Он включал следующие пункты: Алма-Ата – Талгар – Иссык – Тургенъ – Чилик – Сюгатинская долина – Чарын – Коктал – Койбын – Конур – Улен – Айна-Булак – Басчий – Алтын-Эмель – Кугалы – Круглое – Кривошеино – Царицынский перевал – Джангыз-Агач – Кирово – Талды-Курган* [*Написание географических пунктов приводится по публикации Маргулана, Агеевой, 1948]. Далее исследователи отмечают, что отдельно из Талды-Кургана состоялась поездка ленинградского археолога в Копал, а возвращалась экспедиция в Алма-Ату через ущелье Муқыр, долину р. Биже, ст. Айна-Булак, ст. Долман, Сары-Узекской дорогой с заездом в Чингильды и Илийск. Итогом работы стала атрибуция средневековых памятников, а самые ранние материалы датированы III в. до н.э.

Далее в статье в разделе о находках из Жамбылской области А.Х. Маргулан и Е.И. Агеева касательно древностей раннего железного века упоминают о раскопках беркаринского могильника, расположенного на берегу озера Бийликуль. Исследования памятника проводилось в 1938 г. совместной экспедицией КазФАН и ИИМК. А. Х. Маргулан и Е.И. Агеева упоминают о 12 вскрытых курганах, датированных интервалом III в. до н.э. – II в. н.э. В 1939 г. на беркаринском могильнике было вскрыто свыше 30 курганов [Маргулан, Агеева, 1948, с. 128].

В 1939 г. Джамбулский археологический пункт под руководством Г.И. Пацевича проводил исследования в Джувалинском районе. А.Х. Маргулан и Е.И. Агеева отмечают, что здесь был выявлен памятник, по мнению Г.И. Пацевича синхронный беркаринскому могильнику [Маргулан, Агеева, 1948, с. 129].

Из исследований, проводившихся на территории Джамбулской области А.Х. Маргуланом и Е.И. Агеевой отмечено также, что в 1944–1945 гг. в Курдайском районе проводил исследования археолог Н.В. Валукинский. Им было выявлено 29 древних поселений, из них 27 синхронные и содержат находки керамики, зернотерок, мотыг. Поселения располагаются компактно, по 4, 6, 8, 9 стоянок и городищ. В выборе мест для древних поселков предпочтение отдавалось небольшим площадкам, вмещающим несколько жилищ. Сами площадки приподнятые, высотой от 0,5 до 1 м. Длина площадок от 40–60 до 80–120 м, ширина от 20–60 м или же равна длине. Как отмечают А.Х. Маргулан и Е.И. Агеева поселения укреплены валами, направленными в сторону р. Чу. Длина валов 80–120 м., 300 м. На ряде городищ выявлены землянки с утрамбованным полом. Археозоологический материал свидетельствует о разведении крупного и мелкого рогатого скота. На фрагментах сосудов отмечены отпечатки ткани [Маргулан, Агеева, 1948, с. 130].

Краеугольным камнем в изучении древностей сакского времени Жетысу стала организация в 1954 г. Илийской археологической экспедиции под руководством К.А. Акишева.

Эта экспедиция была создана с целью обследования памятников, попадающих в зону затопления будущей Капчагайской ГЭС [Байпаков, 1996; Байпаков, Петенева, 2001; Байпаков, 2005, с. 44]. К.А. Акишевым и Г.А. Кушаевым в рекордные сроки полученный материал был проанализирован, классифицирован и обобщен в фундаментальной монографии «Древняя культура саков и усуней долины реки Или», вышедшей из печати в 1963 г. В книге дается подробный анализ изучения памятников сакского времени Жетысу. К.А. Акишев и Г.А. Кушаев отмечают, что первым сакологом Жетысу является А.Н. Бернштам, проводившим исследования также на Тянь-Шане, Памире [Акишев, Кушаев, 1963, с. 12].

В числе археологов, занимавшихся изучением древностей раннего железного века Жетысу К.А. Акишев и Г.А. Кушаев называют имена Е.И. Агеевой и А.Г. Максимовой, раскопавших в 1956 году 10 курганов на могильниках Жуантобе-1 и Кадырбай-3 [Акишев, Кушаев, 1963, с. 21].

На момент выхода книги в Илийской долине было известно семь сакских могильников: Каргалы-1, Карашоки, Жуантобе-1, Кадырбай-3, Бешатыр, Кызылауыз, Алтынемел-1. Такие памятники как Каргалы-1 и Карашоки исследовались экспедицией А.Н. Бернштама в 1930–1940-гг. На могильниках Бешатыр, Кызылауыз, Алтынемел-1, начиная с 1954 г. раскопками К.А. Акишева и Г.А. Кушаева изучено 40 курганов [Акишев, Кушаев, 1963, с. 21].

Анализ случайных находок из Жетысу, представленных в том числе, массивными металлическими изделиями в виде котлов, жертвенных столов, курильниц, орудий труда и т.п., позволил К.А. Акишеву и Г.А. Кушаеву сделать вывод о существовании местного мощного очага производства и самобытности сюжетов изделий [Акишев, Кушаев, 1963, с. 24].

Событием в археологии раннего железного века Жетысу явилось открытие кургана Иссык. Это была находка первого в Казахстане неограбленного погребения раннего железного века, принадлежавшего правящей элите древнего общества [Акишев, 1978]. Картографирование царских могильников от Алакуля до Таласа позволили развить К.А. Акишеву тезис о стратификации сакского общества [Акишев, 1994].

Среди исследователей, занимавшихся изучением памятников раннего железного века Жетысу также следует отметить имена Б.Н. Нурмуханбетова, А.Н. Марьяшева, К.М. Байпакова, А.С. Загороднего, З. Самашева, Ю.И. Трифонова, А.К. Акишева, Р.Б. Исмагила, Ю.А. Мотова, Ф.П. Григорьева, Ж.Е. Смаилова, А.З. Бейсенова, М.М. Нурпеисова, А.А. Горячева. К числу нового поколения археологов, занимающихся раскопками древностей сакского времени относятся Г. Бексеитов, Д. Воякин, А. Онгар, А. Чотбаев, Г. Киясбек, Е. Оралбай, М. Сейткалиев, Е. Амиров, Б. Бесетаев, Б. Кожахметов.

Благодаря настойчивости Б.Н. Нурмуханбетова на месте проведения раскопок, близ г. Есик, создан государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык». Сотрудники музея Т. Тулегенов, Е. Джасыбаев каждый год проводят обследование и раскопки памятников раннего железного века в том числе [Нурмуханбетов, Тулегенов, 2015].

С начала 1990-х годов археологическое исследование памятников раннего железного века Жетысу проводится при участии специалистов из дальнего зарубежья. Так К. Чанг и П. Туртеллотт уже много лет занимаются изучением поселений раннего железного века [Григорьев, Чанг, 2006; Chang et al, 2003]. Исследователи из Германского археологического Института (DAI) Г. Парцингер, А. Наглер, М. Наврот, А. Гасс в рамках реализации проекта, охватывающего Степную Евразию, на протяжении нескольких полевых сезонов (2008–2010) проводили поисково-разведочные мероприятия в регионе, а также раскопки объектов на ме-

стонахождениях Жуантобе, Кеген [Самашев и др., 2009; Nagler et al, 2010; Гасс, 2011; 2015]. В период с 2012–2016 гг. в изучении памятников раннего железного века региона принимали участие исследователи из научно-исследовательского фонда Дж. Легабуе и университета Ка'Фоскари (Венеция). Совместно с казахстанскими археологами раскопками и разведками исследовались окрестности села Каспан [Бейсенов и др., 2015; Weisenov et al, 2017].

Вопросы хронологии и периодизации памятников раннего железного века Жетысу

Несмотря на многолетнюю историю изучения древностей сакского времени Жетысу до сих пор остаются слабо разработанными вопросы хронологии и периодизации. К числу наиболее ранних памятников раннего железного века региона относится погребально-поминальный комплекс Бесшатыр. Культурная принадлежность которого, как и многих других объектов Жетысу остается открытой. При характеристике древностей раннего железного века региона исследователи оперируют терминами «раннесакский», «среднесакский», «позднесакский», избегая использования конкретного названия культур.

В настоящее время по Жетысу существует 36 дат (табл. 1). Анализ лабораторных индексов Бесшатыра показывает три периода в датировании памятника.

Материал для получения первых двух дат был отправлен в лабораторию ИИМК К.А. Акишевым [Dolukhanov, Romanova, Semyontsov, 1970].

Третья дата по фрагменту волокуши из Шестого кургана Бесшатыра получена в рамках реализации грандиозного международного проекта, выполнявшегося сотрудниками ИИМК РАН и ГосЭрмитажа [Евразия..., 2005, с. 181–182]. Специально за образцом из Бесшатыра и других памятников раннего железного века Казахстана в Алматы приезжал Н.А. Боковенко.

И, наконец серия дат по Третьему бесшатырскому кургану получена в рамках сотрудничества специалистов из научно-исследовательского проектного института «Казреставрация» и лаборатории по изучению годичных колец деревьев Университета Аризоны (Laboratory of Tree-Ring Research, University of Arizona) при поддержке проекта Национального фонда науки США (NSF №BCS 1122398) [Panyushkina et al, 2013, p. 1300].

По мнению И.П. Панюшкиной третья дата, являющаяся самой ранней, может оказаться не точной в виду того, что образец, использовавшийся для датирования, содержал старую древесину (obvious old-wood effect). В то же время специалист допускает, что эта дата может отражать «нижнюю временную границу строительства некрополя» [Панюшкина, Григорьев, Лейндж, 2015, с. 203].

Таблица 1 – 14С даты по памятникам раннего железного века Жетысу

№ пп.	Лабораторный индекс	Памятник, материал	14С Возраст BP	Калиброванный интервал	Авторы публикации
1	LE-603	Бесшатыр, к. 1, дерево	2550 ± 65 BP	820 – 490 BC (2σ)	Dolukhanov, Romanova, Semyontsov, 1970
2	LE-590	Бесшатыр, к. 3, дерево	1850 ± 70 BP	340 BC – V AD (2σ)	Dolukhanov, Romanova, Semyontsov, 1970
3	LE-5643	Бесшатыр, к. 6, дерево	2570 ± 35 BP	820–750 BC (2σ)	Евразия..., 2005, с. 181–182

4	AA № 97421	Бесшатыр, к. 3, дерево	2465 ± 37		Панюшкина, Григорьев, Лейндж, 2015, с. 204
5	AA № 97420	Бесшатыр, к. 3, дерево	2504 ± 43		Панюшкина, Григорьев, Лейндж, 2015, с. 204
6	AA № 97419	Бесшатыр, к. 3, дерево	2527 ± 38		Панюшкина, Григорьев, Лейндж, 2015, с. 204
7	AA № 97418	Бесшатыр, к. 3, дерево	2464 ± 39		Панюшкина, Григорьев, Лейндж, 2015, с. 204
8	UBA-24075	Каспан-6, к. 4	2466±33	95,4% (2σ) Cal BC 765–471 (0.946) 466–430 (0.054)	Бейсенов и др., 2015, с. 64
9	SPb-1445	Каспан-6, к. 1	2500± 45	95,4% (2σ) Cal BC 794–477 (94,3%) 444–432 (1,1%)	Бейсенов и др., 2015, с. 64
10	ГИН8863	Горный гигант, нагар с котла	2270±160	(2σ) 784 cal BC – 4 cal AD	Джумабекова, Базарбаева, 2013, с.
11	Beta-270147	Кеген, к. 2, кость животн.	2340 ± 40 BP	95,4% (2σ) 720–690 cal BC (1,4%) 540–350 cal BC (89,5%) 290–230 cal BC (4,5%)	Гасс, 2015, с. 86
12	Hd-28054	Мог. Жуантобе, к. 8, древесина	2140 ± 44 BP	95,4% (2σ) 360–270 cal BC (23,5%) 260–40 cal BC (71,9%)	Гасс, 2015, с. 86
13	Hd-28019	Мог. Жуантобе, к. 9, ботанич. м-л	2046 ± 37 BP	95,4% (2σ) 170 cal BC – 30 cal AD (94,3%) 40–50 cal AD (1,1%)	Гасс, 2015, с. 86
14	Poz-37301	Турген-2, к. 7, м.я. 1, п. 1, кость человека	2275 ± 30 BP	95,4% (2σ) 400–340 cal BC (51,1%) 300–200 cal BC (44,3%)	Гасс, 2015, с. 86
15	Poz-37300	Турген-2, к. 7, м.я. 1, п. 2, древесина	2190 ± 35 BP	95,4% (2σ) 380–160 cal BC (95,4%)	Гасс, 2015, с. 86
16	Poz-37303	Турген-2, к. 10, м.я. 1, п. 1, кость человека	2225 ± 30 BP	95,4% (2σ) 390–200 cal BC (95,4%)	Гасс, 2015, с. 86
17	Poz-37336	Турген-2, к. 10, м.я. 1, п. 2, кость человека	2285 ± 35 BP	95,4% (2σ) 410–340 cal BC (54,0%) 310–200 cal BC (41,4%)	Гасс, 2015, с. 86

18	KIA 42816	Турген, жертв. стол, сажа/нагар	2194 ± 20 BP	95,4% (2σ) 370–190 cal BC (95,4%)	Гасс, 2015, с. 86
19	KIA 42815	Турген, жертв. стол, сажа/нагар	2234 ± 20 BP	95,4% (2σ) 390–340 cal BC (23,1%) 320–200 cal BC (72,3%)	Гасс, 2015, с. 86
20	Poz-37296	Улжан, к. 2, древесина	2170 ± 35 BP	95,4% (2σ) 370–110 cal BC (95,4%)	Гасс, 2015, с. 86
21	Le-5635	Турген-2, к. 3, древесина	2300 ± 50 BP	95,4% (2σ) 510–430 cal BC (5,1%) 420–200 cal BC (90,3%)	Горячев, 2007, с. 13
22	Beta-129589	Пос. Цыганка-8, слой I, яма-хранилище 98, м-л не известен	2300 ± 80 BP	95,4% (2σ) 750–100 cal BC (95,4%)	Chang et al., 2003, с. 303
23	Beta-153900	Пос. Цыганка-8, слой II, землянка 3, уровень пола 4, м-л не известен	2120 ± 40 BP	95,4% (2σ) 360–290 cal BC (10,9%) 230–40 cal BC (84,5%)	Chang et al., 2003, с. 303,
24	Beta-133612	Пос. Цыганка-8, слой III, землянка 3, уровень пола 3a/b, м-л не известен	2390 ± 70 BP	95,4% (2σ) 770–360 cal BC (95,4%)	Chang et al., 2003, с. 303
25	Beta-133611a	Пос. Цыганка-8, землянка 2, уровень пола 2, м-л не известен	2130 ± 40 BP	95,4% (2σ) 360–290 cal BC (16,1%) 240–40 cal BC (79,3%)	Chang et al., 2003, с. 303
26	Beta-133611	Пос. Цыганка-8, яма-хранилище 13, м-л не известен	2130 ± 40 BP	95,4% (2σ) 360–290 cal BC (16,1%) 240–40 cal BC (79,3%)	Chang et al., 2003, с. 303
27	Beta-133614	Пос. Цыганка-8, слой IVa, квадрат V-10, м-л не известен	2190 ± 80 BP	95,4% (2σ) 400–40 cal BC (95,4%)	Chang et al., 2003, с. 303
28	Beta-098385	Пос. Тузусай, яма 8, м-л не известен	2320 ± 40 BP	95,4% (2σ) 520–350 cal BC (78,3%) 300–210 cal BC (17,1%)	Chang et al., 2003, с. 303
29	Beta-86750	Пос. Тузусай, слой IV, яма 22, м-л не известен	2310 ± 50 BP	95,4% (2σ) 520–340 cal BC (61,6%) 330–200 cal BC (33,8%)	Chang et al., 2003, с. 303

30	Beta-98381	Пос. Тузусай, квадрат V-13, концентрация золы, м-л не известен	2170 ± 60 BP	95,4% (2σ) 390–50 cal BC (95,4%)	Chang et al., 2003, с. 303
31	Beta-098383	Пос. Тузусай, яма 29, м-л не известен	2230 ± 30 BP	95,4% (2σ) 390–340 cal BC (23,0%) 330–200 cal BC (72,4%)	Chang et al., 2003, с. 303
32	Beta-098384	Пос. Тузусай, слой V, яма 30Б, м-л не известен	2170 ± 30 BP	95,4% (2σ) 370–150 cal BC (92,6%) 140–110 cal BC (2,8%)	Chang et al., 2003, с. 303
33	Beta-86749	Пос. Тузусай, слой VI, яма 17, м-л не известен	2070 ± 40 BP	95,4% (2σ) 200 cal BC – 20 cal AD (95,4%)	Chang et al., 2003, с. 303
34	Beta-86747	Пос. Тузусай, слой VI, яма 24, м-л не известен	2020 ± 40 BP	95,4% (2σ) 160–130 cal BC (4,3%) 120 cal BC – 70 cal AD (91,1%)	Chang et al., 2003, с. 303
35	UBA-22937	Каратума, к. 59	2233 ± 33 BP	95,4% (2σ) 384–204 cal BC	Мотузайте Матузевичус, 2016, с. 625
36	UBA-22936	Каратума, к. 49	2210 ± 33 BP	95,4% (2σ) 381–198 cal BC	Мотузайте Матузевичус, 2016, с. 625
Примечание: для калибровки радиоуглеродного возраста образцов с шифрами AA, ГИН использована калибровочная кривая для северного полушария [Reimer et al, 2009] и программа CALIB 6.0 [Stuiver M. et al, 2005]. (по: [Панюшкина, Григорьев, Лейндж, 2015, с. 204; Джумабекова, Базарбаева, 2013])					

Из приведенных в таблице 1 дат наиболее близкую к Бесшатыру позицию занимают данные, полученные по материалам из могильника Каспан-6. Отметим, что и Бесшатыр и Каспан-6 локализованы в пределах границ одного административного района – Кербулакского. Такой конструктивный элемент как дромос зафиксирован в каспанском кургане № 1. Исследования последних 10–15 лет в Центральном Казахстане показывают, что дромосы это признак наиболее комплексов, датируемых интервалом между VIII–V вв. до н.э. [Бейсенов, 2015]. Кроме того, курган № 1 Каспана-6 замыкает цепочку с юга [Бейсенов и др., 2015].

На столетие моложе Каспана-6 курган № 2 могильника, расположенного на высокогорном плато Кеген. Далее следуют материалы из поселения Цыганка-8 и кургана № 3 могильника Турген-2. Близкий интервал прослеживается для датировки предметов из разряда культовых бронз Жетысу – жертвенного стола из Тургена и котла из п. Горный гигант. Близкую позицию к последним занимают материалы из курганов №№ 7, 10 могильника Турген-2; курганов №№ 49, 59 Каратумы. Наиболее поздними среди дат, полученных из могильников являются данные по курганам №№ 8, 9 Жуантобе. Разброс в датах поселений Цыганка-8 и Тузусай, очевидно, свидетельствует о неоднократном обживании памятника группами населения в разные исторические периоды.

Для Жетысу имеющиеся 36 дат недостаточны на фоне колоссального количества памятников раннего железного века. В масштабах всего региона полностью раскопанных могильников насчитываются единицы. Это и другие обстоятельства делают пока невозможным фундаментальную разработку вопросов хронологии и периодизации.

Поселения

Одной из важнейших категорий памятников раннего железного века Жетысу являются многочисленные поселения, открытые к настоящему времени практически во всех уголках края. В настоящее время известны десятки поселений сакской и усуньской эпох, но, степень исследования их далеко неодинакова. Данное положение связано с тем, что поселенческое направление в археологии раннего железного века Жетысу – новое явление, успешно развивающееся, особенно, в течение последних 15 лет.

В черте города Алматы, на естественной возвышенности, расположенной к югу от студии Казахфильм, между современными улицами Тимирязева и аль Фараби, в 1984 г. археологами исследовалось поселение VI–III вв. до н. э. Полученные материалы свидетельствуют о том, что памятник принадлежал населению, практиковавшего полуоседлый образ. Находки зернооток, обнаруженные здесь в большом количестве, по мнению Б.Н. Нурмуханбетова и Ю.И. Трифонова свидетельствуют о занятии земледелием. Исследователи также отмечают скотоводческую направленность поселения, в пользу чего ярко свидетельствует анализ кухонных остатков в виде костей лошадей, верблюдов, а также крупного и мелкого рогатого скота. Анализ керамики позволил исследователям провести параллели с материалом из комплексов Молалы и Шубарат. Б.Н. Нурмуханбетов и Ю.И. Трифонов отмечают, что поселения раннего железного века обычно располагаются не далеко друг от друга. Топография памятников Тузусай, Кызылту, Коккайнар по их мнению, позволяет предположить о локализации родственных групп населения, обитавших на данной территории [Нурмуханбетов, Трифонов, 2016].

Во многих районах Жетысу найдены поселения, как устроенные на новом месте, так расположенные на площадях более ранних поселков. Археологические исследования показали, что в Жетысу Алатау древние поселения Буйен, Тасбас, Калакай [Карабаспакова, 2011; Марьяшев, 2002] содержат слои как эпохи бронзы, так и сако-усуньского времени. На поселении Тасбас-1, открытом и исследованном А.Н. Марьяшевым в горах Баянжурек найдены фрагменты керамики с жемчужным орнаментом [Марьяшев, 2002, рис. 7], что связано, по мнению А.З. Бейсенова, с наличием слоя раннесакского времени [Бейсенов, 2015]. Другая часть керамики поселения связана с посудой периода финальной бронзы. Такой же случай выявлен неподалеку на поселении Музбулак [Марьяшев, 2003]. Известны многочисленные поселения в районе Шу-Илейских гор – в урочищах Тамгалы, Серектас, Киндыктас и др.

Поселения сакской эпохи северных предгорий Иле Алатау, такие как Бутақты-1, Тузусай, Талдыбулак-2 [Горячев, Мотов, 2012; Байпаков, 2008] относятся к позднесакскому периоду (V–III вв. до н. э.). Характерно, что поселения этого времени практически везде функционировали и в следующий, усуньский, период. Поселения устраивались по берегам водных источников, жители вели комплексное хозяйство, где важное место отводилось земледелию. На поселении Бутақты-1, на юго-восточной окраине города Алматы, выявле-

ны наземные каркасные юртообразные жилища диаметром 5–7 м, а также полуземлянки [Горячев, Егорова, 2015]. Жилища земляночного типа открыты на Талдыбулак-2, также землянки каркасно-столбовой конструкции изучены на поселении Цыганка-8, датирующимся чуть более ранним периодом. В высокогорной зоне поселения устраивались на верхних участках ущелий, на вершинах плато. По мнению исследователей, формы керамики сакского поселения археологического комплекса Турген-2 обнаруживают некоторое сходство с материалами раннесакских поселений Центрального Казахстана и Алтая, вместе с тем, по особенностям декора ее можно сравнить и с керамическими комплексами из погребений Приаралья, Средней Азии [Горячев, 2011]. Наибольшие аналогии прослежены на материалах поселения Бутақты-1.

Новые данные позволяют считать, что наряду со скотоводством, развитыми домашними ремеслами, металлургией и металлообработкой, к позднесакскому периоду в хозяйстве населения предгорных долин Жетысу важное место занимает ирригационное земледелие [Горячев, Сараев, 2017].

Поселения раннего железного века Жетысу демонстрируют преемственность с памятниками горной зоны эпохи бронзы. Поселения Бутақты-1–3, Турген-2 показывают процесс формирования новых форм хозяйствования, основанных на преимущественном развитии скотоводства. Природные условия и рельеф горной местности предполагал яйлажное (полукочевое) скотоводство, при котором часть населения весной покидала поселки и перегоняла скот на жайлау.

На ровных площадках склонов горных ущелий с южной экспозицией складываются стоянки, а на выходе из горных ущелий фиксируются крупные поселения со стационарными жилищами. Такая же ситуация прослеживается в других районах Жетысу, где проявляются единые требования к установлению поселений. Это продиктовано природно-климатическими и ландшафтными условиями горно-долинной зоны Жетысу. Курганы, как правило, располагаются несколько ниже поселений [Горячев, 2011; Горячев, Егорова, 2015].

Могильники

Погребальные памятники древних кочевников Жетысу представлены такими, как Бешатыр, Бериккара, Жалаулы, Жетытобе, Жуантобе, Иссык, Тенлик, Турген, Улжан и другими не менее значительными и известными. Комплексы относятся к различным этапам культуры саков.

К числу наиболее ярких и ранних памятников относится курганный могильник Бешатыр [Акишев, Кушаев, 1963]. Данный комплекс отличается от всех известных в Казахстане величием каменных сооружений. Памятник находится в полупустынной местности в Жетысу Алатау. Здесь из-за особенностей расположения региона сохранился исторический ландшафт своего времени [Панюшкина, Григорьев, Лейндж, 2015]. В момент обнаружения на могильнике насчитывался 31 курган [Акишев, Кушаев, 1963, с. 26]. Илийской и Семиреченской и археологическими экспедициями под руководством К.А. Акишева в 1957, 1959–1961 гг. на Бешатыре было раскопано 18 курганов.

Курганы представляют собой конструкции, сочетающие наземные и подземные сооружения, образующие грандиозные и сложные палеоархитектурные ансамбли, которые были названы К.А. Акишевым «сакскими пирамидами» [Акишев, 1977, с. 265].

Очевидно, при возведении курганов Бешатыра древними использовались строительные принципы и приемы, практиковавшиеся в обычной жизни при сооружении жилищ, хозяйственных построек, свидетельствующих о высоком уровне развития деревообработки, качества необходимых для этого металлических изделий. Кроме того, материал, использовавшийся для усыпальниц, доставлялся за сотни километров, что ставит также акцент и на способах транспортировки бревен.

Элементы организации околокурганного пространства представлены менгирами, кромлехами, выкладками, валом из камня в виде ограждения, свидетельствующими об искусстве владения обработкой камня.

Любопытная деталь гробниц – устройство подземных ходов. Возможно, идея заложенная в этом конструктивном элементе, родственна дромосам, обнаруживаемым чаще в комплексах раннесакского времени, в том числе и в Центральном Казахстане, где на сегодняшний день зафиксировано порядка 20 памятников, снабженных ими [Бейсенов, 2015].

Исследователи бешатырских гробниц заключают, что при сооружении погребально-поминальных комплексов использовалась четырехугольная и круглая планировки, техника каменной кладки, технологии деревообработки. В качестве вспомогательного материала для устройства жилищ мертвых также прослеживается использование камыша, кустарника, войлока, щебня, земли [Акишев, Кушаев, 1963, с. 26–27, 77].

Отсутствие датирующих предметов усложняло вопрос хронологической принадлежности памятника. К.А. Акишев сравнивал устройство бешатырских курганов с памятниками раннескифского времени, например, с наземной постройкой, выявленной при раскопках кургана у с. Жаботин и датируемой VII–VI вв. до н. э. [Акишев, Кушаев, 1963, с. 79–80]. Исследователь считал, что гробницы Бешатыра близки по времени погребальным сооружениям скифского общества VII–IV вв. до н. э. [Акишев, Кушаев, 1963, с. 80]. Из раскопок бешатырских курганов происходят немногочисленные находки: бронзовый четырехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой (к. 6), фрагменты керамики и кусочки золотой фольги (к. 8) и др. [Акишев, Кушаев, 1963, с. 65].

К числу объектов, датируемых раннесакским временем, относится Жалаулинский клад, найденный в 1988 г. школьниками одноименного села в Алматинской области. В его составе - несколько сот золотых изделий общим весом более полутора килограммов [Тасмагамбетов, 2003; Самашев, Григорьев, Джумабекова, 2005; Культура саков и усуней..., 2011, с. 50–74]. Вероятно, они происходят из разграбленного кургана. Но, конечно, ценность его не в золоте как таковом. Он представлен художественными изделиями раннесакского времени. Относительно функциональной принадлежности предметов единого мнения нет. Наиболее крупное из украшений Жалаулинского клада – нагрудное украшение – пектораль в форме лунницы. Она изготовлена из массивной золотой пластины, на поверхности которой в четыре ряда напаяны несколько десятков миниатюрных скульптурок архаров с поджатыми под брюхо ногами. На бедре и лопатках архаров сделаны клювовидные отверстия – касты – для инкрустаций. Архары повернуты головами к центру пекторали. Все про-

странство между изображениями архаров заполнено шариками зерни. Есть также предположение, что это изделие могло быть нагривником в составе ритуального убранства коня [Алтынбеков, 2014].

Клад из Биже. В составе находок из Биже были удила [Акишев К.А., Акишев А.К., 1978]. Они бронзовые, литые, с прямоугольным стремечком и упором, а также с полуовальным стремечком и дополнительным отверстием. Поверхность стержней покрыта орнаментом в виде нарезных и выпуклых прямоугольников и квадратов. Псалии (опоры) удила двух видов, первый – слабоизогнутый, трехдычатый, бронзовый, с продолговатым срединным отверстием. На одном конце псалия дисковидное уплощение, лежащее в той же плоскости, что и центральное отверстие, другой конец оформлен в виде расширяющегося к концу конуса. Второй псалий – дуговидный – с тремя круглыми отверстиями. Один конец имеет эллипсоидное утолщение, другой – коническое. В состав сбруйного набора входят бронзовые наверхшия, украшенные головками горных козлов. Они имеют втулки в виде усеченного конуса. В числе других вещей – бронзовые бляшки в виде колечек, украшавшие ремни повода; бронзовые распределители ремней узды; петельная бляха и две подвески. Датируется клад второй половиной VIII–VII вв. до н. э. Интересно, что в этом же районе также случайно был найден бронзовый кинжал длиной 39 см с прямым перекрестием и овальной в сечении рукоятью с грибовидным навершием. Кинжал датируется VIII в. до н. э. Эти находки позволяют судить о том, что VIII–начало VII вв. до н. э. были временем сложения сакской культуры Жетысу, уходящей корнями в эпоху поздней бронзы.

Курган Иссык – это одно из грандиозных сооружений могильника сакского времени, сопоставимое по значимости с такими известными памятниками эпохи раннего железного века, как Аржан-1, Аржан-2, Чертомлык, Куль-Оба, Толстая Могила, которые толкуются исследователями как герросы скифов. Диаметр кургана Иссык достигал 60 м, высота – 6 м, крутизна склонов составляла 45–50° [Акишев, 1978]. Курган по размерам относится исследователями к категории «царских». Теоретически вычисленный объем кургана равен 8600 м³. При возведении данного сооружения вручную понадобилось примерно 3000–4000 человеко-дней [Акишев К.А., Акишев А.К., 1982, с. 92]. Насыпь, по мнению исследователей, представляла собой сложное сооружение в виде правильного конуса. Изучение стратиграфии наземного сооружения показало, что насыпь была многослойная. При зачистке основания кургана были выявлены два захоронения: центральное и боковое. В центральной могиле зафиксированы следы хищнического ограбления. В могильной яме, где было совершено боковое захоронение, был установлен пятивенцовый сруб из обработанных бревен тяньшанской ели. Возраст погребенного, примерно, определяется в интервале от 18 до 25 лет. Его рост, видимо, был не ниже 165 см [Акишев, 1978, с. 15; Акишев К.А., Акишев А.К., 1982, с. 92]. Археологами зафиксированы предметы украшения одежды, вооружения, туалета. В районе головы было найдено свыше 150 предметов: серьга, декорированная шариками зерни и бирюзовыми бусинами, гривна. На туловище сплошным слоем лежали золотые бляхи и мелкие пронизки. Вокруг пояса находились массивные бляхи, происходящие от поясной гарнитуры. На пальцах рук было нанизано два перстня. Из предметов вооружения обнаружены остатки железного меча и ножен; железный кинжал в ножнах; остатки древка и золотой наконечник стрелы, а также плеть. У черепа – большое бронзовое зеркало, поверх которого фиксировался кусочек охры, некогда, вероятно, находившиеся в сумочке. Южную

и западную части камеры занимала посуда, установленная в определенном порядке – 16 глиняных сосудов, три металлических чаши (две серебряных и одна – бронзовая), два деревянных блюда, изготовленных из березы, серебряная ложка и деревянный черпак. Всего в погребальной камере было найдено свыше 4000 золотых предметов, 26 бусин из сердолика и пасты. Надпись на серебряной чаше до сих пор не расшифрована.

В первую очередь, выделяется кулах – островерхий головной убор, декорированный тремя фризами [Акишев, 1978]. Нижний фриз — это кольцевидная пластина с растительным орнаментом. Выше неё размещены изображения реальных зверей: тигры, львиные головы в фас. Верхний фриз составлен изображениями гор или горной цепи с деревьями, птицами, горными козлами по сторонам. Справа и слева по бокам над горами помещены изображения крылатых тигрогрифонов. Сзади – фигура бескрылого тигра с вывернутым телом. В налобной части кулаха помещена золотая скульптурная эмблема в виде протом крылатых и рогатых коней с выступающими из их спин четыремя золотыми «стрелами».

Иссыкский вождь, в итоге, носил высокий остроконечный кулах с нащечными лопастями и языком, защищающим шею сзади; короткую красную замшевую куртку, запахнутую справа налево, на которую были нашиты тысячи декоративных золотых бляшек; красные узкие штаны и короткие мягкие сапоги с обшитыми бляшками голенищами. Иссыкский золотой костюм свидетельствует о высоком социальном статусе погребенного, что подчеркивалось красной («огненной») и золотой (солнечной) окраской, сакральными орнаментами и атрибутами (гривна, перстни, пояс, оружие, ритуальная посуда и т. д.). находка из Иссыка свидетельствует о том, что утилитарная одежда (катафракт) превращалась постепенно в ритуальную, а первоначальные функции (защита тела при вооруженной борьбе) приобретали символическую окраску. Иссыкский костюм символизирует соединение военной и жреческой функций в лице сакского вождя [Акишев А.К., 1981; 1984; Нурмуханбетов, Загородний, 1984].

В 1985–1986 гг. в 40 км к западу от Алматы, на окраине с. Шамалган (Чемолган) Алма-Атинской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова проводились раскопки двух могильников Молалы и Шубарат. В общей сложности было изучено 52 кургана. Полученный материал позволил Б.Н. Нурмуханбетову и Ю.И. Трифонову датировать памятники V–IV вв. до н.э.

Могильник Молалы-1 состоял из 30 курганов, организованных в две цепочки. Первая образована из наиболее крупных курганов, насчитывающая 17 объектов. По величине и топографии они подразделяются на три группы: северную, южную и центральную. Четыре кургана попарно располагались на северной оконечности центральной и южной группы. Вторая цепочка менее протяженная, состояла из восьми курганов, размещенных попарно и одного крупного кургана. Здесь выделено две группы объектов, принадлежащие, как полагают археологи, исследовавшие памятник, двум ранжированным слоям населения, различающегося по социальному статусу и имущественной составляющей. Всего на памятнике раскопками изучено 20 курганов.

Исследователи отмечают, что группы крупных и мелких курганов Молалы отличаются тем, что в центральных могилах фиксировались сопроводительные захоронения собак. Признаком, объединяющим объекты, являются устойчивые элементы погребального

обряда: западная ориентировка; положение погребенных вытянутое, на спине. На основе этих наблюдений Б.Н. Нурмуханбетов и Ю.И. Трифонов заключают, о непрерывной линии развития культуры населения, обитавшего в данной местности.

Могильник Шубарат находится в низине одноименного урочища, образован более чем 200 курганными объектами. Курганы расположены в виде цепочки, ориентированной с юга – со стороны гор, на север и растянутой почти на 2 км. Б.Н. Нурмуханбетов и Ю.И. Трифонов отмечают, что чем ближе к долине, тем цепочка становилась более многорядной. Исследователи обратили внимание на строительные принципы, использовавшиеся при возведении погребальных сооружений. Насыпь шубаратских курганов была образована четырьмя слоями: двумя земляными и перемежающихся с ними двумя каменными. Дальнейший анализ позволил Б.Н. Нурмуханбетову и Ю.И. Трифонову выделить три условных типа сооружений, с двумя вариантами в каждом. На одном из курганов могильника Шубарат зафиксирован длинный коридор, который исследователями толкуется двояко – либо это древний грабительский лаз, либо дромос.

Несмотря на то, что исследование могильников Молалы и Шубарат проводилось в аварийном порядке, получена колоссальный объем информации, обогащающий имеющиеся представления об облике культуры населения, обитавшего в Жетысу в синхронно с создателями иссыкских усыпальниц.

В настоящее время в районе Алматы имеется лишь один памятник ранних кочевников, хорошо сохранивший свою топографию и элементы исторического ландшафта, это – некрополь Боролдай, расположенный на северной окраине Алматы и насчитывающий более 40 курганов [Самашев и др., 2006]. Курганы различаются по размерам, что свидетельствует о сложной социальной стратификации сакского общества. Предполагается, что наиболее крупные курганы возводились для кочевой элиты, то есть лиц высшего социального ранга, уровня племенных вождей, средние – для племенной аристократии и воинской знати, малые – для рядовых соплеменников. Курганы, крупнейшие из которых достигают 16–18 м и имеют 90–100 м в диаметре, тянутся цепочками вдоль речных террас и по краям сухих русел.

Примечательно то, что на Боролдае, с восточной стороны самого большого кургана (№ 16) найден камень, на одной из сторон которого сохранилось изображение со сценой терзания кошачьим хищником травоядного. Композицию сопровождает изображение зайца, расположенное в нижней части поверхности [Самашев и др., 2006, с. 30–33].

Одним из крупных могильников эпохи раннего железного века является Бериккара. Памятник расположен в местности у выхода из одноименного ущелья. Здесь сконцентрировано великое множество объектов погребально-поминального характера, в общей сложности насчитывающее порядка 457 курганов и каменных выкладок [Бабанская, 1956; Байпаков, Воякин, 2014]. Памятник образован из 31 группы объектов, в каждой из которых насчитывается от 5 до 20 курганов, организованных в одну или несколько цепочек. Обряд погребения, зафиксированный на памятнике – ингумация. Беркаринцы укладывали умершего на спину, головой на запад. В качестве элементов сопроводительного комплекса отмечаются мечи, стрелы, колчаные крюки, сосуды, украшения.

К сакскому времени восходят величественные гробницы на могильнике Жетытобе. Памятник находится неподалеку от г. Тараз, в предгорной равнине, сформированной вдоль

северной части гор Кыргызского Алатау недалеко от поймы р. Талас. Впервые памятник открыт в 1867 году П.И. Лерхом, позже обследовался Е.Ф. Калем [Байпаков, Воякин, 2014]. В 1986 г. здесь работала археологическая экспедиция Свода памятников истории и культуры Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова под руководством Р. Б. Исмагилова, которая продолжила раскопки могильника, начатые годом ранее П. Е. Каратаевым [Сейткалиев, 2014]. На памятнике фиксировалось 25 насыпей, организованных в виде двух параллельных цепочек, ориентированных по линии ССВ–ЮЮЗ. Протяженность могильника 1,5 км. Он занимает ровную площадь, с востока на запад переосеченную саями. Одна цепочка состояла из семи курганов диаметром от 50 до 73 м, высотой от 4 до 7 м и одной небольшой. Вторая цепочка находилась к западу от первой и включала в себя 17 курганов и несколько десятков набросов камней. Диаметр насыпей варьирует от 8 до 40 м, высота – от 0,1 до 3 м. В 1986 г. на могильнике было раскопано 13 объектов западной цепочки. Исследователи отмечали, что все погребения группы были подвергнуты в древности полному разграблению [Сейткалиев, 2014]. Спустя 26 лет к изучению могильника вернулась группа археологов под руководством К.М. Байпакова [Байпаков, Воякин, 2014].

Раскопками было исследовано два «царских» кургана (№№ 1 и 2), диаметром 50 и 73 метра, высотой 4 и 6 м. Они представляют собой сложные многокомпонентные палеоархитектурные объекты, сооруженные с использованием земли, камня, дерева и тростника. В кургане № 1 были похоронены двое мужчин в возрасте 45 и 35 лет; в кургане № 2 также был погребен мужчина. Как отмечают исследователи, погребенные сопровождалась захоронением коней, собак и ловчих птиц. Поскольку курганы подвергались сильным ограблениям, то из находок были встречены разрозненные бляшки, выполненные из листового золота и некогда декорировавшие одежду. Из числа находок исследователи также отмечают, что в кургане № 1 выявлено около 20 глиняных сосудов, а в кургане № 2 их более 50. Форма сосудов разнообразна: лепные горшки, кувшины, изготовленные на гончарном круге, котлы. Также были встречены фрагменты каменных жертвенников. Полученные находки позволяют датировать изученные курганы №№ 1 и 2 VI–III вв. до н. э. [Байпаков, Воякин, 2014, с. 158].

В Жетысу, на одном из крупнейших конусов выноса, образуемым р. Шелек у крайних восточных отрогов хребта, сосредоточено большое количество курганных могильников свидетельствующих о высокой плотности населения этих мест [Амиров, 2016]. По обоим берегам реки выявлены царские курганы, включая Чиликский могильник с усеченноконическими и пирамидальными курганами. При этом практически вся периферия конуса выноса реки Шелек занята погребальными полями рядового или близкого к нему по статусу населения.

Северо-восточная подошва конуса выноса занята могильником Каратума, протянувшимся с запада на восток на 3 км [Амиров, 2016; Байпаков, Воякин, Захаров, 2016]. В пределах могильника курганы образуют несколько локальных групп отделенных друг от друга свободным пространством протяженностью 0,3–0,5 км. Эти скопления проявляют высокую кучность и располагаются вдоль мелких сухих русел радиально расходящихся от вершины конуса выноса Шелека. В большинстве случаев удается проследить цепочки, ориентация которых совпадает с вышеназванными руслами.

Могильник Каратума насчитывает 1070 курганов, сложенных из земли и мелкого щебня. Высота курганов варьирует от 0,1 до 1,3 м, диаметр от 4 до 14 м. Курганы содержат от одной до четырех могильных ям, ориентированных в широтном направлении. В некоторых погребениях фиксируются остатки деревянного перекрытия. В могилах выявлены захоронения от одного до трех индивидов. Предметы сопроводительного комплекса аскетичны и однообразны. В основном, это керамика, изредка железные ножи, украшения, предметы поясной гарнитуры, крайне редко оружие. Погребения характеризует высокая степень ограбленности (89%) и плохая сохранность останков и инвентаря. Могилы вырыты в аллювиальном щебенистом грунте на границе заболоченной дельты Шелека и, видимо, грунтовые воды, временами поднимаясь, оказывали негативное влияние на сохранность погребений.

По своим характеристикам материалы могильника Каратума демонстрируют сходство с чильпекским типом памятников. В то же время датируется он интервалом от VI в. до н. э. до III в. до н. э. [Амиров, 2015, с. 165]. Особенностью данного могильника как и других могильников такого рода, является отсутствие в погребениях предметов конского снаряжения и совершенно незначительное количество предметов вооружения. Это существенное отличие погребальной обрядности сако-усуньского населения Жетысу от других культур сакского круга, проявляемое на этнографическом уровне, что отражает его культурную специфику.

Могильник Улжан находится на территории одноименного микрорайона в г. Алматы, на левом берегу р. Б. Алматинка [Амиров, 2008; Нурпеисов и др., 2008; Байпаков, Воякин, 2014]. Памятник образует пять курганов с насыпью из земли и камня, вытянутых в виде цепочки направлением С–Ю. Южнее могильника Улжан находится еще один памятник, обозначенный как Улжан-2. Он также образован из пяти курганов более меньших размеров и вытянут по линии СВ–ЮЗ. Раскопками исследовалось несколько курганов. Один из них (№ 4) имел диаметр 55–60 м и высоту 5 м. В погребальной камере выявлены разрозненные человеческие кости, кости животных, фрагменты керамики, фрагменты сосуда, изготовленного из камня, золотые бляшки. Исследователи склонны считать, что курган № 4 могильника Улжан представлял собой сложное архитектурное сооружение. В его конструкции отмечается два основных элемента. Анализ погребальной конструкции, прослеживаемой в глинобитном сооружении, специалисты предлагают считать мавзолеем, наполовину заглубленным в землю. Для интерпретации намогильного сооружения исследователи реконструируют архитектурный прием «дынг», являющегося распространенной формой такого плана конструкций. В стратиграфии прослеживаются четыре слоя. Археологи считают, что между насыпкой слоев интервал мог быть довольно продолжительным и мог исчисляться количеством проведенных тризн, в процессе которых и выполнялись эти действия [Байпаков, Воякин, 2014, с. 124–125]. По находкам курган № 4 могильника Улжан датирован V–IV вв. до н. э. В ходе раскопок кургана № 3 в насыпи был выявлен бронзовый котел. Сравнительно-типологический анализ металлического сосуда укладывается в интервал между IV и III веками до н. э.

Определенный интерес представляют две новые находки, происходящие из могильника Кайтпас-1, расположенного на окраине г. Шымкент в Южном Казахстане. По описанию Б. А. Байтанаева, исследовавшего памятник в 2012 г., материалы происходят из кургана № 2, содержавшего парное погребение [Байтанаев, 2013, с. 88]. Предметы представляют

собой два золотых диска диаметром 6,7 см по внешнему контуру и 3 см – по внутреннему. В центральной части дисков были вставки из кости. По внешнему краю дисков фиксируется 12 сквозных отверстий, в двух из которых сохранились согнувшиеся золотые гвоздики длиной 6 мм. Изображения на дисках выполнены штампом. Изделия парные.

Уникальная находка из могильника Кайтпас-1 требует детального рассмотрения в контексте изучения особенностей культуры населения, оставившего данный тип курганов, и т. д. Пока можно отметить лишь в общих чертах особенности изображения на дисках. Здесь в узкое пространство диска по кругу вписано по одному изображению фантастического животного, у которого голова птицы с мощным, открытым клювом с восковицей, характерные лопатовидные рога лося, хвост кошачьего хищника, завершающийся колечком. Видимо, форма предмета предполагает наличие круговой композиции, которая также может заключаться в фигуре зверя, свернувшегося в кольцо. Изображение выполнено настолько стилизовано, что, во-первых, возникают затруднения с идентификацией лап животных и, во-вторых, в присутствующих завитках как будто угадывается намек на наличие крыльев, которые одновременно напоминают роговидные отростки, птичьих головы и т. п.

То, что на одном предмете животное обращено вправо, на другом влево предполагает их симметричное крепление, образующее геральдическую композицию. Подобные зооморфные изображения имеют место в искусстве пазырыкской культуры. В то же время удлинённые пропорции тела наталкивают на мысль о присутствии драконовидного существа.

Несмотря на переключку с изобразительными памятниками пазырыкской культуры, Кайтпас-1 вряд ли нужно связывать с этой археологической культурой, но стилистические особенности изображения на дисках, усиленные указанной «драконовидностью», наталкивают на мысль «об ушедших на запад» юечжах. Б.А. Байтанаев датирует Кайтпас-1 на основании керамических сосудов, имеющих аналогии в керамике Согда, IV–II вв. до н. э. [Байтанаев, 2013, с. 88].

Богатое захоронение III–II вв. до н. э. выявлено в одном из курганов могильника Тенлик в долине р. Каратал в восточном Жетысу. Одежда знатного кочевника была украшена сотнями золотых художественных бляшек, в том числе с изображением всадника в плаще. Здесь же найдены жезловидные заколки или булавки, обтянутые золотым листом и богато орнаментированные розетками. Кроме того, найдены бронзовое зеркало, деревянная шкатулка, украшенная полосками золота [Акишев, 1977; 1983]. Изображения коня на бляхах из Тенлика дают представление о породе местных лошадей. Они отличались общей массивностью, сильно развитой грудью и крупной головой на толстой шее. Эти изображения выделяются среди всех известных изображений лошадей Евразии, но близки изображениям усуньских лошадей, представленным на ханьской черепице последних веков до нашей эры [Заднепровский, 1962].

Могильник Катартобе, расположен на предгорной площадке в долине р. Шалкоде, состоит из более чем 50 разновременных погребально-поминальных сооружений. Вытянут цепочкой с севера на юг. Образован четырьмя группами курганов, среднего и крупного размеров. Конструкция курганов типична для Жетысу: присутствует панцирь из окатанных камней, рвы вокруг крупных курганов. Фиксируются каменные дорожки.

Курган № 2. Наземная часть состоит из трех стратиграфических слоев. Выделяется насыпь непосредственно над могильной ямой, вал вокруг ямы из суглинка, каменный панцирь из небольших и средних по размеру окатанных камней. Зафиксировано упорядоченное положение камней в один слой. По периметру наземная конструкция укреплена рядом из крупных камней, образующих ограду. Один из удивительных конструктивных элементов – каменная дорожка из двух рядов окатанных камней шириной 1 м с перемычками. Подобные околочурганские каменные выкладки выявлены на некрополе Жуантобе (Алматинская обл.). Отличие состоит в том, что на Жуантобе пространство между рядами камней было заполнено мелкими камнями с глиной. Из находок в разграбленном центральном погребении авторы называют проволочную серьгу из желтого металла (III–II вв. до н. э.); чашеобразный сосуд, железный кинжал, наконечники стрел (три костяных, один железный). Могильные ямы грунтовые, стенки центральной ямы были облицованы окатанными камнями, дно выстлано плитами. Боковое захоронение с бревенчатым перекрытием, меньших размеров. Во втором погребении была выявлена коллекция керамических сосудов [Чотбаев и др., 2012; Чотбаев, Онгар, 2014].

О сохранении региона Жетысу как одного из политарных центров свидетельствуют такие памятники, как погребально-поминальный комплекс Каркара, расположенный в Райымбекском р-не, Алматинской обл. В предгорной долине Каркара выявлено 4–5 групп курганов. Восточная цепочка состоит из восьми больших курганов. Курган № 1 стоит отдельно на юго-восточной окраине группы. В процессе археологического изучения выявлено, что погребально-поминальный комплекс состоит из наземного сооружения (курган), околочурганного пространства (курганы-ограды, ограды и каменная «дорожка»), рва и внекурганских сооружений. Памятник окружает ров. Комплекс имеет значительные размеры: 125 x 127 м. Курган традиционно покрыт каменным панцирем. Окружен крепидой из крупных валунов, перекрытых сверху мелкими камнями. В результате исследования только одного юго-западного сектора между подошвой кургана и рвом выявлено 32 объекта: ограды; курганы-ограды. По мнению авторов раскопок, они были сооружены намного позже, чем сам курган, в гунно-сарматское время [Онгар и др., 2014].

Обращает на себя внимание, что элитарные курганы располагаются в предгорных долинах, на «прилавках», в наиболее благоприятных условиях, позволяющих использовать близлежащие горные пастбища как жайлау.

Жетысу – регион, в древности являвшийся одним из политических, административных и религиозных центров раннегосударственного образования саков. Об этом ярко свидетельствуют многочисленные курганы, рассеянные компактными группами во всем регионе. Обычно они образуют цепочки, протянувшиеся в меридиональном направлении.

В горно-долинной и степной зоне Евразии известно несколько неогранных комплексов с элитными погребениями I тыс. до н. э. Помимо обилия золота в облачении этих представителей древнего общества, отмечается глубокий символизм в топографии элементов костюма и репертуаре зооморфных образов. Золото в силу ряда свойств, как «неуничтожимый» материал, символизировало «воплощение идей бессмертия, вечности, всемогущества». По мнению А. Акишева, понятия «красный», «желтый» и «золотой» – тона, которые входят в цветовые предпочтения не только населения раннего железного века, но и преобладали в символике царей, знатного и жреческого, высшего воинского сословий. Они входят

в терминологию солнечных культов [Акишев, 1984, с. 132]. Удивительное сходство ряда памятников древнего искусства, костюмов и черт погребальной обрядности из элитных погребений степного пояса Евразии I тыс. до н. э., видимо, объясняется тем, что элитарный характер погребений наиболее ярко отражает основные черты мифо-ритуального комплекса, который в погребально-поминальной обрядности находит явное выражение. Сходные черты предполагают продвижение степняков из «Казахстана на Алтай и далее на север вдоль Оби и фаса Алтайских гор» [Шульга, 2003, с. 120].

Кималья Алишер Акишевына основе анализа ряда факторов: природно-климатического и ландшафтного, культурно-хозяйственного, типов погребальных сооружений, палеоантропологического типа населения и их принципиальном сходстве пришли к выводу о близости сакских культур «полосы гор», включающей Жетысу, Восточный Казахстан, Алтай, Туву, частично Минусинскую котловину, Северный Кыргызстан, Прииссыккулье. «Полоса гор» выделяется как особая географическая, экологическая и этнокультурная область, с тесными контактами с Центральной Азией и Приаральем [Акишев К.А., Акишев А.К., 1997, с. 36].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев А.К. Костюм «Золотого человека» и проблема катафрактария // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 123–131.
- Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.
- Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 31–46.
- Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.
- Акишев К.А. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата: Онер, 1983. 264 с.
- Акишев К.А. Феномен элитарных курганов Северного Тянь-Шаня // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху: матер. засед. Круглого стола (22–24 декабря 1994, Санкт-Петербург). СПб., 1994. С. 8–11.
- Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана: сб. научн. ст. Алма-Ата, 1978. С. 38–63.
- Акишев К.А. Акишев А.К. Искусство саков Семиречья // Наука и человечество: международный ежегодник. 1982. С. 89–98.
- Акишев К.А., Акишев А.К. Саки Жетысу: социум и культура // Новости археологии. Туркестан, 1997. С. 30–37.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Издательство АН КазССР, 1963. 298 с.
- Алтынбеков К. Возрожденные сокровища Казахстана: опыт научной реставрации. Алматы: Остров Крым, 2014. 360 с.: ил.
- Амиров Е.Ш. Археологические исследования на могильнике Улжан (предварительные итоги) // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2008. № 1. С. 29–34.
- Амиров Е.Ш. Подвески-костыльки из могильника Каратума (к расширению серии из долины р. Или) // Казахстанская археология и этнология: прошлое, настоящее и будущее: матер. междунар. научн.- практич. конф. «VII Оразбаевские чтения», приуроченной к 550-летию образования Казахского ханства, 20-летию Ассамблеи народа Казахстана. Алматы, 2015. С. 163–165.

- Амиров Е.Ш. О военном деле и хозяйственной специфике населения Жетысу в сако-усуньский период (по материалам могильника Каратума) // Международный электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2016. № 2 (06). URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/459>. Дата обращения: 07.09.2017.
- Бабанская Г.Г. Беркаринский могильник // Тр. ИИАЭ КазССР. 1956. Т. 1.
- Байпаков К.М. Археологические исследования в Казахстане (1991–1995) // РА. 1996. № 1. С. 232–248.
- Байпаков К.М. История развития археологии Казахстана в структурах Институтов истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР и Института археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК // Қазақстанның тарих ғылымы: Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының 60-жылдығына арналады. Алматы: “МерСал” баспа үйі, 2005. С. 139–192.
- Байпаков К.М. Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. Алматы: Институт археологии, 2008. 173 с. (каз., рус., англ.).
- Байпаков К.М., Воякин Д.А. Выдающиеся археологические памятники Казахстана. Алматы: б/и, 2014. 504 с.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы: Археологическая экспертиза, 2016. 672 с.
- Байпаков К.М., Петенева Г.Г. Институту археологии 10 лет // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. 2001. № 1. С. 3–31.
- Байтанаев Б.А. Золотые диски могильника Кайтпас // Археология Казахстана: итоги и перспективы: матер. междунар. научн.-практ. конф. (5 декабря 2013). Алматы, 2013. С. 88–89.
- Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. памяти выдающегося казахского археолога К. А. Акишева. Алматы, 2015. С. 7–34.
- Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Баринова Е., Крешиоли Л. Археологические исследования могильника раннего железного века Каспан-6 в Жетысу // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. Алматы, 2015. С. 59–70.
- Гасс А. К проблеме изучения памятников раннего железного века Юго-Восточного Семиречья в свете данных геoarхеологических исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3 (47). С. 57–69.
- Гасс А. Радиоуглеродная хронология памятников раннего железного века Юго-Восточного Жетысу // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. Алматы, 2015. С. 84–89.
- Горячев А.А. Могильник раннего железного века археологического комплекса в верховьях ущелья Тургенъ // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. 2007. № 1. С. 3–14.
- Горячев А.А. Поселение и могильник раннего железного века археологического комплекса Тургенъ-II // Вопросы археологии Казахстана: сб. научн. статей, посвящ. 75-летию Б. Нурмуханбетова. Алматы, 2011. Вып. 3. С. 325–341.
- Горячев А.А., Егорова Т.А. Поселения раннего железного века в ущелье Бутаковка (юго-восточная окраина г. Алматы) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. Алматы, 2015. С. 90–99.
- Горячев А.А., Мотов Ю.А. Результаты исследований археологического комплекса Бутақты-1 на юго-восточной окраине города Алматы в 2010 г. // Изв. НАН РК. Сер. обществ. и гуманитар. наук. 2012. № 3. С. 3–15.
- Горячев А.С., Сараев В.В. Поселения раннего железного века на северных склонах Иле Алатау // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Алматы, 2017. С. 123–132.
- Григорьев Ф.П., Чанг К. Клад металлических изделий эпохи бронзы из Северо-Восточного Семиречья // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2006. Вып. 2. С. 148–158.

- Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Художественные бронзы Жетысу. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 120 с.
- Доклады ученых на торжественном заседании, посвященном открытию АН КазССР 1–6 июня 1946 г. // Научный архив «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 38.
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Жандаев Ж.Ж. Природа Заилийского Алатау. Алма-Ата: Казахстан, 1978. 159 с.
- Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л. 1962.
- Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. 220с.
- Краснов А.Н. Очерк быта Семиреченских киргиз // ИРГО, 1887. Ч. XXIII. С. 436–481.
- Культура саков и усуней Казахстана в археологических коллекциях Центрального государственного музея Республики Казахстан. Научный каталог. Алматы: Өнер, 2011. 320 с. (каз., рус., англ.)
- Маргулан А.Х., Агеева Е.И. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 гг.) // Изв. АН КазССР. Сер. археол. 1948. Вып. 1. С. 124–135.
- Марьяшев А.Н. Новые материалы о поселениях эпохи бронзы в горах Баян-Журек // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2002. № 1(236). С. 23–30.
- Марьяшев А.Н. Поселения и металлургические комплексы в ущелье Музбулак // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2003. № 1. С. 20–34.
- Мотузайте Матусевичус Г. Рацион питания населения Каратумы, определенный с помощью анализа костного коллагена // Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы: Археологическая экспертиза, 2016. С. 623–633.
- Нурмуханбетов Б., Загородний А. Путь к «Золотому воину» // Памятники истории и культуры Казахстана. Сб. подг. центральным советом ООПИК КазССР. Алма-Ата, 1984. С. 58–63.
- Нурмуханбетов Б.Н., Трифионов Ю.И. Курганные могильники Шубарат и Молалы (краткая характеристика, культурно-хронологический анализ) // Саки и савроматы казахских степей: сб. научн. ст., посвящ. памяти археолога Б. Нурмуханбетова. Алматы, 2016. С. 10–19.
- Нурмуханбетов Б.Н., Тулегенов Т.Ж. Аварийно-охранные раскопки на левобережной части могильника Иссык // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. памяти выдающегося казахского археолога К. А. Акишева. Алматы, 2015. С. 194–195.
- Нурпеисов М., Джумабекова Г., Бесетаев Б., Чотбаев А., Толегенов Е. Исследование аварийного кургана № 2 сакского могильника Улжан на территории города Алматы // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи: сб. матер. междунар. научн. конф. Астана, 2008. С. 225–240.
- Об Институте. Интернет-ресурс. Официальный сайт Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова. URL: <http://iie.kz/> Дата обращения: 07.09.2017
- Ожерельев Д.В. Новейшие открытия палеолитических памятников в Юго-Восточном Казахстане // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 182–192.
- Онгар А., Киясбек Г., Хасенова Б., Бесетаев Б., Кожаметов Б. Новые результаты исследования погребально-поминального комплекса Каркара (по материалам раскопок 2012–2014 гг.) // Всадники Великой степи: традиции и новации / Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. 2014. Т. 4. С. 29–57.
- Панюшкина И.П., Григорьев Ф.П., Лейндж Т. Возраст Третьего Бесшатырского кургана по дендрохронологическим и радиоуглеродным данным (около 550 г. до н. э.) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. памяти выдающегося казахского археолога К. А. Акишева. Алматы, 2015. С. 202–207.
- Рогожинский А.Е. Незадолго до Чжан Цяня (след движения номадов из центра Азии на Запад в последние века до нашей эры) // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 527–550.
- Самашев З., Джумабекова Г., Нурпеисов М., Чотбаев А. Древности Алматы: курганы Боролдая. Алматы: Археология, 2006. 216 с.
- Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. Алматы: Археология, 2005. 184 с.

- Самашев З., Наглер А., Парцингер Г., Наврот М. Совместные германско-казахские исследования больших сакских курганов Семиречья // Пятая Кубанская археологическая конференция: матер. конф. Краснодар, 2009. С. 350–352.
- Сатпаев К.И. Состояние и основные проблемы науки в Казахстане. В: Доклады ученых на торжественном заседании, посвященном открытию АН КазССР 1–6 июня 1946 г. // Научный архив «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 38.
- Сейткалиев М.К. Жетытобинский грифон (к вопросу о переднеазиатском влиянии на искусство кочевников Семиречья) // Маргулановские чтения–2014: матер. междунар. научн.-практич. конф., посвящ. 110-летию академика А. Х. Маргулана. Алматы–Павлодар, 2014. С. 363–373.
- Тасмагамбетов И. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. Алматы: ОФ «Берел», 2003. 336 с.
- Чотбаев А., Онгар А. Некрополь Катартобе – памятник кочевой элиты Восточного Жетысу // Всадники Великой степи: традиции и новации / Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. 2014. Т. 4. С. 63–87.
- Чотбаев А., Онгар А., Киясбек Г., Рахманкулов Е., Кожаметов Б., Бесетаев Б.Б. Начало исследования на Катартобе // Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. 2012. Т. 1. С. 118–125.
- Чупахин В.М. Физическая география Казахстана. Алма-Ата: Мектеп, 1968. 260 с.
- Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть 4а. Барнаул: АлтГУ, 2003. 204 с.
- Beisenov A.Z., Kreshioli L., Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A., Barinova E. The early iron age burial ground Kaspan-6 in Jetusy // Theory and practice of archaeological researches. 2017. № 2 (18). С. 97–108.
- Chang C., Benecke N., Grigoriev F.P., Rosen A.M., Tourtellotte P.A. Iron Age society and chronology in South-east Kazakhstan // Antiquity. 2003. № 77. С. 298–312.
- Dolukhanov P.M., Romanova Y.N., Semyontsov A.A. Radiocarbon dates of the Institute of Archaeology II // Radiocarbon. 1970. Vol. 12 (1). P. 130–155.
- Nagler A., Samašev Z., Parzinger P., Nawroth M. Südkasachstan: Kurgane Asy Zaga, Kegen und Žoan Tobe // Archäologische Forschungen in Kasachstan, Tadschikistan, Turkmenistan und Usbekistan. Berlin, 2010. С. 49–54.
- Panyushkina I., Grigoriev F., Lange T., Alimbay N. Radiocarbon and tree-ring dates of the Bes-Shatyr №3 saka kurgan in the Semirechiye, Kazakhstan // Radiocarbon. 2013. Vol. 55 (3). P. 1297–1303.
- Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Ramsey C.B., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hafliðason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., Plicht J.v.d., 2013. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP, Radiocarbon 55, 1869–1887.
- Stuiver, M., Reimer, P.J., and Reimer, R.W., 2013, CALIB 7.0. [WWW program and documentation]. URL: <http://radiocarbon.pa.qub.ac.uk/calib/calib.html>

ГЛАВА VI

РАННЕСАКСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРИАРАЛЬЯ

Приаралье — историческое название региона, прилегающего к Аральскому морю. Впервые это название начали использовать российские географы в XVIII веке. Юго-Восточное Приаралье - район древней дельты Сырдарьи, соединяется на юго-западе с древней дельтой Амударьи и представляет собой «огромный треугольник, протяженностью свыше 400 км в широтном направлении и около 200 км – в меридиональном» [Тажикеев, 2011, с.9-10]. Запад этого региона ограничен берегом Аральского моря, юг - песками пустыни Кызылкум, на севере его граница идет примерно по современному руслу Сырдарьи ниже г. Кызылорда. Этот регион заполнен огромным количеством «староречий», вся эта система дельтовых протоков функционировала в разные периоды [Итина, 1992, с.31]. Вдоль Аральского моря простирается морская равнина, сложенная разнозернистыми песками, чередующаяся с солончаковыми понижениями. Климат резко континентальный, который выражается в частых суточных и годовых колебаниях температур на фоне общей засушливости [Тажекеев, 2011, с.10]. Присарыкамьшская дельта левобережья Амударьи является современной аридной зоной Средней Азии, она формировалась в течение верхнечетвертичного-современного периода и характеризуется, практически, плоской такыровидной поверхностью с общим уклоном в западном направлении. Низовья Сырдарьи, Амударьи были обводнены, кызылкумские пески обеспечивали хорошими сезонными пастбищами, что обуславливает расселение сакских племен на этой территории. [Итина, Яблонский, 1992, с.6).

Открытие раннесакских древностей в Южном Приаралье связано с многолетними исследованиями Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР. Начаты они С.П. Толстовым в 1946 г. и продолжились до 90-годов XX в. [Итина, 1992, с. 31]. Наиболее известные памятники, на которых несколько десятков лет велись непрерывные археологические раскопки, это Уйгарак, Тагискен (Тугискен) в Восточном Приаралье и Сакар-чага в Южном Приаралье.

Могильник Уйгарак расположен на границе дельтовой области Сырдарьи и пустыни Кызылкум в юго-западной части Кызылординской области на палеогеновом останце Уйгарак, по имени которого назван могильник. Исследования здесь велись в начале 60-х годов XX в., под руководством О.А. Вишневской [Толстой, Итина, 1966; Вишневская, 1976]. Памятник растянут на расстоянии до 2 км, в котором выявлено около 80 курганов, условно разделенных на три группы:

- 1) восточная – 30 курганов;
- 2) центральная группа – 27 курганов;
- 3) западная группа – 21 курган.

Насыпи курганов уплотненные, песчаные, высота их от 0,3 до 2,0 м; диаметр – от 10 до 40 м, большая их часть сосредоточена в широтном направлении [Вишневская, 1966, с. 8]. Исследовано примерно 70 курганов.

Погребения были выполнены в ямах и на уровне древнего горизонта. Выявленные ямы были большие прямоугольные и узкие. По деталям устройства прямоугольные ямы двух вариантов:

- 1) могилы с округлыми ямками по углам дна;
- 2) могилы с канавкой по периметру дна или только вдоль двух параллельных стенок, образуя подобие земляных «столов» [Вишневская, 1973, с. 60].

Округлые ямки, похожие на столбовые, являлись элементом ритуала. Они были расположены вокруг погребения, иногда в два ряда, при этом отсутствовали следы каких-либо погребальных построек. Встречаются и сравнительно узкие прямоугольные, близкие к овальным грунтовые ямы размерами 1,75 x 1,4–3 x 1,63 м. Глубина их в пределах от 0,62–1,35 м, и совсем мелкие могилы. Они были перекрыты хворостом и камышом, лежавшим на основе из жердей. Такие погребения были отнесены к третьему типу и датированы автором раскопок VII–VI вв. до н. э [Вишневская, 1973, с. 61; Итина, 1992, с. 38].

Могилы на древнем горизонте выявлены без грунтовых ям и составляли наибольшее количество – 42,25%, датируются они VI в. до н.э. Погребенные покоились на камышовой подстилке, вытянуто на спине. Головой они были ориентированы на запад или юго-запад. Над погребениями, были зафиксированы остатки сгоревшей погребальной постройки, покрытые слоем хвороста и камыша. В плане эти постройки круглые, овальные, реже — прямоугольные. Погребения на древнем горизонте, возможно, отражают древние идеологические представления, уходящие корнями в эпоху бронзы, где присутствовал сохранившийся у ранних саков тип погребального сооружения, обряд трупосожжения.

В погребальном обряде во многих случаях отмечены в ритуале применение огня. Они были характерны для погребений в могилах на древнем горизонте. Огонь играл определенную роль в обряде захоронения, он был важен в ритуале, иногда его присутствие обозначали угольками разбросанными, вокруг погребенного [Вишневская, 1973, с. 64].

Большинство уйгаракских могил ограблено. Однако, исследователям удалось провести палеоантропологический анализ материала из 16 объектов. В результате полученных результатов, О.А. Вишневская отмечает интересный факт, что ни в одной женской могиле нет оружия, а в мужских – предметов культового назначения, однако там и здесь зафиксированы элементы конской узды, посуда, ножи, бусы.

Как отмечалось выше, могильник Уйгарак был условно разделен на три части, интересны результаты археологических исследований, так в восточной группе были похоронены в основном женщины-жрицы, в центральной части были обнаружены погребения вооруженных всадников, среди которых были вожди, сочетавшие военную власть со жреческими функциями (курганы №№ 21, 25) и в западной группе были выявлены рядовые захоронения [Вишневецкая, 1973, с. 129].

Могильник Тагискен расположен на одноименном плато, в 200 км к западу от Кызылорды. Археологические раскопки на памятнике велись в 60-е гг. XX века, раскопано два могильника - Северный и Южный Тагискен. В последнем было исследовано 37 курганов под руководством М.А. Итиной, которые относятся к раннесакскому времени и датируются VII–V вв. до н.э.

Погребения в Южном Тагискене совершались, так же, как и на Уйгараке на древнем горизонте и в грунтовых ямах, в обряде часто встречаются сожжения, сверху которых насыпался курган. Сохранившаяся высота курганов 0,3–2 м, диаметр 10–40 м.

Погребальные камеры Южного Тагискена были ориентированы по сторонам света. Ямы были перекрыты деревянными балками. Сверху которых настилали слой камыша или мелких сучьев. Камышом устилали могильный выкид и древнюю дневную поверхность вокруг ямы, затем возводили курган. В некоторых погребениях, деревянный накат ямы поджигался и мгновенно заваливался землей, что приводило к неполному сгоранию. В некоторых случаях под насыпью курганов, вокруг ямы были зафиксированы горелые пятна — следы костров или разбросанных углей. На Тагискене, как и на Уйгараке были выявлены ямы, где по периметру стен были выкопаны углубления, так что покойник лежал как на земляном «столе» [Итина, 1992, с. 39]. Почти все захоронения на могильнике (33 случая из 37) совершены с использованием обряда ингумации. Наиболее распространенной формой погребальной камеры для могильника Южный Тагискен является широкая прямоугольная могильная яма без дромоса, с четырьмя ритуальными «столбовыми» ямками по углам, аналогичные могилам, выявленным на Уйгараке. Камеры ориентированы по сторонам света, с плоским несожженным деревянным перекрытием, с камышовым настилом на полу. Вокруг ямы, на некотором расстоянии от нее, шел неглубокий ровик (или его отрезки), также перекрытый слоем камыша, часто символично заменяя ров, разводили кольцевой костер. Например, в кургане № 32, диаметром 18–20 м могильная яма в плане была в виде неправильного четырехугольника. Ее размеры по дну 5,0 x 4,12 м, глубина 160 см от поверхности погребенной почвы. В яме по углам были выкопаны четыре ямки диаметром 50–60 см, глубина ямок 36–55 см. Между ними были выкопаны еще четыре столбовые ямки размеры их поменьше диаметр 20–30 см, глубина ямок 20 см. В них были обнаружены следы дерева. На дне ямы были выявлены остатки деревянных жердей диаметром 5–8 см, лежащих на слое коры, которой было выстлано дно ямы [Итина, Яблонский, 1997, с. 15]. Яму окружал кольцевой вал. К.Ф. Смирнов не исключает возможности того, что это «погребение переходного типа, сохраняющее черты древних мавзолеев эпохи поздней бронзы» [Смирнов, 1964, с. 81–82].

В Южном Тагискене встречается еще один тип захоронения, представляющий собой прямоугольную могильную яму, ориентированную углами по сторонам света. С юго-восточной стороны ямы выполнен длинный дромос, который доходил до 12 м. Все это

перекрывалось деревом и поджигалось. По углам камеры были вырыты столбовые углубления, и погребение покоилось на земляном «столе». Дромосные могилы на Тагискене датируются V в. до н. э. и как правило представляют собой богатые захоронения [Итина, 1992, с. 39; Байпаков, Таймагамбетов, 2006, с. 170]. Одним из примеров дромосной могилы с трупосожжением может быть Чирикратский курган № 58, конструкция представляла собой деревянную наземную постройку, возведенную на древнем горизонте в виде квадратной камеры. Размеры ее 5,5 x 5,5 м. К северо-восточной стороне ямы подходил дромос длиной 8 м. Повсюду сохранились следы пожарищ [Итина, Яблонский, 1997, с.25].

М.А. Итина отмечает, что в Южном Тагискене чаще, чем в Уйгараке, встречаются следы ритуала, связанного с огнем [Итина, 1992, с. 38]. Умерших в могилы на Тагискене клали, головой ориентируя на запад, только в единичном случае в могиле с дромосом было зафиксировано погребение, головой ориентированное на восток–северо-восток, «вытянуто на спине по диагонали ямы, в позе всадника» [Итина, 1992, с. 39]. В погребениях Тагискена скелеты зафиксированы в нескольких позициях: на спине, на спине с полусогнутой ногой, на спине со сведенными стопами и на спине с раскинутыми в стороны коленями. Последние, обнаружены исключительно в могилах с дромосами [Итина, Яблонский, 1997, с. 31].

При анализе погребений двух могильников, расстояние между которыми около 30 км, просматривается сходство погребального ритуала, что позволяет рассматривать памятники в едином комплексе.

Большинство погребений Тагискена и Уйгарака ограблены, непотревоженными зафиксированы в большей части кости нижних конечностей, остальная часть костяка и череп обычно разбросаны. Основная часть декора одежды в богатых могилах, по всей видимости, была традиционно сосредоточена на рукавах, головном уборе, верхней одежде, на поясе. Они, безусловно, украшались бляшками, бусами, подвесками. Так, к примеру, в кургане № 54 Тагискена, датируемом V в. до н. э. обнаружены «узорчатые накладки на пояс типа аппликации, вырезанные из золотой фольги» [Итина, 1992, с. 39]. Тем не менее, в результате раскопок, несмотря на разграбленность курганов, на Тагискене и Уйгараке была получена коллекция древностей, что позволило проследить особенности расположения предметов в могилах. Вещевой комплекс в погребениях двух памятников раскладывался в определенном порядке объединяющих два могильника следующими признаками.

Во-первых, и в мужских и в женских захоронениях в головах и ногах погребенных были обнаружены сосуды. По форме лепные сосуды представляли собой миски, горшки, кувшины с ручками, сосуды с носиком. Все перечисленные типы сосудов плоскодонные и характерны для раннесакских среднеазиатских памятников. Так, например, горшки с трубчатым носиком известны в Средней Азии с неолита, грушевидные «восходят генетически к дандыбай-бегазинским и тагискенским сосудам периода поздней бронзы» [Толстов, Итина, 1966, с. 159; Итина, 1992, с. 40].

Во-вторых, на Уйгараке найдены импортные сосуды. Из пяти, найденных здесь сосудов, два представлены светлоангобированными чашами, одним цилиндроконическим сосудом, покрытым ангобом желтовато-белого цвета; биконическим сосудом и сероглиняным кувшинчиком с ручкой. Импортные сосуды датируются VII–VI вв. до н.э.

[Вайнберг, 1979а, с. 16, табл. IX, 1–8; Итина, 1992, с. 40], четыре из них происходят из Южной Туркмении.

В-третьих, обязательным атрибутом в погребениях Уйгарака и Тагискена были предметы конской сбруи, они лежали чаще всего в ногах. Самые ранние наборы представляют собой роговые трёхдырчатые псалии и стремевидные удила, они отнесены к рубежу II и I тыс. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 64–65, рис. 9, 3]. На Уйгараке выделяют казахстанско-сибирский местный тип конской сбруи – стремевидные удила с дополнительным отверстием, надевавшиеся на двудырчато-крючковидный псалий [Грязнов, 1947, с. 9–10; Вишневская, Итина, 1971, с. 201–202]. Все наборы конской узды, обнаруженные на Тагискене и Уйгараке использовались здесь в VII–VI вв. до н. э. Кольчатые удила в Приаралье были обнаружены на Уйгараке и датируются они V в. до н.э., тогда как на Тагискене в комплексах, датируемых V в. до н.э конского набора не обнаружено.

В-четвертых, оружие, представленное кинжалами, мечами, стрелами и в большей степени втульчатыми и черешковыми наконечниками стрел встречаются только в мужских погребениях, в женских оно отсутствует, но вместо оружия здесь выявлены каменные алтарики, бронзовые дисковидные зеркала с бортиком и петелькой, плоские кости со следами красной краски, кусочки реального, зернотерки, пряслица [Вишневская, Итина, 1971, с. 200–201].

В-пятых, украшения встречаются как в женских, так и в мужских погребениях. Например, на Уйгараке у мужчин были обнаружены серьги, у женщин браслеты. Для декора одежды использовались бусы, изготовленные из сердолика, бирюзы, халцедона [Вишневская, Итина, 1971, с. 200–201].

В-шестых, в женских и в мужских погребениях Южного Тагискена и Уйгарака выявлены орудия труда. Они представлены однолезвийными ножами с плоской и овальной в сечении рукоятью, на Уйгараке были обнаружены кельты [Вишневская, 1973, с. 72] и единичные случаи находок бронзовых ножей.

В погребениях Уйгарака и Южного Тагискена встречаются предметы конской узды, бляшки, обкладки с зооморфными изображениями. Звериный стиль представлен изображениями оленя, сайги, лошади, горного козла, кабана, льва, кошачьего хищника, хищной птицы, верблюда. Лев – один из часто встречаемых образов в искусстве ранних саков Приаралья [Вишневская, Итина, 1971, с. 205].

Курганные могильники Сакар-Чага расположены в Южном Приаралье, на территории Туркменистана, у северной кромки Заунгузских Каракумов, на территории древней Присарыкамышской дельты Амударьи. Раскопки на могильнике велись в 80-е годы XX в. одним из отрядов Хорезмской экспедиции под руководством Л.Т. Яблонского [Яблонский, 1986, с. 45], который исследовал четыре группы памятников Сакар-Чага-3–6.

В могильниках Сакар-Чага, как на Уйгараке и Южном Тагискене, открыты два вида погребений, совершенных в ямах и на древнем горизонте, трупосожжение и трупоположение, причем встречаются как одиночные, так и коллективные. Насыпи курганов песчаные. Под ними, на предварительно выровненной поверхности бархана сооружался вал, образуя площадку, внутри которой находилась могильная яма с дромосом ориентированной на юг. В курганах, где проводилась кремация, самих погребенных сжигали внутри площадки, насыпь кургана сооружали над еще непогасшим погребальным костром [Яблонский, 1986, с. 45].

В курганах с труположением, часто встречаются разновременные погребения, к раннесакским захоронениям, относились погребения, выполненные на уровне древнего горизонта. Например, в могильнике Сакар-Чага-3, в кургане № 4 выявлено захоронение четырех человек, причем скелеты 3 и 4 лежали на поверхности древнего горизонта, вытянуто на спине, головой ориентированы на восток. Вокруг них была зафиксирована кольцевая насыпь. Скелеты 1 и 2 были погребены в насыпи и перекрывали скелеты 3 и 4, они были уложены на боку в полускорченном положении; головой они ориентированы на юг и запад. Над ними была сооружена вторичная насыпь с каменистым валом. Инвентарь из курганов Сакар-Чага-3 представлен глиняным пряслицем усечено-конической формы, фрагментами сосудов, курильницей, зернотеркой, лепными сосудами баночной формы с закопченной поверхностью. Особо следует выделить среди находок «сосуд с подкосом» – датируемый VIII–V вв. до н. э., и костяное навершие с зеркальным изображением двух кабанов, повернутых друг к другу, длиной 43–44 мм, выполненное в виде втулки диаметром 15 мм [Яблонский, 1986, с. 46, 47]. В могильнике Сакар-чага-6 было раскопано 44 захоронения раннесакского времени, которые также были совершены по принципу кремации и ингумации. Здесь были обнаружены детали конской узды и предметы, выполненные в зверином стиле, параллели которым мы находим в могильнике Уйгарак, с большими наборами бронзовых наконечников стрел конца VIII–VII в. до н.э., оружие, керамика [Яблонский, 1998, с. 198]. Могильник Сакар-Чага был датирован архаическим временем, что было обосновано специфичностью погребального обряда, составом сопутствующего инвентаря [Яблонский, 1986, с. 49].

Ряд исследователей отмечают сходство в погребальном обряде, в инвентаре курганов Южного Приуралья VI–V вв. до н.э. с погребальными памятниками кочевников Приаралья VII–VI вв. до н.э. [Смирнов, 1964; Вишневская, Итина, 1971; Яблонский, 1986 и др]. К настоящему времени на территории Западного Казахстана были раскопаны новые памятники археологии, материалы которых расширяют географию памятников, схожих с раннесакскими комплексами Приаралья, - включая территорию Западного Казахстана в их число [Гуцалов, 2007, с. 91].

Важно отметить, что М.К. Кадырбаев еще в 80-х гг. XX века выделял общие признаки в совершении погребального обряда ранних кочевников VI–V вв. до н.э., расселявшихся в бассейне реки Илек, и ранних саков Приаралья [Кадырбаев, 1984, с. 92-93]. Это сходство проявляется в наличии деревянных столбовых конструкций, на погребальной площадке и в могилах, в распространении святилищ огня, захоронений на уровне древнего горизонта, в преобладании южной, западной ориентировки умерших в процессе захоронения. Прослеживается много общего и в методах сооружения могил, в частности в использовании настила из камыша, веток и коры, лежащего не только поверх перекрытия, но и на большой площади вокруг ямы, на поверхности вала. В могильниках Западного Казахстана в погребениях VI–V вв. до н.э. практически всегда погребенные покоятся на спине, встречаются случаи, когда усопший лежит на спине с согнутыми ногами – «поза всадника». У саков Приаралья и ранних кочевников Казахского Приуралья зафиксированы различные формы использования огня в погребальном обряде, имеет место и трупосожжение. В курганах могильников Кырык-оба-2, Таксай-1, 3 были зафиксированы сожжения перекрытия могил, что сближает их с погребениями Уйгарака, Южного Тагискена, Сакар-Чаги.

Бесспорно, погребальный обряд саков Приаралья и ранних кочевников Приуралья аналогичен. Здесь также присутствуют погребения на древнем горизонте с надмогильными сооружениями, прямоугольные ямы с перекрытием из жердей, травы и камыша и выстилание травой и камышом древней дневной поверхности вокруг ямы. Истоки обряда погребения на поверхности горизонта, по мнению исследователей, следует искать, возможно, в степных могильниках эпохи поздней бронзы, где такие захоронения встречались. Имели место активные контакты между населением двух регионов в эпоху бронзы. Это выражалось в форме «притока населения с северо-запада на юго-восток» [Вишневская, Итина, 1971, с. 207]. По мнению К.Ф. Смирнова, существовала «взаимная прямая инфильтрация населения», где отдельные племена входили в состав друг друга [Смирнов, 1964, с. 277–280], а это в свою очередь сказалось на погребальном обряде и инвентаре ранних кочевников Приуралья.

Немаловажно отметить и вопрос появления дромосных захоронений в Приуралье датируемыми концом VI–V вв. до н.э. Видимо, данный вид погребальной конструкции появился в регионе с приходом элитных групп кочевых объединений племен с юга, юго-востока Казахстана [Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 144–145; Исмагилов, 1996, с. 44 Сиротин, 2013, с. 1325]. Дромосные захоронения в сакских памятниках Северного, Центрального, Восточного, Юго-Восточного Казахстана, Восточного Приаралья появились не позднее VIII–VII вв. до н.э. и истоки подобных конструкций начинаются с эпохи поздней бронзы [Бисенов, 2016, с.87]. В Западном Казахстане они появляются позже и датируются VI в. до н.э, что, по-видимому, является подтверждением тезиса о формировании основных черт погребального обряда ранних сармат («савромат») Казахского Приуралья под сакским влиянием.

Появление в Западном Казахстане во второй половине VI - начале V вв. до н.э. обряда захоронения, инвентаря, характерных для сакских племен Приаралья, подтверждает генетическую преемственность культур населения двух областей. А.Д. Таиров отмечает, что это влияние произошло в результате миграции части сакских племен в Южное Приуралье, которую спровоцировала «историческая ситуация, сложившаяся в Средней Азии в конце VI в. до н.э. в результате активной завоевательной политики ахеменидской Персии в этом регионе» (Таиров, 2006, с.76).

В памятниках Западного Казахстана встречаются предметы, которые были изготовлены в Средней Азии и Ахеменидском Иране. Возможно, в этом немалую роль сыграли саки Приаралья, которые имели обширный круг этнических и культурных связей.

В Казахском Приуралье с 2001 г. был исследован ряд могильников, погребальный обряд которых аналогичен обряду захоронения саков Приаралья. Самыми яркими среди них являются Кырык-оба-2, Таксай-1.

Могильник Кырык-оба-2 расположен в Бурлинском районе Западно-Казахстанской области в 77 км от Уральска, в 5 км от п. Даниляколь, на левом берегу р. Жайык в 10 км от его русла и в 5 км к северу от «царского» кургана Кырык-оба-1. Он состоял из более 30 земляных курганов, растянувшихся цепочкой с запада на восток. Могильник условно разделен на две части, - восточную, где насчитывается восемь курганов, и западную, образованную из 21 объекта. Насыпи курганов округлые в плане формы, южная часть их оплыв-

шая. Под земляной насыпью курганов, были выявлены сложные деревянные конструкции шатрового и срубного типа, опиравшиеся на валы, в центре которых были зафиксированы могильные ямы. На данном памятнике археологические исследования проводились с 2001 по 2013 гг. В основном раскапывались либо сильно разрушенные курганы, либо те, которые находились на пути прокладки трассы.

Диаметр курганов 30–42 м, высота 1,0–2,5 м. На могильнике раскопано около 15 объектов. В погребальном обряде практически везде присутствует применение огня. Здесь над могилами возводились глиняные склепы, стены шириной до 1 м, также зафиксированы глиняные валы вокруг курганов и захоронения взнузданных коней, уложенных мордой на север. Могилы квадратные, прямоугольные широкие с дромосом (курган № 16), круглые, здесь еще встречаются коллективные погребения на древней поверхности (курган № 18) [Гуцалов, 2007, с. 81].

Под насыпью кургана № 18 было сооружена могильная конструкция из материкового блока, плотность конструкции примерно 1 м. Склеп окружал кольцевой вал диаметром 21–23 м. Вход был выполнен в юго-западной части. От вала к центру лежали деревянные плахи шириной 20 см. Доски покрыты ветками и слоем камыша и коры. Конструкция представляла собой шатровое сооружение, рухнувшее в результате пожарища, разведенного здесь в процессе захоронения. Погребение было коллективным, выполнено на уровне древнего горизонта, здесь покоилось пять человек. Могила разграблена, только у одного из пяти погребенных кости ног были не потревожены, судя по их расположению головой они были ориентированы на юг [Сдыков, Гуцалов, Бисембаев, 2003, с. 59].

Могила с дромосом была выявлена в кургане № 16. Диаметр кургана 29 м, высота – 1,2 м. Под насыпью, в центре кургана была обнаружена могильная яма, прямоугольной формы с округлыми углами, от нее к югу отходил дромос длиной 14 м. Размеры ямы 5,3 x 7,4 м. По периметру кургана на уровне древнего горизонта был обнаружен вал, диаметром 38 м, ширина вала – 4 м. В южной части он был разомкнут. Над могилой был сооружен глиняный склеп. В результате пожарища, разведенного здесь во время погребения, надмогильное сооружение обрушилось. Расположение досок позволяет сделать предположение, что сооружение было шатровым. У входа в склеп обнаружено погребение лошади, головой на север. Могила была ограблена.

Сопутствующий материал в погребениях могильника Кырык-оба представлен наборами конской узды, алтариками, бронзовыми котлами, оружием, зеркалами, ритуальными предметами. Многие из них выполнены в зверином стиле. Самыми распространенными изображениями являются образы волка и хищной птицы.

Еще одним типом захоронения, где присутствует столбовая конструкция, является курган № 19. Под насыпью кургана был зафиксирован двухкамерный земляной склеп. Вокруг ямы, на погребенной почве насыпан вал, диаметром 25,5 м. Ширина вала 6 м, высота 0,5 м. От центра сооружения к валу были расположены деревянные доски шириной до 20 см. Плахи были покрыты ветками, тонкими жердями, и поверх всего этого был накрыт слой камыша и коры. За валом доски укладывались прямоугольником, вдоль вала.

Это была также конструкция шатрового типа, опиравшаяся на попарно установленные столбы вокруг могильной ямы. Сооружение было подожжено, бревна обуглились, а вся центральная часть прокалилась до 1 м. Могила была полностью разграблена, в яме был обнаружен железный нож среди костей крупного рогатого скота. На дневном горизонте было совершено характерное для Кырык-обы захоронение лошади головой на север: следует заметить, что в курганах Приаралья захоронения коней отсутствуют.

Одним из ярких памятников, имеющих ряд важнейших сходств с приаральскими, является могильник Таксай-1, - в частности курган 6. Памятник находится в 50 км от Уральска, близ п. Долинное. Насыпь кургана округлая, высотой 1 м, диаметром 45 м. В центре кургана, под насыпью, на уровне погребенной почвы была выявлена центральная прямоугольная яма, вокруг которой зафиксированы два кольцевых вала из желтой материковой глины. На уровне погребенной почвы сохранились остатки обгоревшей надмогильной конструкции из жердей диаметром 8–10 см. Яма была перекрыта двойным деревянным накатом из тополя, лежавшим на поперечных балках. После снятия верхнего слоя наката, под бревнами была обнаружена прослойка из мелких обгоревших веток и речного песка. Диаметр бревен 0,15–0,20 м, глубина ямы – 3,50 м. Дно ямы было застлано мелкими ветками и травой.

С четырех сторон подквадратной ямы – с СВ, СЗ, ЮЗ, ЮВ - зафиксировано огромное количество шлаков, и следы мощных кострищ. В яме выявлено одно погребение, предположительно женщины, головой ориентированной на запад, с некоторым отклонением на юго-запад. Вещевой комплекс был представлен золотыми нашивными бляшками в зверином стиле, украшениями, подвесками, коробом с ритуальными предметами, зеркалом в ореховом футляре, котлом, жаровней и пятью наборами конской узды. В погребении, как и во всех женских погребениях Приаралья отсутствовало оружие, также немаловажно отметить, что в могиле было зафиксировано минимальное количество заупокойной пищи, что также характерно для погребений Приаралья [Сдыков, Лукпанова, 2013].

Немаловажно отметить и материалы могильника Таксай-3, курганов 2, 3, раскопанных в полевом сезоне 2017 г. Здесь были выявлены погребения, как на уровне древнего горизонта, так и в грунтовой могиле с дромосом.

В кургане 2 под насыпью был обнаружен глиняный вал, прерывающийся с южной стороны (цветная вклейка, фото 1). В центре вала была выявлена могильная камера прямоугольной формы, вытянутая длинными сторонами с запада на восток. К югу от нее отходил дромос, который соединялся со второй ямой округлой формы (цветная вклейка, фото 2).

Внутренняя поверхность вала была покрыта корой дерева, а от самого вала к яме радиально были уложены деревянные доски, жерди, верх которых покрыт ветками и корой. Яму перекрывал бревенчатый накат (цветная вклейка, фото 3). В яме, судя по элементам сопроводительного комплекса, представленного колчаном, акинаками, конской уздой, находилось погребение трех воинов, покоившихся на органической подстилке. Головой они были ориентированы на запад (цветная вклейка, фото 4).

Во второй яме выявлено погребение четырех коней, ориентированных головой на север. Два коня были погребены у входа в яму, кости остальных коней потревожены грабительским вкопом (цветная вклейка, фото 5).

В кургане № 3 коллективное захоронение обнаружено на уровне древнего горизонта. Было выявлено три скелета, головой они были ориентированы на юго-восток. Два скелета были погребены вместе, предположительно они принадлежали мужчине и молодой женщине, возможно подростку. Скелет мужчины сильно обгорел (цветная вклейка, фото 6), кости второго скелета потревожены, сохранились лишь тазовые кости и части нижних конечностей. Третий скелет, располагался в 1,5 метрах восточнее от них, кости разбросаны грабителями в древности. Рядом с усопшими были погребены две взнузданные лошади, ориентированные головой на север, их кости также обгорели. При совершении погребального обряда на курганах был применен огонь, шатровые сооружения сгорели, земля прокалилась мощностью до 1 м.

Близкими к приаральским памятникам следует назвать курганы Бесоба, Сынтас, Кумиссай. Наиболее распространенным видом погребального обряда в больших курганах этих памятников являются также захоронения на древнем горизонте, в грунтовых ямах со столбовыми ямками и канавками по периметру дна камеры, ямами с дромосом, сложных по конструкции деревянных постройках [Кадырбаев, 1984, с. 85]. Был распространен культ огня.

По мнению выдающегося исследователя древней культуры Казахстана М.К. Кадырбаева, все шатровые илекские постройки заключали погребения представителей родоплеменной знати, наиболее знатным жрицам сооружали персональные курганы. Такая традиция сохранялась и для отмеченных захоронений Кырыкобы и Таксая, где также встречаем наземные деревянные постройки, богатые захоронения, сопровождаемые трупосожжением. По этому обряду хоронили наиболее почитаемых лиц у ранних саков Приаралья, кочевников Приуралья [Смирнов, 1964, с. 88, 89]. Курганные комплексы, совершенные с применением огня и со сложными внутри- и надмогильными конструкциями – это усыпальницы, принадлежащие военной аристократии, жречеству и племенным вождям кочевников, расселившихся на территории Западного Казахстана.

Рассмотрев материалы из приаральских комплексов Уйгарак, Южный Тагискен, Сакар-Чага, можно допустить, что культура раннесакских племен, оставивших здесь свои памятники, генетически восходит к эпохе поздней бронзы [Вишневская, 1973, с. 60-69, 127-128; Толстов, Итина, 1966. с. 152-157; Вишневская, Итина, 1971. с. 197-199; Итина, Яблонский, 1997. с. 28-37, 80; Кадырбаев, 1984, с. 92 др.] Погребения на древнем горизонте аналогичны с погребальным обрядом памятников эпохи поздней бронзы Северного Тагискена (Вишневская, 1973, с. 128). Это дополняется такими деталями, как обряд трупосожжения, западная ориентировка погребенных, канавки вдоль стен могил. По мнению исследователей, к культуре эпохи поздней бронзы восходит и традиция дромосных могил, которые были широко распространены в раннесакскую эпоху на территории древнего Казахстана [Бейсенов, 2016, с. 88], в том числе и у саков Южного Приаралья.

VI–V вв. до н.э. сакские культурные параллели проявляются в погребальном обряде племен ранних сармат («савромат») Западного Казахстана, которые сказываются на конструкции памятников, инвентаре, ориентировке погребенных, в обряде. Причем, рассмотренные элементы погребального обряда были характерны для памятников элиты. По видимому, можно говорить о переселении в Казахское Приуралье значительной группы кочевников из районов Приаралья. Как отмечалось исследователями, их появление, возможно, следует рассматривать как следствие войн Кира II и Дария I с саками в VI в. до н.э. Возможно, в Приуралье мигрировала определенная часть элиты саков Приаралья и оставила здесь свои «степные пирамиды». По предположению С.Ю. Гуцалова, пришедшие в регион саки составили, наряду «со скифами», элиту племенного союза [Гуцалов, 2007, с. 91].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Алматы: Қазақ университеті, 2006. 356 с.
- Бейсенов А.З. Дромосные курганы сакской эпохи урочища Назар (Центральный Казахстан)// Самарский научный вестник. 2016. № 1 (14) 87. С.84-93.
- Вайнберг Б. И. Курганные могильники Северной Туркмении (Присарыкамышская дельта Аму-Дарьи) // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. М., Т. XI. 1979. С.167-177.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII-V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака) // ТХАЭЭ. Т. VIII. М.: Наука, 1973. 160 с.
- Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. МИА, № 177. М., 1971. С. 197–208.
- Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, Вып. XVIII, 1947, стр. 9-17.
- Гуцалов С.Ю. Народы// Скифы Западного Казахстана. Под ред. М.Н. Сдыкова. Алматы: Исламнұр, 2007. 208 с.
- Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2 (30). С. 75–92.
- Исмагилов Р.Б. Сарматское окно в Европу // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа, 1996. С. 32–71.
- Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 31–47.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Тагискен). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 187 с.
- Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 84–93.
- Сдыков М.Н., Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А. Сокровища скифов Западного Казахстана. Уральск, 2003. 124 с.
- Сдыков М.Н., Лукпанова Я.А. Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере курганного комплекса Таксай-1). Уральск: Полиграфсервис, 2013. 292 с.
- Сиротин С.В. Погребальный комплекс дромосного типа эпохи ранних кочевников из юго-восточной Башкирии // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18, № 4. С.1323-1327.

- Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей // СА. 1961. № 1. С. 46-72.
- Смирнов К.Ф. Савроматы: Ранняя история и культура сармат. – М.: Наука, 1964. 380 с.
- Тажекеев А.А. История освоения Юго-Восточного Приаралья с древнейших времен до конца 1 тысячелетия до н.э. Дис... канд. ист.наук. М, 2011. 184 с.
- Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. 160 с.
- Таиров А.Д. Саки Приуралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый Шлях)// Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. Уфа: Гилем, 2006. С.76-91.
- Толстов С.П., Итина М.А. Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена) // СА. 1966. № 2. С. 151–175.
- Яблонский Л. Т. Саки Южного Приаралья: (археология и антропология могильников)/ РАН. Ин-т археологии. М., 1996. 185 с.
- Яблонский Л.Т. К этногенезу населения северной Туркмении (могильник раннесакского времени Сакарчага 3) // СЭ. 1986. № 5. С. 45–54.
- Яблонский Л.Т. Некрополи Древнего Хорезма. Институт археологии РАН, М.: Восточная литература. 1999. 326 с.

ГЛАВА VII

ЧИРИКРАБАТСКАЯ КУЛЬТУРА В ВОСТОЧНОМ ПРИАРАЛЬЕ

Археологическое открытие памятников низовий Сырдарьи осуществлено многолетними работами Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ХАЭЭ) под руководством С.П.Толстова, чьи замечательные результаты отражены в многочисленных публикациях [Толстов, 1948; 1952; 1962; Толстов, Воробьева, Рапопорт, 1960; Толстов, Жданко, Итина, 1963 и др.].

После более полувекового перерыва исследования памятников в среднем течении Жанадарьи и Инкардарьи были продолжены в 2004 г.

Новые исследования ведутся Чирикратской археологической экспедицией Института археологии им. А.Х.Маргулана под руководством Ж. Курманкулова. Помимо известных ранее объектов (Чирик-Рабат, Бабиш-Мулла, Баланды и др.), было открыты и исследованы новые - Инкар-кала, Карабас, Сенгир-кала 2 и ряд других, также относящихся к чирикратской археологической культуре.

Низовья Сырдарьи - один из насыщенных археологическими памятниками историко-культурных регионов Казахстана. Эта территория представляет особый интерес как зона непосредственных контактов традиционных земледельцев и скотоводов, где осуществлялась взаимосвязь между кочевыми и оседлыми народами Среднеазиатско-Казахстанского региона. Здесь процессы культурогенеза в древности, особенно в эпоху раннего железного века и позднее, протекали в таких природно-экологических условиях, которые способствовали развитию как земледелия, так и скотоводства. Древняя дельта Сырдарьи была промежуточной, буферной территорией между южными древнеземледельческими областями – очагами раннегородской цивилизации и миром подвижных кочевых скотоводов Евразии.

Проявление этих связей блестяще иллюстрируется материалами археологических памятников эпохи бронзы, в частности, на материалах могильника Северный Тагискен (Тугискен) (Кызылординская область, Казахстан), что было отмечено предшественни-

ками. Элементы культурного влияния, например, прослеживается в использовании при строительстве прямоугольного сырцового кирпича [Толстов, 1962]. При этом некоторые элементы планировки и конструкций погребальных сооружений, несомненно, отражают местные, укоренившиеся традиции строительства. Так, во внутренней конструкции мавзолеев широко применялись деревянные элементы – столбы и жерди, обмазанные глиной, т.е. те элементы, которые хорошо известны по материалам поселений и могильников андроновской культуры. Эти факты показывают, что мавзолеи Северного Тагискена сочетают в себе планировочные конструкции и традиции культур андроновского круга и компоненты, которые, можно связывать с влиянием южной земледельческой культуры, древнебактрийской, по М.А. Итиной [Итина, 1992. с. 36]. Имеющиеся сейчас археологические материалы позволяют выделить три этапа освоения человеком низовий Сырдарьи в древности. Первый период – доурбанистический, X - конец V вв. до н.э., изученный в основном по погребальным памятникам Северного и Южного Тагискена и Уйгарака. В это время в низовьях Сырдарьи складывается скотоводческая культура сакского типа. Второй период – начальный этап урбанизации, когда появляются поселения городского типа (Чирикратская культура), конец V-IV – I вв. до н.э. Третий период – это период развитой урбанизации, становление городской культуры, появление поселений городского типа, I-VI вв. н.э.

В середине I тыс до н.э., в результате изменения режима обводнения южных русел древней дельты Сырдарьи и, вследствие этого, изменения экологической ситуации в южной части области, создаются условия, весьма благоприятные для формирования оседлой земледельческо-скотоводческой культуры, основой которой было ирригационное земледелие. Сходные процессы, также связанные с изменением водного режима и гидрологической ситуации, происходили в конце VII-VI вв. до н.э. в низовьях Амударьи (Присаракамышская дельта, левобережный Хорезм). Наиболее известным памятником этого периода истории Хорезма является городище Кюзели-гыр [Вишневская, Рапопорт, 1997].

Не позднее конца V – начала IV вв. до н.э. на территории древней дельты Сырдарьи формируется чирикратская культура, носителями которой были, как можно судить на основании археологических и антропологических данных, потомки ранних саков. Население этого времени оставило сложные ирригационные сооружения, более двух сотен крупных неукрепленных сельских поселений, высокоразвитую архитектуру, в том числе монументальные погребальные постройки, укрепленные городища и крепости.

Чирикратские поселения располагались в зоне искусственных ирригационных систем в нескольких оазисах. Следует отметить, что и в материальной культуре, и в конструкции погребальных сооружений, и погребальном обряде Чирикратской культуры отчетливо прослеживается связь с культурой сырдарьинских саков и с более ранней традицией племен эпохи поздней бронзы, оставивших могильник Северный Тагискен. В ареале распространения Чирикратской археологической культуры наиболее типичной была оазисная система расселения, когда небольшие усадьбы располагались по берегам магистрального канала или дамбированного русла, от которого отводились арыки-

распределители. Как правило, центрами таких поселений являлись крупные укрепленные усадьбы с достаточно развитой системой фортификации (оазис Баланды).

Выделяются два раннегородских центра - Чирик-рабат и Бабиш-мулла. Первый считается крупным, возможно, племенным, культовым центром, убежищем и резиденцией вождей; второй – памятник городского типа, урбанистические черты которого выражены как в правильной квадратной планировке, очерченной оборонительной стеной городища с мощным привратным сооружением-«донжоном» на входе в цитадель, так и в монументальной постройке (дворец?) внутри цитадели (так называемом «Большом доме»). Кроме того, к городищу Бабиш-Мулла примыкает обширная сельскохозяйственная округа, что также считается непременным атрибутом поселений городского типа [Вайнберг, Левина, 1993, с. 32-33].

Стационарные раскопные работы и рекогносцировочные исследования памятников Чирикрабатской археологической культуры на территории средней и нижней Жаныдарьи дали большое количество фактического материала. Анализ полученных данных значительно расширяет наши представления о материальной и духовной культуре населения дельты Сырдарьи второй половины I тыс. до н.э. и позволяет уточнить и, в какой-то степени, скорректировать ранее сделанные выводы.

Поселения

Городище Чирик-рабат является наиболее крупным памятником оазиса. Памятник расположен на 15 м возвышенности, на левом берегу сухого русла Жанадарьи (рис. 40).

В 1957-1962 гг. под руководством С.П. Толстова на памятнике было заложено пять основных раскопов и произведены зачистки и шурфовки еще на нескольких участках [Толстов, Воробьева, Рапопорт, 1960; Толстов., 1962; Толстов, Жданко, Итина, 1963]. В ходе новых исследований под руководством Ж.Курманкулова раскопками были изучены два мавзолея, храм, большой земляной курган, шесть безнасыпных погребений (грунтовые ямы), жилой комплекс «усадьбы №1, №2», также был заложен раскоп на оборонительной стене [Курманкулов, Бирмуханова, Калиева, Утубаев, 2005].

Городище, обнесенное мощной крепостной стеной, занимает всю площадь овального естественного холма размером 850х600 м, вытянутого по линии С-Ю. У основания холма вырыт ров шириной до 40 м, глубиной до 4,5 м из выкида рва сооружен внешний вал, высота которого в настоящее время - 3 м. Ров опоясан валом и с внутренней стороны. Кроме того, самая верхняя часть холма также окружена крепостной стеной.

Надо отметить, что городище обживалось несколько раз. Самой древней его частью является северная - более высокая часть холма, площадью свыше 40 га, которая была обнесена двойным поясом укреплений. Возможно, к этому времени относится прямоугольное в плане укрепление в центральной части городища, площадью 12,4 га. Немного позднее на внешнем вале строится новая мощная глинобитная стена, высотой до 4 м, шириной до 4,5 м с стрелковой галереей шириной до 1,8 м, которая была усилена башнями прямоугольной и овальной форм, выступающими за линию стены на 6 м. В крепостной стене и башнях были стреловидные бойницы высотой до 50 см, расположенные на одном уровне.

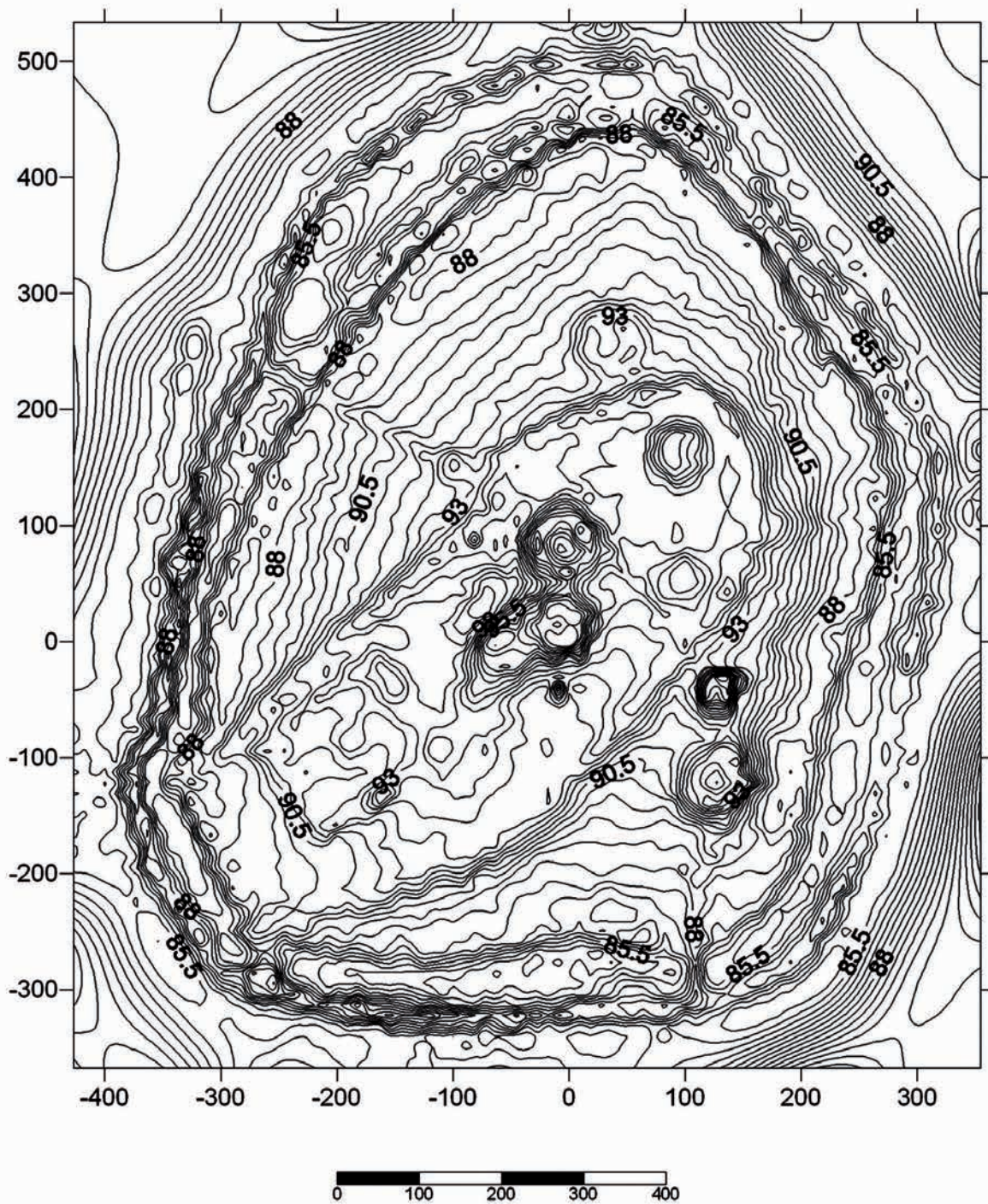

Рис. 40. Чирик-Рабат. Топографический план

Вход в крепость осуществлялся с трех сторон. В южной, западной и в северо-восточной стенах в современном рельефе хорошо прослеживаются ворота с Г – образным предвратным лабиринтом. Городище Чирик-Рабат обживалось и в значительно более поздний период. В южной части памятника четко видна прямоугольная укрепленная цитадель, которая была построена в хорезмшахское время.

Наиболее древними памятниками на территории Чирик-Рабата являются шесть крупных курганов. Два из них раскопаны. Как выяснилось в результате исследований 2004 г., пространство между большими курганами было занято прямоугольными или овальными в плане безнасыпными захоронениями, из них раскопано шесть. Кроме того, раскопано три наземных погребальных сооружения, круглые и подквадратные. В ходе исследований на памятнике выявлены два сооружения, которые можно трактовать как храмы. В окрестностях городища обнаружены и нанесены карту несколько наземных погребальных сооружений – так называемых «крестовин». Два из них (Чирик 2, мавзолей (Объект №3) были раскопаны. Обращает на себя внимание тот факт, что в процессе раскопок на городище Чирик-Рабат пока не выявлено сколько-нибудь достоверных остатков жилой застройки. Это обстоятельство дает основание поставить вопрос о функциональном назначении этого грандиозного памятника. В настоящее время есть основания считать его крупным мемориальным комплексом, возможно, связанным с культом предком, и являвшимся центром для групп позднесакского населения, занимавших во второй половине I тыс. до н.э. южную и юго-западную части древней сырдарьинской дельты.

Центром Бабиш-Муллинского оазиса, базировавшегося на боковых широтных руслах Жаныдарьи, является укрепленное городище Бабиш-Мулла, которое расположено в 40 км к северу от Чирик-Рабата.

Впервые развалины Бабиш-муллы обследовались авиаразведывательным отрядом экспедиции в 1946 г [Толстов., 1948]. Дополнительные рекогносцировочные изыскания на памятнике были осуществлены в 1948 и 1949 гг.

Бабиш-Мулла – крупное городище неправильных очертаний, обнесенное крепостной стеной, возведенной из сырцового кирпича на пахсовом цоколе. Крепостная стена фланкирована полукруглыми башнями. В пределах оборонительных стен в современном рельефе прослеживаются контуры жилой застройки. В юго-западной части памятника обнаружены остатки отдельно стоящего сырцового здания и ряд пристенных помещений в виде построек каркасно-столбовой конструкции.

В начале 1960-х гг. была раскопана восточная часть большого дома, которую можно рассматривать как самостоятельное архитектурное сооружение, соединявшееся с остальным зданием через проход в западной стене. Обращает на себя внимание планировочная схема восточной части «Большого дома» - центральный зал в обводе коридорообразных помещений с айваном, открытым на юг, в сторону большого прямоугольного двора в южной части сооружения. Подобная планировка находит себе аналогии в южных земледельческих областях Средней Азии. Такие планировки характерны для иранских «храмов огня», центральное помещение-целла было окружено с трех сторон или обводным коридором или системой сообщающихся коридорообразных помещений. С одной стороны перед центральным помещением был входной айван, по обеим которого располагались

небольшие помещения – «аташгахи» - хранилища огня [Пичикян, 1991]. Примечательно, что очень схожие планировочные схемы использовались и при строительстве крупных светских зданий. Например, по такому плану были построены некоторые жилые дома в Ай-Хануме [Пугаченкова, 1979], схожая планировка прослеживается в раскопанной части дворца на Еркургане [Сулейманов, 1989].

Укрепленная усадьба Баланды 1 и поселение рядом с ним находятся в 40 км к юго-востоку от городища Чирик-рабат. Оно было открыто маршрутным отрядом Хорезмской археолого-топографической экспедиции в 1959 году. В 1960-61 гг. на Баланды 1 были проведены рекогносцировочные раскопки. В результате этих работ частично было вскрыто несколько помещений здания, расположенного в северо-западной части памятника [Толстов, Жданко, Итина, 1963; Толстов, 1962,]. Повторно стационарные археологические исследования на поселении с целью выяснения стратиграфической ситуации и выявления планировок в пределах оборонительных стен были проведены в 2007-2014 гг. отрядом Чирик-Рабатской археологической экспедиции [Курманкулов, Болелов, Утубаев, Дарменов, Торежанова, 2008, с. 230-234].

Центром поселения является укрепленная усадьба Баланды 1 – это прямоугольный в плане памятник площадью 80x130 м, окруженный оборонительными стенами с бойницами и ориентированный углами по сторонам света. Бойницы имели стреловидную форму, высота 55-60 см, максимальная ширина 34 см, ширина ложа 20 см. Стены сложены из прямоугольного кирпича-сырца и сохранились на высоту до 3 м. Вдоль ЮЮЗ, ЮВ стены усилены полукруглыми башнями. Вход на поселение был с северо-западной стороны. С севера-запада и с северо-востока к укреплению примыкает сельское поселение, состоящее из нескольких небольших, отдельно стоящих усадеб. Рядом с ними сохранились остатки посуды и следы арыков. Интересным фактом является то, что на восточной поверхности крепости были обнаружены бронзовые наконечники стрел (рис. 41, 21). Видно, башни были усилены именно с этой стороны.

В 15 км к западу от Баланды 1 находится Сенгир-кала 2. Памятник открыт в 2014 году маршрутной группой Чирикратской археологической экспедиции. Это прямоугольное сооружение с округленными углами (44x24 м), ориентированное углами по странам света. Стены сохранилась высотой 0,70-2 м. Без башен. Коридор-образный вход расположен в середине северо-восточной стены, ближе северном углу памятника в виде. Ширина ее 4 м. На поверхности довольно четко видна внутренняя планировка. В северо-западной части памятника расположено помещение типа большого дома (6x5 м). На площади усадьбы подняты фрагменты керамики и фрагмент железного наконечника стрелы. С юго-востока к укреплению примыкает поселение, состоящее из жилых домов, расположенных рядами вдоль канала. В одном из домов расчищена отдельно стоявшая мастерская-печь овальной формы, диаметром 2 м. Толщина стенки 15-20 см.

Расположенный в 5 км от юго-востока от Чирик рабата поселение Инкар кала является центром небольшого земледельческого оазиса, связанного с магистральным каналом, ответвленным от древнего русла Жанадарьи в окрестностях возвышенности Ак-кыр. Поселение составляют несколько больших домов; из них лучше всего сохранилось прямоугольное сооружение на левом берегу канала. Останцы его стен имеют высоту 2,2 м, пло-

щадь развалин равна 50х30 м. На поверхности городища зафиксированы обильные россыпи керамики в переотложенном виде, причем керамический комплекс Инкар-калы идентичен чирикрататскому. Поселение было открыто маршрутной группой Чирикрататской археологической экспедиции в 2006 году [Курманкулов, Тажекеев, Кызылбаев, Абдикаликов, 2007]. В 2011-2013 году здесь проводились раскопочные работы.

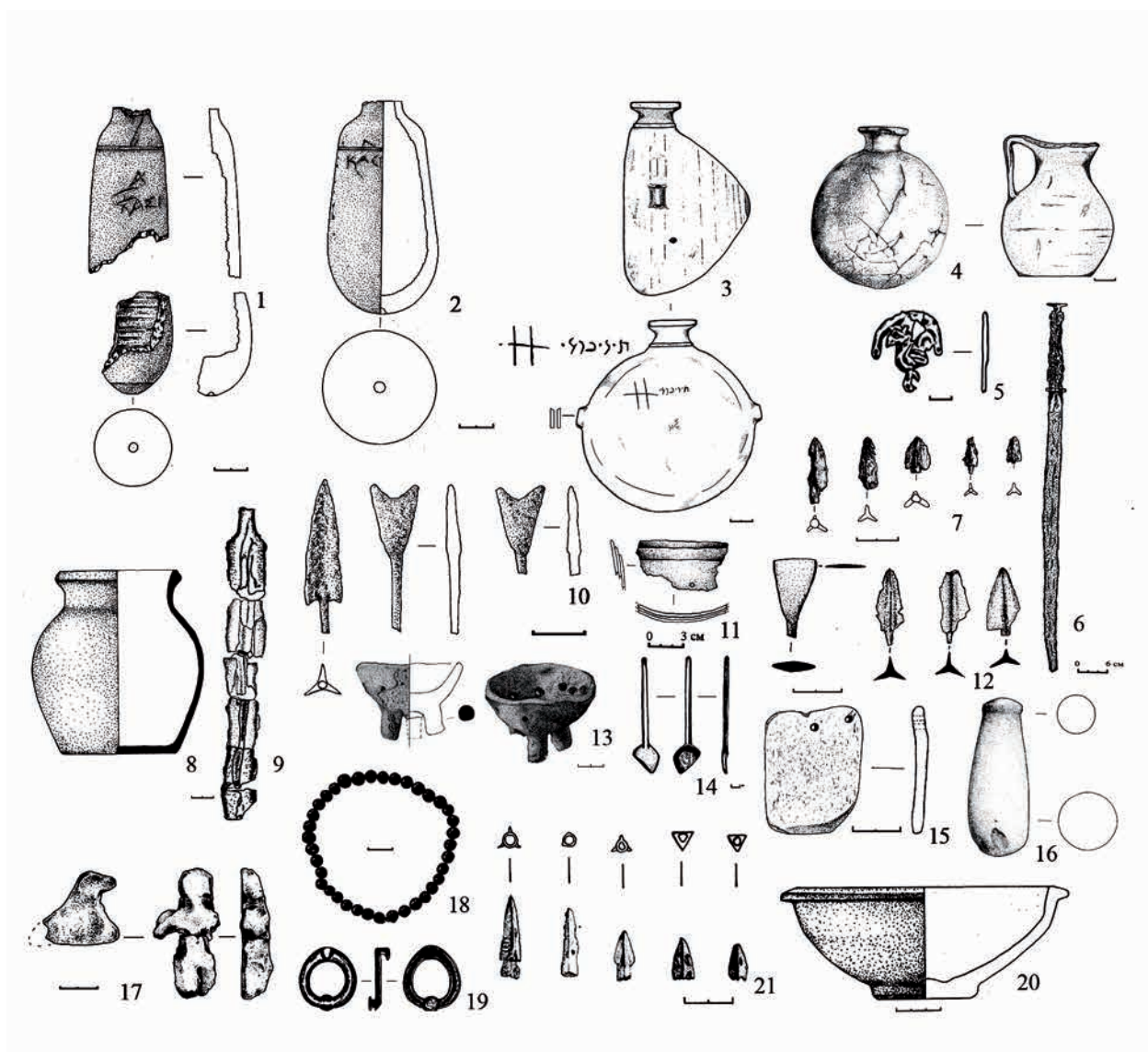

Рис. 41. Предметы Чирикрататской культуры. 1, 2, 10, 13 – из храма; 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12 – из безнасыпных могил; 11 – из мавзолея (объект №17); 15 – из мавзолея (объект №3); 16, 17, 21 – из укрепленной усадьбы Баланды; 14, 19 – из мавзолея Баланды 3; 18, 20 – из мавзолея Мынарал. 1–2–алебастровый сосуд. 10–железные наконечники; 3–4– керамические сосуды; 5–нашивная бляшка виде птицы; 6–железный меч; 7–железные наконечники; 8– керамический сосуд; 9–фрагмент железного меча; 12–железные наконечники; 11– пластинки из железного доспеха; 13– керамический светильник; 15– точильный камень; 16–каменный пестик; 17– зооморфные статуэтки из глины; 21– бронзовые наконечники; 14–костяная ложечка; 19–бляшка из бронзы; 18–бусы; 20–керамический сосуд

Одним из интересных памятников, чирикратского оазиса является крепость Карабас, исследование которого также является перспективным и актуальным. Карабас расположен на левобережье р. Жанадарья, в 9,5 км к западу от городища Чирик-рабат.

Объект был обнаружен впервые маршрутной группой Чирикратской археологической экспедиции в 2006 году. В 2014 г. проводились стационарные исследования. В ходе работ на памятнике были зафиксированы крепости и ряд жилищ, которые, по видимому, являются составной частью инфраструктуры данного объекта. Карабас по некоторым параметрам схож с Баланды 1. Он в плане представляет собой трапециевидное глинобитное сооружение. Длина восточной стены составляет 130 м, западной 105, южной и северной 40 м. Толщина стен составляет около 2–2,5 м, наибольшая фиксируемая высота стен составила около 1,5–2 м. Кроме того, четко фиксируются остатки 7 фортификационных сооружений в виде остатков башен.

Проведенные исследования позволяют еще раз отметить, что сложение этой культуры с явными признаками урбанизации, проявляющимися, прежде всего, в строительной технике и архитектуре памятников, происходило под влиянием древнеземледельческих культур южных областей Средней Азии. Надо полагать, что роль ретранслятора, а может быть и основного проводника этих традиций и технологий, во всяком случае, на раннем этапе становления Чирикратской археологической культуры, выполнял Древний Хорезм, где земледельческая культура древневосточного типа сформировалась раньше – не позднее рубежа VII–VI вв. до н.э.

Среди памятников явно выделяется городище Бабиш-мулла – центр сравнительно крупного ирригационного района. Урбанистические черты этого памятника, проявляются в размерах самого городища. Отметим также четко выраженную в современном рельефе, укрепленную, квадратную в плане цитадель с мощным превратным оборонительным сооружением-«донжоном» и центральное монументальное здание – «Большой дом», которое с полным основанием можно считать дворцом. Вокруг Бабиш-Муллы располагалась сельскохозяйственная округа, на территории которой зафиксированы следы ремесленного производства. Ее следует трактовать как пригород. Таким образом, на этом памятнике выявляются все признаки трехчастного поселения городского типа, что дает основание считать Бабиш-Муллу городом, возможно столицей государства или племенного объединения. Укрепленные поселения типа Баланды и Инкар-кала, безусловно, являлись центрами земледельческих оазисов, большая часть населения которых проживало в небольших усадьбах, располагавшихся в зоне орошения магистральных каналов или дамбированных русел. Центральные усадьбы могли выполнять функции общинного хранилища и, при необходимости, крепости-убежища. Следует заметить, что подобная структура поселения находит себе прямые параллели в раннеантичном Хорезме, где небольшие неукрепленные усадьбы группировались вокруг крепости, служившей одновременно и общественным хранилищем и крепостью – убежищем. Эти поселения, как и большинство других сельских поселений Хорезма эпохи античности, относятся к типу рассредоточенных, являя собой образец хуторского расселения, характерного для Хорезма [Неразик, 1987].

Сооружение Карабас-кала, возможно, выполнял функцию крепости, где мог размещаться небольшой гарнизон. Крепости Алыб и Кабыл, возможно, также были погранич-

ными крепостями, защищавшими северные и северо-восточные рубежи оазиса. Весьма вероятно, что эти крепости были построены по инициативе или при прямом участии центральной власти. Следует заметить, что на восточных и северо-восточных границах Хорезма в период ранней государственности (IV-II вв. до н.э.) также были построены крепости, основной функцией которых была охрана рубежей государства (Бурлы-кала, Аяз-кала 1, Кургашин-кала, Малая Кырк-кыз-кала). Среди памятников Чирикратской культуры особняком стоит городище Чирик-Рабат. Исследования показывают, что памятник не является объектом жилого назначения. По-видимому, Чирик-Рабат, во всяком случае на раннем этапе своего существования, прежде всего был огромным некрополем и культовым центром. Особенности памятника невольно напоминают геродотовский рассказ о священном Герросе, почитаемом всем народом скифов. Возможно, здесь находился «Геррос» поздних саков низовьев Сырдарьи.

Погребальные памятники

К памятникам IV-II вв. до н.э. относятся также и погребальные сооружения разного типа: грунтовые погребения, наземные мавзолеи, могильные ямы в подбоях и простых ямах под курганной насыпью. В сложных по конструкции и многообразных по погребальному обряду памятниках прослеживается характерный синкретизм местных традиций и внешних влияний. Однако в настоящее время исследовано лишь незначительное количество из ныне известных памятников. На основной территории чирикратских оазисов в силу климатических, гидрографических условий и процесса дефляции грунтовые погребения выявляются слабо, так как от них не сохранились наземные, вероятно земляные, сооружения. Во всех выделенных группах исследовано небольшое количество погребений Чирикратской культуры.

Наиболее ранние из них представлены большими курганами, расположенными на городище Чирик-рабат. Раскопаны два кургана. Это курган 2, изученный под руководством С.П. Толстова и курган 6 (объект №2), который был исследован в 2004-2007 гг. под руководством Ж. Курманкулова.

Курган 6 (объект №2). Песчаная насыпь, диаметром 75-80 м и высотой 1,5-2 м. курган расположен в северо-северо-западной части городища, внутри второй оборонительной стены. В результате раскопок установлено, что насыпь кургана состоит из грунта, вынутого при рытье могильной ямы. В ходе расчистки насыпи к востоку от внешней границы кургана, на уровне материка выявлена яма размерами 2x0,7 м, на дне которой находился скелет подростка. Костяк лежал головой на юг. Сохранились череп и несколько трубчатых костей рук и ног. Сопровождающих его вещей не было. Видимо, это захоронение впускное. Стратиграфия кургана показала, что погребальная яма была перекрыта шестью слоями камыша и древесины, поверх которых шла насыпь из песка.

На глубине 2 м от реперной точки выявлены контуры входа – дромоса, шириной 3 м, ориентированного по линии север-юг. Также была определена южная граница округлой в плане погребальной ямы, ширина которой, в южной части, была не более 1,5 м. Дромос и яма углублены до 3 м от древней дневной поверхности. В заполнении ямы обнаружены

мелкие фрагменты костей животных, и часть железных удил. Особенностью этого кургана является выявленная в центре ямы на глубине 4 м от реперной точки прямоугольная погребальная камера, ориентированная в широтном направлении, размерами 3,73x4,5 м, стены которой шириной 1,1 м были сложены из квадратного сырцового кирпича (47x45x5 см). Еще в древности погребальная камера была ограблена. В грабительском выбросе обнаружен ряд находок, в том числе в большом количестве фрагменты керамики и человеческих костей.

Вторую группу погребальных памятников составляют наземные мавзолеи. Известно более двух десятков этих сооружений, располагавшихся изолированно друг от друга и на некотором расстоянии от поселений (0,5-10 км). Всего (в ходе как ранних, так и современных исследований) раскопано из них более десяти. Они разделяются на два типа: квадратные и круглые в плане.

Квадратные мавзолеи. 2015-2016 году было раскопано квадратное в плане (10x10 м), погребальное сооружение (Объект №17), в котором было четыре симметрично расположенных помещений, разделенных двумя взаимно-перпендикулярными стенами. Внешние стены толщиной до 3 м, сложены из кирпичей, сформованных из глины с высоким содержанием песка. Стены сохранились на высоту от 0,2 – 0,5 до 1,5 – 1,7 м. Хорошая сохранность северной стены связана с тем, что она полностью перекрыта поздней оборонительной стеной. С восточной стороны, при строительстве башни позднего периода, внешняя стена была подрезана. Несмотря на то, что мавзолеем был ограблен в древности, в нем найдено четыре черепа и разрозненные человеческие кости. По всей площади помещения найдены множество прямоугольных железных пластин разного размера с отверстием для крепления. Возможно, эти пластинки нашивались на какую-то твердую, но эластичную основу, по всей видимости, на кожу. Можно предполагать, что пластинки являются остатками железного доспеха (рис. 41, 11). Керамики при раскопках найдено мало, она сильно фрагментирована. На основании находок человеческих костей без признаков кремации можно предполагать, что в мавзолее было совершено труповыставление, традиция, которая становится доминирующим в чирикратской погребальной практике не ранее III в. до н.э.

Круглые мавзолеи. Мавзолеем (Объект №3). Расположен в 7 км к востоку от городища Чирик-рабат на песчаном бугре. В восточных и западных частях сооружения стены сохранились на высоту 1,5-2 м. Стены возведены из сырцового кирпича различного размера (40-45x30 - 36x10-13 см) на глиняном растворе. Ширина внешней восточной стены около 1,5 м. Мавзолеем разделен стенами на 4 сектора, запад-восток (ширина 3 м) и север-юг (ширина 1 м). Однако, по причине сильного разрушения и разграбления, внутренние стены сохранились только в нижней части. Кости человека были разбросаны по всей площади раскопа, вперемешку с костями животных и другими находками. Здесь был погребен не один человек, возможно, погребение было многоуровневым. Обнаружено значительное количество вещей, среди них - золотая серьга с коралловой подвеской. Аналогичная золотая серьга из витой проволоки с жемчужиной и коралловой подвеской была найдена на Бабиш-мулла 2 [Толстов, 1962]. В мавзолеем встречены фрагменты сосудов, как станковых, так и лепных. На одном фрагменте керамики находится «Н» – образный знак, прорезан-

ный до обжига. В западном секторе и у прохода были найдены два точильных камня. Один из них имеет два отверстия для подвешивания (рис. 41, 15). Найдены стеклянные и пастовые бусы бирюзового, синего, черного цвета. В 15-20 см от северной стены в западном секторе были зафиксированы фрагменты кожи и дерева. В западном секторе в 20-30 см от северной стены были найдены небольшие фрагменты текстиля. Обнаружена также деревянная круглая крышка пиксиды. Диаметр изделия 7 см, толщина стенок 1 см, высота 3,5 м. Подняты четыре бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел со скрытой втулкой, которые датируются IV-II вв. до н.э. [Курманкулов, Бирмуханова, Калиева, Утубаев, 2005; Курманкулов, Жетибаев, Утубаев, Байтилеу, Искаков, 2006; Курманкулов, Жетибаев, Утубаев, Искаков, 2007; 202].

Мавзолей Баланды 3 представляет собой круглое сооружение диаметром 10 м, разделенное на четыре сектора. Сохранившаяся высота 2,5 м. Памятник был открыт маршрутным отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1959 году [Толстов, 1962]. Повторно мавзолей был обследован в 2012 г. [Утубаев, 2013, с. 28-35].

Памятник возведен на глиняном стилобате из крупных блоков. Вход располагался в южной стене. Толщина стен 1,2-1,7 м, они сложены из чередующихся слоев пахсовых блоков, комков глины и рядов сырцового кирпича. Размер кирпича 45x30x10 см. Как показали рекогносцировочные раскопки, сооружение перестраивалось несколько раз.

Первоначально здание имело стилобат высотой 35 см, обмазка стен и пола которого (толщиной 20 см), была сильно замыта. В северных секторах отмечены следы горения. Во второй период пространство внутри четырех секторов было забутовано глиной, поверх которой выложили одну стену, разделявшую внутренне пространство на два сектора. Пол был обложен горизонтальными рядами кирпичей. Стены верхнего строительного горизонта также покрыты толстым слоем глиняной обмазки. Погребальный инвентарь состоит из нескольких кухонных горшков, бус двух типов (позолоченные или бусы с металлической прокладкой зонной формы и каменные), костяной туалетной ложечки (рис. 41, 14), каменных зернотерок, обломков двух отшлифованных остроконечных каменных орудий, одного бронзового втульчатого наконечника стрелы, одной бронзовой подпружной пряжки в виде овального кольца размерами 49x40x4 мм с выступающими крючками (рис. 41, 19).

К этому же типу относится мавзолей Мынарал, который расположен в Баландинском оазисе. Мавзолей расположен в 7 км к западу от центральной усадьбы. Мавзолей был открыт в 2005 г. и раскопан в 2008-2009 гг. [Курманкулов, Жетибаев, Утубаев, 2010, стр. 213-214]. Сооружение возвышается над дневной поверхностью на высоту 1,3-1,5 м. Высота стилобата – 0,4 м. Диаметр памятника 14 м. Внутреннее пространство разделено на четыре сектора. Длина разделяющей внутренней стены 11,5 м. Толщина внешних стен - 1,40 м, толщина внутренней крестообразной стены 1,35 м. Основным строительным материалом служил прямоугольный кирпич (40x30x10см). Крестообразная внутренняя стена также сложена из прямоугольного сырцового кирпича (рис. 42).

Исследования мавзолеев показали, что значительная часть их подвергалась внутренней перестройке и все они многократно использовались для захоронений, причем иногда в одних и тех же сооружениях производились и кремация и труповыставление в деревянных гробах, на носилках. Находки мавзолеев не многочисленны: преобладают

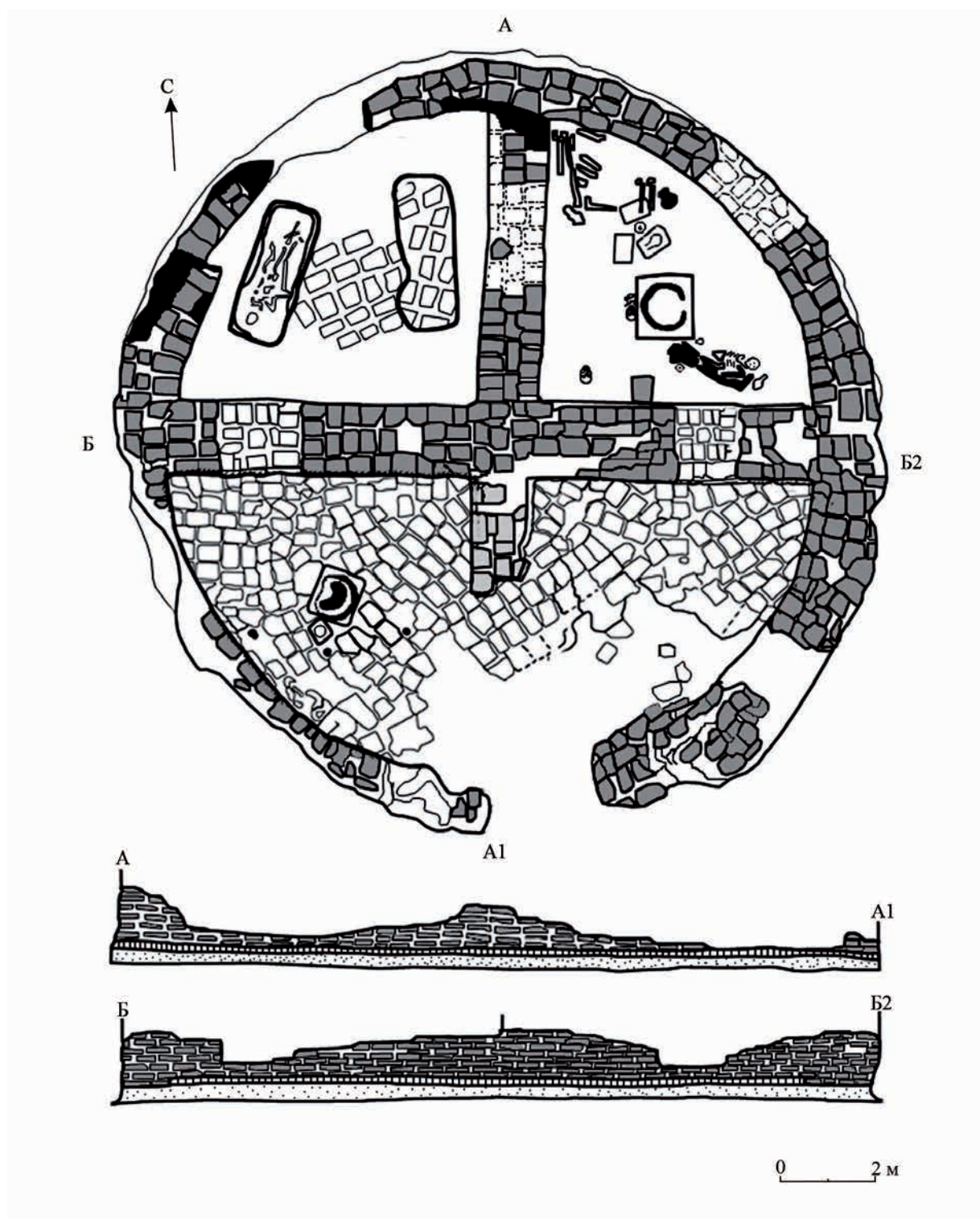

Рис. 42. Мавзолей Мынарал. План и разрез

лепные и станковые формы керамических сосудов (миски, кувшиновидные сосуды без ручек), бусы (рис. 41, 18, 20) и др.

Планировка круглых мавзолеев с внутренним крестообразным пересечением стен могла иметь глубокие местные корни. Представляется несомненной связь чирикрататских погребальных сооружений типа Кзылтепе, мавзолея 2 Тагискена и других со «шлаковыми» курганами и некоторыми ранними мавзолеями могильника Тагискен (мавзолей 6, планировка, обряд кремации), характерными для более раннего сакского населения этих районов [Толстов, 1962, с. 201]. Однако в погребальном обряде чирикрататской культуры нельзя исключить определенные, возможно южные, влияния, поскольку переход от кремации к обряду труповыставления наблюдается иногда в одних и тех же памятниках (мавзолей Чирик 2). Но, наряду с этим, отмечено и сосуществование обоих обрядов в разных одновременных памятниках. Сам факт перехода в погребальных сооружениях одного и того же типа от традиционного трупосожжения к труповыставлению мог происходить либо под влиянием каких-то изменений в религиозных представлениях, либо с появлением новой этнической группы населения.

Третьим, вновь выявленным, типом погребальных сооружений являются безнасыпные могильные ямы. С 2004 года исследованы пять памятника (объекты 1, 5, 9, 12, 15). Они представляют собой сложное погребальное сооружение типа усыпальницы. Все они находятся в северной части городища Чирик-рабат, располагаясь компактной группой внутри третьей оборонительной стены. Сооружения представляют собой широкие прямоугольные ямы размерами 2,2-4х3-4 м и глубиной от 3,4 до 5-4 м. Ориентированы они, как правило, в меридиональном направлении. По внутреннему устройству их можно разделить на два типа: могильные ямы с подбоем, устроенном в западной и восточной стенках (объект 1), и могильные ямы с подбоем только в западной стенке (объекты 5, 9, 15) (рис. 43). Во всех могильных ямах вход в подбой заложен сырцовыми кирпичами. В них найдены керамические сосуды, крупные железные наконечники стрел (рис. 41, 10), золотые бляшки, железные мечи и др. (рис. 41, 3-9, 12). На основании анализа погребального инвентаря объект №1 на Чирик-Рабате можно датировать в пределах периода конца III – первой половины II вв. до н.

Предположительно, в III – II вв. до н.э. на смену ямам с дромосом, которые были ведущей формой погребального обряда в более ранний период, приходят захоронения в подбоях, в которых впускная яма представляет собой вертикальную прямоугольную или подквадратную в плане шахту-колодец, глубиной до 4-5м. В большинстве случаев внизу такой вертикальной шахты, в ее западной части или с двух сторон устроен боковой подбой овальной формы, пол которого находился либо на одном уровне с дном шахты, либо на 25 - 50 см ниже. Обряд захоронения был таким же, что и в ямах с дромосом – групповое последовательное трупоположение в одной камере, по-видимому, членов одной семьи. Причем, вертикальная шахта подбоя, возможно, была открыта после захоронения одного из членов семьи. Кирпичами, после первого погребения, закладывался только вход в подбой, при этом можно предполагать, что заклад разбирался, когда совершалось следующее захоронение.

Культовые памятники

На городище Чирик-рабат были исследованы монументальные сооружения, которые можно определить как храмы. Они находятся в центре городища Чирик-рабат, внутри третьей оборонительной стены. В 2007-2015 гг. на объектах проводилось раскопки под руководством Ж. Курманкулова.

Объект №6 - квадратное в плане здание (18x17,5 м), стены которого шириной 4,5-5 м сложены из сырцового кирпича (47-60x30-35x8-10 см, 50,5x40x10-12 см). Стены сохра-

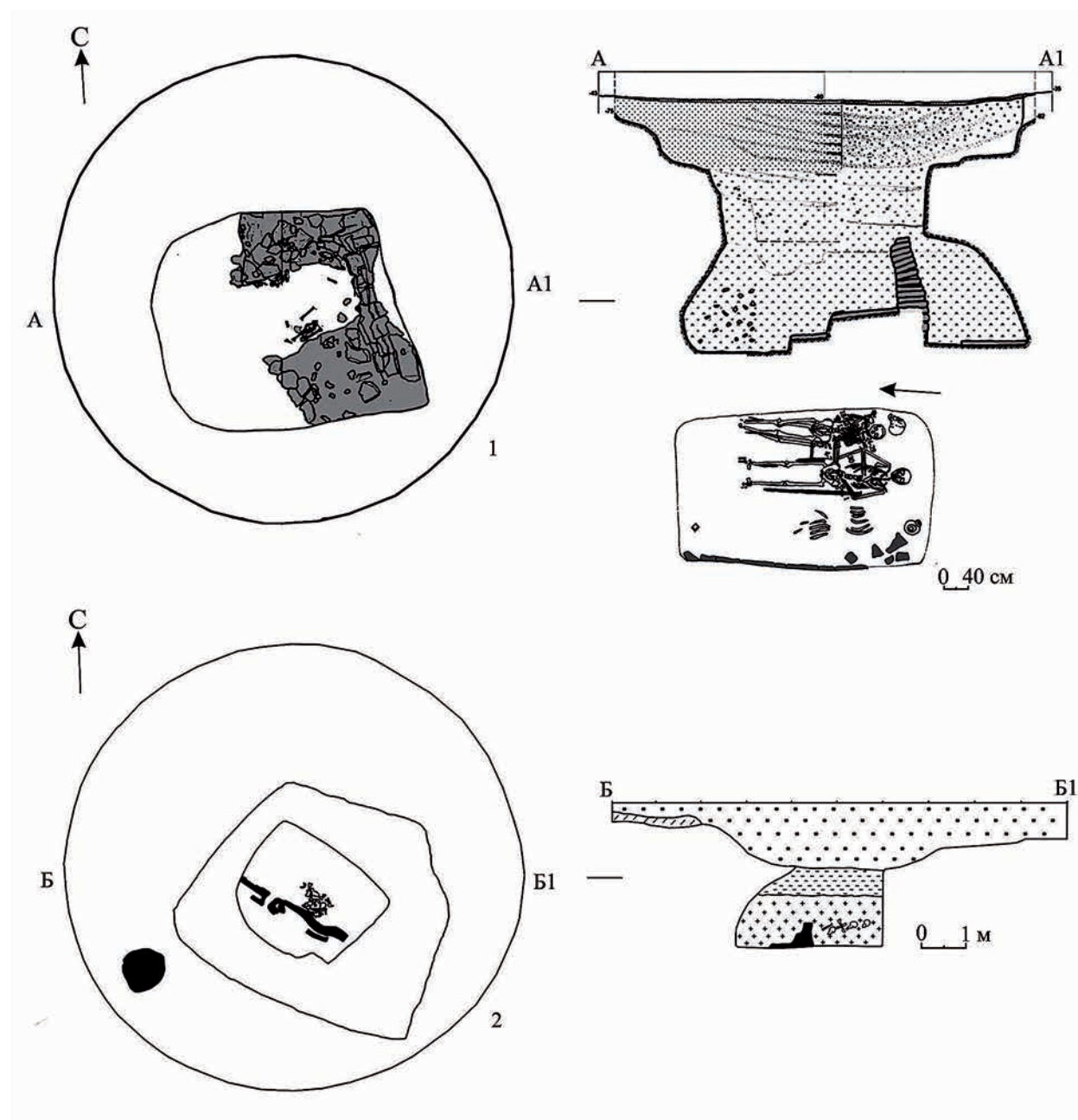

Рис. 43. Могильные ямы (безнасыпные могилы). Планы и разрезы. 1 - объект 1; 2 - объект 9

нились на высоту 1-1,5 м. С южной стороны выявлен контрфорс шириной 3 м, который составлял со стеной единое целое, т. е. и стена и контрфорс были построены одновременно. Внутреннее помещение сооружения имеет площадь 8x8 м (рис. 44).

В 1,4 м к западу от здания, на расстоянии 10 м, также выявлены следы стено-оградки. Внутри помещения вдоль стен тянутся широкие суфы (высотой 50-60 см, шириной 40-45 см), сложенные из пахсовых блоков и покрытые тонким слоем штукатурки (около 5 мм). Суфы сохранились у южной и северной стен. На южной стене, чуть выше суфы, выявлены следы штукатурки, поверх которой шла обмазка белого цвета. На обмазке прослеживаются линии красной и черной краски. В помещении вскрыты 2 ямы. В них найдены фрагменты керамики, крупные железные наконечники стрел (рис. 41, 10), золотые пронизи, изделия из кости и серебра, фрагменты глиняных масок (глаз), остатки дерева и др. Обычай хранить таким образом приношения и пришедшую в негодность храмовую утварь, которую нельзя было просто выбрасывать, известен у многих народов. Среди находок особый интерес представляют два сосуда бело-молочного цвета. Сосуды предположительно изготовлены из гипсового алебастра. Оба сосуда по форме представляют собой бутылку с округленным дном и низким горлом. Тулово сужено к верху. У обоих сосудов имеется надпись из пяти знаков «древнегреческого» алфавита (рис. 41, 1, 2). Сосуд находит аналогии среди керамического материала III-II вв. до н. э. Египта и Малой Азии. Название сосуда – «алабастрон», латинский вариант – «Alabastron». В целом, разнообразие находок датируют памятник III-II вв. до н. э. [Курманкулов, Переводчикова, Жетибаев, Утубаев, Тажекеев, Дарменов, 2009].

Второй храмовый комплекс расположен в южной части средневековой цитадели, где выделялось здание, доминирующее над всей центральной частью крепости. Это прямоугольное в плане здание ориентировано по оси северо-восток-юго-запад. Его руины были включены в фортификационную систему средневековой цитадели. До раскопа было предположение, что это предвратное сооружение у входа в цитадель. В ходе раскопок на объекте было выявлено три помещения и три ритуальные площадки. Одно помещение расположено в северо-восточной части сооружения, размер 2x3 м. Здесь были найдены две гипсовых скульптуры, возможно, двух женщин, в сидячем положении. В помещении был выявлен ритуальный очаг, находящийся у входа. Очаг примыкал к западной стенке помещения и имел округлую форму. У очага выявлены два жертвенных сосуда (рис. 41, 13). Пол помещения выложен сырцовыми кирпичами (размер 40x35x10 см). Вход в помещение - с северной стороны. Храм отвечает индоиранским традициям трехчастного вертикального членения (цоколь, помещение и верхняя площадка) и, по всей видимости, связан с культом плодородия и возрождения природы.

Хозяйство

Основной хозяйством древних чирикрабатцев было земледелие, которое базировалось на разветвленной сети каналов, выведенных русловых протоков и арыков-распределителей. Остатки ирригационной сети античного времени прослеживаются на территории древних дельт Инкардарьи и Жанадарьи. Обильные следы земледельческой деятельности и много-

численных сельских поселений обнаружены в окрестностях Бабиш-Муллы. Вся эта область представляла собой в те времена внутреннюю «дельту» – влажную аллювиальную равнину, пересеченную песчаными грядами и многочисленными извилистыми водными протоками. В условиях непрерывно меняющейся в дельте экологической обстановки орошаемое земледелие носило непостоянный характер. Детально-разведочное обследование в окрестности городища было проведено Б. В. Андриановым в 1957-1960 гг. [Андрианов, 1969, с. 192-199]. От поселений сохранились остатки построек, прослеживающиеся на местности либо в виде планировок, покрытых россыпью керамики и обломков кварцита, либо в виде невысоких бугров. По данным Б. В. Андрианова в окрестности Бабиш-муллы зафиксированы следы 150 поселений. По мнению исследователя, из них около сотни могли существовать одновременно [Андрианов, 1958; 1969].

В 2004-2006 гг. в ходе разведок, в 5 км юго-западу от городища Чирик-рабат была выявлена группа сельских поселений, расположенных вдоль канала в меридиональном направлении на протяжении 20 км. На поверхности поселений видны следы стены 7-8 жилых домов. Между двумя или тремя такими поселками находилось небольшое укрепление типа «торткуля» прямоугольной формы размерами 60x80 м и высотой стен до 1-1,5 м. Укреплений типа «торткуль» около поселков в окрестностях городища Чирик-рабата зафиксировано три. На поверхности их в большом количестве встречается керамика, как ручной лепки, так и станковая. Встречаются каменные и стеклянные бусы, обломки медных изделий [Курманкулов, Тажекеев, Кызылбаев, Абдикаликов, 2007]. Хорошую обжитость в IV – II вв. до н. э. показывают обследования в урочище Баланды (укрепленное поселение Баланды, укрепленная усадьба - Сенгир-кала). Вокруг Сенгир-калы были прослежены редкие небольшие извилистые каналы шириной от 1,5 до 2,5 м. Они «читаются» на местности в виде более темных, слегка присыпанных песчаными наносами полос или в виде полос, приподнятых на несколько сантиметров над такыром и усеянных обломками посуды. Начавшийся в середине I тыс. до н. э. сток по Жанадарье, по-видимому, не исключил полностью Инкардарью из системы действующих русел. Отдельные ее отрезки вошли в систему Жанадарьи и были обводнены, доказательством чего и служит существование оазиса в урочище Баланды. Таким образом, в IV – II вв. до н.э. орошаемое земледелие низовьев Сырдарьи основывалось на водах Жанадарьи. По данным Б.И.Вайнберг (1993), в III в. до н. э. в западной части дельты начинается кризис обводнения, и, по всей видимости, в конце II в. до н.э. Жанадарьинский водный бассейн полностью осушается.

В земледелии среди сельскохозяйственных культур преобладали злаковые – просо, сорго. Они были зафиксированы в поселениях Бабиш мулла 7 и Баланды. Зерно сорго перерабатывают на крупу, муку и крахмал, из соломы изготавливают плетёные изделия, бумагу, веники. Целесообразность возделывания сорго в засушливых и полусухих регионах планеты обуславливается его универсальностью и высокой продуктивностью. Зелёная масса и зерно охотно поедается многими видами домашних животных. Сорго не только высокоурожайная культура, она богата углеводами, белками, каротином, дубильными веществами, витаминами, которые играют важную роль в повышении продуктивности животных. А просо хорошо переносит жару, что позволяет собирать хороший урожай даже при высоких температурах.

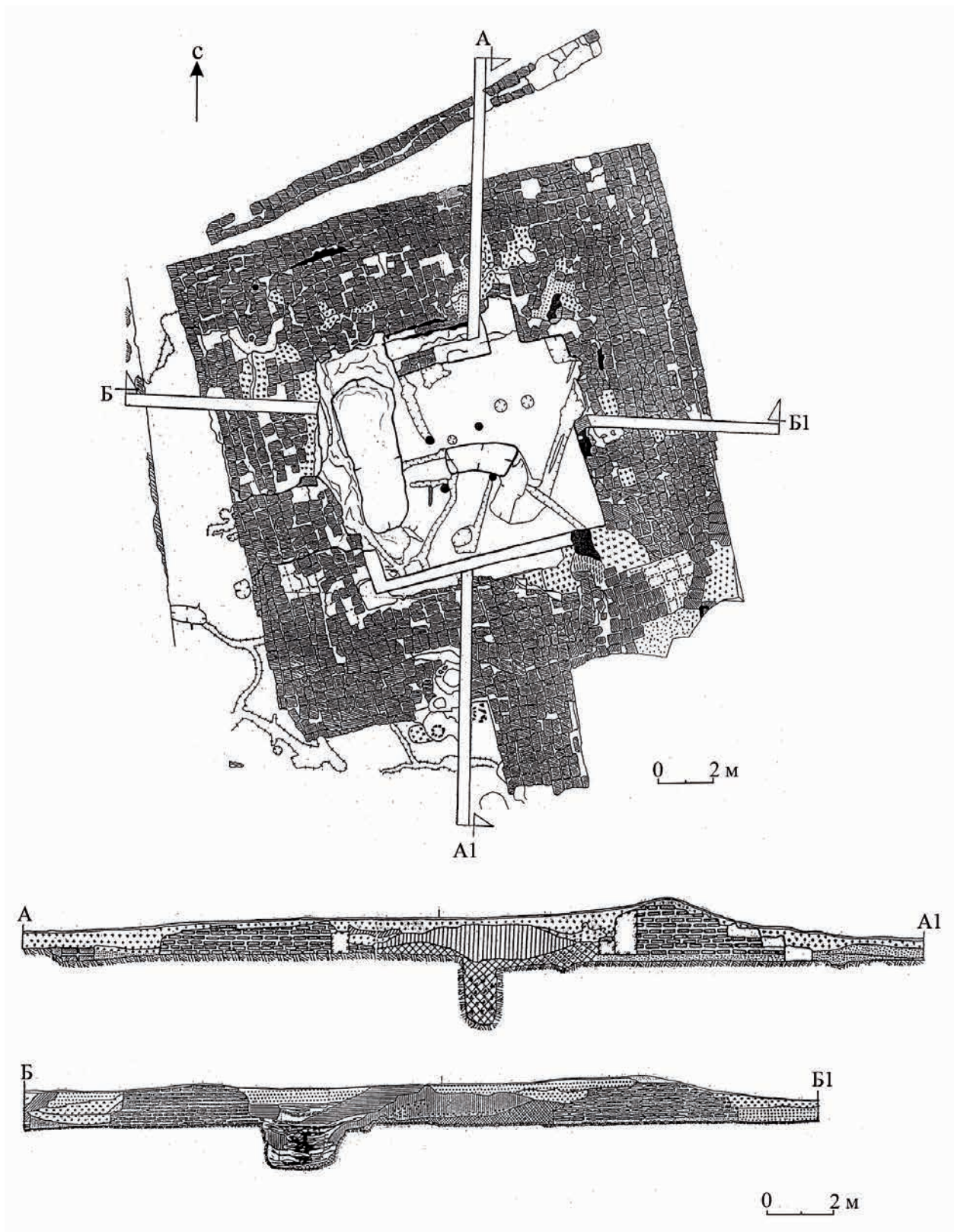

Рис. 44. Храм. План и разрез

В хозяйстве чирикратцев важную роль играло и скотоводство. На основании анализа остеологического материала, полученного в результате новых раскопок на таких памятниках, как Бабиш мулла 7, Чирик рабат, Баланды и Инкар кала, можно предполагать, что в стаде преобладал мелкий рогатый скот, кроме того вдовольном большом количестве встречаются кости и крупного рогатого скота, лошади, верблюда.

Остатки производственной деятельности. Следы керамического производства обнаружены на одном из поселений в 5 км к юго-востоку от городища Бабиш-Мулла 1, расположенного на восточном берегу сухого русла Жанадарьи. Общая площадь поселения приблизительно 1, 6 га. Здесь был производственный центр, где работали гончары-ремесленники. С запада к поселению был подведен канал-водохранилище шириной 15 м. Всего в результате визуального обследования поселения выявлено 11 обжигательных горнов, но, несомненно, их было больше. В южной части поселения зафиксировано 7 предполагаемых построек, которые могут быть как небольшими жилыми домами, так и мастерскими. В северо-западной части поселения на берегу сухого русла обнаружена довольно крупная усадьба. На поверхности четко видны контуры стен помещений сложенных из прямоугольного сырцового кирпича. На поселении Бабиш-мулла 7 полностью вскрыто пять прямоугольных плане керамических обжигательных горнов, в том числе раскопан округлый в плане горн – №4. На одном объекте, рядом с горнами, открыта часть гончарной мастерской. Это был крупный центр керамического производства, который снабжал своей продукцией все население оазиса (подробнее см.: [Утубаев, Болелов, 2016]). Помимо посуды в горнах обжигались терракотовые статуэтки. На одном из небольших поселений в оазисе Бабиш-мулла найдены глиняные антропоморфные фигурки, которые явно обжигались в горне. Рядом с развалом обжигательного горна на одной из усадеб поселения Баланды найдено большое количество лепных зооморфных статуэток (рис. 41, 17). Найдены статуэтки фантастических животных, также несколько антропоморфных фигурок [Курманкулов, Утубаев, 2013. С. 117]. Надо отметить, что полученные в ходе новых исследований, в том числе стационарных раскопок, материалы обжигательных горнов на поселении Бабиш-мулла несут много новой информации. Эти объекты открыты впервые и для их полной характеристики нужны дополнительные данные. Актуальность исследований в этом направлении очевидна.

Таким образом, ход и некоторые результаты новых исследований на Чирик-рабате позволяют в какой-то степени сделать ряд уточнений в характеристике культуры поздне-сакского населения низовьев Сырдарьи, а также наметить ряд важных задач в перспективе. Основная функция городища Чирик-Рабат нам видится в том, что это был крупный культурный центр, игравший важную роль в системе мировоззрения населения. Полученные новые данные из погребальных сооружений заметно дополняют характеристику особенностей погребального обряда, в том числе это касается впервые исследуемых безнасыпных захоронений. Ряд новейших сведений получен по обжигательным горнам, раскопки которых должны быть продолжены. Возле укрепленной усадьбы Баланды исследовано одно жилище усадебного типа, - прямоугольный дом, разделенный на несколько помещений, - материалы которых подчеркивают не меньшую актуальность работ по изучению поселений, что даст, безусловно, немало новых данных по чирикратской культуре.

Определенный объем новых материалов по поселениям в настоящее время задействован в подготовке специальной публикации по этой теме. Исследования на Чирик-рабате продолжаются и, надо надеяться, обобщение как имеющихся данных, так и новые материалы дадут возможность более полно осветить многие стороны этой удивительной культуры, оставленной населением – потомками древних «уйгаракцев», «тагискенцев».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андрианов Б.В. Отчет о работе археолого-топографического отряда в бассейне Жанадарьи в 1958 г. // Архив ИЭА, РАН, фонд 142, опись 2, ед. хр. 37.
- Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука, 1969. 253 с.
- Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи. М.: Институт этнографии и антропологии, 1993. Вып. 1. 178 с.
- Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма // ВДИ. 1997, №2. С.150-173.
- Итина М.А. Загадочные ограды на курганных группах низовьев Сырдарьи и Южного Приуралья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 78-84.
- Итина М.А. Ранние саки Приаралья//Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
- Курманкулов Ж., Бирмуханова А., Калиева Ж., Утубаев Ж. Археологические исследования на городище Чирик-рабат и в его окрестностях // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2004 г. А., 2005. С. 249-251.
- Курманкулов Ж., Болелов С. Б., Утубаев Ж., Дарменов Р., Торежанова Н. Исследования укрепленной усадьбы Баланды 1 в 2007 г. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2007 г. А., 2008. С. 230-234.
- Курманкулов Ж., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Байтилеу Д., Искаков А. Археологические исследования памятника Чирик-рабате и прилегающих районов // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2005 г. А., 2006. С. 250.
- Курманкулов Ж., Жетибаев Ж., Утубаев Ж. Итоги археологических работ на мавзолее «Мынарал» Баландинского комплекса. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2009 г. Алматы, 2010. С. 213-214.
- Курманкулов Ж., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Искаков А. Археологические исследования памятников городища Чирик-рабат // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2006 г. А., 2007. С. 202.
- Курманкулов Ж., Переводчикова Е., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Искаков А., Тажекеев А., Дарменов Р. Археологические работы на городище Чирик-рабат в 2007 г. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2007 г. А., 2008. С. 205-206.
- Курманкулов Ж., Переводчикова Е., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Тажекеев А., Дарменов Р. Археологические работы на городище Чирик-рабат в 2008 г. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2008 г. А., 2009. С. 71-73.
- Курманкулов Ж., Тажекеев А.А., Кызылбаев Т., Абдикаликов Ш.М. Отчет о разведке на территории Кызылординской области по своду памятников 2006 г. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2006 г. А., 2007. С. 216-217.
- Курманкулов Ж., Тажекеев А.А. Дарменов Р.Т. Искаков А. Исследования крепости Карабас в 2014 году // «Маргулановские чтения – 2014» Посвященной 110-летию Академика а. Х. Маргулана 3-5 декабря, 2014 г. Алматы – Павлодар, 2014. С. 165-170
- Курманкулов Ж.К., Утубаев Ж. Баланды (Буланды) – памятник античности. Алматы: Хикари. 2013. 148 с.

- Неразик Е.Е., Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). ТХАЭЭ. т. IX. - Москва: Наука, 1976. С. 250.
- Пичикян И.Р. Культура Бактрии в ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991. С. 152-153.
- Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979. 53 с.
- Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А. Курганы на возвышенности Чаш-тепе // Кочевники на границах Хорезма. Труды ХАЭЭ, том. XI. М., 1979. С. 155-157.
- Ремезов С. Чертежная книга Сибири, составленная в 1701 г. Спб., 1882.
- Сулейманов Р.Х. Общественные сооружения Еркургана осевого композиционно-планировочного типа. // Культура среднего Востока. Градо-строительная архитектура. Ташкент, 1989.
- Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М, 1948. 337 с.
- Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1945-1948 гг. // ТХЭ. Т. I. М., 1952. С. 16-31.
- Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. 322 с.
- Толстов С.П., Воробьева М.Г., Рапопорт Ю.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // МХЭ. Вып. 4. М., 1960. С. 15-61.
- Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958-1961 гг. // МХЭ. Вып. 6. М., 1963. М.: Издательство АН СССР. С. 32-90.
- Толстов С.П., Итина М.А. Могильник Тагискен // Архив ИЭА, РАН, фонд 142, опись 2, ед. хр. 63. М., 1963. С. 36
- Утубаев Ж.Р. Погребальные сооружения Баландинского оазиса // Известия Национальной Академии Наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных Наук. 2013. №3. С. 28-35.
- Утубаев Ж. Р. Болелов С.Б. Новые археологические открытия в низовьях Сырдарьи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. Вып. 1 (65). Т. 4. С. 56-63.

ГЛАВА VIII

О РЕСТАВРАЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ В ЛАБОРАТОРИИ «ОСТРОВ КРЫМ»

В Казахстане одним из важных направлений археологии является изучение памятников раннего железного века. Благодаря исследованиям археологов, каждый год появляются новые удивительные находки, проливающие свет на культуру населения Великой Степи.

На данный момент существует множество предметов материального наследия сакского времени. В последние годы интенсивных исследований археологами сделаны крупные открытия, имеющие важное значение в современной науке Казахстана и не только. Среди них курганы Иссык, Шиликты, Таксай-1, Берел, Талды-2 и другие. Находки из этих памятников имели различную степень сохранности в момент их обнаружения, которая зависит от условий пребывания материала, из которого изготовлен предмет.

Становление реставрации как специализированного научного направления в стенах лаборатории «Остров Крым» связано с раскопками курганов с мерзлотой в Казахском Алтае. Именно археологическое изучение могильника Берел, начатое в суверенном Казахстане в 1998 г. совместной Казахско-французско-итальянской археологической экспедицией (казахстанский отряд Института археологии им. А. Х. Маргулана под руководством З. Самашева, французский отряд Национального центра научных исследований Франции под руководством А.-П. Франкфорта, представитель научно-исследовательского фонда Легабуе (Италия) – Е. Баринова) являются отправной точкой. За отрезок почти в 20 лет были разработаны различные методы, позволяющие сохранить предметы материальной культуры, выполненные из органики: дерева, кожи, меха, текстиля, шерсти и др.

К настоящему времени сотрудниками лаборатории в тесном сотрудничестве с археологами реализован ряд проектов, в числе которых материал, датированный древностями раннего железного века (цветная вклейка, фото 1–7):

- консервация и реставрация находок из курганов с мерзлотой (Берел);
- извлечение блоков с сопроводительным захоронением коней и его изучение в лабораторных условиях с целью дальнейшего экспонирования в музее (Берел);

- реконструкция женского костюма сарматского времени (Таксай-1);
- создание уточненной реконструкции мужского костюма из кургана «Иссык»;
- реконструкция конского снаряжения по материалам берельских курганов;
- извлечение монолитом погребения женщины из местонахождения Тасарык у с. Уржар и др.

Научный задел, полученный к настоящему времени, позволяет делиться опытом с коллегами из Казахстана, а также из стран ближнего (Россия) и дальнего (Великобритания, США) зарубежья. Так появились программы стажировки по консервации петроглифов, реставрации артефактов из органических материалов, предназначенные для реставраторов со стажем. Были созданы методические пособия, отработаны теоретические и практические занятия в лаборатории и в поле. Коллеги, прошедшие стажировку в научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым», получают сертификаты о прохождении курса.

Консервация и реставрация как способ сохранения материальных свидетельств

Во многих случаях, особенно, когда находки представлены органикой, у археологов возникают трудности извлечения предметов. Поскольку при изъятии органических предметов из привычной среды - грунта, на воздух и солнце происходит резкая смена кислотно-щелочной среды. В таких случаях важно законсервировать, сохранить предмет в том виде, в каком он дошел до наших дней, и впоследствии отреставрировать его. Реставрация крайне необходима не только для сохранения наследия, но и для его последующего изучения новыми поколениями ученых, которые будут обладать большими возможностями и большим объемом информации, а также для музеефикации и, наконец, для популяризации истории.

Консервация и реставрация базируется на принципе – «не навредить». Исходя из этого принципа, ведется вся последующая работа. Реставрационная лаборатория должна применять мультидисциплинарный подход ввиду специфики работы с разнообразными материалами. Такие науки, как археология, история, этнография необходимы для корректной идентификации предмета, его назначения, предположительного возраста. Некоторые навыки владения различными ремеслами (работа с металлом, деревообработка, шитье, тканье, резьба и пр.) обеспечивают понимание алгоритма создания предмета, порядок примененных технологических процессов, помогают объяснить наличие тех или иных дефектов и особенностей. Материаловедение, химия, физика, дают возможность определять состояние предмета – структуру его веществ, химические, физические характеристики, позволяют прогнозировать поведение различных составляющих предмета при воздействии на него. Кроме того, эти знания позволяют подобрать и разработать наиболее щадящий и эффективный способ обработки. По завершении консервационно-реставрационных работ зачастую возникает необходимость подготовить предмет к экспонированию. Здесь применяются навыки художника и экспозиционера. Таким образом, консервация и реставрация являются наукоемким и трудоемким процессом, требующим от специалистов высокой степени ответственности и внимания.

Курганы пазырыкской культуры, расположенные в горах Алтая, преподнесли науке бесценный подарок в виде изделий из органических материалов – предметов одежды,

деревянных украшений коня, ковров и прочего. Невиданная сохранность органики стала возможной благодаря подкурганной мерзлоте, ставшей своеобразной морозильной камерой. Но если в случае с курганами Укока находки буквально вытаивались из льда, то в курганах Берельской долины большая часть находок подверглась процессам гниения и разложения. Здесь в 1998–1999 гг. международной экспедицией исследовался курган № 11, где парное погребение сопровождалось захоронением 13 коней в убранстве из деревянных украшений, покрытых золотой фольгой, с седлами из войлочных подушек и масками с роскошными деревянными рогами [Самашев, 2011]. Поскольку внутри кургана вследствие деятельности грабителей микроклимат был сильно нарушен, то вместо ожидаемой мерзлоты археологи обнаруживают оттаявшие останки лошадей.

Обилие плохо сохранившихся артефактов из органических материалов не позволяло провести реставрацию в поле. Было решено разрезать конгломерат из останков лошадей на части и в таком виде доставить с помощью рефрижератора в Алматы, в лабораторию К. Алтынбекова.

Необходимость работы с деградированными археологическими материалами

Крайне плохое состояние находок из текстиля, войлока, дерева, кожи вызвали необходимость работы с этими материалами. Для сохранения деревянных артефактов их смачивали водой, упаковывали и укладывали в рефрижератор. Наибольшая сложность состояла в том, что структура материалов изменилась вследствие длительного нахождения во влажной почве. Древесина многочисленных конских украшений, атрибутов, колоды и сруб утратила первоначальную прочность, ее физико-механические параметры значительно ухудшились. Нахождение во влажной почве привело к водонасыщенности древесины, влага проникла глубоко в структуру дерева по всему объему. Известно, что при высыхании происходит усадка древесины, вызывающая деформации, трещинообразование, раскалывание, что может привести к разрушению предмета. Археологические находки из дерева, пролежавшие более двух тысячелетий под землей, после изъятия из привычной среды начали неумолимо рассыхаться и разрушаться. Прежняя структура дерева была нарушена, и предметы, по сути, держались только за счет напитавшей их влаги.

По возвращении в Алматы остро встал вопрос о дальнейшей судьбе экспонатов из дерева и других органических материалов. Для обмена опытом состоялись поездки К. Алтынбекова к коллегам во Францию – в лаборатории Лувра и Гренобля. Однако французская технология требовала колоссальных средств для непосредственно консервации, а также значительных усилий для поддержания законсервированного экспоната в стабильном состоянии. После консервации предметы экспонировались в специализированных боксах-витринах, где поддерживались постоянная температура и влажность. Отсутствовала технология, позволяющая сохранить мокрую древесину так, чтобы она не нуждалась в последующем поддерживающем климате. Учитывая реалии нашей страны тех лет использование подобных микроклиматических боксов-витрин было сложно. Кроме того, дорогостоящее оборудование для консервации оказалось совершенно недоступно.

Разработка методов реставрации

Изучив мировой опыт консервации мокрой археологической древесины [Seborg, 1962; Зворыкин, 1975; Герасимова, Миколайчук, Колосова, 1976; Вихров, Казанский, 1983; Grosso, 1983; Parrent, 1985; Grattan, 1986; Singley, 1988; Pardfield et al., 1990; Schniewind, Arno, Eastman, 1994; Виноградова, 1999], мы взяли за основу консолиданта полиэтиленгликоли (ПЭГ) различной молекулярной массы. Но разработали новые методы их применения и уже в 2001 г. получили первый патент на состав для консервации археологических находок из деградированной древесины [Ахметкалиев, Алтынбеков, 2001]. Было проведено множество экспериментов, исследований, испытаний на небольших фрагментах древесины, не имеющей художественной и исторической ценности. Нам удалось добиться достаточно стабильного состояния дерева и его прочности. Новый метод позволил значительно сократить затраты не только на консервацию и реставрацию, но и дальнейшее хранение и экспонирование артефактов: по окончании реставрации экспонат не нуждается в специализированных витринах с регулируемой влажностью и температурой. Остается только одно требование – отсутствие резких перепадов температуры и влажности.

За прошедшие годы получено более 10 патентов по консервации археологической древесины. Совершенствуются способы пропитки, очистки, определения степени деградации – важной характеристики при выборе технологических параметров обработки древесины [Ахметкалиев, Алтынбеков, 2004; 2004а; 2010; 2012; 2013; 2014; 2014а].

Основной принцип нашего метода – совмещение процессов укрепления и сушки. Введение консервирующего состава, содержащего ПЭГ-4000, производится постепенно, пропитка ведется преимущественно кистью. Очередная порция раствора наносится на обрабатываемую поверхность только после достижения древесиной нового равновесного состояния. В качестве растворителя используется этанол, пары которого в условиях изолированного объема вытесняют часть воздуха. Уменьшение парциального давления воздуха приводит к расширению клеточных стенок и способствует сорбции пропиточного раствора. Это явление, заменяющее предварительное вакуумирование укрепляемого материала, может быть названо спиртовой декомпрессией.

Огромный опыт консервации мокрой археологической древесины позволил применить разработанную технологию на других материалах органического происхождения. Например, таким же образом выполняется консервация мокрых комплексов-конгломератов – конских седел, содержащих разнородные материалы (ткань, войлок, растительная набивка подушки, дерево, останки лошади, почва). Стабилизация проводится во влажном состоянии, пропитка путем распыления сочетается с замедленной сушкой. Такой комплекс часто оставляется без разбора его содержимого [Алтынбекова Д., 2015] (цветная вклейка фото 1).

На основании исследовательских данных по древесине выработана собственная технология консервации березовой коры, имеющая значительные отличия от общепринятой. При обсуждении вопроса консервации бересты с коллегами из Государственного Эрмитажа выяснилось, что мы используем один и тот же консервант - низкомолекулярный полиэтиленгликоль ПЭГ-400, но расходимся по растворителю, концентрации, процессу пропитки в целом. По нашей технологии: ПЭГ-400 растворен в этаноле, рабочая концентрация состав-

ляет около 40%. Избегая «стрессового» поглощения консолиданта, которое может привести к разрушению слабого материала, в лаборатории не применяют погружение в раствор, а наносят его на поверхность кистью или распылением. Новая порция раствора вводится в материал после полного впитывания предыдущей, и этот перерыв составляет не минуты и часы, а сутки и более. В результате консервации береста становится эластичной и довольно прочной, способной выдерживать воздействия по выправлению ее деформаций, возвращению первоначальной формы изделия. Приведем данные для сравнения из другого метода: растворитель – вода/вода-спирт, максимальная концентрация – 10%, пропитка – погружение. После обработки береста остается жесткой.

Помимо реставрации музейных предметов, научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым» выполняет и консервацию петроглифов, для которых разработаны также собственные методы консервации, получившие признание у нас в стране и за рубежом [Алтынбекова Э., 2017].

Руководитель научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» К. Алтынбеков имеет огромный опыт реставрации: работа в реставрационных мастерских Эрмитажа, обучение во Всесоюзном научно-исследовательском институте реставрации (ВНИИР) и многочисленные стажировки. Помогло наличие навыков работы с металлом, деревом и другими материалами, а также ювелирные работы. Впоследствии ему довелось применить и расширить свой опыт реставратора во многих уголках Советского Союза: в Эрмитаже, Царском селе (Ленинград), Севастополе (Херсонес), Ялте, Самарканде, Риге, Ташкенте и многих других.

Кроме опыта и мастерства, К. Алтынбекова отличает нестандартный подход к любому процессу консервации, реставрации и реконструкции археологических объектов, что в конечном итоге приводит к новым открытиям в этой области.

Разработка реставрационных технологий – не основная наша задача. Требуется практическая консервация и реставрация самых различных материалов, поэтому мы, в свою очередь, перенимаем опыт других реставраторов/консерваторов. Используются проверенные десятилетиями методы и составы по реставрации металла [Шемаханская, 1989]; смесь для жирования кожи из ланолина и масла [Фармаковский, 1947]; воско-канифольная мастика для закрепления обугленного дерева [Костров, 1959]; состав для удаления лишайников с камня [Агеева, Ребрикова, Кочанович, 2004] и многие другие [Карпеева, 2000; Мінжулін, 1998; Никитин, Мельникова, 1990; Синицына, 2009].

Развитие метода извлечения археологических находок блоками

Наиболее надежным способом сохранения артефактов в полевых условиях (для последующей транспортировки и хранения до консервации) является извлечение их монолитным блоком вместе с окружающим грунтом. В различной технике исполнения метод рекомендуется и используется с давних пор [Эрнст, 1928; Кирьянов, 1960; Авдусин, 1980; Шульга, 2003].

Первый опыт был применен нами в 1999 г. на кургане № 11 могильника Берел. Это помогло перенести процесс расчистки в лабораторию. Благодаря этому, раскопки кургана произведены в более короткие сроки, сохранены остатки органических материалов и

до сих пор еще из блоков мы выявляем новые находки текстильных и меховых изделий [Алтынбекова Д.К., 2015а].

Постепенно выработался свой метод изъятия артефактов блоками [Алтынбеков, 2013в; 2016]. Сохранены и воссозданы предметы и целые комплексы, спасенные и максимально изученные именно благодаря методу изъятия из раскопа блоками (цветная вклейка, фото 1–3). Он состоит из нескольких поэтапных приемов:

- первоначальной расчистке захоронения или артефактов;
- фиксации их видимой части почвой из места проведения работ, либо с использованием авторского метода «күм дорба», заключающийся в использовании небольших мешочков с песком;
- подведении под материк платформы;
- фиксации получившегося блока пленкой, тканью, поролоном, деревянным каркасом и другими доступными материалами;
- транспортировки готового блока в лабораторию (цветная вклейка, фото 3; 4).

Результатом использования метода извлечения артефактов блоками вместе с окружающей почвой, стали целое захоронение трех коней, экспонирующееся теперь в Национальном музее Астаны из берельского кургана № 4 (цветная вклейка, фото 2, б); несколько седел, щитов и других атрибутов коней из могильника Берел; колчан и горит средневекового воина; удивительный по своей тонкой работе и художественной и исторической информативности деревянный гребень сарматской жрицы из комплекса Таксай-І; захоронение женщины из кургана Тасарык возле села Уржар, консервация и реставрация которой уже завершена и практически окончена ее реконструкция; единственная в Казахстане цельная повозка, вынутая из раскопа блоком в несколько тонн. Многие блоки перед началом длительного процесса извлечения из блоков, консервации и реставрации прошли тщательное изучение в лабораторных условиях, рентгенологические и МРТ исследования, что было бы невозможно сделать в полевых условиях.

Благодаря этому методу, были выявлены фрагменты текстиля и декора в виде аппликации из кожи по подолу юбки. Они не сохранились, но оставили свои неразличимые визуально следы в области ног. Поэтому мы смогли более точно реконструировать одеяние женщины из Уржара. Все эти и многие другие находки превратились бы лишь в набор разрозненных косточек и металлических нашивок с неясным назначением и местом на костюме или атрибуте. Таким образом, метод изъятия археологических артефактов блоками обеспечивает наибольшую сохранность информативного материала, позволяет исследователям облегчить их работу, переместившись из полевых условий в лабораторные, дает возможность провести комплексные исследования, не потеряв ни одной детали, ворсинки, не сместив объекты с их места в раскопе – это все дает наиболее полную картину находки и, кроме того, позволяет сохранить максимум информации для следующих поколений ученых с превосходящими информационными и технологическими ресурсами.

Некоторые отреставрированные предметы

За многие годы работы было спасено, законсервировано и отреставрировано огромное количество артефактов, многие из которых можно увидеть в различных музеях

Казахстана. Несколько тысяч мелких и крупных деталей, десятки кинжалов, сотни стрел, множество ювелирных украшений, целые комплексы, показывающие костюм и атрибуты древних. Артефакты, попавшие из раскопок в научно-реставрационную лабораторию «Остров Крым», преображаются и возрождаются в заботливых руках реставраторов, химиков, ювелиров и попадают в музей уже в совсем ином виде, нежели были обнаружены при раскопках.

Сложно выделить наиболее значимые отреставрированные предметы, так как любой артефакт – это источник бесценной информации. Перечислим некоторые из них: большинство находок из могильника Берел, относящиеся к пазырыкской культуре – это конские наборы: украшения ремней, седла, маски, нагивники, прекрасные вышивки, найденные спустя много лет после раскопок в процессе исследований блоков в лаборатории, колода из цельного ствола дерева, сруб, одежда раннекочевнического времени, головные уборы, блок с захоронением трех лошадей, Кроме того, отреставрированы древний музыкальный смычковый инструмент, украшения, оружие, луки, седла, росписи, зеркала, посуда и многое другое из таких памятников, как Талды-2, Таксай-I, Шиликты, Аралтобе, Каракаба, облик женщины из кургана Тасарык (близ села Уржар) и многое другое.

Реконструкция костюма и атрибутов как материализация истории

Следующий шаг, который возможно предпринять после того, как археологические артефакты исследованы, изучены, отреставрированы и приведены в доступное для обзора состояние – это предметная научно-историческая реконструкция. Такая реконструкция призвана воссоздать в материале предметы древности в том виде, в каком они были во времена их бытования. Иными словами, это изготовление предмета заново, в современных материалах, но ровно той формы, размера и назначения, что и оригинал. Это своеобразный научный эксперимент, помогающий лучше понять, как именно, в какой последовательности, с использованием каких инструментов и технологий был создан тот или иной предмет. И, наконец, это самый эффективный способ «проиллюстрировать» историю, сделав ее понятной для неспециалистов, для посетителей музеев, в особенности для детей, дав им возможность наглядно увидеть и осязать предметы древности, почувствовать глубокие корни культуры.

Реконструкция костюма – это готовый и понятный для восприятия способ представить для широкого ознакомления элементы древней культуры и этнографии. Здесь большую роль играет эмоциональная составляющая впечатления от реконструкции, своего рода невербальное преподнесение истории. Сложность реконструкции заключается в необходимости владения одновременно различными знаниями и навыками: научными, практическими, прикладными. Возможно, именно поэтому реконструкции, разработанные и созданные в научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым», пользуются всеобщим признанием и вниманием, и занимают важное место в крупных музеях Казахстана. Берельские кони, принадлежавшие элите древнего общества, «Золотой человек», «Сакский воин», «сарматский воин-вождь», «сарматская жрица», тюркский штандарт – эти и многие другие предметные научно-исторические ре-

конструкции были разработаны и созданы в нашей лаборатории и стали визитными карточками истории Казахстана [Алтынбеков, 2011; 2013; 2013а; 2013б; 2014; 2015; Алтынбеков, Досаева, 2017; Бейсенов, Алтынбеков, 2011].

При разработке и создании реконструкций наша научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым» учитывает целый ряд факторов. Среди них: наличие подобных синхронных памятников; материал, форма и способ изготовления реконструируемого предмета для максимально корректного определения его назначения; природно-климатические условия обитания обладателя реконструируемого костюма и/или атрибутов, влияющие на форму, состав и количество одежды и используемого материала; мифология и мировоззрение, влияющие на порядок расположения изображений; технологии производства и окрашивания тканей, войлока и др., для наиболее корректного их воспроизведения и подбора.

В процессе научных изысканий аналогий из синхронных памятников могут изучаться как археологические находки, так и изображения на вазах, плоских поверхностях, на бляшках и прочих предметах, и, конечно письменные источники из различных регионов. Таким образом, предмет изучается комплексно, «изнутри» – он сам, и «снаружи» – похожие предметы, упоминания в летописях, изображения подобных предметов в синхронных памятниках. Стоит обратить внимание на этнографический материал той местности и региона, где найден предмет. Это связано с общей или очень схожей материальной культурой и традициями народов, проживавших в одной климатической зоне и в одних природных условиях, имеет место и преемственность культуры.

Работа над реконструкцией женского костюма из комплекса Таксай-1

В 2012 г. археологом Я.А. Лукпановой из Западно-Казахстанского центра истории и археологии, возглавляемого М.Н. Сдыковым, с целью обследования места обнаружения известного в науке ритона был предпринята экспедиция. Итогом стало обнаружение группы курганов, где в одном из них было найдено непо потревоженное женское захоронение (цветная вклейка, фото 5, 6). В научный оборот памятник введен под названием Таксай-1 [Сдыков, Лукпанова, 2013].

Работа с материалами из Западного Казахстана требовала новых подходов, поскольку в данном случае мы имели дело с предметами, побывавшими в огне. Одним из ярких экспонатов стал деревянный резной гребень с рельефным колесничным сюжетом. Все содержимое кургана подверглось обряду сожжения, поэтому большинство предметов из органики не сохранилось. Тем удивительнее было обнаружить обугленный, полуистлевший деревянный гребень. После того, как почва над гребнем была убрана, он стал активно высушаться и разрушаться на открытом воздухе. Применяв методы аварийной консервации и изъятия археологических артефактов блоками, удалось остановить дальнейшее разрушение, зафиксировать и привезти гребень с остальными находками в лабораторию «Остров Крым». Впоследствии артефакты были отреставрированы. Благодаря этому появилась возможность детально изучить колесничный сюжет гребня [Алтынбеков, Новоженев, 2014; Новоженев, Алтынбеков, 2014] (цветная вклейка, фото 6).

Проект реконструкции костюма сарматской женщины-жрицы был выполнен с воссозданием большинства атрибутов, уцелевших после ритуала сожжения захоронения.

Непотревоженность кургана дала возможность увидеть детали украшения на месте их первоначального расположения. Так как органические материалы практически не сохранились, было решено взять за основу костюмного ансамбля синхронные находки из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 [Полосьмак, Баркова, 2005]. Таким образом, жрица получила длинную юбку с надетой поверх длинной рубахой. В качестве верхней одежды использован короткий жакет, отороченный мехом и украшенный по вороту, горловине и полам нашивками с различными зооморфными сюжетами. Кроме того, воссоздано расположение нашивных блях на спине, образующих некий символ, возможно, тамгу. На такое расположение однозначно указывает их местоположение в раскопе, где они были прижаты к материке телом погребенной.

Заслуживает особого внимания женский головной убор. Впервые на территории Казахстана найден его каркас, однозначно показывающий форму и высоту. К сожалению, ни материал, ни декор головного убора не сохранились. В качестве материала выбран войлок – традиционный для головных уборов синхронных памятников Алтая [Руденко, 1960; Феномен..., 2000; Мороз, Шумакова, 2000; Полосьмак, Баркова, 2005] (цветная вклейка, фото 5, 5, 6).

Полностью воссозданы золотые украшения жрицы, некоторые ее атрибуты – зеркало в футляре, кувшины, ножи, жаровня, котелок и другие. В результате создана комплексная предметная научно-историческая реконструкция женщины-жрицы сарматского времени со всеми украшениями, помещенная в среду из различных предметов, используемых ею в жизни [Алтынбеков, 2013, 2014а; Алтынбеков, Алтынбекова Д.К., 2015] (цветная вклейка, фото 5, 7). В настоящий момент эти реконструкции привлекают внимание и интерес посетителей музеев в Астане и Уральске.

Признанная реконструкция сакского воина из кургана Иссык, так называемого «Золотого человека»

В 1969–1970 годах экспедицией отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова под руководством К.А. Акишева было открыто потревоженное захоронение представителя сакской знати в кургане могильника Иссык (Жетысу) [Акишев, 1978]. В составе экспедиции принимали участие археологи Б.Н. Нурмуханбетов, А. С. Загородний, А. К. Акишев и др. [Нурмуханбетов, Загородний, 1984].

Благодаря тому, что все сохранившиеся предметы находились на своем первоначальном месте, стало возможно представить более полную картину костюма и расположения украшений сакского воина. Первая реконструкция костюма была выполнена К. А. Акишевым совместно с реставратором В. И. Садомсковым в 1971–1973 гг. [Акишев, 1978] (цветная вклейка, фото 7, 5). Однако в последующие годы ряд новых открытий значительно расширил знания о сакской культуре, что привело к возможности и необходимости пересмотра и дополнения созданной реконструкции. «Золотой человек» стал вехой в изучении и восприятии сакской темы. Он доказал наличие сложной структуры общества, мировоззрения. Кроме того, следы ремонта на изделиях однозначно указывали на применение пышного убранства при жизни, а не только в погребальном обряде, как представлялось ранее.

Новую реконструкцию создал реставратор К. Алтынбеков в 1996 г. [Алтынбеков, 2011] (цветная вклейка, фото 7, 7). Крымом Алтынбековым был тщательно изучен имеющийся материал по кургану Иссык, а также проанализированы новые находки, сделанные после открытия рассматриваемого кургана. За основу взята реконструкция К.А. Акишева и В.И. Садомского, однако было добавлено большое количество не использованных ранее деталей и скорректировано расположение некоторых существующих на предыдущей реконструкции. Так, у новой версии сакского воина изменена форма головного убора, на передней части кулаха пластины расположены в крестообразной форме, образуя солярный знак (ранее эти пластины располагались параллельно), уточнено расположение и форма некоторых украшений головного убора (цветная вклейка, фото 7, 1–4); появились красная накидка с нашивками, сорочка, камча, пояс для оружия; уточнено скульптурное изображение на рукояти кинжала, накладки на ножнах (цветная вклейка, фото 7, 6).

Таким образом, новая реконструкция стала наиболее корректной, она признана археологами. Однако сохранились некоторые детали, о назначении которых пока не известно. Возможно, последующие археологические находки помогут окончательно завершить реконструкцию.

Выставки на основе реконструкций, созданных в научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым»

На основе реконструкций отдельных предметов и комплексов одежды и атрибутов создана выставка, показывающая культуру народов, населявших Евразийский степной пояс. На данный момент в различных сочетаниях и форматах выставка была представлена в 14 странах и в десятках городов Азии, Европы и Америки. За годы существования выставка собрала тысячи заинтересованных посетителей, сделав важный шаг на пути к популяризации истории и культуры ранних кочевников.

Каждый год в Казахстане происходят археологические раскопки. Десятки экспедиций ведут исследования в различных уголках нашей страны. Все то, что добывается ценой нечеловеческого терпения, бесконечной аккуратности, вдалеке от привычной цивилизации – все это призвано стать свидетелями древности. В современных условиях самоидентификации государств, становления независимости стало крайне важным и необходимым укрепить исторический фундамент народа в первую очередь для него самого и для всего мира. Вследствие сохранения и популяризации исторически важных находок, проявляется уважение к культуре и истории.

Консервация, реставрация, а также реконструкция археологических артефактов являются способами сохранения, изучения и, конечно, популяризации материальной и духовной культуры древности, истории племен и народов, истории миграций и завоеваний, истории развития и мировоззрения, доказательствами достижений в технике и культуре наших предков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. М.: Высшая школа, 1980. 335 с.
- Агеева Э.Н., Ребрикова Н.Л., Кочанович А.В. Опыт консервации памятников наскального искусства Сибири // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы, 2004. С. 116–121.
- Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.
- Алтынбеков К. Опыт сохранения и презентации памятников археологии // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие. Алматы, 2011. С. 401–406.
- Алтынбеков К. Возрожденная из пепла. Алматы: Остров Крым, 2013. 64 с.
- Алтынбеков К. Древние кочевники Евразии: собирательные образы номадов в исторических реконструкциях костюма // Вестник ТомГУ. История. 2013а. № 3 (23). С. 206–210.
- Алтынбеков К. Консервация и реконструкция археологических находок // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск–Томск, 2013б. Т. 2. С. 3–8.
- Алтынбеков К. Музеефикация археологического раскопа // Сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2013в. Вып. 3. С. 23–34.
- Алтынбеков К. Опыт реконструкции костюма воина сакской эпохи (по материалам памятников степей Евразии) // История оружия. Альманах № 10. Запорожье, 2014. С. 181–192.
- Алтынбеков К. Реконструкция погребения жрицы из курганного комплекса Таксай-1 // Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань, 2014а. Т. II. С. 59–63.
- Алтынбеков К. Создание собирательного образа воина вождя сакской эпохи евразийских степей // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева. Алматы, 2015. С. 39–48.
- Алтынбеков К. Извлечение археологических находок блоками: развитие метода, практические рекомендации // Актуальные проблемы археологии Евразии. Алматы, 2016. С. 576–588.
- Алтынбеков К., Алтынбекова Д.К. Погребение знатной женщины из комплекса Таксай-1: реконструкция и этнокультурные контакты // Этнические взаимодействия на Южном Урале: матер. VI всерос. научн. конф. Челябинск, 2015. С. 193–201.
- Алтынбеков К., Досаева Д. Опыт реконструкции «археологического» костюма // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 157–171.
- Алтынбеков К., Новоженев В.А. Повозки ранних кочевников в центре Евразии // Тайнство этнической истории древнейших номадов степной Евразии. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 308–341.
- Алтынбекова Д. Консервация и реставрация археологического текстиля из потревоженных алтайских курганов раннего железного века // Поволжская археология. 2015. № 3(13). С. 31–53.
- Алтынбекова Д.К. Реставрация археологической коллекции из кургана № 11: новые находки // Казахское ханство в потоке истории: сб. научн. статей, посвящ. 550-летию образования Казахского ханства. Алматы, 2015а. С. 649–658.
- Алтынбекова Э. Опыт консервации петроглифов в Казахстане // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Горно-Алтайск, 2017. С. 9–17.
- Ахметкалиев Р.Б., Алтынбеков К. Состав для консервирования и укрепления археологических находок из деградированной древесины. Патент РК № 12176. 2001.
- Ахметкалиев Р.Б., Алтынбеков К. Состав для консервирования и укрепления археологических находок из деградированной древесины. Предварительный патент РК № 16940. 2004.
- Ахметкалиев Р.Б., Алтынбеков К. Состав для консервирования и укрепления археологических находок из деградированной древесины. Предварительный патент РК. № 17071. 2004а.
- Ахметкалиев Р.Б., Алтынбеков К. Способ определения степени деградации археологической древесины. Инновационный патент РК № 24689. 2010.
- Ахметкалиев Р.Б., Алтынбеков К. Способ пропитки древесины. Инновационный патент РК № 25464. 2012.
- Ахметкалиев Р.Б., Алтынбеков К. Способ пропитки древесины. Инновационный патент РК № 26896. 2013.
- Ахметкалиев Р.Б., Алтынбеков К. Способ пропитки и очистки археологической древесины. Инновационный патент РК № 28204. 2014.

- Ахметкалиев Р.Б., Алтынбеков К. Способ пропитки деградированной древесины. Инновационный патент РК № 28691. 2014а.
- Бейсенов А.З., Алтынбеков К. Опыт создания реконструкций костюма и конского снаряжения для Карагандинского областного историко-краеведческого музея (по материалам памятников Талды 2, Тасмола, Аржан 2 и др.) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: тез. докл. Круглого стола, посвящ. 20-летию Независимости РК. Караганды, 2011. С. 36–39.
- Виноградова Л.И. Археология: реставрация мелких изделий из дерева. Реставрация музейных ценностей. Научные и практические работы. Труды ГИМ. М., 1999. С. 89–93.
- Вихров Ю.В., Казанский С.Ю. Опыт консервирования деградированной древесины // Реставрация и консервация музейных ценностей. Научн. реф. сб. М.: ГБЛ, 1983. Вып. 6. С. 17–21.
- Герасимова Н.Г., Миколайчук Е.А., Колосова М.И. Консервация мокрого археологического дерева введением в него воскоподобных веществ // Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей. Реф. сб., вып. 15. М., 1976. С. 14.
- Зворыкин Н.П. Вопросы консервации археологических деревянных конструкций на международном коллоквиуме в Людвигсбурге // Реставрация и исследование памятников культуры. М., 1975. Вып. 1. С. 227–229.
- Карпеева Е.В. Реставрация и консервация меховой и кожаной одежды // Феномен алтайских мумий. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2000. С. 278–272.
- Кириянов А.В. Реставрация археологических предметов. М.: АН СССР, 1960. 94 с.
- Костров П.И. Исследование, опыт реконструкции и консервация живописи и скульптуры Древнего Пянджикента // Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. С. 139–182.
- Мінжулін О.І. Реставрація творів з металу. Киев: Спалах, 1998. 232 с.
- Мороз М.В., Шумакова Е.В. Реставрация тканей и войлоков // Феномен алтайских мумий. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2000. С. 270–277.
- Никитин М.К., Мельникова Е.П. Химия в реставрации. Л.: Химия, 1990. 304 с.
- Новожинов В.А., Алтынбеков К. К вопросу об использовании колесниц в эпоху ранних кочевников // Восхождение к вершинам археологии: сб. матер. междунар. научн. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Алматы, 2014. С. 231–247.
- Нурмуханбетов Б., Загородний А. Путь к «Золотому воину» // Памятники истории и культуры Казахстана. Сб. подг. центральным советом ООПИК КазССР. Алма-Ата, 1984. С. 58–63.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1960. 360 с.
- Самашев З. Берел. Вегел. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.
- Сдыков М.Н., Лукпанова Я.А. Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере комплекса Таксай-1). Уральск: Полиграфсервис, 2013. 347 с.
- Синицына Н.П. Методика первичной обработки и консервации археологического текстиля и кожи в лабораторных условиях // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений. М., 2009. С. 72–79.
- Фармаковский М.В. Консервация и реставрация музейных коллекций. М., 1947. 143 с.
- Феномен алтайских мумий. Коллективная монография. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2000. 320 с.
- Шемаханская М.С. Реставрация металла. Методические рекомендации. М.: Информкультура, 1989. 117 с.
- Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть 4а. Барнаул: Алт. ун-т, 2003. 204 с.
- Эрнст Н.Л. К технике вырезки древних погребений // Труды секции археологии РАНИОН. М., 1928. Т. IV. С. 530–534.
- Grattan, D. Some observations on the conservation of waterlogged wooden shipwrecks. ACCM Bulletin, Vol. 12. № 3, 4, 1986.

- Grosso G.H. Эксперименты по использованию сахара при консервации мокрой археологической древесины. 6-th Triennial Meeting, ICOM/Ottava, Sept. 1981 // Реставрация и консервация музейных ценностей. Науч. Реф. сб. М. 1983. Вып. I. С. 15.
- Pardfield, J Winslow, W.B. Pedersen, J. Glastrub. Decomposition of polyethylene glycol (PEG) on heating // 9-th Triennial Meeting ICOM, Dresden, GDR. 26–31 August 1990. Vol. I. 239–240-pp.
- Parrent J.M. The conservation of waterlogged wood using sucrocell, Studies in Conservation. 1985. Vol. 30, № 2, 63–72-pp.
- Schniewind, Arno P., Eastman P.Y. Consolidant distribution in deteriorated wood treated with soluble resins. Journal of the American Institute for conversation. Vol. 33. № 3, 1994, 217–255-pp.
- Seborg, R.M., Inverarity R.B. Conservation of 200-Year-Old Waterlogged Boats with Polyethylene Glycol. Studies in Conservation. 1962. Vol. 4. 111–120-pp.
- Singley K. The conservation of archeological artifacts from freshwater environments Lake Michigan Marytime Museum, South Haven, Michigan. 1988.

ТҮЙІН

ҚАЗАҚСТАН САҚ ДӘУІРІНДЕ Ұжымдық монография

Ерте темір дәуірі археологиясы саласының белгілі мамандары дайындаған бұл ұжымдық монографияда қазақстан аумағында сақ дәуірінде өркендеген өлкелік мәдениеттерің сипаттамасына, жалпы сақ заманында өмір сүрген көшпелі қауымдардың әлеуметтік даму ерекшеліктеріне қатысты зерттеу материалдары, сондай-ақ, археологиялық қазбалар барысында табылып отырған бұйымдарды сақтау мен реставрациялаудың жағдайы берілген.

Сақ заманы қауымдарының әлеуметтік тұрғыдан дамуы, ондағы қоғамдық қатынастар сынды күрделі мәселелердің зерттелуі барысы мен кейбір қол жеткен нәтижелер кітаптың 1-ші тарауында (А.З.Бейсенов, М.В.Бедельбаева) тарақталады.

Кітаптың 2-ші тарауы (М.Қ.Хабдулина) Теріскей Сарыарқа аумағында өркендеген ұлыбай-тасмола археологиялық мәдениетін сипаттайды

Кең-байтақ Сарыарқа аумағының негізгі өлкелерін алып жатқан тасмола археологиялық мәдениетінің ерекшеліктеріне кітаптың 3-ші тарауында (А.З.Бейсенов) орын берілген.

Қазақ Алтайының сақ дәуірі мәдениеті кітаптың 4-ші тарауында (З.Самашев, А.С.Ермолаева, Г.С.Жұмабекова) сипатталады.

Кітаптың 5-ші тарауы (Ғ.А.Базарбаева) Жетісу аумағындағы сақ дәуірі ескерткіштерін зерттеудің барысын көрсетуге арналған.

Арал маңындағы ертесак ескерткіштері кітаптың 6-шы тарауында (Я.А.Лұқпанова) сипатталады. Кітаптың 7-ші тарауында (Ж.Р.Утубаев) Арал шығысындағы шірікрат археологиялық мәдениеті ескерткіштері баяндалады. Кітаптың соңында, 8-ші тарауда (Ә.Қ.Алтынбекова) археологиялық қазбалардан алынып отырған түрлі сипат пен сақталу деңгейіндегі бұйымдарды арнайы тазалау мен өңдеу, оларды қажетті жағдайда сақтау мен жаңғыртудың талабын, бұл мәселенің бүгінгі жағдайын, қол жеткен кейбір нәтижелерді баяндалады.

ABSTRACT

KAZAKHSTAN IN THE SAKA ERA Monography

Given monography are written by college of archaeologists of Kazakhstan, who for many years have been leading scientific research on the monuments of the Saka era (VIII-III centuries BC).

The book consists of following sections:

Preface (A.Z. Beisenov)

Chapter I. The Saka era in Kazakhstan. Studying issues of culture and society
(A.Z. Beisenov, M.V.Bedelbayeva)

Chapter II. Results of the study of Ulybai-Tasmola culture of Northern Saryarka
(M.K.Habdulina)

Chapter III. The Tasmola culture of Saryarka (A.Z. Beisenov)

Chapter IV. The Kazakh Altay in I millenium BC

(Z.Samashev, A.S.Yermolayeva, G.S.Djumabekova)

Chapter V. Saka monuments of Zhetysu (G.A.Bazarbayeva)

Chapter VI. Early Saka monuments of Priaralie (Y.A. Lukpanova)

Chapter VII. Chirik rabat culture of Eastern Priaralie (J. Kurmankulov,
J.R.Utubayev)

Chapter VIII. About restoration and reconstruction of archelogy artifacts in the “Ostrov Krym” laboratory (E.K. Altynbekova)

Authors bring major stages of research history and give characteristic of the monuments. New materials and research on various regions of Kazakhstan are given in sections of the monography.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Бейсенов А.З.</i>)	3
Глава I. Сакская эпоха Казахстана. Вопросы изучения культуры и общества (<i>Бейсенов А.З., Бедельбаева М.В.</i>)	5
Глава II. Итоги изучения улубай-тасмолинской культуры Северной Сарыарки (<i>Хабдулина М.К.</i>)	35
Глава III. Тасмолинская культура Сарыарки (<i>Бейсенов А.З.</i>)	59
Глава IV. Казахский Алтай в I тысячелетии до н.э. (<i>Самашев З., Ермолаева А.С., Джумабекова Г.С.</i>)	101
Глава V. Памятники сакского времени Жетысу (<i>Базарбаева Г.А.</i>)	157
Глава VI. Раннесакские памятники Восточного Приаралья (<i>Лукпанова Я.А.</i>)	179
Глава VII. Чирикратская культура Восточного Приаралья (<i>Курманкулов Ж., Утубаев Ж.Р.</i>)	191
Глава VIII. О реставрации и реконструкции археологических артефактов в лаборатории «Остров Крым» (<i>Алтынбекова Э.К.</i>)	211
Түйін	224
Abstract	225

Коллективная монография

КАЗАХСТАН В САКСКУЮ ЭПОХУ

Компьютерная верстка и дизайн – Ольга Кузнецова

На обложке: Костяная шпилька из погребения кургана с “усами” №3 мог. Байке-2.

Подписано в печать 14.09.2017 г. Формат 84 x 108 1/16.

Усл. печ. л. 25,62 л. Гарнитура «Times New Roman»

ISBN 978-601-7312-75-6

Отпечатано в типографии «Хикари»